

СОБРАНИЕ
РОМАНОВЪ, ПОВѢСТЕЙ и РАЗСКАЗОВЪ
П. Д. БОБОРЫКИНА

въ 12 томахъ.

ТОМЪ ВТОРОЙ.

Приложеніе къ журналу „НИВА“ на 1897 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе А. Ф. МАРКСА.
1897.

Тип. А. Ф. МАРКСА, Ср. Подъяч., № 1.

БЕЗЪ МУЖЕЙ.

(повѣсть.)

Памяти великаго мастера.

I.

Тихо. На утесѣ прокричалъ орелъ. Быстро сгущалась ночь; на небѣ заискрились звѣзды: съ моря въ воздухѣ поплыла влага, но тепло еще дышало въ лицо по всему побережью. Въ темнотѣ, подъемъ въ гору, по шоссе, изгибался полосой отъ окраины, гдѣ разсыпались голыши, вплоть до площадки; тамъ, среди кипарисовъ, сѣрѣло зданіе, все въ окнахъ. Въ немъ освѣтится то одно окно, то другое.

Дорога вела вдоль виноградниковъ. Нахло дымкомъ— гдѣ-нибудь сторожа разложили костеръ. Сверху, подъ сводомъ неба, занялись гребни скалъ, отражая вспышку зари. По срединѣ пути, въ спускѣ къ котловинѣ, купа деревьевъ наклонилась надъ перилами моста. У самаго шоссе журчали изъ желобовъ два ствола воды.

Передъ тѣмъ только что приходили сюда съ графинями двѣ дамы, наѣдѣли и вернулись наверхъ. Вода была ключевая, на вкусъ кисловатая, студѣная. За ней не лѣнились ходить и господа.

По горѣ, то здѣсь, то тамъ, въ домикахъ, изъ-за деревьевъ парка забѣгали огни. Тѣни сливались и падали слоями. Звуки шаговъ доносились звучнѣе. По небу пробѣжала звѣзда. Вдали трепетно лизнуло по облаку пламя маяка. Море покоилось пластомъ стали и беззвучно вздрагивало.

Къ ключу подходила женщина въ черномъ—цѣтъ ея платья отставала рѣзко отъ темноты ночи. Она шла тихо, но твердо, тѣло ея слегка колыхалось, а голову наклонила она впередъ и не глядѣла по сторонамъ. Отъ худобы она казалась выше средняго роста, изъ-подъ ободка косынки полосой пепла легла просѣдь волосъ. Лицо смутно расплывалось въ овалъ. Только изъ впадинъ зрачки замѣтно блестя.

Она несла бутылку. На спускѣ къ ключу она оступилась, пугливо вскрикнула, отерла ботинку о траву, нагнулась и подставила горлышко подъ струю. Назадъ пошла она сначала скорѣе, спотыкалась о щебенъ дороги, потомъ опустила голову и впала въ раздумье. Походка сейчасъ же замедлилась. Въ одномъ мѣстѣ откосъ горы выдался клиномъ. Въ виноградики, надъ тычинками лозъ, зачернѣлъ длинный мужской станъ. Винтовка торчала за спиной сторожа-татарина. Онъ чуть замѣтно двигался между грядъ.

Она вскинула вверхъ голову, увидала сторожа, отшатнулась и вскрикнула.

— Ничиво!—успокоилъ ее татаринъ, по-русски, и тихо засмѣялся горломъ.

— Ахъ!—больше вздохнула, чѣмъ воскликнула она, и прошла рукой по глазамъ.—Караульщикъ?

— Точно такъ.

Дальше она опять ускорила шагъ. Только у крутого спуска, передъ лѣсенкой, она остановилась, довольно долго глядѣла на ленту моря и сбѣжала внизъ къ домику; подъ навѣсомъ крылечка отперла она ключомъ дверь и скрылась.

II.

Но ее видѣло, когда она нацѣживала воду въ бутылку, цѣлое общество гуляющихъ: оно сидѣло по ту сторону деревьевъ, на скамѣ. Ее узнали и въ темнотѣ.

Сидѣло двое мужчинъ и три дамы. Разговоръ пошелъ шопотомъ.

Маленькая женщина въ свѣтломъ платьѣ (всѣ онѣ были безъ шляпокъ) наклонила голову и, захлебываясь, говорила:

— Это она... видите, какъ она ходитъ? Разумѣется, сумасшедшая!..

— Ну, Людмила... кто это знаетъ?—возразилъ слабымъ

голосомъ мужчина въ макферлантѣ—мужъ ея, контористъ изъ Петербурга.

— Ты ее не видалъ хорошенько.

— За табльд'отомъ она не бываетъ,—замѣтила полногрудая, низенькая дѣвушка, въ короткомъ клѣтчатомъ платьѣ. Изъ-подъ юбки бѣлѣлись чулки въ башмакахъ съ прорѣзами.

Между ними сидѣлъ мужчина съ густой бородой въ бѣломъ лѣтнемъ костюмѣ и соломенной шляпѣ.

— Ахъ, mesdames,—звонко сказалъ онъ,—просто больная... Ну, можетъ, и разстройство какое... Кто же нынче не боленъ душевно. Новые психіатры...

Онъ не докончилъ и круто повернулся къ брюнеткѣ, сидѣвшей направо отъ него, на самомъ краю скамьи.

— Такъ какъ же, mademoiselle Усманская, вы не участвуете въ нашемъ пикникѣ?—спросилъ онъ дѣвушку въ сѣромъ платьѣ.

Она сидѣла, облокотясь о спинку скамьи. Волосы ея—совсѣмъ черные—были на лбу взбиты по-модному. Отъ нея шелъ запахъ гелиотропа.

— Вы думаете, что вамъ будетъ весело?

Густой голосъ ея немного вздрагивалъ.

— И какъ еще!—крикнулъ мужчина въ бородѣ, всталъ и началъ говорить съ жестами.—Кавалькада: пять кавалеровъ, столько же дамъ. Два татарина. Одинъ изъ нихъ съ провіантомъ. Обѣдать тамъ, на Ай-Петри. Будемъ танцевать. Въ восьмомъ часу новый привалъ, и назадъ. Домой попадемъ къ ужину. Помилуйте,—обратился онъ опять къ дѣвушкѣ въ сѣромъ,—вы совсѣмъ не пользуетесь природой. Такая красота!.. Только тамъ, на высотахъ, и живешь!.. Вѣдь вы ѣздите верхомъ?

— Да.

— А до сихъ поръ я не видалъ васъ ни разу на конѣ.

— На конѣ!.. — повторила дѣвушка, и про себя разсѣялась.

— Угодно? Я распоряжусь, прикажу Мехмеду съ вечера, чтобы еще была лошадь съ дамскимъ сѣдломъ.

Дѣвушка промолчала. Толстенъкая дѣвица въ короткомъ платьѣ поглядѣла на мужчину въ бѣломъ: „зачѣмъ же вы ее упрощаете, она насъ стѣснить, она слишкомъ аристократка“.

III.

И въ самомъ дѣлѣ, она была не ихъ общества и тона. Даже сидѣла она, хотъ и оперлась о спинку скамьи,—такъ, какъ будто дожидается удобной минуты распрощаться со всѣми и уйти. Ей давно надо быть дома. Совсѣмъ ночь; а она засиживается съ незнакомыми. Мать ждетъ ее, и можетъ опять выйти сцена. Но она рада была, хотъ одинъ вечеръ, очутиться среди веселыхъ, непринужденныхъ людей. Этотъ Павелъ Павловичъ—такъ звали мужчину съ бородой—душа всего табльд'ота. Онъ начиналъ ей правиться. Кажется, онъ адвокатъ.

— Который часъ?—вдругъ спросила она, не давая отвѣта на разспросы Павла Павловича.

— Десять скоро,—отвѣтила жена конториста.

— Мнѣ пора,—твердо выговорила она и поднялась.

За ней встали и остальные. Обѣ дамы остались назади. Рядомъ съ ними мужчина въ макферланѣ.

— Торѡпитесь?—спросилъ на ходу Павелъ Павловичъ.

— Да, поздно,—отвѣтила она и вбокъ поглядѣла на него.

Онъ шелъ грудью впередъ и закинувъ голову. Глаза онъ наполовину закрылъ. Шагаль онъ легко, и лѣвая его рука двигалась съ жестомъ военнаго. Свою длинную бороду носилъ онъ книзу уже; щеки выдались отъ полноты и загара. Изъ-подъ шляпы темнѣли волосы. Но она видѣла, когда онъ снималъ шляпу, что у него начинается рѣдѣть маковка. Который ему годъ—она опредѣлить не можетъ: между тридцатью и сорока.

— Подниматься легче будетъ,—сказалъ онъ, улыбнулся и предложилъ ей руку.

У ней было чуть замѣтное колебаніе; но она протянула свою и пошла съ нимъ въ ногу.

Ея голова приходилась ему по плечо. А когда онъ увидѣлъ ее въ первый разъ, въ столовой, она показалась ему очень крупнаго роста. Онъ тогда, съ другого конца стола, замѣтилъ ея голову, большую, круглую, съ взбитыми на лбу волосами, ея сочныя губы, расширенные ноздри, скулы, смуглое лицо, широкій станъ, затянутый въ длинный корсажъ и жестковатый. Брови ея, густыя и прямыя, и родинку съ волосиками на лѣвой щекѣ онъ также замѣтилъ. Возлѣ нея сидѣла ея мать, маленькая, совсѣмъ бурая „барынька“ (онъ такъ ее назвалъ про себя),

въ морщинахъ, въ накладкѣ изъ буколы коричневаго цвѣта, съ лорнетомъ. Она была въ свѣтломъ платьѣ и кружевной косынкѣ, съ наколкой на волосахъ; всѣхъ осматривала въ лорнетъ, дѣлала гримасы ртомъ со вставными изсиня зубами. Своими ужимками она показывала, что всѣ, кто сидитъ за столомъ— „не изъ общества“.

Послѣ того онѣ только еще одинъ разъ являлись за табльд'отъ.

IV.

— Васъ какъ зовутъ?—спросилъ онъ на ходу и слегка потянулъ ея, ускоряя шагъ.

— Вы знаете.

— Имя, отчество?

— Марья Денисовна.

Ей странно было говорить съ мужчиной по-русски. Въ гостиныхъ это не дѣлается, по крайней мѣрѣ, въ началѣ разговора. А она любила русскій языкъ; ее даже огорчало то, что у ней странный выговоръ. Изъ всѣхъ мужчинъ, видѣнныхъ ею, здѣсь, въ паркѣ или въ общей столовой, этотъ Павелъ Павловичъ, кажется, самый интересный. Но онъ, навѣрно, несвободно говоритъ по-французски. Онъ тоже „не изъ общества“, хотя очень развязенъ и боекъ на слова. Что онъ адвокатъ — она почти рѣшила.

— Марья Денисовна, я вижу, вы не любите женскихъ пересудъ.

— Зачѣмъ? — спросила она и покраснѣла, замѣтивъ ошибку противъ языка: ей слѣдовало сказать: „почему“.

— Да вотъ, насчетъ этой дамы... Ну что такого тутъ страннаго, что она ни съ кѣмъ не знакомится? И сейчасъ — сумасшедшая!.. Одна барыня увѣряетъ даже, что она пьетъ.

— Что?

— Пьетъ... не знаю ужъ что: вино... то-есть напивается.

— Фи!..

Дѣвушка сдѣлала движеніе всѣмъ станомъ.

— Вотъ видите!.. Иначе и нельзя. Живутъ вмѣстѣ, сидятъ по комнатамъ, пьютъ кофе, киснуть... Вмѣсто того, чтобы цѣлый день лазить по горамъ, скакать, купаться по три раза... Вы въ которомъ часу? — вдругъ оборвалъ онъ свою рѣчь.

— Что?

— Купаетесь?

Такой простой вопрос сейчас бы возмутил ее мать. Вѣдь она дѣвушка, онъ молодой еще мужчина, не представленный имъ; ночью, идетъ съ ней подъ руку и говорить о часахъ купанья въ такомъ тонѣ, точно будто онъ ея близкій родственникъ.

Онъ опять сбоку поглядѣлъ на нее и усмѣхнулся.

— Вы очень торопитесь? Развѣ вы не можете возвращаться, какъ вамъ вздумается?

— Нѣтъ, не могу, — сухо отвѣтила она.

Павель Павловичъ понялъ, что вопросъ его былъ лишній.

„Сердится дѣвица, — подумалъ онъ. — Хочется пожить, да маменька держитъ малолѣткомъ. А, кажется, намъ годовъ-то порядочно“.

Но такъ какъ онъ всегда жалѣлъ всѣхъ русскихъ дѣвушекъ, то и тутъ мягко взглянулъ на нее и задумался.

Они шли молча минуты три. Небо уже кишѣло звѣздами.

У.

Павель Павловичъ Гущинъ считалъ себя защитникомъ и другомъ русскихъ дѣвушекъ вообще. Онъ смотрѣлъ на нихъ съ нѣжностью; немного покровительственно обращался съ тѣми, кого встрѣчалъ въ пріятельскихъ кружкахъ. Вотъ и теперь онъ почувствовалъ жалость къ этой свѣтской барышнѣ, кажется, уже порядочныхъ лѣтъ и подъ надзоромъ, должно-быть, дрянной матери, набитой чванствомъ. Знаніе жизни, связи съ женщинами, двѣ дуэли, смѣлость и благородство поступковъ въ щекотливыхъ случаяхъ, — все это давало ему, въ собственныхъ глазахъ, право глядѣть на свою новую знакомую, какъ ласковый учитель глядитъ на воспитанницъ, когда заговариваетъ съ ними въ перемѣну, а самъ боится окрика классной дамы.

— И завтра не можете на пикникъ? — спросилъ онъ шутливо, но мягко.

Онъ хотѣлъ показать ей, что понимаетъ ея невольное раздраженіе.

— Мы собираемся въ Ялту.

— Да вѣдь вы уже были тамъ?

— Проѣздомъ. Мы еще ничего не видали.

— А если бъ вы остались дома... пустили бы васъ?

Она засмѣялась.

— Вы не сердитесь. Я васъ не дразню; по мнѣ за васъ обидно.

— Къ чему?—жестковато выговорила она.

— Помилуйте! Гдѣ мы? Въ какомъ мы году? Оглянитесь вокругъ васъ. Сколько дѣвушекъ на полной свободѣ... живутъ, ѣздятъ однѣ, уѣзжаютъ за границу, рѣшаютъ свою судьбу, любятъ... Это—невозможно!

— Очень возможно!—сказала она и смолкла.

Ей не слѣдовало и этого: чтѣ бы она ни испытывала—большое мѣщанство жаловаться. Особенно мужчине его лѣтъ. Еще мальчику-офицеру, иногда, выгодно сказать двѣ-три горькихъ фразы. Воображеніе сейчасъ заиграетъ у офицера. Въ десять минутъ она поняла этого бородатого адвоката. Онъ обращался съ ней ласково и поощрительно; а она, тѣмъ временемъ, разбирала его сухо и спокойно. Съ такимъ человѣкомъ не нужно много тонкости. Надо дѣйствовать сильными минутами. Онъ считалъ ее „такъ-себѣ“, свѣтской барышней, накрахмаленной, задерганной, пугливой и совсѣмъ не жившей. Еще немножко, и онъ начнетъ говорить съ ней фамиллярно, такъ съ дѣвчонкой.

А она, когда встрѣтила его на берегу и присоединилась къ гуляющимъ, разорвала послѣднюю нитку чего-то, чтѣ ей казалось прежде чувствомъ къ матери. Она ожесточилась. И теперь одна голова ея работала: если онъ адвокатъ, у него можетъ быть порядочная практика, онъ добръ, веселаго нрава, у него — либеральныя идеи, онъ легко поймается на великодушномъ порывѣ; лѣтъ ему, пожалуй, тридцать пять, такіе мужчины всегда нѣсколько запаздываютъ жениться — тѣмъ лучше. Только не надо его допускать до фамиллярности, до тона добраго дяди, готоваго взять племянницу подъ крылышко.

VI.

— Вы здѣсь отдыхаете?—спросила она гораздо мягче.

— Да, это мои вакаціи.

— Гдѣ?

— Тамъ, гдѣ я читаю.

— Вы читаете?—спросила она съ недоумѣніемъ.

— Лекціи.

— А-а...

Это ей показалось лучше, чѣмъ адвокатура; но что это даетъ—она не знала

— Вы...

Она искала слова.

— Я профессоръ.

Онъ прибавилъ—какого права. Сказалъ и гдѣ:—въ одномъ изъ южныхъ университетовъ.

— Это близко отсюда?

Опять ей сдѣлалось непріятно, что она задаетъ дѣтскіе вопросы.

— Не далеко, — весело отвѣтилъ онъ, и вдругъ сталъ напѣвать что-то.

Это ее и разсмѣшило, и укололо. Да, онъ „не изъ общества“. Кто же это начнетъ въ разговорѣ съ свѣтской дѣвушкой напѣвать?.. Почему же послѣ того не засвистать? Она было хотѣла проучить его, но подумала: „не слѣдуетъ теперь“. Его довольное лицо, бодрая походка съ покачиваніемъ, костюмъ изъ китайскаго шелка начинали сердить ее больше, чѣмъ то, что онъ запѣлъ. Такъ и пышало отъ него свободой и тѣмъ, что онъ молодъ, видный собой, занимаетъ положеніе, природу любить, appetite у него отличный...

Почему все это у него, а не у ней! Онъ уже ей не казался ни добрымъ, ни понимающимъ. Но что жъ изъ этого? Каковъ бы онъ ни былъ, она не можетъ разбирать съ нимъ всѣ оттѣнки своего интимнаго чувства. Она должна все это припрятать. Иначе ей не уйти изъ каторги. Французское слово „baigne“ было ею произнесено въ головѣ. Думала она по-французски.

— Я хотѣла бы поѣхать верхомъ, — начала она, — но только не въ такомъ большомъ обществѣ.

— Бонтесь смѣшаться кое съ кѣмъ?

— Это неудобно, — отвѣтила она такъ значительно, что онъ перемѣнилъ тонъ.

— Вы, кажется, хорошо ѣздите? — поспѣшила спросить она.

Ей стало досадно, что по-русски она говорить безцвѣтно: не хватаетъ словъ. Просто она глупѣетъ. Будь это по-французски, она бы ему въ четверть часа показала, какъ она умѣетъ говорить и думать. На томъ языкѣ готовилъ фразы. Ими играешь, какъ шариками. А тутъ надо заново составлять фразы. И въ салонахъ ихъ никогда не произносятъ.

— Хотите, какъ-нибудь маленькую прогулку въ Алушку?

Вотъ начнутся лунныя ночи. Чудо! Особенно въ верхнемъ паркѣ.

„А что это будетъ стоять? Но если у насъ пойдетъ на ладъ, она должна согласиться“.

Мать свою Марья Денисовна называла про себя „она“.

— Когда захотите—скажите мнѣ. Ваша маман можетъ на меня положиться.

VII.

Они поднялись наверхъ. По обширной площадкѣ еще гуляли. Подъ фиговымъ деревомъ, на длинномъ диванѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ. Отъ кухни къ сѣрому зданію пробѣгали лакеи и носили самовары и посуду. У колодца слышно было какъ лошади жуютъ сѣно. Паркъ шелъ вверхъ террасами.

— Вы вѣдь наверху живете?—спросилъ Гущинъ.— Позвольте мнѣ проводить васъ. Совсѣмъ темно. Я знаю хорошо дорожки.

Руку свою она уже успѣла выдернуть. Они шли рядомъ. Въ нихъ всматривались гуляющіе.

— Павелъ Павлычъ! — раздался женскій голосъ съ дивана.

— Васъ зовутъ, — тихо выговорила дѣвушка, — я не вижу кто.

— Павелъ Павлычъ!—донеслось изъ другой группы.

— Какъ васъ любить...

Она сказала это просто. Ему понравилось.

— Все насчетъ пикника. Да я еще успѣю вернуться.

По каменной узкой лѣсенкѣ, высѣченной въ горѣ, стали они подниматься на первую террасу, гдѣ въ двухъ домикахъ свѣтились огни. Она могла бы и отблагодарить его, подняться одна; но эти проводы казались ей не лишними. Отнынѣ она не будетъ терять ни одной секунды даромъ. И все, что она задумаетъ, она выполнитъ, не взирая ни на что! Будь это еще двѣ недѣли назадъ, она не пошла бы даже гулять съ незнакомыми. Но теперь, что бы ее ни ждало дома, она ко всему готова.

Со второй террасы они вступили въ аллею, совсѣмъ темную. Подъ ногами мягко разстилалась прошлогодняя хвоя и сухіе листья орѣшника. Сквозь листву мигали звѣзды.

Справа залаяла собака, другая подхватила, и обѣ залились жидкимъ лаемъ.

— Цыц! Розка! Фиделька!—крикнуть на нихъ молодой женскій голосъ.
И въ аллеѣ забѣлѣлось.

— Здравствуйте, барышня,—звонко послышалось среди почи.
— Поля... это вы?—спросила Марья Денисовна и осталась.

— Я, барышня.
У Поля былъ пріятный гортанный голосокъ. Вблизи

Гущинъ разсмотрѣлъ, что она прикрыла голову татарской чадрой, расшитой шелками по кисей. Онъ пригвѣтилъ эту дѣвочку. Ей пошелъ шестнадцатый годъ.

И встрѣча съ Полей не смутила Марью Денисовну. Когда горничная убѣжала, Гущинъ опять подалъ руку своей дамѣ.

VIII.

Аллея перешла въ голую, неровную полянку, засаженную оливковыми деревьями. Они чуть-чуть серебрились. Отъ полянки паркъ сдѣлался гуще, пошли хвойныя деревья и крупный орѣшникъ. Дорожка сузилась. Темнота стояла синяя.

— А если онъ меня вдругъ поцѣлуетъ?—спросила про себя дѣвушка.

И не смутилась своимъ вопросомъ. Но она не чувствовала никакого волненія, даже и такого, какое дають когда статный кавалеръ беретъ за талю. Спут-
нѣжное. Ему было съ ней другими дамами и отече

душень, онъ бы на этомъ поигралъ. Но жалость къ дѣвущкѣ покрыла все остальное.

— Вотъ скоро и ваша калитка,—сказалъ онъ тихо.

Она остановилась.

— Благодарю васъ. Вамъ пора вернуться. Здѣсь два шага.

— Собаки?

— Я знаю ихъ.

— Такъ рѣшено... мы ѣдемъ въ Алуку, какъ только дождемся полнолунія? Тогда позвольте взять еще одну только даму.

— Кого же? Изъ этихъ?

— Жена моя приѣдетъ черезъ недѣлю. Она зажила въ Швальбахѣ.

— Жена ваша?..

Голосъ у ней упалъ противъ ея воли; но Гущинъ этого не замѣтилъ.

— Да... А васъ это удивляетъ? Благодарю. Самый лучший комплиментъ мнѣ.

Она поклонилась молча, руки ему не дала, и пошла къ калиткѣ.

Гущинъ побѣжалъ съ горы.

IX.

Домикъ, въ родѣ будки, раздѣленъ на двѣ комнаты. Между ними нѣтъ двери въ дощатой перегородкѣ. Одно окно выходитъ къ изгороди, другое, слѣва отъ входа,—на дворъ. Въ первомъ окнѣ только и былъ свѣтъ.

Марья Денисовна отперла ключомъ дверь изъ крошечныхъ сѣней, и вошла въ темноту.

— C'est vous? — спросили изъ-за перегородки высокой нотой.

Она ничего не отвѣтила и зажгла свѣчу. Еле можно было повернуться. Кровать и комодъ со столомъ занимали почти всю комнату. Вдоль перегородки, подъ двумя простынями, висѣли платья.

— C'est vous?—послышался вопросъ рѣзче и визгливѣе.

— C'est moi,—отвѣтила дѣвушка и стала раздѣваться.

Она знала, что мать сегодня не войдетъ къ ней; а если будетъ сцена, то завтра, передъ отправленіемъ въ Ялту. Да и то чего-нибудь „большого“—не случится. Послѣ того, что нынче было передъ обѣдомъ, мать можетъ ожидать всего.

Но *чего?* Вотъ этотъ вопросъ и всталъ передъ ней, когда она, наскоро раздѣвшись, легла и потушила свѣчу.

— Вы спите?—спросили ее по-русски.

— Я устала,—отвѣтила она и нарочно закрыла глаза.

Говорить съ матерью сдѣлалось для нея невыносимымъ, хуже чѣмъ выслушивать ея окрики и приставанья. Она кончить тѣмъ, что перестанетъ совсѣмъ говорить; будетъ только отвѣчать—односложно.

Но чѣмъ же она запугаетъ мать? А нужно. Опять нѣтъ никого въ виду. Тотъ профессоръ могъ бы спасти ее. Она бы не стала бросаться ему на шею, но сошлась бы съ нимъ скоро. Нѣсколько искреннихъ разговоровъ, и поправься она ему—отчего же бы и не конецъ? Онъ женатъ, и кажется прочно. Голосъ его звучалъ такъ мягко, когда онъ упоминалъ о женѣ. Лѣжится въ Швальбахѣ. Стало, болѣзненная. Зачѣмъ, зачѣмъ тутъ жена?..

Такія мысли уже не смущаютъ и не стыдятъ Марью Денисовну. Нѣтъ больше мочи выносить положенія двадцатичетырехлѣтней дѣвушки, нейдущей съ рукъ у матери. Есть предѣлъ: за нимъ то чувство, что вы—товаръ, невольница на торгѣ невѣстъ, переходитъ въ ожесточеніе. Все, что бы ни ожидало васъ въ замужествѣ, — *лучше* того, какъ вы живете. Мать стала давно постылымъ существомъ. Въ ея лицѣ стояла передъ дѣвушкой одна алчность расчета: выдать повыгоднѣе и жить потомъ на хлѣбахъ зятя. Тайная нищета, тщеславіе, духъ касты, всѣ виды жалкаго и смѣшного себялюбія,—вотъ что была для нея мать. Уже второй годъ пошелъ, какъ она ей ненавистна до послѣдней степени. Мать—убійца! иначе она не въ силахъ считать ее. И это преступленіе отняло у дочери средство защиты. Чѣмъ она испугаетъ ее, какой угрозой?

X.

Если бъ не то, что случилось около двухъ лѣтъ тому назадъ, она—когда ей придется совсѣмъ непомогуту—пришла бы и сказала матери:

— Еще одна ваша выходка, и я брошусь въ море. Вы знаете, что я на вѣтеръ не говорю.

Но одна утопленница уже есть. Такая угроза—ни къ чему. Сестра Лили не грозила, а просто утопилась. Черезъ недѣлю придетъ день ея памяти. Это было на водахъ,—всегда въѣды воды, сезоны!—въ августѣ. Случился генералъ въ уѣздѣ съ бригадой. Какого же еще жениха?

Мать напрягла послѣднія усилія. Лили—прозрачная, кроткая—выслушала приказъ: поправиться генералу и не разсуждать о томъ, что онъ пошлѣ, толстѣ, съ краснымъ прыщавымъ затылкомъ и грубыми шуточками. Черезъ мѣсяцъ ее объявили невѣстой. Послѣднія крохи были собраны для приданого. Задолжали во всѣхъ магазинахъ Кузнецкаго и пассажа Солодовникова; зато что за подвѣчное платье было! Лили улыбалась, съ сестрой избѣгала разговоръ, должно-быть, боялась ея, считала ее въ уговорѣ съ матерью. Въ публичномъ саду былъ большой прудъ. Лили ходила туда читать. Наканунѣ свадьбы она долго не возвращалась къ чаю; а ушла—когда всѣ еще спали.

Первая—сестра увидала письмо, незапечатанное, безъ адреса, пробѣжала его и бросилась къ матери.

Въ письмѣ стояло по-русски:

„Милая мама, я не могла побороть себя. Знаю, что огорчу васъ съ Мери; но это выше силъ моихъ. Онъ мнѣ противенъ, когда беретъ меня за руку — меня тошнитъ. А поцѣлуй его—просто мученье! Ты изратилась на мое приданое. Это меня терзаетъ; но я, ей-Богу, не могу. Страшный грѣхъ беру на себя, но Богъ проститъ. Прости и ты. И Маня пусть проститъ меня за то же. Не ищите меня. Не нужно. Меня уже нѣтъ въ живыхъ, когда вы читаете эти строки. Ключи отъ моихъ сундуковъ лежатъ на полочкѣ, подъ кроватью. Крѣпко цѣлую васъ. Христосъ съ вами.

„Лили“.

У ней у первой блеснула мысль — „Лили утопилась“. Пробѣжали къ пруду, ѣздили въ лодкѣ съ баграми, насили вытащили. Она надѣла себѣ на голову наволочку, а шею перевязала шнуркомъ и привѣсила къ нему гири: гдѣ-то нашла старую гирю отъ стѣнныхъ часовъ.

И лежала она бѣлая, точно въ саванѣ, съ укутанной головой, на травѣ, на берегу, пока пришли полицейскіе и слѣдователь.

XI.

И что же?.. Мать изъ похоронъ сдѣлала зрѣлище. На Лили надѣли подвѣчное платье, выписанное изъ Москвы. Сбѣжался весь городокъ, всѣ больные. Офицеры несли гробъ. А слѣдовало бы подвѣчное платье прибрать для старшей дочери, оставшейся въ живыхъ. Ей мать и дала

повясть, на другой день послѣ похоронъ, что женихъ долженъ остаться въ фамиліи, что это будетъ даже очень благородно и красиво.

Она только пожала плечами. Теперь бы она и за него пошла. Лили она завидовала. Та раньше догадалась. Идти на самоубійство, послѣ нея, будетъ—обезьянство. И угроза—исчезла. Скажетъ она: „я утоплюсь“, мать ей отвѣтитъ: — Вы меня этимъ не испугаете!

А смѣлости нѣтъ:—не бросаться въ воду, не вѣшаться, а просто уйти, начать другую жизнь. Вѣдь если все будетъ лучше того, что она теперь испытываетъ, чего же бояться?..

Барышня выросла въ ней и держать ее въ рабствѣ. Страшитъ мѣщанская грязь, какъ будто черезъ годъ онѣ съ матерью не нищія! Все равно ничего у нихъ не останется. Долговъ столько, что имъ своимъ трудомъ никогда не выплатить. Все равно должна же она пойти въ гувернантки, въ классныя дамы, а мать вымолить себѣ мѣсто какой-нибудь кастелянши или жилички Вдовьяго Дома. Отецъ пенсіи не оставилъ; одно время удалось ему пристроиться къ концессіи, но кончилось это почти банкротствомъ и даже судомъ. Хорошо, что въ-время умеръ. Онъ былъ бы навѣрно осужденъ. Надѣялись на карьеру брата Володи. Впереди манило флигель-адъютантство. Его убили въ Болгаріи, на Зеленыхъ-Горахъ. Будь мужчины живы, все бы какъ-нибудь иначе дышалось. Но съ - глазу - на - глазь, недѣли, мѣсяцы, годы... безконечныя зимы съ - выѣздами, походы на воды, на берегъ моря, въ модныя загородныя мѣста Москвы, Петербурга. Двумъ женихамъ было отказано: навели справки, они сами рассчитывали на приданое, прожились. Одинъ оказался что-то въ родѣ бѣглаго... Но этому уже четыре года. Въ четыре года ничего похожего на серьезное ухаживанье... Или отъ нея требовали выхода замужъ за стариковъ, за всѣмъ извѣстныхъ развратниковъ. А когда начиналъ ѣздить чаще молодой человѣкъ, не очень глупый, не очень пустой — на нее нападало гадливое чувство къ себѣ.

Надо было объявить ему про то, что у ней есть въ прошедшемъ...

XII.

Свою „chute“—она называла это всегда по-французски—вспоминала Марья Денисовна только въ такихъ случаяхъ.

А въ промежутки между видами на сватовство она впадала въ безпамятность. У ней не было вчерашняго дня. Грызть себя она уже не могла. Слишкомъ она себя жалѣла. И все, что лѣтъ семь назадъ вызывало бы въ ней укоры совѣсти, теперь стало дѣломъ самымъ простымъ и неизбѣжнымъ.

Надо лгать и скрывать. Безъ лжи не проживешь двухъ часовъ. Прежде, бывало, какъ она возмущалась, если горничная солжетъ. Начнетъ стыдить ее: „какъ тебѣ, Дуняша, не совѣстно?“ Сама расплачется отъ волненія.

А теперь?! Ей даже доставляетъ родъ удовольствія — пресѣчь ворчанье матери хорошо состроенной, вѣской ложью.

И гдѣ конецъ? Смерть матери? Она давно дошла до перебирания этого вопроса. Другого нехода нѣтъ. Что же можетъ быть гаже? А между тѣмъ, что-то ее связываетъ съ матерью, не одна кровь, а другое еще, барское, свѣтское. Она часто смѣется надъ нею, ея запоздалыми манерами, взглядами, словами; а не можетъ не сознавать, что и въ ней есть частица того же тѣста; на немъ замѣсили и ея собственный составъ. Потому-то она такъ и видитъ насквозь свою мать. Никакихъ недоумѣннй у нея быть не можетъ; ничего, чѣмъ бы она могла оправдать ее. Если это материнская любовь и забота то что же, послѣ того, злоба и несправедливость?

Завтра поѣздка въ Ялту, на два дня, готовить ей рядъ медкихъ гадостей. Она не упиралась. Но она впередъ видитъ все сдѣленіе дерганій и волненій: будутъ копеечничать — и все-таки, чтобы было все по-барски. Надо нанять коляску; а взять два мѣста, въ общемъ экипажѣ, неприлично. Сегодня приходитъ извозчикъ, съ нимъ торговались цѣлый часъ. Онъ три раза возвращался и хотѣлъ дать знать утромъ. Условиться съ нимъ надо будетъ ей, мать просыпается поздно.

Какая тоска! Тащиться по жарѣ, въ пыли шоссеиной дороги, разряженной, проскучать, видѣть мельканіе какихъ-нибудь „уродовъ“...

А можетъ-быть, именно тамъ произойдетъ встрѣча съ тѣмъ, кто все сразу пойметъ, все проститъ, обо всемъ догадается, ни о чемъ не будетъ допрашивать, полюбитъ, обезпечитъ, уѣдетъ далеко, окунетъ въ новую жизнь... Отчего же не въ Ялтѣ?

Съ этой мыслью она заснула.

XIII.

Седьмой часъ утра. Жаръ уже стоялъ надъ горой и даже изъ-подъ тѣни прогонялъ прохладу; съ побережья поднимаются, по крутымъ тропинкамъ, купальщики. Купальныя будочки свѣтятся издали продолговатыми бѣлыми пятнами. На небѣ ни одного клочка облака. Поодаль отъ мужского купанья, въ густыхъ бирюзовыхъ волнахъ пощется полная женщина въ широкой шляпкѣ, съ опущенными полями. Ей любо въ водѣ. Она то начнетъ плавать, по-женски колотить ногами по водѣ и всплывать ее съ шумомъ, то ляжетъ на спину, вытянетъ ноги и подниметъ голову, чуть-чуть разводя бѣлыми, гладкими руками. Ея плечи и шея выступаютъ съ округленнымъ блескомъ атласа изъ желтаго костюма, перехваченнаго кушакомъ. Вокругъ нея—пѣна и чешуйки золота на колыханіи зеленой и синей ряби—точно махровый вѣнецъ. По тропинкѣ поднимается мужчина въ кителѣ и закрываетъ лицо холстиннымъ зонтикомъ со стороны моря.

Въ большомъ зданіи и въ желтоватыхъ низкихъ домахъ уже идетъ жизнь. Опять забѣгала прислуга изъ кухни и обратно. У колодца два босоногихъ татарчонка чистятъ овощи. Въ сторонѣ, подъ фиговымъ деревомъ приготовлены верховыя лошади. Сверху, по аллеѣ, куда вчера Павелъ Павловичъ провожалъ Марью Денисовну, промелькнуло спѣшными шагами нѣсколько молодыхъ статныхъ татаръ, въ черныхъ барашковыхъ шапочкахъ съ золотой звѣздой на тулѣ, въ нанковыхъ курткахъ и шароварахъ. Одинъ спѣшилъ напоить лошадей, два другихъ пронесли въ корзинахъ виноградъ и груши.

Наверху, выше того мѣста, гдѣ жила съ матерью Марья Денисовна, въ каменномъ зданіи, жильцы одни за другими выбирали виноградъ, только что утромъ срѣзанный и разложенный сортами, вѣшали, накладывали въ корзиночки и расходились по дорожкамъ парка—сѣдять свою порцію до завтрака. Жаръ все прибываетъ. Только вѣтерокъ, пѣть-пѣть, да и вспыхнетъ между деревьями и остудитъ лѣжного блистающее лѣтнее утро.

XIV.

Въ семь часовъ, широкій въ плечахъ, малаго роста, на кривыхъ ногахъ, извозчикъ, въ полурусскомъ, полутатарскомъ платьѣ—шапочка на немъ была баранья, рубаха—

красная, кумачная — осторожно постучать кнутовищемъ въ окно домика, съ той стороны, гдѣ комната барышни.

Марья Денисовна проснулась въ половинѣ седьмого, ждала извозчика и почти уже кончила свой утренній туалетъ.

Она подняла завѣсъ, выставила голову и тихо сказала ему:

— Сейчасъ я выйду.

Извозчика звали Николай. Онъ выдавалъ себя за грека, а извозчики татары считали его цыганомъ. Говорилъ онъ чисто по-русски, съ лица смотрѣлъ дѣйствительно цыганомъ, но могъ быть и грекомъ. Онъ переминался съ одной кривой ноги на другую. Рукава его рубахи торчали изъ прорѣзовъ жилетки, скроенной по-татарски, узко, изъ пестраго темнаго ситца, на крючкахъ, а не на пуговицахъ. Онъ носилъ часы на серебряной длинной цѣпочкѣ: суконные шаровары выпускалъ по-великорусски, поверхъ высокихъ смазныхъ сапоговъ.

Вчера онъ затребовалъ тринадцать рублей — въ Ялту и обратно и тамъ простоялъ два дня. Мать Марьи Денисовны замахала руками и разсердилась. Вернувшись въ третій разъ, онъ спустилъ до десяти. Усманскія давали восемь, съ его кормомъ. Торговаться должна была дочь. Старая Усманская сидѣла у себя, въ чуланчикѣ, прислушиваясь къ разговору, и только вскрикивала раздраженно:

— Mais c'est un brigand!.. Mais ça n'a pas de nom!

— Что же, Николай?—спросила дѣвушка и отвела его въ сторону, настолько, чтобы не будить мать, а скорѣе, чтобы та не выѣшивалась своими возгласами.

— Кормъ вашъ?

— Но какъ же намъ... этимъ заниматься?

— Дай двѣ бумажки.

— Такъ это выйдетъ десять...

Она знала, что на всю поѣздку имъ нельзя истратить больше бѣленькой.

Николай сдвинулъ шапочку на затылокъ и хлестнулъ кнутомъ по концу сапога въ пыли.

— Не сходно!

— Какъ знаешь, — твердо сказала дѣвушка и повернула къ двери.

— Варышня!.. Стой! Стой! Такъ и быть — накинъ полтину!

Четвертакъ она накинута. Условились—быть Николаю въ девять часовъ, тройкой. Багажу возьмутъ онѣ сундукъ и два мѣшка.

XV.

По уходѣ Николая, Марья Денисовна не сейчасъ вернулась въ свою комнату—мать ея все еще спала,—а встала въ тѣнь, отъ крыши, оглядывала и вдыхала въ себя воздухъ, слегка щурилась отъ солнца.

Который уже разъ она съ завистью смотритъ на все то, что здѣсь, въ этомъ уголкѣ Крыма, дѣлается около нея. Всѣ живутъ на волѣ и какъ слѣдуетъ. Одна только она—хуже и ниже всякой продажной женщины. И такія сравненія она уже употребляетъ. Тѣ, по крайней мѣрѣ, никого не обманываютъ... А онѣ съ матерью... у нихъ вѣдь не написано на лицѣ:

„Не имѣйте съ нами никакого дѣла, если вы свободный мужчина, способный прокормить семью“.

Она смотрѣла на двухъэтажный домъ и на другой съ террасой, гдѣ помѣщался рестораникъ. Тамъ онѣ обѣдали гораздо чаще, чѣмъ внизу за общимъ столомъ. Въ просторной комнатѣ, выходящей на террасу, живетъ блондинъ съ женой. Она слышала, что онъ—ученый, магистръ, провелъ здѣсь цѣлую зиму, для здоровья жены. Оба молодые, все читаютъ и пишутъ, говорятъ много, смѣются, много и гуляютъ, иногда сильно заспорятъ. Доходило и до слезъ; но чаще цѣлуются. Ей видно. Гдѣ же ей мечтать о такой жизни?.. Рядомъ съ ними, стѣна-обѣстѣну—дама, за тридцать, худая, въ большой шляпѣ ходить, изыщно одѣта, всегда весела. Мужъ ея живетъ внизу, они вмѣстѣ обѣдаютъ, точно у нихъ, каждый разъ, свиданія, когда она его ждетъ.

На дворикъ гостиницы вышла здоровая служанка, босикомъ—такъ ходятъ на югѣ, потянулась и начала чистить ножи. Что за здоровье! И этой горничной дѣвкѣ—лучше. У ней, навѣрно, есть женихъ или другой кто. Всегда хохочетъ, возится съ собакой, съ воданосомъ, съ пова-ренкомъ, въ день избѣгаетъ верстъ двадцать, сыта, одѣта, получаетъ на чаѣ.

Вышла содержательница гостиницы—Амалія Карловна, покормила своего ослика морковью, приказала его осѣд-лать и поѣхала на немъ по хозяйству. На ней только что вымытое холстинковое платье и соломенная шляпа.

Ея сухощавое тѣло стройно сидитъ въ сѣдлѣ. Ей она завидуетъ иногда до злости. Съ мужемъ она живетъ душою въ душу. Онъ уѣхалъ за провизіей въ Алупку. Цѣлый день она на ногахъ. Все держится ея надзоромъ. Почему же ей, безприданницѣ, почти нищей, не пойти за какого-нибудь приказчика, фермера, винодѣла или садовника, и жить вотъ припѣваючи среди прекрасной природы, въ довольствѣ и даже почетѣ?..

XVI.

Она достала, черезъ окно, зонтикъ со столика и спустилась внизъ, по аллеѣ парка.

Издали она разглядѣла темную площадку, гдѣ фонтанъ, въ лаврахъ, у крыльца каменнаго дома, въ восточномъ стилѣ. Тамъ живетъ три семейства. Вопъ сбѣжалось нѣсколько татарокъ: умыться и захлебнуть воды въ кувшины. Съ красавицей Фатьмой (она уже просватана) Марья Денисовна знакома. За ними прыгаютъ ребятишки. У дѣвчонокъ развѣваются по воздуху косички волосъ, вырощенныхъ хиной. Показалось платьѣ какой-то барыни. Она подходитъ къ фонтану, вынимаетъ гроздья винограда, обмакиваетъ ихъ, по очереди, въ воду бассейна и раскладываетъ по гранитному краю. Медленно движется вчерашній мужчина, что былъ въ макферлантѣ, — сегодня онъ въ парусинномъ пальто, — ѣстъ виноградъ и выплевываетъ косточки. Ей видны движенія его рукъ и головы.

Какъ бы ей хотѣлось поѣсть винограда. И для здоровья было бы хорошо: у ней то и дѣло поднимается желчь, душитъ ее, производитъ припадки; она лежитъ пластомъ по цѣлымъ суткамъ. Но мать сказала, что это — одна трата денегъ. А своихъ у ней нѣтъ ни одного рубля въ портмонѣ.

Всѣ живутъ, какъ имъ хочется — кунаются, ѣдятъ виноградъ, пьютъ вино, ѣздятъ верхомъ, играютъ въ карты... Почему же бы съ ними не сойтись? Мать побывала два-три раза внизу и рѣшила, что это все „de petites gens“, и нѣтъ ни одного человѣка „стоящаго“, т.-е. жениха.

На одного была надежда, да и онъ женатъ. А остальное — все мужья съ жепами, дѣти, подростки, много дѣвчатъ, и даже пожилыхъ, старшій чиновникъ на пенсіи; за нимъ всѣ ухаживаютъ; былъ еще докторъ, любимецъ всѣхъ дамъ; но онъ три дня какъ уѣхалъ въ Одессу.

Остался одинъ какой-то испитой штатскій. Нельзя даже приблизительно сказать, кто онъ.

А мать рассчитывала на большой выборъ. Этотъ „курортъ“ сдѣлался вдругъ ненужнымъ. Потянулась глупая жизнь безъ всякой цѣли. И купаться мать не позволяетъ иначе, какъ ночью. Отдѣльных часовъ нѣтъ, а она находитъ, что и въ костюмѣ неприлично.

— Et Trouville? Et Biarritz?—возражала ей дочь.

— Trouville est Trouville! Et ça—c'est un trou.

И надо было вставать очень рано и бѣгать купаться тайкомъ. Сегодня она не успѣла, и по всему тѣлу ея разливалась неприятная первая истома.

XVII.

Въ девять часовъ Ольга Евграфовна—мать Марьи Денисовны—еще не была готова. Коляска, тройкой, стояла у изгороди, и Николай похаживалъ около лошадей и поглядывалъ, скоро ли покажутся барыни. Онъ боялся, что жаръ дойдетъ его тройку, и они не попадутъ въ Ялту до полдня.

Дочь вошла къ матери всего одинъ разъ — сказать ей, что коляска нанята за восемь рублей двадцать пять копеекъ. Ольга Евграфовна поморщилась: ей и эта цѣна—дешевая по тому времени—показалась „ужасной“.

Она сидѣла на кровати и перебирала свои наколки и еще какую-то мелочь. Облысѣлая голова, безъ накладки, вдоль пробора тинулась блесоватымъ пятномъ. За уши она закинула косички. Желтое лицо все было изрыто складками дряблой кожи. Ротъ она безпрестанно собирала движеніемъ узкихъ губъ. Носъ у ней былъ совсѣмъ не такой, какъ у дочери — длиннѣе, уже, съ пережабинкой на переносицѣ. Глаза сходились—съ зеленоватыми зрачками. Безъ накладки она смотрѣла старухой. Сидя, она согнулась, собралась въ комокъ. Выбораніе наколокъ, воротничковъ и перчатокъ, чищеныхъ и новыхъ, взяло у ней больше часу. Укладываться она не умѣла. Призвали номерную горничную. Ольга Евграфовна сдѣлала на нее нѣсколько окриковъ. Дочь помогала уложиться, когда сундукъ горничная переволокла кругомъ изъ одной комнаты въ другую.

— Quelle chaleur!—повторяла Ольга Евграфовна.

Дочь молчала и только разъ сказала:

— Если вамъ нездоровится, мы можемъ отложить.

Онъ больше года, какъ говорили другъ другу „вы“, и по-французски, и по-русски.

Николай торопиль и началъ даже громко ворчать. Барыня сказала дочери изъ окна:

— Dites lui qu'il se taise.

Марья Денисовна успокоила его, и двадцать минутъ десятого онъ усѣлись, на передокъ положили два мѣшка: а Николай взвалилъ сундукъ на козла, сѣлъ на него и заболталъ погами въ воздухѣ.

Изъ парка дорога завилыла и вправо, и влѣво: спуски— одинъ другого круче; тормоза у коляски не было. Барыня вскрикивала на каждомъ поворотѣ и хваталась то за кузовъ, то за руку дочери. Марья Денисовна сидѣла молча и строго смотрѣла сверху. Солнце пекло.

XVIII.

— Алуки сичасъ! — крикнулъ Николай съ сундука и повернулся лицомъ. — Попонть!.. Садъ—хорошъ!.. Смотрѣть можно дворецъ.

Дочь глазами спросила мать: хочетъ ли она осмотрѣть дворецъ.

— Des dépenses! — пропустила та сквозь свои большіе, вставные зубы.

— Взапрѣли лошади! Попонть, — настаивалъ Николай.

Отъ слова „взапрѣли“ Ольга Евграфовна отвернулась. По губамъ дочери скользнула усмѣшка.

— Laissez le faire, — выговорила она и крикнула извозчику: — Можешь дать отдохнуть!

Николай ударилъ вожжами по дышловымъ. Фээтонъ покатиъ пологимъ спускомъ, и скоро попалъ въ аллею парка, взбивая бѣлую ѣдкую пыль. Остановились они у воротъ. Сквозь нихъ виденъ былъ весь дворъ напролетъ до вторыхъ воротъ—справа сѣрыя стѣны службъ и дворца, лѣва, поверхъ низменнаго строенія, вьющаяся зелень въ дышловыхъ цвѣтахъ.

Марья Денисовна только теперь разглядѣла красоту архитектуры. Когда онѣ ѣхали изъ Ялты, сумерки уже обволакивали все. Ей стало веселѣе отъ взгляда на дворецъ. Справа открывалась часть цвѣтника. Магноліи, рододендроны, азалии, лавровая вишня смотрѣли отовсюду. Она предложила матери пройтись по цвѣтнику и посмотреть—если пускаютъ—на комнаты. Она знала, что дворецъ стоялъ пустой. Мать отказалась идти: жарко да и

давать надо вездѣ на водку. Марья Денисовна пошла одна, встрѣтила за калиткой садовника, спросила его, какъ пройти къ дворцу, и сейчасъ же—нальво—попала къ мраморной лѣстницѣ, со львами, спускающейся къ полгорѣ надъ моремъ. Она минутъ десять любовалась на фасадъ, съ башенками, съ полукруглой впадиной верхней террасы, съ арабскими надписями, изсѣченными въ дикомъ камнѣ. Ей не вѣрилось, что это—не дальній, чужой югъ, не Италія, а Россія... Внизу море горѣло на солнцѣ, и только на самой линіи кругозора синимъ поясомъ лежало вдоль бездоннаго голубого свода. Оттуда доходилъ еле слышный шумъ. Бѣлыя, мясистыя чашки магнолій празднично стояли на стебляхъ. Въ цвѣтникѣ клумбы изгибались затѣйливо и радостно. Правѣе, нѣсколько ниже, темнѣла итальянская веранда, вся обвитая растеніями.

XIX.

Ей захотѣлось остаться тутъ, въ тѣни, подъ винограднымъ трельяжемъ, у восточнаго фонтанчика, вдѣланнаго въ стѣну. Она присѣла, закрыла глаза и забылась. На нѣсколько мгновений все отлетѣло отъ нея: то, что она сама, ея мать, постылая жизнь тамъ, въ домикѣ, ненужная поѣздка въ Ялту...

Позднѣе ея слегка раздувались. Она вдыхала воздухъ, насыщенный запахами цвѣтовъ и зелени. Родъ опьянѣнія почувствовала она, и тотчасъ же подумала: „а вѣдь это славно чѣмъ-нибудь опьянять себя... все пропадетъ!“ Тамъ, гдѣ онъ жилъ, она ни разу не испытывала такого захвата всѣхъ чувствъ среди роскоши природы.

Еще двѣ-три минуты, и она бы заплакала.

— Комнаты осмотрѣть теперь нельзя-съ. Ушелъ татинъ, который къ этому приставленъ, у него ключи... Часъ въ пять, подвечеръ,—говорилъ ей садовникъ.

Она быстро раскрыла глаза, встала, поблагодарила его и пошла вверхъ, опять по мраморной лѣстницѣ. Если у ней и были свои деньги—она бы затруднилась дать ему на водку: онъ смотрѣлъ студентомъ-агрономомъ.

По плитамъ, выложеннымъ по рисунку, подошла къ зеркальнымъ окнамъ и разглядывала внутреннее убранство столовой. Причудливо пестрѣли двѣ огромныхъ янтарныхъ вазы по обѣ стороны камина. Онъ приковывалъ ее взглядъ.

И разомъ горечь разлилась по ней; даже злость

хватила ее. Въдь есть же такіе счастливыцы: обладаютъ чертогами—и даже не живутъ въ нихъ! Тутъ, въ оставленныхъ комнатахъ, больше добра, чѣмъ у ней съ матерью было съ тѣхъ поръ, какъ она себя помнитъ. Не можетъ она ничѣмъ любоваться: все отравлено! Будь у ней хоть одна свобода—она не стала бы такъ гадко заводить. Развѣ не лучше: напиться въ прачки и придти отдыхать вотъ сюда, любоваться всѣми этими чудными видами, вдыхать благоуханіе, смотрѣть на море, на небо, на цвѣты, на мраморные чертоги?..

— *Quelle bourde!*—выговорила она вслухъ, выбрала себя „дурой“, круто повернулась на каблукъ и пошла лѣниво къ калиткѣ.

Мать ея уже сердилась.

XX.

Лошади давно напились. Николай что-то жевалъ и перебиралъ ногами. Опъ уже сидѣлъ на сундукѣ.

— *Toujours des rêvasseries!*—проговорила мать и повернулась къ дочери спиной.

„И въ самомъ дѣлѣ,—подумала дѣвушка,—однѣ только rêvasseries... Къ чему? Что есть, то и нужно брать. Можетъ-быть, въ этой самой Ялтѣ...“

Она не докончила и назвала себя „идіоткой“: горькая гримаска легла на ея губахъ, ярко-красныхъ и выпуклыхъ.

Жаръ началъ допимать и лошадей. Дорога дѣлалась все красивѣе; но глазъ дѣвушки уже привыкъ къ цвѣту горъ, къ блѣднотѣ оливковыхъ деревьевъ, къ конусамъ кипарисовъ, къ золоту утренняго моря. Въ двухъ мѣстахъ Николай придерживалъ тройку, останавливался и тыкалъ рукой внизъ.

Бѣлый остовъ дворца въ Оріандѣ, выжженной пожаромъ, легко ширился на фонѣ зелени. Красота мѣста заставила и Ольгу Евграфовну сказать:

— *C'est bien joli!*

Но дочь ея смотрѣла уже затуманенными глазами и на утѣсъ съ маякомъ, и на гущи парка съ его подъемами и спусками. Еще равнодушнѣе поглядѣла она изъ коляски на разбросанныя по холмамъ приземистыя строенія Ливадіи. Она промолчала, когда мать замѣтила, не оборачиваясь къ ней:

— *Je m'attendais à quelque chose de plus grandiose!..*

— Ялта! Смотри, барышня!—крикнулъ Николай и хлестнул правую дышловою.

Марья Денисовна привстала. Городокъ охорашивался въ своей бухтѣ, игралъ на солнцѣ нѣжными тонами дерева и камня. Вода приняла густо-смарагдовый колеръ въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ побережья, а мелкіе валы, набѣгающіе на камни, взбивали пѣну, какъ бахрому къ синей, волнующейся ткани. Въ высотѣ—худощавая церковь-башня... по спускамъ—балконы и колонки вилъ, внизу—цѣлая вереница веселыхъ домовъ, парусина купаленъ, крыши пристаней и кафѣ, а дальше—бѣлый съ чернымъ, округленный остовъ парохода.

На минутѣ доброе чувство вздрогнуло въ Марьѣ Денисовнѣ.

XXI.

И видъ города нашла она такимъ, что даже подумала:—„неужели это та самая Ялта?“

Но двѣ недѣли назадъ она ѣхала оттуда, а не туда, утомленная пароходомъ изъ Севастополя и качкой, закрывала глаза отъ пыли по городскому шоссе.

Теперь она невольно сравнивала этотъ русскій купальный городокъ съ тѣмъ мѣстечкомъ во Франціи, гдѣ онѣ провели два мѣсяца въ третьемъ году. Сестра Лили была еще жива. Мать рассчитывала на успѣшность „кампаніи“ на морѣ, въ Дьеппѣ или Трувиллѣ. Цѣны испугали ихъ. Въ Трувиллѣ, если показываться, гдѣ нужно, и жить въ хорошемъ отелѣ—приходилось тратить до семидесяти франковъ въ день.

Поѣхали онѣ искать мѣстъ подешевле. Рекомендовали имъ новое, бойкое мѣсто съ хорошимъ купаньемъ—Кабуръ. Но тамъ тоже требуютъ по пятнадцати франковъ съ лица. Потащились онѣ въ третьемъ классѣ дальше, вдоль берега, останавливались въ каждой „дырѣ“—un trou, какъ называла Ольга Евграфовна. Тянутся рыбацкія деревушки, съ громкимъ именемъ „морскихъ купаній“. Выбрали онѣ мѣстечко побойчѣе, Luc-sur-mer. Но что это была за жизнь, съ половины августа, когда погода испортилась въ концѣ!..

Ютились онѣ въ двухъ маленькихъ мансардахъ дешеваго отеля. Грязно, тѣсно, шумъ, бѣготня по лѣстницѣ, перебранка прислуги въ кухнѣ, въ столовой, за обѣдомъ Богъ знаетъ какой народъ, безцеремонность

гарсоновъ; въ заведеніи купаленъ—не добьешься каморки раздѣваться; грубая старуха притащитъ вамъ пайку съ теплой водой; простыни сырыя; выйдешь къ морю—отъ костюма дрожишь, всѣ нахально смотрятъ на тебя; на днѣ—камни, варекъ, спотыкаешься, боишься прибоя; а нанять *baigneur'a* мать не хочетъ... Никакой природы: тянутся однѣ *falésy*. И шагай по нимъ. Ни одного кустика. Ночи темныя; идутъ онѣ гуськомъ, попадаютъ въ лужи, дождь мороситъ. Глядѣть на море стало уже черезъ недѣлю тошно.

А тутъ передъ ней какая красота! Точно блески самоцвѣтныхъ камней, горы зеленѣютъ у самой воды; а вверху—дымчатыя скалы съ сахаристой игрой на гребняхъ. И стоило тогда тащиться за три тысячи верстъ, чтобы смотрѣть въ грошовомъ казино, какъ танцмейстеръ учить дѣвчонокъ, а маменьки ихъ сидятъ и вяжутъ...

XXII.

— Въ „Россію“?—спросилъ Николай и разинулъ ротъ до ушей.

Мать поглядѣла на нее и сказала:

— Nous allons nous informer.

Николаю онѣ ничего не отвѣтили. Онъ понялъ, что надо везти въ „Россію“. Обѣ дамы отряхнули пыль платками, поправили шляпки и перемѣнили свои позы, прислонились больше къ спинкѣ сидѣнья.

Фаятонъ катился уже по улицѣ. Вотъ аптека, кафѣ на водѣ... У самого шоссе продаютъ виноградъ. Пыль взбивается клубами прямо въ лицо. По весело! По тротуарамъ еще мало гуляющихъ. Попалось нѣсколько колясокъ. Поднялись по мелкому щебню на скверъ отеля. Совершенная тишина. Ни одного экипажа. На высокомъ крыльцѣ не видно прислуги.

Николай крикнулъ и слѣзъ. Вышелъ швейцаръ изъ нѣмцевъ, въ картузѣ съ галупомъ.

— Есть комнаты?—спросила дочь.

— Два номера всего осталось.

— Descendons!—довольно рѣшительно выговорила мать, и первая полѣзла изъ фаятона.

Она нашла, что швейцаръ долженъ бы поусерднѣе поддерживать ее подъ руку.

— Quel animal!—успѣла она выбраться.

Въ сѣняхъ на нихъ пахнула прохлада. Швейцаръ подвелъ ихъ къ доскѣ и указалъ на номера.

— *Princesse Tergassow*,—обрадовалась мать,—въ десятыхъ номерѣ.

И тише добавила по-французски:

— Все еще не выдала дочери... даромъ что красавица и съ талантами.

Но это не было сказано, чтобы утѣшить дочь, а злобно: глаза ея посвѣтлѣли.

Она приказала дочери подняться съ швейцаромъ и выбрать комнату, которая просторнѣе. Но прежде чѣмъ они пошли, она провела ручкой своего зонтика по доскѣ и вскричала:

— *Des marchands! Des parvenus!..* Посмотри, какіе-то Пшеницыны, Сытниковы... Вотъ кто нынче—господа!

Дочь ничего на это не замѣтила и пошла вслѣдъ за швейцаромъ. Одна компата была въ три рубля, узенькая; другая въ три окна, но ходила пять рублей. Ольга Евграфовна пожала плечами и, ничего не говоря швейцару, стала опускаться съ крыльца.

Ихъ повезли въ ту гостиницу, гдѣ онѣ ночевали, когда пріѣхали изъ Севастополя.

XXIII.

Дорогой Марья Денисовна вспомнила, что швейцаръ, проходя мимо цѣлаго ряда номеровъ, сказалъ:

— Это все купчиха Боченкова занимаетъ, изъ Москвы—со свитой.

— Со свитой?—возмутилась и она.—Купчиха!

И еще онъ ей назвалъ какого-то молодого „богача“; фамилія его—Шеломовъ—осталась у ней также въ памяти.

Изъ „Россіи“ Николай поѣхалъ неохотно, почти шагомъ. Вся утренняя жизнь Ялты металась въ глаза. Обѣ оглянувшись на фруктовые лавки, подъ навѣсомъ, со столбомъ, на самой срединѣ площадки. На столикѣ графинъ и стаканы переливали граненымъ хрусталемъ. Груши, сливы, марабеллы, виноградъ, абрикосы рѣзкими пятнами чередовались вдоль и поперекъ прилавка.

Ничего еще не попробовала Марья Денисовна съ тѣхъ поръ, какъ живетъ на южномъ берегу. Лавки дразнили ее богатствомъ выбора. Сидѣльцы съ тонкими профилями и смѣющимися подбородками выглядывали изъ-подъ навѣсовъ своими круглыми бархатными глазами. Татарскій

базаръ уходилъ въ глубь, подъ пролетныя ворота каменнаго дома. Николай предложилъ остановиться тутъ, въ гостиницѣ.

— Первый сортъ!—увѣрилъ онъ.

Но дамы не согласились. Дочь прикрикнула на него, и онъ уже безъ остановокъ провезъ ихъ еще нѣсколько домовъ и сталъ у подъѣзда отеля, гдѣ на самую улицу выползла широкая доска съ именами всѣхъ постояльцевъ, лакеевъ, поваровъ и судомоекъ. Это Ольгѣ Евграфовнѣ не понравилось; но одинъ изъ лакеевъ сказалъ ей спокойно:

— Полиція требуетъ и посейчасъ.

Ихъ провели изъ перваго этажа, по мостику, черезъ дворъ, въ заднее отдѣленіе и дали комнату на галлерейкѣ—темную, но просторную и не жаркую. Напротивъ, на галлерейкѣ же, онѣ могли сидѣть, пить чай и кушать, если желаютъ. Номеръ меньше двухъ съ полтиной не отдали.

Умывшись, дамы сошли въ садикъ, разведенный на дворѣ, съ накрытыми столами. Надъ столами спускались кисти рододендроновъ. Въ углу журчалъ фонтанчикъ. Бѣлье, приборы смотрѣли опрятно. Прислуга во фракахъ. Мать заказала яицъ всмятку и порцію кофею.

— Какъ васъ кликать?—спросила она красиваго лакея съ мелкими чертами.

— Ахметка,—отвѣтилъ онъ весело.

Онѣ разсмѣялись тому, какъ онъ самъ звалъ себя.

XXIV.

Долго ѣли и пили онѣ молча. Со вчерашней сцены у нихъ еще не было никакихъ отношеній. Мать какъ будто поняла, что отнынѣ она можетъ требовать отъ дочери только одного: — не дѣлай никакого esclandre! Выйти замужъ нужно — для обѣихъ. Въ гувернантки она не пойдетъ. Какъ ни прыгай—лучше же при матери искать жениха, чѣмъ одной, въ чужихъ людяхъ.

Марья Денисовна готова была обсудить что онѣ будутъ дѣлать здѣсь.

Разговоръ пошелъ отрывочно по-французски и очень тихо, такъ что сидѣвшій неподалеку полный офицеръ въ уланской формѣ, какъ ни напрягался—ничего разслышать не могъ.

— Надо сдѣлать визитъ Терласовымъ, — сказала мать.

— Визитъ?

— Или лучше пойти туда обѣдать... Все равно рубль. Взглядъ дочери говорилъ:

„Она считается красавицей, зачѣмъ же я буду около нея—въ тѣни?“

Мать поняла.

— Княжна... все такая же, — она прикоснулась пальцемъ ко лбу, — даромъ что съ голосомъ. Я что-то слышала... здѣсь старый графъ... тотъ, что завѣдывалъ...

— Но онъ женатъ, у него дѣти большія...

— Нынче все возможно.

Эту фразу: „tout est possible“, мать произнесла больше съ укоромъ, чѣмъ возмущившись: — „все-де возможно, но не для насъ, мы и самаго обыкновеннаго не добьемся“.

Она поглядѣла на дочь. Ее всю перекосило.

„Развѣ можно понравиться съ такимъ дерзкимъ и хмурымъ видомъ? Никакой distinction. Сидитъ точно бонна, которая собирается сказать грубость“.

Всего сильнѣе придиралась Ольга Евграфовна къ носу и рту дочери, находила ихъ до-нельзя вульгарными и даже... неприличными.

„Sensuelle! — повторяла она про себя, — sensuelle!.. Quelque chose de bestial!“

Дочь это знала.

XXV.

До обѣда время прошло томительно. Сходили купаться. Мать сидѣла на берегу, на скамейкѣ; дочь славно выкупалась. Не было, по крайней мѣрѣ, замѣчаній насчетъ костюма, неприличія—мужчинъ вблизи. Марья Денисовна сидѣла въ водѣ до тѣхъ поръ, пока дрожь не начала ее пронизывать.

Надо было согрѣться. Мать разомлѣла отъ жара. Дочь, не прося у гей позволенія, сказала:

— Я пойду въ горы, мнѣ свѣжо отъ воды.

И пошла. Мѣстности она совсѣмъ не знала, взяла по переулку и стала подниматься по крутой, каменистой тропкѣ, дошла до татарской деревни и оттуда спустилась въ лошину. Посрединѣ ея течетъ рѣчка. Воздухъ разливаетъ вокругъ влажную мглу. Ей захотѣлось заснуть. Не все ли равно гдѣ? Подъ первымъ деревомъ. Мать не закричить:

— Voilà du propre!

Она выбрала мѣстечко, гдѣ трава не была притоптана,

прислонилась спиной къ пню дубка и скоро заснула. Спала она больше часа, и когда раскрыла глаза, солнце уже заглянуло подъ вѣтви дубка. Сладко потянулась дѣвушка и еще нѣсколько минутъ сидѣла подъ деревомъ, прищуривъ глаза.

Но надо было идти. Мать, навѣрно, сердится. Полчаса уйдетъ на туалетъ къ обѣду, а тамъ потащатся въ дорожной отель, показывать себя „хорошей“ публикѣ... Та княжна Тергасова, что живетъ въ „Россіи“, тоже давно сидитъ въ невѣстахъ; Ольга Евграфовна говоритъ просто: въ „дѣвкахъ“, когда употребляетъ русскій языкъ. Мать княжны—недалекая, пухлая барыня—не иначе хочетъ ее выдать, какъ за какого-нибудь принца.

„Жаль, черногорскій князь давно женатъ“,—подумала Марья Денисовна и усмѣхнулась.

И ей представилась княжна: ея широкія плечи, талія—въ рюмочку, ростъ, восточный носъ, усики длинныя, задухивые, но ничего не выражающіе глаза; вотъ уже около десяти лѣтъ, какъ она выѣзжаетъ и поетъ въ салонахъ, успѣла утомить свой контральто; но зато сколько лѣтъ ею восхищались и пророчили ей блистательную партію. Она и сама стала смотрѣть на себя, какъ на будущую „морганатическую супругу“ владѣтельной особы.

А вотъ нейдетъ же съ рукъ у матери: что-то не слышать было объ очень выгодныхъ сватовствахъ. Но та—съ хорошими средствами. Ей и не нужно никакой другой жизни. Замужемъ она останется такой же; только принимать будетъ въ своей гостиной одна, а не при матери. Тѣ же пойдутъ балы, концерты, тѣ же ухаживатели, тѣ же восхищенія ея красотой и голосомъ; только брильянтовъ и кружевъ будетъ больше носить.

XXVI.

Дума о красивой княжнѣ раздражила ее меньше, чѣмъ бы она сама ожидала. Вѣдь ей до всего этого никакого вѣтъ дѣла. Сама-то она не можетъ дольше такъ жить! Последній срокъ—возвращеніе изъ Крыма. Что тогда выйдетъ—она еще не знаетъ; но такой предѣлъ она положила.

Назадъ Марья Денисовна шла скорѣе и вся разгорѣлась. Смуглость ея лица слилась съ густымъ румянцемъ. Мать навѣрно бы сказала ей что-нибудь фдкое насчетъ ея лица, отсутствія въ немъ изящества и благородства.

Ольга Евграфовна возмутилась этимъ подмигиваньемъ и крикнула ему:

— Пропусти!

Всѣ трое усмѣхнулись. Дочь поняла эту усмѣшку:

„Знаемъ, молъ, васъ... Копейки за душой нѣтъ, а туда же покрикиваешь, старая“.

Ей самой стало смѣшно. Самый молодой изъ троихъ татаръ сказалъ ей вслѣдъ ласково:

— Барышню бы покаталъ!

И всѣ трое тихо засмѣялись и заговорили по-своему.

XXVIII.

Въ отелѣ обѣденное время началось съ четвертаго часа, а было уже половина пятаго. То и дѣло сновали лакеи изъ столовой въ читальню, гдѣ съ утра, на трехъ столахъ, играли въ карты; никакихъ газетъ или журналовъ не было видно. Бильярдную давно уже отдали подъ номеръ — признакъ бойкаго сезона, когда поплыветъ Москва, купеческія дамы въ ожиданіи мужей — отъ Макарія.

Всѣ почти столы въ залѣ уже заняты. На террасѣ тоже обѣдаютъ. Справа, въ продолговатомъ отдѣльномъ кабинетѣ, веселое общество. Тамъ громко говорятъ, раздаются возгласы, хохотъ. Два лакея суетливо служатъ. Посрединѣ, между двумя мужчинами, совсѣмъ круглая, краснощекая блондинка, вся пестрая, съ открытой шеей, необычайной бѣлизны — миллионщица Боченкова. Налѣво отъ нея молодой человѣкъ, почти мальчикъ, брюнетъ, женоподобный, очень красивый, съ нахальными глазами. Направо офицеръ въ кавказской формѣ. Трое бородастыхъ статскихъ, въ родѣ купцовъ или помѣщиковъ, и напротивъ купчихи — пожилая дама, съ виду приживалка изъ нѣмокъ.

У нихъ на столѣ двѣ вазы съ бутылками шампанскаго. Мужчины всѣ курятъ: стали курить тотчасъ послѣ второго блюда. Трудно разобрать, о чемъ идетъ разговоръ. Всѣ шумятъ разомъ.

Обѣдающіе въ залѣ оглядываются на отдѣльный кабинетъ. Въ залѣ чинно. Столы подлиннѣе заняты цѣлыми семействами. За столиками сидятъ больше пары — мужья съ женами или матери съ дочерьми. Въ столовой прохладно и стоитъ пріятный сѣроватый свѣтъ. За прилавкомъ буфета дама съ иностраннымъ пролетомъ тихо

XXVII.

Въ отелѣ Марья Денисовна остановилась на галлерейкѣ и спросила себя въ послѣдній разъ:

„Какъ же быть?“

Ея внезапная тревога слишкомъ непріятно потрясла ее. Она сама была рада освободиться отъ нея, и подумала:

„Я могла ошибиться!“

Къ номеру подходила она своей обыкновенной походкой; только лицо горѣло пятнами.

Мать—одѣтая къ обѣду—сидѣла противъ двери, на диванчикѣ, и сейчасъ же это замѣтила.

— Qu'est-ce? — спросила она и указала пальцемъ на щеки.

— La chaleur, — отвѣтила дочь и начала поспѣшно мѣнять туалетъ.

Никакихъ объясненій между ними не произошло.

Молча спускались онѣ съ площадки второго этажа. Ольга Евграфовна искоса оглядывала туалетъ дочери. Все-то на ней торчитъ отъ ея жесткой фигуры—что ни надѣньте на нее. Никакой нѣтъ граціи, ничего даже дворянскаго. Только и есть, что красныя губы да волосы черныя. Выдашь ее!..

О гусарѣ Марья Денисовна сдѣлала надъ собой усиліе не думать. И перестала. Это ее порадовало. Значить — она можетъ пересилить свое волненіе, когда захочетъ. Вѣдь если болѣе встрѣчи съ нимъ всегда и вездѣ—нельзя никуда показываться. Да и что ей за дѣло въ сущности? Все равно, она не можетъ выносить своей теперешней жизни.

Когда онѣ подходили къ отелю „Россія“, она разсѣянно смотрѣла на попадавшіеся экипажи и всадниковъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ входа во дворъ, она подольше остановилась взглянуть на татарина въ расшитой золотомъ курткѣ съ пожилымъ, красивымъ лицомъ. Она сейчасъ подумала, что онъ, должно-быть, ѣздитъ съ барынями въ горы и теперь дожидается заказовъ у отеля. Итъ двадцать назадъ имъ навѣрно увлекались. Онъ разговаривалъ съ двумя такими же расшитыми татарами, молодыми и не такъ красивыми. Одинъ изъ нихъ подмигнулъ Усманскимъ и спросилъ:

— Лошадей прикажете?

Немного она поплутала, зашла въ какой-то тупой переулокъ и должна была вернуться на прежнюю дорогу. Въ городѣ она наобумъ взяла влѣво и вышла къ базару, по ту сторону пролетныхъ воротъ, мимо которыхъ везъ ихъ сегодня Николай по шоссе.

Запахъ жареной рыбы и чадъ еще отъ чего-то заставили ее отворачивать лицо. Ей безпрестанно попадались оборванные дѣти, татары въ ситцевыхъ курткахъ съ лотками, русскія торговки. Будь она совсѣмъ одна, ее бы это заняло на нѣкоторомъ отдаленіи.

Въ воротахъ она немного остановилась. Передъ нею мелькали гуляющіе и экипажи. По берегу движеніе усилилось.

Въ фаятонѣ съ яркимъ трипомъ проѣхалъ офицеръ въ гусарской формѣ. Онъ развалился и смотрѣлъ въ ея сторону.

Она отшатнулась, а потомъ сейчасъ сдѣлала быстро три шага и даже выглянула изъ-подъ воротъ — влѣво, куда проѣхалъ фаятонъ.

„Неужели онъ?“ — спросила она. Она начала холодѣть: а черезъ десять секундъ щеки ея запылали.

„Онъ?.. Скопинъ?.. Не можетъ быть!.. Почему?..“

На этомъ вопросѣ она споткнулась, и тихо-тихо пошла по тротуару. До отеля оставалось нѣсколько минутъ ходьбы, а она двигалась чуть не четверть часа.

Почему же этотъ гусаръ не можетъ быть Скопинымъ? Его курчавые, рыжеватые волосы, и такъ же надѣваетъ назадъ фуражку, и ноги его, и синяя, эта широкая спина, такая жирная и глупая.

Онъ!

Тогда надо бѣжать, притвориться, напустить на себя болѣзни, заставить мать вернуться сегодня же. Она не хочетъ съ нимъ встрѣчаться, даже если бъ онъ и велъ себя скромно. Но мать его узнаетъ, она способна заговорить съ нимъ, когда онъ попадется имъ на берегу, или въ саду, или въ столовой отеля.

Въ вискахъ у ней застучало. Она испугалась прилива крови и даже взялась рукой за лобъ.

Онъ? Не онъ? То ей ясно было, что непременно—онъ, то она говорила себѣ, что ей только показалось. Мало ли гусаровъ!..

XXVII.

Въ отелѣ Марья Денисовна остановилась на галлерейкѣ и спросила себя въ послѣдній разъ:

„Какъ же быть?“

Ея внезапная тревога слишкомъ неприятно потрясла ее. Она сама была рада освободиться отъ нея, и подумала:

„Я могла ошибиться!“

Къ номеру подходила она своей обыкновенной походкой; только лицо горѣло пятнами.

Мать—одѣтая къ обѣду—сидѣла противъ двери, на диванчикѣ, и сейчасъ же это замѣтила.

— Qu'est-ce? — спросила она и указала пальцемъ на щеки.

— La chaleur, — отвѣтила дочь и начала поспѣшно мѣнять туалетъ.

Никакихъ объясненій между ними не произошло.

Молча спускались онѣ съ площадки второго этажа. Ольга Евграфовна искоса оглядывала туалетъ дочери. Все-то на ней торчитъ отъ ея жесткой фигуры—что ни видѣйте на нее. Никакой нѣтъ граціи, ничего даже дворянскаго. Только и есть, что красныя губы да волосы черные. Выдашь ее!..

О гусарѣ Марья Денисовна сдѣлала надъ собой усиліе не думать. И перестала. Это ее порадовало. Значитъ—она можетъ пересилить свое волненіе, когда захочетъ. Вѣдь если бояться встрѣчи съ нимъ всегда и вездѣ—нельзя никуда показываться. Да и что ей за дѣло въ сущности? Все равно, она не можетъ выносить своей теперешней жизни.

Когда онѣ подходили къ отелю „Россія“, она разсѣянно смотрѣла на попадавшіеся экипажи и всадниковъ. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ входа во дворъ, она подольше остановилась взглянуть на татарина въ расшитой золотомъ курткѣ съ пожилымъ, красивымъ лицомъ. Она сейчасъ подумала, что онъ, должно-быть, ѣздитъ съ барынями въ горы и теперь дожидается заказовъ у отеля. Лѣтъ двадцать назадъ имъ навѣрно увлекались. Онъ разговаривалъ съ двумя такими же расшитыми татарами, молодыми и не такъ красивыми. Одинъ изъ нихъ подмигнулъ Усманскимъ и спросилъ:

— Лошадокъ прикажете?

ладать. За ихъ столомъ—милѣ. Военный тихо смѣшитъ и мать, и дочь. Четвертое мѣсто занято мальчикомъ, въ матросскомъ костюмѣ съ загорѣлой шеей; длинные волосы подстрижены у него по модѣ, на лбу. Мальчикъ пьетъ вино, и тоже участвуетъ въ разговорѣ.

Изъ отдѣльнаго кабинета лакей отворилъ дверь, и оттуда вырвался гамъ. Ольга Евграфовна даже вздрогнула.

— Кто это?—спросила она у лакея.

— Боченкова... госпожа... изъ Москвы, миллионщица...

Гримаса Ольги Евграфовны остановила объясненія лакея.

— *Quelle horreur!*—прошептала она, по еще разъ туда поглядѣла.

Поглядѣла за ней и дочь.

Ей видны были, съ ея мѣста, затылокъ и крутая золотистая коса Боченковой, и ея плечи, и профиль молодого красавчика.

„Что это за противный фатъ!—подумала она.—Изъ какихъ?.. Купецъ?“

И не могла удержаться почти отъ такой же гримасы, какъ и мать ея.

XXX.

Но то шумное, непорядочное общество пировало себѣ и знать не хотѣло претензій барынь въ родѣ ея матери, да и ея самой. Вотъ эти живутъ, а не глѣхнутъ, какъ она, въ униженной долѣ. У нихъ свои деньги, полная воля... Навѣрно, эта Боченкова—вдова, или развѣхалась съ мужемъ—это нынче силошъ и рядомъ. А „*gommeux*“—этотъ румяный мальчикъ, вѣроятно...

Марья Денисовна не произнесла про себя слова: „*son amant*“; но безъ словъ подумала.

Изъ отдѣльнаго кабинета дошла до нея струя прянаго воздуха: смѣсъ духовъ, табаку, сигарнаго дыма, вина, запаха апельсиновъ, что-то трактирное и распущенное; но молодое, тревожное и до-нельзя обидное.

Ни приволья и шума, ни даже простого довольства на своей волѣ у ней не будетъ. Передъ ней гримаса матери. Искусственные зубы Ольги Евграфовны жуютъ цыпленка, а носъ брезгливо наморщень.

Дверь съ площадки широко отворилась и вошли три дамы.

— *C'est la princesse?*—прошептала Ольга Евграфовна, бросила косточку цыпленка, торопливо утерла ротъ и собралась подняться.

6.1.2.2. *U. luteo* (L.)

Успешных
и прилежных
нужной, так
только для
трехмиллионной
одной семьи.
Дешевизна по
этому делу
своими и че-
ловеческими
силами. Но

вога при появленіи новыхъ мужскихъ фигуръ въ столовой.

Наконецъ, мать поднялась. Послѣдній взглядъ бросила Марья Денисовна на двухъ сестеръ—и еще сильнѣе пронизала ее мысль: „никогда, никогда не удастся тебѣ пожить такъ, какъ онѣ проживутъ весь свой вѣкъ“.

Швейцаръ доложилъ Ольгѣ Евграфовнѣ, что княгиня съ княжной уѣхали съ утра къ знакомымъ въ имѣнье, между Ливадіей и Ориандой, и домой надо ихъ ждать вечеромъ, поздно.

Что же было дѣлать, куда идти? Знакомыхъ никого. Дочь предложила отыскать Николая и прокатиться. Имъ говорили, что около Ялты есть водопадъ, въ лѣсу, въ красивой мѣстности. На это мать не согласилась: извозчикъ потребуетъ прибавки, а и безъ того — все втридорога. Такъ онѣ и остались въ городѣ. Пошли-было въ садъ около своего отеля; но тамъ солнце все выжгло: ни тѣни, ни зелени. Оставалось гулянье по берегу. Пыль бѣла имъ глаза—безпрестанно проѣзжали фаэтоны, кавалькады скакали по пути къ Ливадіи. Всѣ бѣгутъ отъ пыли и духоты; а онѣ, точно нарочно, пріѣхали жариться и задыхаться.

XXXII.

Не пошли онѣ и въ клубъ. Некому было ихъ ввести, да Ольга Евграфовна и не допускала „никакихъ клубовъ“. Богъ знаетъ, какое тамъ собирается общество. И Марья Денисовна не настаивала. Она согласна бы была ѣхать назадъ, хоть въ тотъ же вечеръ. Пили онѣ чай на балконѣ отеля „Россія“, сначала молча, а потомъ мать стала бранить Ялту.

— Abomination!—отрывисто выговаривала она.—Пыль, вонь! И купанье—гадость... арбузные корки плаваютъ... Personne de connaissances!..

Дочь не возражала. Ее можно бы, со стороны, принять за demoiselle de compagnie, привыкшую ко всему, что будетъ говорить барыня.

И спать имъ не хотѣлось. Въ комнатахъ къ ночи сопреется душный воздухъ. Кромѣ сидѣнья у самаго моря, ничего не придумаешь. Море издавало однообразный шумъ. Оно и днемъ порядочно пріѣлось. Ольга Евграфовна подъ прибой задремала на скамейкѣ. Марья Дени-

совна замѣтила это, встала, пошла къ самому краю, сѣла на камень, зажмурила глаза и такъ сидѣла недвижно.

Никакихъ у ней не было желаній. Какъ будто и вся ея горечь стихла. Полное равнодушіе окутывало ее. Своя жизнь казалась ей такой ничтожной, что не стоило и бороться. Ничего лучшаго не будетъ. А то, что уже было, говорило противъ нея. Кого можетъ она осчастливить? Кому она нужна? У ней не достало характера и на то, что сдѣлала слабая Лили. Долгій рядъ годовъ дѣвичьяго рабства высушилъ ее, исковеркалъ. Ни одного чистаго чувства она въ себѣ не находила. Все было перерыто и загрознено. Богатыхъ дураковъ, которые бы бросились на женитьбу зря,—нѣтъ, что-то, нигдѣ, да и неужели продать себя, все равно, что стаканъ воды выпить? А человѣкъ съ душой—отшатнется отъ нея, не оттого только, что у ней въ прошедшемъ есть „пятно“; но онъ пожелаетъ найти въ ней душу, наивность.

Ни того, ни другого въ ней нѣтъ—вышло. Красоты тоже нѣтъ, граціи—еще менѣе. Кокетничать—и того не умѣетъ. Она не глупа; да и умъ-то ея—жесткій; а когда она захочетъ быть любезна, у ней выходитъ это нескладно. Ни къ какому обществу она не подходитъ. То, что ей нѣтъ называетъ „la vraie société“—скучно, она его насквозь видитъ. Въ другое общество ее не пускаютъ, да и сама она—чуть познакомится съ лицами попроще, чувствуетъ себя не по себѣ, не знаетъ какъ съ ними говорить.

Больше часа просидѣла она такъ на камнѣ!

XXXIII.

Спать имъ было все-таки душно. Изъ кухни шелъ запахъ съѣстного до поздняго часа. Онѣ молчали, ворочались въ постеляхъ и глядѣли обѣ на свѣтлыя пятна оконъ, выплывавшія изъ темноты. Мать жалѣла денегъ и приписывала неудачу поѣздки дочери; за ней вѣдь всюду шла „la malchance“, что бы ни предпринять, куда бы ни поѣхать. Послѣ смерти Лили—Ольга Евграфовна приписала самоубійство младшей дочери припадку безумія—пошло еще хуже. Даже никто и не знакомится изъ молодыхъ людей.

Завтра будетъ двадцатью-пятью рублями меньше; хорошо если хватить доѣхать до Москвы. Придется, пожалуй, опять на пароходѣ; настанутъ бурные дни, промучаешься, хоть проѣздъ и не долгій.

А потомъ?

Дочь—думала Ольга Евграфовна—похожа на безумную. Но надо переждать и тогда, улучивъ минуту, произвести на нее давленіе. Только бы наложить руку на приличнаго жениха. Должно-быть, надо спустить уровень требованій. Если бъ представился какой-нибудь коммерсантъ, съ образованіемъ? Нынче есть такіе, что на видъ не отличишь отъ иностранца, attaché посольства. По-англійски многіе говорятъ. Ихъ вездѣ принимаютъ. Но вѣдь такой коммерсантъ или банкиръ идетъ на удочку красоты. Ума имъ не нужно; да Ольга Евграфовна и не считала свою старшую дочь умной. Дерзкой, упорной—да. И не только дерзкой; но и хитрой, испорченной. Богъ знаетъ, что таится въ ней! Будь у ней настоящій умъ, она сумѣла бы и при своей все-таки видной наружности интересоваться мужчинами, если не молодыхъ, блестящихъ, то людей средних лѣтъ—прокуроровъ, инженеровъ съ хорошими мѣстами, полковниковъ генеральнаго штаба, которые любятъ серьезные разговоры съ дѣвицами. Къ нимъ надо немного поддѣлаться. На свѣтскій разговоръ, по-французски, эти господа не очень бойки... Что жъ дѣлать! Хоть по-русски, да чтобы былъ толкъ.

А дочь, въ это время, старалась забыть, гдѣ она, съ кѣмъ спать въ одной комнатѣ, то, что нужно ей завтра опять одѣваться, идти куда-то, поджидать знакомствъ, ѣхать домой, чтобы тамъ продолжать ту же невозможную жизнь. Ужъ и то было счастіемъ, что мать боится снова выводить ее изъ себя. Это молчаніе было бы тяжело для каждой дочери, но ее оно радовало.

XXXIV.

За утреннимъ кофеемъ Ольга Евграфовна начала вслухъ разсуждать, какъ будто просила совѣта у дочери. Рѣчь шла опять о томъ: дѣлать ли первымъ визитъ княгинѣ Тергасовой.

Дочь ничего не говорила.

— Dites donc votre avis!

— Cela m'est indifférent.

Мать шопотомъ стала ставить на видъ бездушіе и злость дочери. Для кого же это все дѣлается? Кругомъ сидѣли посторонніе и завтракали. Ольга Евграфовна сдержала себя и, прекративъ бесполезный разговоръ съ дочерью, приказала позвать посыльнаго. Она ему объяснила, съ

большой обстоятельностью, у кого спросить о Тергасовыхъ, и какъ передать княгинѣ, что Ольга Евграфовна Усманская приказала кланяться и узнать, въ которомъ часу можетъ она съ Марьей Денисовной застать у себя княгиню съ княжной.

Когда посыльный ушелъ, Ольга Евграфовна успокоила себя вслухъ тѣмъ соображеніемъ, что онѣ — прїѣзжія, и имъ слѣдуетъ первымъ сдѣлать визитъ, тѣмъ болѣе, что княгиня особа „третьяго класса“, а по теперешнему увлеченію стараго графа княжной, кто знаетъ, куда онѣ съ дочерью могутъ еще проникнуть?..

И на это дочь ничего не замѣтила, а допивала только свой кофе.

Вернулся посыльный: княгиня приказали благодарить; будутъ дома весь день до обѣда и очень рады видѣть Ольгу Евграфовну съ барышней.

Но кидаться къ Тергасовымъ нельзя было сейчасъ же; слѣдовало переждать по крайней мѣрѣ часа два. Туалетъ дочери Ольга Евграфовна находила: „sans gêne, ni raison“.

Мѣнять туалета дочь не захотѣла. Жаръ стоялъ еще удушливѣе вчерашняго, а тутъ надо еще переодеваться... Другое платье требовало такого же цвѣта перчатокъ. Боязнъ расхода успокоила Ольгу Евграфовну. Но она настояла, чтобы вокругъ шеи намотана была блонда: это хоть и жарко, но очень модно. Англичанки носятъ такъ, и надо эту моду вводить.

Избѣгая сцены, Марья Денисовна обвязала шею блондой очень высоко, точно у ней болитъ горло и она прикрыла пластырь.

XXXV.

Тергасовы приняли Усманскихъ въ богатомъ номерѣ-салонѣ, съ вѣнской мебелью. На столѣ и двухъ подзеркальникахъ стояли букеты и корзины изъ цвѣтовъ. Воздухъ, полный цвѣточнаго запаха и англійскихъ духовъ, наполнялъ просторную комнату. Княгиня, съ трудомъ двигаясь отъ полноты, въ бирюзовомъ капотѣ съ кружевами, встала и пошла къ нимъ навстрѣчу. За нею неслышно и съ неподвижной головой плыла и княжна, высокая, съ низкой-низкой таліей, перетянутой золотымъ кушакомъ, въ свѣтлой тафтѣ, съ прозрачными рукавами, уже пожелтѣлая отъ утомленія десяти зимъ, но все съ

тѣми же глазами, въ формѣ миндалей, усиками, бѣлыми, кавказскимъ носомъ.

Дѣвицы пожали другъ другу руку по-англійски, очень крѣпко, сѣли на другой половинѣ гостиной и заговорили по-французски, не перебивая себя, по разъ установленной программѣ, обѣ низкими голосами, безъ малѣйшаго оживленія: у княжны рѣчь текла еще лѣнивѣе, чѣмъ у Марьи Денисовны.

— Ина,—обратилась къ ней мать по-русски,—вотъ я прошу madame Усманскую съ нами сегодня на водопадъ, въ нашей коляскѣ.

— Parfaitement, maman,—отвѣтила княжна и взялась длинными пальцами за талію.

Ольга Евграфовна сочла нужнымъ сдѣлать нѣсколько возраженій насчетъ того, какъ бы имъ не опоздать домой.

— Вы еще успѣете вернуться сегодня. Даже пріятнѣе... по холодку.

Княгиня была родомъ чистая русская, тамбовская помѣщица, дочь прочила за принца, но охотно говорила по-русски.

Протекло минутъ съ двадцать въ визитныхъ разговорахъ. Вошелъ, безъ доклада, гусарскій офицеръ, въ голубомъ съ серебромъ, полный; лицо у него было красное и простоватое. Онъ носилъ рыжеватые, длинные усы и короткіе курчавые волосы. Въ лицѣ его сквозило что-то мальчишеское по выраженію толстыхъ губъ и вздернутаго носа. Онъ вошелъ, щелкнулъ шпорами, поклонился понинѣшнему, одной головой, низко спустивъ ее на грудь, и засмѣялся.

— Проигралъ, княгиня, пари!—громко сказалъ онъ.—Завтра идетъ „Дикарка“, а не „Майорша“.

И съ этими словами онъ подошелъ къ ручкѣ княгини.

— Monsieur Скопинъ,—представила его хозяйка.

— Mais... si je ne me trompe...—отвѣтила Ольга Евграфовна,—je connais un peu monsieur.

XXXVI

Отъ лица Марьи Денисовны отхлынула вся кровь. Какъ только раздался голосъ гусара, она закрыла глаза и не открывала ихъ, пока не слышала того, что произнесла мать. Княжна не замѣтила ничего. Она перевела свой затуманенный взглядъ къ гусару.

Но вотъ гость около дѣвицы.

— Marie,—слышитъ она голосъ матери,—c'est monsieur Скопинъ.

Она быстро поглядѣла на него. Лицо гусара было все такъ же красно. Онъ сначала подалъ руку княжнѣ; теперь онъ переминался съ одной ноги на другую и продолжалъ смѣяться.

— Проигралъ, проигралъ пари!—повторилъ онъ, и въ ея сторону сказалъ: — Bonjour, mademoiselle... сколько лѣтъ!

Въ звукѣ этихъ „сколько лѣтъ“ было для нея столько нестерпимо противнаго, что она сразу покраснѣла.

Глаза ея говорили ему: „не угодно ли намъ сейчасъ же забыть о моемъ существованіи“.

Но она сознавала, что этого сдѣлать нельзя. Вѣдь ея мать громко объявила, что это ихъ знакомый. Гусаръ присѣлъ къ княжнѣ и продолжалъ разговоръ. Онъ побылъ всего десять минутъ, подошелъ къ матерямъ, осѣдомился у Ольги Евграфовны, надолго ли она въ Ялтѣ и гдѣ живетъ. Кажется, она приглашала его къ нимъ. Княгиня спросила его:

— Вы не забыли? Ровно въ шесть часовъ мы выѣзжаемъ. Вы съ Иной верхами... А ваша дочь не ѣздитъ?..

— Я отвыкла,—отвѣтила за себя Марья Денисовна.

Гусаръ щелкнулъ шпорами. Совсѣмъ въ туманѣ она подала ему руку. Княгиня на прощанье сказала имъ:

— Да отчего бы намъ не пообѣдать вмѣстѣ?..

— Мы дали слово... знакомымъ, — быстро сказала Марья Денисовна и такъ поглядѣла на мать, что та подержала.

„Дороже будетъ стоять, — подумала она,—хоть разъ въ жизни нашлась“.

Домой Марья Денисовна шла все въ томъ же туманѣ и повторяла: „я не буду, я не буду тамъ“.

Сказаться больной? Ей стало гадко играть комедію. Она рѣшила, передъ обѣдомъ, уйти одной купаться, а матери предложить отдохнуть...

Выкупавшись, она вернулась въ отель и внизу, въ ресторанѣ, написала нѣсколько строкъ матери:

„Ne m'attendez pas. On m'a proposé une autre partie. J'ai accepté. Vous me trouverez ce soir à la maison“.

До седьмого часу она просидѣла наверху, въ садикѣ какой-то незанятой виллы. Она видѣла, какъ Тергасовы

проѣхали въ коляскѣ къ ихъ отелю. Скорыми шагами спустилась она къ шоссе и пошла по дорогѣ въ Ливадію.

XXXVII.

Она шла и шла. Ноги передвигались у ней сами собой. Ливадія уже была позади. Солнце сѣло за горами. Въ горлѣ у ней пересохло: вотъ это одно и утомляло ее.

Никто не попадался. На душѣ не было жутко; она хотѣла только идти. Дорогой она обдумываетъ. Да и чего тутъ обдумывать?! Не избѣжать полнаго разрыва съ матерью. А та не дастъ денегъ на возвращеніе ни въ Москву, ни въ Петербургъ. Тѣмъ лучше!

Что бы ни произошло, она не могла оставаться въ Ялтѣ. И мать ея никогда ничего не узнаетъ!

Усталость начала замедлять шагъ. Присѣсть негдѣ. Шоссе своими изгибами обманывало и раздражало. Чу! сади поднимается экипажъ... Тутъ она въ первый разъ только спросила себя: „да неужели я пѣшкомъ до самаго дома?“ А какъ же она доѣдетъ? Гдѣ возьметъ лошадей? И денегъ у ней нѣтъ, да и ничего она не знаетъ... Все явственнѣе шумъ колесъ; слышно, какъ они раздавливаютъ мелкій щебень шоссе. Въ ухѣ такъ непріятно отъ этого звука.

Поглядѣла она назадъ. Ничего не видно. Подъемъ тутъ круче, чѣмъ пойдетъ дальше. Но вотъ головы лошадей, извозчикъ въ бѣломъ холстинномъ картузѣ и свѣтломъ армякѣ: она можетъ это разглядѣть. Тройка темно-гнѣдыхъ. Изъ-за лѣваго плеча кучера видна дамская шляпка.

Неужели это мать? Нѣтъ, Николай совсѣмъ по другому одѣтъ и ростомъ меньше. Дама не одна въ коляскѣ.

Шоссе сузилось. Надо держаться къ одной сторонѣ. Къ горѣ—неудобно, лежать кучи щебня. Къ обрыву еще хуже, пристаянная можетъ задѣть, того и гляди оступится нога и упадешь внизъ. Марья Денисовна перешла съ одной стороны на другую и стала на краю. Коляска уже поднялась на изволокъ и поѣхала рысью.

Ей показалось, что ее непременно сбросятъ внизъ. Она замахала платкомъ. Въ коляскѣ поднялась мужская фигура и что-то крикнула извозчику. Въ трехъ шагахъ отъ дѣвушки лошади стали. Стыдно ей сдѣлалось; она хотѣла крикнуть имъ:—„поѣжайте, поѣжайте!“ Но не крикнула.

Изъ экипажа выскочилъ небольшого роста молодой че-

ловѣкъ въ сѣрой пуховой шляпѣ и люстриновомъ плащѣ. Онъ подбѣжалъ къ ней.

XXXVIII.

— Вамъ что-нибудь угодно?—торопливо спросилъ онъ.

Марья Денисовна смутилась и поглядѣла на него быстро и тревожно. Она замѣтила его маленькій носъ съ ринсепезъ, черную бородку и худыя загорѣлыя щеки.

— Ничего... извините...

— Вы испугались лошадей?

— Да...

Онъ говорилъ мягко и глядѣлъ на нее добрыми глазами.

— Можеть, вамъ не хорошо?

Тонъ этого вопроса заставилъ ее подумать, что онъ докторъ.

— Я утомилась немного.

— Да вы куда же?

Она назвала мѣсто.

— Такъ вѣдь это больше пятнадцати верстъ отсюда. Вы не дойдете. Мнѣ кажется... у васъ...

Онъ немного замаялся, отбѣжалъ къ коляскѣ, переговорилъ что-то вполголоса съ дамой и съ мужчиной, сидѣвшими рядомъ на заднихъ мѣстахъ, и скоро опять вернулся.

— Мы втроемъ, ѣдемъ изъ Ялты... У насъ свободное мѣсто... Это профессоръ Сапентовъ, вы, можеть, слышали, нашъ извѣстный діагностъ... съ супругой, а я его ассистентъ... докторъ Чернавинъ. Они васъ просятъ... Мы васъ доставимъ до Алупки, а оттуда не трудно и пѣшкомъ, всего четыре версты. Дадимъ провожатаго.

Отказываться было не изъ чего. Подѣхала коляска. Ассистентъ посадилъ ее, и она должна была пожать руки профессору и его женѣ.

„Что я скажу имъ? — второпихъ подумала она и отвѣтила: — надо что-нибудь солгать; не въ первый разъ“.

Прежде всего она нѣсколько разъ поблагодарила ихъ. Она быстро сочинила цѣлую исторію. Ее не подождали, она не сообразила, что такъ далеко. Всѣ слушали ее просто и не задавали никакихъ вопросовъ. Можно было и ничего не выдумывать.

Молодой человѣкъ совсѣмъ прижался къ боку, чтобъ ей было больше мѣста; дама попросила ее протянуть ноги;

профессоръ сперва все улыбался и поглаживалъ бороду, а потомъ густымъ баскомъ выговорилъ:

— Вамъ, барышня, не дойти бы и до полуночи. И прекрасно сдѣлали, что дали намъ сигналъ платкомъ.

— Нашъ извозчикъ можетъ васъ и до дому довести...— предложила дама, и поглядѣла на мужа.

Онъ ей кивнулъ головой.

XXXIX.

Тутъ только Марья Денисовна разглядѣла ихъ. Мужъ былъ лѣтъ подь сорокъ, плотный, сутуловатый, съ русой длинной бородой. Онъ смотрѣлъ человѣкомъ, вышедшимъ изъ духовнаго званія. Такіе сѣрые большіе глаза и толстоватый къ концу носъ видала она у нестарыхъ священниковъ и дьяконовъ. Глаза умно и насмѣшливо улыбались. Сидѣлъ онъ сгорбившись, въ парусинномъ балахонѣ и стружковой шляпѣ. Голосъ у него тоже напоминалъ баса дьякона и въ манерѣ произносить слышалось что-то рѣзковатое въ звукахъ „а“ и „о“. Она никогда и нигдѣ его не встрѣчала.

Жена профессора была его лѣтъ на десять моложе. Встрѣтъ ее Марья Денисовна одну, въ большомъ городѣ, она приняла бы ее, быть-можетъ, за купчиху: по ея нестрому туалету и волосамъ льняного цвѣта. Модная шляпка сидѣла на этихъ кудельныхъ волосахъ назадъ, а не сильно впередъ, какъ бы ей слѣдовало. На шеѣ и на рукахъ было слишкомъ много золотыхъ вещей и перчатки короткія. Лицо—рыхловатое и круглое съ добрымъ носомъ пуговкой—сильно загорѣло. Узенькіе глаза смотрѣли на нее немного съ недоумѣніемъ, скорѣе ласково.

Но когда она спросила мужа насчетъ извозчика—Марью Денисовну точно что укололо.

Этотъ голосъ!.. Гдѣ, когда она его слышала? Голова ее начала быстро-быстро искать въ прошедшемъ. Это было не больше, какъ пять лѣтъ... Неужели?!

Она начала холодѣть, руки у ней затряслись. Неужели сегодня судьба нарочно ловить ее безъ всякой жалости?..

Необычайнаго усилія стоило ей подавить свое внезапное разстройство. Она изъ-подъ глубокой модной шляпки стала всматриваться въ лицо профессорши; въ сумеркахъ это можно было сдѣлать.

Да, широкое лицо, волосы какъ ленъ, съ такими же городками на лбу, ноздри, рѣзко вырѣзанныя, узенькіе

глаза... Только она пополнила и кажется уже тридцатилетней замужней женщиной.

Она! акушерка Троицкая... Несомненно! Но она ее не узнает: это видно. Имени ее она и тогда не знала... Какъ ей помнить? А вдругъ!?. Если бы эта женщина была одна, можно было бы и не записывать; но съ мужемъ, съ его ассистентомъ... Какой ужасъ!..

XL.

Запроситься вонъ изъ коляски? Они примутъ ее за сумасшедшую. Да и не станутъ пускать. Самое лучшее: притвориться ужасно утомленной, закрыть глаза и принять расслабленную позу.

Такъ она и сдѣлала.

— Вамъ не хорошо?—тихонько спросилъ ее ассистентъ.

Она ничего не отвѣтила.

— Пожалуйте на мое мѣсто, — предложилъ профессор. — Извините, я сразу не догадался.

— Разумѣется, Иванъ Ивановичъ, — подтвердила жена и поклонилась, чтобы взять Марью Денисовну за талию и пересадить.

— Нѣтъ! — почти вскрикнула дѣвушка. — Мнѣ хорошо здѣсь... воздухъ мнѣ въ лицо... Сидите, пожалуйста.

Она говорила все это не раскрывая глазъ. Испугалась она того, что жена профессора разглядитъ ее, когда нагнется къ ея лицу, и узнаетъ.

— Какъ угодно, — пробасилъ профессор и переглянулся съ ассистентомъ.

Въ его глазахъ умнаго, бездеремоннаго практиканта можно было прочесть: „Должно-быть, фруктами злоупотребляла, барышня“.

Такъ и оставалась Марья Денисовна, почти до самой Алупки. Она слушала ихъ разговоръ вполголоса. Они говорили о Ялтѣ, о Гурфузѣ, гдѣ провели два дня, о какомъ-то другѣ, котораго ожидаютъ на-дняхъ изъ Мокшвы, о томъ, что не надо больше ѣсть борщу съ томатами, и что виноградъ въ Ялтѣ хуже, чѣмъ у нихъ.

— Какъ вы себя чувствуете? — спросилъ ее ассистентъ, когда они были верстахъ въ трехъ отъ Алупки.

Она видѣла, что она не спитъ.

— Благодарю васъ, — проговорила она измѣненнымъ голосомъ.

Сердце у ней все еще билось усиленно. Каждую се-

кунду она или вспыхивала, или холодила: вотъ-вотъ жена профессора вспомнить и узнать ее. Ошибиться она не могла. Дѣвичью фамилію этой профессорши она отчетливо вспомнила. И почему же ей было не выйти за доктора? Онъ тѣмъ временемъ получилъ извѣстность. Теперь она, конечно, не практикуетъ больше. Но и теперь во всемъ тонѣ этой женщины есть что-то прямо показывающее, что она практиковала. Марья Денисовна вспомнила и то, что до своего акушерства Троицкая побывала въ кордебалетѣ, ходила экстерной въ театральную школу. Свою судьбу акушерка ей успѣла рассказать въ тѣ десять часовъ, съ десяти до восьми, которые она провела въ ея квартирѣ.

XLI.

— Мы и въ Алупкѣ!—сказалъ полушопотомъ ассистентъ.

Профессоръ ничего не замѣтилъ. Марья Денисовнѣ послышалось, что онъ, какъ будто, зѣвнулъ. Жена что-то сказала ему на ухо. Онъ промычалъ, а потомъ добавилъ:

— Понятное дѣло.

Вѣхали въ аллею и повернули въ гору.

— Вамъ пѣшкомъ нельзя,—замѣтила жена профессора и слегка дотронулась до ея колѣнъ.

Она открыла глаза. Еще нѣсколько минутъ, и они простятся. Эта женщина рѣшительно не узнала ея. Надо какъ можно меньше говорить.

— Благодарю васъ,—чуть слышно проговорила она.

„А чѣмъ я заплачу извозчику?—Я дойду пѣшкомъ“.

— Вы въ большомъ домѣ или въ этихъ маленькихъ пагончикахъ, что въ паркѣ построены?—пошутилъ профессоръ.

— Ъзда меня раздражаетъ, — заговорила погромче Марья Денисовна. — Я пройдуся пѣшкомъ, тутъ всего четыре версты.

— Какъ знаете,—сказалъ профессоръ.—Оно, можетъ, и лучше будетъ.

Жена не возражала. Ассистентъ поглядѣлъ на дѣвушку вбокъ и потомъ на профессора. И на его лицѣ было написано: „Иванъ Ивановичъ зря ничего не скажетъ“.

Коляска—мимо красивой мечети—спустилась въ проѣздъ между балаганами съ фруктами. Тутъ скучились татары-торговцы, мальчишки, парни, ожидающіеся случая получить на водку отъ господъ—поддержать лошадь или сбѣгать куда-нибудь... Деревянная гостиница въ полувосточ-

номъ вкусѣ, съ наружными галлереями, темнѣла въ глубинѣ.

— Вы здѣсь живете? — спросила Марья Денисовна. — Позвольте мнѣ сойти...

Мужъ и жена подались впередъ, и каждый протянулъ ей руку.

— Доброго здоровья, — сказалъ профессоръ, и въ его взглядѣ она прочла: — „только, милая, не вздумай ко мнѣ за консультаціей обращаться; я пріѣхалъ сюда отдыхать, а не лѣчить“.

— Право бы доѣхали, — добавила жена.

— Оставь! — чуть слышно остановилъ ее профессоръ.

— Вы найдете ли дорогу до шоссе? — заботливо и крѣтко спросилъ ассистентъ.

— О, да!.. Я здѣсь бывала.

Торопливо выскочила она изъ коляски, сдѣлала имъ общій поклонъ и взяла направо по переулку. Она болѣе всего рада была тому, что никто изъ нихъ не спросилъ ея фамиліи. Солгать, назваться другимъ именемъ или не отвѣтить на вопросъ — она не нашла бы въ себѣ достаточно мужества.

XIII.

Вотъ она на шоссе. Еще свѣтло. Полоса дороги бѣлѣется рѣзко. Въ небѣ чуть замѣтенъ узкій серіи мѣсяца. Шаги ея звонко раздаются во влажномъ воздухѣ, пропитанномъ растительными испареніями парка. Она идетъ бодро, но не бѣжитъ. Въ головѣ у ней все еще сидитъ, какъ гвоздь, чувство страха, смѣшаннаго съ радостью, что вотъ та женщина ея не узнала. Ей уже пужды иѣтъ до того, что тамъ, въ Ялтѣ, гусарь способенъ выболтать первому встрѣчному все... Да навѣрно онъ сотни разъ и разбалтывалъ мужчинамъ и женщинамъ, за которыми волочился... женщинамъ, конечно, и называлъ ее. Этотъ позоръ отошелъ въ даль. Она разучилась думать о немъ уже больше двухъ лѣтъ, — точно будто она была застрахована отъ встрѣчи съ нимъ, въ Петербургѣ или за границей. Развѣ пять лѣтъ много времени? Давно ли это было?

Мать поѣхала тогда хлопотать о какомъ-то спорномъ наслѣдствѣ. Сестру Лили еще не взяли изъ института. Она гостила у кузины — старше ея на пять лѣтъ, свѣтской московской барыни, богатой, съ дуракомъ мужемъ. О ея

легкихъ нравахъ давно ходили слухи; но мать повторяла, что это—клевета, а сплетничаютъ разныя барыни изъ „petite noblesse“. Прогостить у ней зиму, значить навѣрно выйти замужъ. Въ домѣ кузины, послѣ тисковъ матери, сразу показалось какъ въ раю. Выѣзжай, уходи, дѣлай что хочешь, держи себя какъ тебѣ вздумается. Полонъ домъ мужчинъ. Гусарь Скопинъ считался очень богатымъ—и дуракомъ. Кузина ей каждый день твердила:

— Душа моя, если хочешь прожить на волѣ и весело— жени на себѣ богатаго дурака.

Она указывала, безъ церемоній, на своего мужа, тоже отставного гусара.

Гостиная кузины дышала однимъ позывомъ: пожить на счетъ мужчины, повеселиться — и чтобы все было шито-крыто. Напало на нее озорство. Она захотѣла поскорѣе, не думая ни о чемъ, заручиться глупымъ и богатымъ женихомъ. Кузина помогла:

— Надо идти прямо, — говорила та, — и ничего не бояться. Чѣмъ дальше, мой другъ, зайдешь, тѣмъ вѣрнѣе.

И опять ссылалась на себя.

— Тебѣ уже двадцать стукнуло. Состоянія у васъ нѣтъ, и съ такой махан, какъ твоя, никто на тебѣ не женится. Надо воспользоваться этой зимой.

Все это было вѣрно: она сама чувствовала логику кузины. И въ ней самой уже накопилась горечь. Жизнь съ матерью становилась несносной. Два сватовства разстроились въ зиму передъ тѣмъ. Ее цѣлые дни пилили за глупость и безталанность.

XLIII.

Гусаръ былъ и тогда такой же глупый, болтливый, плохо воспитанный, даже съ плохимъ французскимъ языкомъ, надоедливый до-нельзя. Но кто-то пустилъ слухъ, что онъ страшно богатъ. Поэтому на лучшихъ балахъ онъ водилъ котильонъ, командовалъ смѣнно и шумно, съ ошибками противъ языка. Она тогда и не спрашивала себя: хорошъ онъ или уродъ, есть у него хоть маленькій умъ, что-нибудь похожее на душу, на правила... Въ ней замерли эти требованія. Не помнить она, чтобы было пущено особенное кокетство. Кузина говорила, что „дурачокъ Скопинъ идетъ отлично на удочку“.

Онъ и безъ того ѣздилъ каждый день. Кузина не скрывала ей—съ какими намѣреніями.

— Но я ему, душа моя, сказала: вы можете ѣздить, но ничего не добьетесь. Онъ и этимъ остался доволенъ. Но ты не обижайся, не говори, что я тебѣ уступаю свои обглодочки. Ты — дѣвушка. Тебѣ нуженъ мужъ. Будь я на твоёмъ мѣстѣ, я бы не задумалась сейчасъ же выйти за него.

И такія разсужденія не оскорбляли ее тогда.

Гусара стала настраивать кузина, шептать ему, что онъ будетъ совсѣмъ „уродъ“, если упустить такую дѣвушку. Конечно, глала ему насчетъ состоянія... Можетъ-быть, льстила самолюбію, увѣряла его, что Мари влюблена въ него „до безумія“. Онъ скоро измѣнилъ тонъ, искалъ интимныхъ разговоровъ, уводилъ ее въ залу, когда тамъ никого не было, привозилъ конфеты, букеты, началъ вести себя почти женихомъ. Но матери она ничего не писала, просила и кузину молчать. Мать его видѣла раза два-три до своего отъѣзда, по тяжбѣ, въ Саратовъ.

Не прошло и мѣсяца, какъ они цѣловались въ уголъ. Кузина нарочно оставляла ихъ вдвоемъ. Разъ, въ сумерки, онъ забѣжалъ за ней въ ея комнату. Она могла бы выгнать его, но не выгнала, думала, что все кончится лишнимъ подѣлуемъ. Теперь она не можетъ сказать, что это было. Конечно, не насиліе. Нѣсколько недѣль въ обществѣ кузины развратили ее такъ, что она сама на все шла и если не говорила себѣ: „да, я не остановлюсь ни передъ чѣмъ“, — то не хотѣла ни о чемъ думать и отдавалась теченію.

Она не испугалась и на другой день. У ней не достало, однако, духу сейчасъ же сказать ему:

— Извольте писать пашаю и просить моей руки.

Особый родъ стыда, стыда за то, что онъ глушъ и ба-наленъ, удержалъ ее отъ откровенности съ кузиной. Онъ все не говорилъ, что желаетъ писать матери. Прошло еще двѣ недѣли. И вдругъ гусаръ исчезъ, уѣхалъ въ Ма-лороссію въ четырехмѣсячный отпускъ. Кузина ни о чемъ „серьезномъ“ и не догадывалась; но все-таки стала его называть „негодяемъ“ и утѣшать ее тѣмъ, что такихъ сыщется много. Она узнала, кромѣ того, что онъ и „не думалъ“ быть богатъ.

XLIV.

Тутъ только поняла она свое положеніе. И все скрыла отъ кузины; скрывала упорно, искусно, продолжала ѣздить,

танцевать, никогда такъ не веселилась, и ни разу не задала себѣ вопроса: „Если я кому-нибудь понравлюсь— какъ же я скажу всю правду?“

Она даже забыла о необходимости выйти замужъ, а только хотѣла забыться и схоронить концы... Никто же не зналъ... даже ея опытная кузина. Приѣхала мать только постомъ. Тутъ она почувствовала, что ждетъ ее еще черезъ нѣсколько мѣсяцевъ... И рѣшилась скрывать до конца, до послѣдней возможности, сдѣлаться матерью тайно. Эта рѣшимость поглотила ее всю. Ничего другого она не видѣла впереди, впала въ совершенную безчувственность, сносила характеръ матери, подчинялась ея надзору, какъ за маленькой дѣвочкой, находила какое-то удовольствіе въ этомъ обманѣ. Ее не пускаютъ одну купить лентъ на Кузнецкій мостъ, а она будетъ скоро матерью! Съ кузины она потребовала клятвы — ни однимъ словомъ не проговориться объ ухаживаніяхъ гусара. Мать ворчала весь постъ и всю весну: какъ возможно быть настолько „résolue“, чтобы не сумѣть найти мужа въ такой гостинной, какъ у ея племянницы.

Никто ничего не замѣчалъ.

Да полно, было ли все это? Какъ же могла она вынести, не умереть, не схватить воспаленія; какъ ей удалось скрыть отъ матери?.. Не умерла, даже не заболѣла, и все скрыла. Тогда только она поняла, какое у ней здоровье. Не даромъ мать говорила, что она „une fille de ferme“ по своему сложенію.

Сегодня передъ ней проходятъ сцены и разговоры, пять лѣтъ спавшіе въ душѣ.

XLV.

Совсѣмъ стемнѣло, когда Марья Денисовна обогнула мысъ и стала спускаться къ первымъ домикамъ, гдѣ уже свѣтились окна. До того поглотило ее прошедшее, что она ни разу не подумала о томъ: что теперь ея мать, гдѣ она, какую сцену придется ей вынести изъ-за своей „esca-
rade“—такъ навѣрно назоветъ мать то, что она сдѣлала. Усталости у ней не было, ни въ ногахъ, ни въ головѣ. Хотѣлось одного: еще куда-нибудь и во что-нибудь уйти и не возвращаться въ ненавистную будку раньше глубокой ночи.

Прошедшее: гусаръ, день у акушерки Троицкой, то, что этотъ офицеръ отецъ ея ребенка, что та женщина

видѣла ея позоръ—мучили ее, какъ что-то до-нельзя противное. Но сердце молчало. Только бы опять схоронить концы и поставить одинъ большой крестъ надъ тѣмъ, что было. И еще ядовитѣе наikipала въ ней ненависть къ матери—другимъ словомъ не могла она назвать своего чувства и не хотѣла даже... Кто же довелъ ее до всего этого?

Мать, одна мать!..

Марья Денисовна поднялась къ площадкѣ, гдѣ третьяго дня съ разныхъ сторонъ окликали Павла Павловича. Широкія окна столовой были освѣщены ярче обыкновеннаго. Она разглядѣла въ темнотѣ, что татаринъ проваживаетъ лошадей. Изъ кухни безпрестанно бѣгали горничныя и лакеи. Что-нибудь такое тамъ происходитъ особенное.

— Поля!—остановила она горничную въ чадрѣ.

— Ахъ, барышня!..

— Что здѣсь такое?

— А это съ катанья вернулись.

— Да развѣ они сегодня, а не вчера ѣздили?..

— Сегодня-съ. Вчера у одной дамы... что-то заболѣло. Исторія случилась тутъ... Всѣ въ страхѣ были.

— Что такое?—спросила Марья Денисовна, насильно втравляя себя въ любопытство.

— Да господинъ тотъ... съ бородой... Павелъ Павлычъ и барышня... полная-то такая... отстали... Всѣ здѣсь переполошились... Думали—убили ихъ... ха-ха! Посылали гонцовъ... Они сейчасъ только вернулись.

Поля еще разъ засмѣялась и съ поклономъ побѣжала за водой.

— Пойду я туда,—подумала Марья Денисовна.

XLVI.

Столовая гудѣла. У стола, накрытаго глаголемъ, съ двумя лампами, сидѣло человѣкъ до пятнадцати; всѣ разговаривали, ѣли, наливали себѣ въ стаканы, смѣялись, перебивали другъ друга. Посрединѣ сидѣлъ Павелъ Павлычъ, въ темной блузѣ, перетянутой ремнемъ, въ высокихъ сапогахъ. Онъ только что прожевалъ кусокъ говядины, запилъ „рислингомъ“, поднялъ вилку и началъ говорить. Лицо его дышало несельемъ и удалью. Онъ подмигивалъ пухленькой дѣвушкѣ, той самой, что гуляла третьяго дня съ Марьей Денисовной. Контористъ съ же-

ной были тутъ также. Пожилая дама большого роста, съ просѣдью, держала дѣвушку за руку и качала головой; но глаза ея улыбались.

Сидѣлъ еще тутъ старикъ въ парусинномъ пальто, пять-шесть дамъ и дѣвицъ и трое статскихъ.

Марья Денисовна догадалась, что половина этого общества ѣздила въ горы. Она начала понимать, что случилось въ дорогѣ.

— Ну что же можетъ быть прощѣ?—спрашивалъ Павелъ Павлычъ; онъ обращался къ пожилой дамѣ.—Разсудите сами. Ваша внучка—скачетъ чудесно... А остальные боятся подъ-гору... Умора! Особенно вонъ Анна Матвѣевна!

— Извините! Я смѣло ѣзжу!

— Ха-ха... Смѣло!.. Ну, положимъ. Это мы завтра при свидѣтеляхъ спросимъ у Мехмеда. Вотъ внучка ваша и поскакала... Я за ней. Дѣлаю два-три поворота... Догналъ. И стали поджидать. Ждали десять минутъ. Я кричу. Мертвый бы услышалъ. Назадъ поднялись, доѣхали до перекрестка. Нѣтъ никого!

— Еще бы — въ другую сторону совсѣмъ! — крикнула Анна Матвѣевна, дама съ короткими волосами, очень красная.

— Это вѣрно! Сбился я. Я и беру на себя всю вину. Поскакали сначала внизъ, потомъ вверхъ. И попали куда? Угадайте?

— Въ Ливадію?—крикнулъ кто-то.

— Въ Эрикликъ, выше Ливади. Наверху, тамъ, насъ у воротъ остановили. И долженъ былъ соврать... Суровость на себя напустить—только этимъ способомъ мы и очутились на шоссе. А тамъ ужъ сбиться нельзя было.

Пухленькая дѣвушка смѣялась, ѣла быстро, игриво всѣхъ оглядывала и глазами говорила:

„Ей-Богу, все это сущая правда! Можете намъ вѣрить!“

Молодые дамы улыбались недовѣрчиво. Пожилая дама вздохнула.

— Ну, и слава Богу! Вонъ у васъ аппетитъ-то какой! —

XLVII.

И всѣмъ стало еще веселѣе. Марья Денисовна видѣла ихъ и слушала изъ темнаго угла, около двери въ зимній садъ. Вотъ какъ живутъ люди. Молоденькая дѣвушка —

этой маленькой барышнѣ не больше восемнадцати—пропала въ горахъ съ красивымъ, совсѣмъ не старымъ мужчиной. Пріѣхали двумя часами позднѣе. Что бы тутъ было, если бъ съ нею случилось то же самое? Какихъ „гадостей“ не отрыла бы въ этомъ ея мать!.. А за нихъ только испугались; бабушка—приличная дама, мягко смотритъ на нихъ и радуется тому, что все благополучно обошлось. Всѣ даже рады происшествію: тревогѣ, посылкѣ татаръ на шоссе, шуму, бѣготѣ, импровизованному ужину.

Въ груди ея заныло. Еще секунда, и она разрыдается, но она подавила въ себѣ и это.

— Танцовать надо, танцовать! Mesdames! Людмила Васильевна... Пожалуйста! Скорѣе вальсъ. Надо пользоваться минутой.

Это кричалъ Павелъ Павлычъ, шумно, весело, взялъ за талію пухленькую дѣвушку и вывелъ ее на средину столовой. Жена конториста побѣжала въ темноту, за колонны, гдѣ стояло старое, разбитое фортепьяно, и бойко, по-петербургски, заиграла вальсъ Штрауса: „Freut euch des Lebens“.

Павелъ Павлычъ закружился по столовой. За нимъ еще двѣ пары. Фортепьяно дребезжало; но раскатистый его гулъ подымалъ наивностью звука. Первая пара провертелась мимо Марьи Денисовны. Тутъ только Гущинъ заглянулъ въ нее и на-лету крикнулъ:

— Вернулись! Съ вами туръ!..

Но она не могла выдержать и вышла на галерею. Звуки фортепьяно ворвались туда за нею и дразнили ее, кололи, хохотали надъ ней, надъ ея тайнымъ срамомъ, лганьемъ, грязью, гнусностью ея добровольной каторги.

Она сошла съ лѣстницы на площадку, а оттуда взяла внизъ по крутому спуску на ту дорогу, откуда она третьяго дня поднималась съ профессоромъ объ эту же пору. Вальсъ все дребезжалъ и шумѣлъ за стеклянными дверьми столовой; въ окнахъ мелькали головы и спины. Дѣвушка шла все внизъ, къ морю—и такъ ей нестерпимы сдѣлались звуки, что она заткнула уши и побѣжала.

XLVIII.

Минувала она котловину съ ключомъ студеной воды, и вдругъ пошла медленнѣе; по всему тѣлу разлилась слабость, ноги у ней подкашивались отъ внутреннего потря-

сенія. Насилу добрела она до скамьи, опустилась на нее и заплакала, сначала глухо, потом зарыдала.

Слезы у ней рѣдко появлялись. Поэтому мать и называла ее „истуканомъ“. Когда плачъ вырывался у ней изъ груди, то всегда съ физической болью. И теперь рыданія смѣшивались съ истерической икотой. Платкомъ она зажимала ротъ. Еще нѣсколько секундъ такихъ душевныхъ мукъ, и она способна была бы кинуться въ море съ утеса, наклонившагося надъ водой въ ста саженьяхъ правѣе.

— Что съ вами?—раздался надъ ней женскій голосъ.

Передъ ней стояла женщина въ черномъ платьѣ, съ кружевной косынкой на головѣ, и держала въ рукахъ бутылку. Марья Денисовна узнала фигуру той дамы, про которую говорили третьяго дня, объ эту же пору, что она—сумасшедшая.

— Не угодно ли отхлебнуть водицы?

Рыданія не позволяли Марѣ Денисовнѣ отвѣчать.

Дама присѣла къ ней близко, взяла за свободную руку, пожала и прошептала:

— Женское горе!.. Чувствую!..

Отъ нея пахло на дѣвушку сердечной теплотой. Слезы полились обильнѣе и мягче. Черезъ минуту голова ея лежала на плечѣ дамы. Слабость долго не позволяла ей говорить.

— Пойдемте... ко мнѣ... отдохните. Вы въ жару; за-свѣжѣло. Простудитесь.

Дама произносила слова отрывисто и чуть слышно. Будь Марья Денисовна спокойнѣе—она бы нашла такую манеру странной.

— Благодарю,—съ трудомъ выговорила дѣвушка.

— Я близко... внизъ нѣсколько ступеней... Обопритесь на меня.

Когда Марья Денисовна оперлась на руку дамы, она почувствовала въ тѣлѣ ея провожатой вздрагиванія. Они и ей сообщились. Она еле переступала ногами. Дама под-держивала ее за талию. Сама она шла колеблющейся по-ходкой. Спускаться по лѣсенкѣ было очень трудно.

XLIX.

Дама отперла дверь подъ навѣсомъ крылечка и ввела къ себѣ Марью Денисовну. Горѣлъ ночникъ. Особенный гѣлкарственный запахъ стоялъ въ душной комнатѣ.

— Здѣсь... здѣсь... кровать... ложитесь.

Марья Денисовна легла. Теперь ей вступило въ голову. Сразу стало ей душно.

— Окно, окно!.. — успѣла она выговорить; въ глазахъ замутилось.

Окно отворили; но воздухъ комнатки оставался такимъ же душнымъ.

Голову ломило невыносимо.

— Я вамъ сниму... корсетъ.

Но раздѣться не было силъ. Дама начала тревожно ходить по комнатѣ, отыскивая пузырьки съ лѣкарствами, предлагала компрессъ на голову. Кое-какъ разстегнула она лифъ. Платье было на Марьѣ Денисовнѣ то самое, въ которомъ она дѣлала визитъ Тергасовымъ.

— Вамъ... надо... совсѣмъ раздѣться...

Марья Денисовна слышала и понимала то, что ей говорятъ, но слабость не позволяла ей дѣлать движеній руками. Такъ пролежала она съ полчаса.

— Кажется, докторъ... живеть... въ большомъ домѣ?— прошептала дама.

— Не нужно... Благодарю.

Въ платѣе ее начало душить. Надо было снять корсетъ. Она уже могла подняться. Сбросила платье, стала сама отмыкать спереди застежки корсета.

Прошло еще съ четверть часа. Эти женщины не знали другъ друга даже по имени. Когда Марьѣ Денисовнѣ немного полегчало, она подняла голову, протянула руку и тихо выговорила:

— Скажите мнѣ, у кого я?

Дама быстро подошла къ ней, сѣла въ ногахъ, на колѣни, и нагнула къ ней лицо. Марья Денисовна могла теперь разглядѣть его въ полусвѣтѣ комнатки.

Лицо это глядѣло на нее и улыбалось; но глаза блуждали. Блѣдность щекъ переходила въ землистый цвѣтъ. Въ правой рукѣ она держала цвѣтокъ и все имъ помахивала. Во всемъ ея сѣлѣ замѣчалось трепетаніе. Косынки она не сняла. Волосы съ сильной просѣдью не отнимали у ней молодости, но молодости болѣзненной, странной.

— Неужели права, — подумала Марья Денисовна, — что говорили тогда...

L.

— Вамъ зачѣмъ же мое имя?—спросила дама и сильнѣе замахала цвѣткомъ.—У меня его нѣтъ... настоящаго.

— Какъ... нѣтъ?—выговорила еще съ трудомъ Марья Денисовна.

— Дѣвичье... мое имя... Прежнева. Знаете; прежняя... Ха-ха!.. Отъ которой ничего не осталось.

„Она разстроена въ умѣ!“—подумала дѣвушка.

— Прежнева?—выговорила она вслухъ.

— Съ мужемъ когда жила... не такую фамилію носила... Шеломова.

— Шеломова?..—повторила Марья Денисовна, какъ бы про себя.

И ей представился отель „Россія“, столовая и шумный обѣдъ въ отдѣльномъ кабинетѣ... Тотъ красивенькій мальчикъ, женоподобный, что сидѣлъ около полной купчихи изъ Москвы... Развѣ швейцаръ не говорилъ ей про Шеломова?.. Конечно...

— У васъ сынъ?

— Какъ вы знаете?..—вскрикнула дама и бросилась къ ней такъ, что Марья Денисовна пугливо подалась назадъ.

Все лицо этой женщины потемнѣло, глаза заискрились, руки задрожали, пѣтокъ выпалъ изъ правой руки. Но она тотчасъ же сѣла опять на край постели и смущенно заговорила:

— Простите... Я напугала васъ. Вы не знаете меня. Первый разъ въ жизни видите. Вы такъ спросили... Я думала... не проста...

Въ голосѣ ея зазвучали подавленные слезы, что-то глубоко страстное и жалкое.

Она встала, заметалась по комнаткѣ, подбѣжала къ столу, открыла ящикъ, взяла тамъ какую-то вещь, потомъ оставила сейчасъ же и задвинула такъ же быстро. Все это не взяло и двухъ минутъ.

— Нѣтъ! Не стану!—вслухъ вырвалось у ней.

Возгласъ удивилъ Марью Денисовну. Въ этой женщинѣ было что-то располагающее къ себѣ и жалкое.

— Видите...—слабо выговорила Марья Денисовна, — я была въ Ялтѣ... Я оттуда... пріѣхала.

— Въ Ялтѣ? Въ Ялтѣ?

— Да, и тамъ въ отелѣ „Россія“... мнѣ называлъ швейцаръ какого-то Шеломова... Изъ Москвы.

— Да?

Трепещущія руки схватили Марью Денисовну. Она уже была въ объятіяхъ этой женщины: та дѣловала ее и судорожно сжимала.

— Я не могу!—слабо вскрикнула дѣвушка.

— Ахъ, простите... Но вы назвали... фамилію... Вы говорите... въ отелѣ „Россія“?

— Да.

— Шеломовъ?.. Какой?.. Полный, лѣтъ подѣ пятьдесятъ... борода... курчавый?..

— Нѣтъ,—твердо отвѣтила Марья Денисовна,—очень молодой и почти мальчикъ.

— Какой?

— Красивый...

Она хотѣла прибавить: „довольно противный“, но не сказала этого.

— Володя?.. Господи!..

Раздались рыданія, возгласы... Такихъ Марья Денисовна никогда и не слыхивала. Они такъ возбудили ее сразу, что она вскочила, не чувствуя уже никакой слабости, и забѣгала по комнатѣ, ища чего-нибудь, воды, капель...

II.

Рыданія и возгласы перешли въ припадокъ съ судорогами. Марья Денисовна положила ее на ту же постель, гдѣ передъ тѣмъ сама лежала. Она дрожала отъ нервности; но о себѣ уже не думала. Передъ ней билась настоящая больная.

Чѣмъ помочь?

Вспомнила она, что та выдвигала ящикъ и что-то оттуда брала и назадъ положила. Конечно, лѣкарство. Но что именно? Она подбѣжала къ столику и выдвинула весь ящикъ до конца. Блеснуло что-то металлическое. Она сразу не поняла, что это. Иголka съ пузырькомъ. Смутно вспомнила она, что, кажется, такъ выписываютъ морфій.

Припадокъ стихъ, но раздались глухія стenanія.

— Дайте... дайте,—стонала больная.—Бога ради!

Марья Денисовна подбѣжала къ кровати.

— Тамъ, въ столикѣ... игла... мнѣ вспрыснуть...

— Чего? Морфію?

— Да, да!.. Поскорѣй.

Но Марья Денисовна не знала, что именно нужно дѣлать. Вольная быстро и судорожно выхватила у ней иглу съ пузырькомъ, что-то такое мгновенно сдѣлала и упала головой на подушку. Черезъ минуту она уже стихла,

впала въ полудремоту и произносила отрывисто невнятные слова.

Марья Денисовна присѣла къ ней въ ноги и прислушивалась. Вдругъ ею овладѣло совсѣмъ иное чувство. Эта женщина должна была перенести больше ея мученій... Она, быть-можетъ, и въ своемъ умѣ. И этотъ морфій!.. Безпомощную жертву добила жизнь. А въ себѣ самой она чувствовала силы. Вотъ теперь—ночь, навѣрно двѣнадцатый часъ, она убѣжала изъ Ялты, мать уже пріѣхала, ждетъ, способна, Богъ знаетъ, чего надѣлать. И ей—ничего! Она не пойдетъ домой, не броситъ этой жалкой женщины, останется при ней всю ночь, забудетъ, что она, *м-лле Усманская*,—„изъ общества“.

Волненіе больной стихло. Но она не спала, а улыбалась и глядѣла на свою гостью полузакрытыми глазами.

— Володя,—сладко прошептала она и заснула.

Гостья встала съ конца кровати и пересѣла въ кресло. Она рѣшила провести тутъ ночь.

ЛII.

Въ столовой большого дома, до третьяго часа ночи, шло веселье. Послѣ вальса танцовали двѣ кадрили, и даже мазурку, пѣли хоромъ. Общество высыпало на площадку, затѣяло горѣлки въ темнотѣ. Хохотъ и визгъ разносились по всему парку.

Танцы еще гудѣли, когда по извивамъ шоссе поднималась коляска. Николай понукалъ лошадей въ гору и курилъ. Ольга Евграфовна моричилась отъ табаку. Выходка дочери держала ее въ столбнякѣ. Она не бросилась ее отыскивать, а даже Тергасовой и ея дочери сказала:

— *Ma fille est une folle!*

И поѣхала съ ними смотрѣть водопадъ, вернулась въ отель—не нашла тамъ дочери, не дала ни одной копейки на водку, когда расплачивалась по счету, только приказала въ отель записать: какъ зовутъ извозчика, и откуда онъ родомъ.

— Ты меня, пожалуй, убьешь,—сказала она ему, когда садилась въ фаязонтъ.

До тѣхъ поръ она еще надѣялась на то, что дочь на что-нибудь годна. Теперь—ни одного рубля не истратитъ она на ея туалетъ. Эта потерянная и полоумная способна на все. Но надо поступить какъ-нибудь чрезвычайно.

Не пустить ее, когда она явится? Небось, не бросится

въ море; у ней не такая чувствительная душа, какая была у Лили. Запереть на все время?.. Это ни къ чему не поведетъ. Она закоренѣлая негодница — „une misérable“ — повторяла Ольга Евграфовна, кутаясь въ шаль.

Николай подвезъ ее къ изгороди.

На дворѣ никого не было. Онъ крикнулъ. Никакого отвѣта.

Ольга Евграфовна поглядѣла въ сторону ихъ домика. Свѣта нѣтъ въ окнѣ дочери.

Николаю пришлось нести сундукъ одному. Лакей выбѣжалъ уже послѣ и донесъ ручной багажъ. Онъ же подалъ и огня.

— А барышня?—спросила Ольга Евграфовна.

— Какая-съ?

— Да моя же дочь!..

Будь это не ночью, Ольга Евграфовна дала бы ему пощечину.

Дочери не было дома.

Часть вторая.

I.

Часовъ около восьми—обѣдъ за общимъ столомъ давно уже отошелъ; на боковой площадкѣ, позади сѣраго дома, разсѣлись вокругъ стола пріѣзжіе изъ Ялты.

Это было то самое общество, что обѣдало въ отелѣ „Россія“, въ отдѣльномъ кабинетѣ. Четырехмѣстная коляска четверней отдыхала за угломъ, въ тѣни. Татаринъ, рослый и молодой, весь въ золотомъ шитьѣ, проваживалъ трехъ лошадей. Одна — иноходецъ — покачивалась подъ дамскимъ сѣдломъ темно-малиноваго бархата.

На скамейкѣ со спинкой, между двумя мужчинами, сидѣла купчиха Боченкова въ свѣтлосиней амазонкѣ и низкомъ мужскомъ цилиндрѣ. Дымчатый вуаль она откинула на плечо. Высокій, стоячій воротникъ сдавливалъ ей шею и подпиралъ ея двойной подбородокъ. Грудь сжималъ узкій корсажъ; пуговицы чуть держались на немъ. Амазонку она носила короткую. Изъ-подъ приподнятаго края юбки выставила она подъемистую ногу, обутую въ лакированный сапогъ.

Справа отъ нея развалился хорошенькій брюнетикъ, тотъ, что сидѣлъ рядомъ съ ней и за обѣдомъ въ Ялтѣ. Слѣва, бокомъ, вытянулся, а правую руку закинулъ на спинку и наклонилъ къ ней голову мужчина лѣтъ подъ сорокъ, смуглый, волосатый и толстогубый. Носъ его, сплюснутый и поздрявый, сжимало золотое ринсе-пез. Скулы щекъ остро выдавались впередъ. Борода мелко росла и торчала въ разные стороны. Волосы онъ зачесывалъ назадъ, низковатый лобъ наполовину загорѣлъ. И его, и двоихъ мужчинъ его же лѣтъ, занимавшихъ два стула

по ту сторону стола, по бокамъ пожилой дамы изъ нѣмокъ, всякій бы принялъ за московскихъ купцовъ. Но онъ былъ адвокатъ по бракоразводнымъ дѣламъ; его вѣзави — рябой блондинъ, тоже въ бородѣ, неопрятный и близорукий—пѣанистъ и композиторъ; а третій—съ лысиной, въ бородкѣ и въ клѣтчатой парѣ—секретарь желѣзнодорожнаго сѣзда, изъ студентовъ. Этотъ всего больше походилъ на конториста. Его глазки-коринки возбужденно перебѣгали отъ одного лица къ другому. Хорошенькій брюнетъ смотрѣлъ не русскимъ купчикомъ, а скорѣе сыномъ иностраннаго банкира. На немъ плотно сидѣли гороховая куртка и такіе же рейтузы, въ обтяжку, на два вершка ниже колѣнъ, съ двумя пуговицами надъ высокими сапогами. Свою черную войлочную шляпу съ вуалемъ онъ снялъ.

II.

— Что жъ они не иссутъ?! —закричала брюнетикъ голосомъ избалованнаго мальчика и задвигался на своемъ мѣстѣ.

— Володенька, не бурлите!

Лысый, обращаясь къ Воченковой, прибавилъ:

— Гликерія Уаровна, успокойте юношу.

Она провела влажными бѣлками своихъ глазъ по лицу и фигурѣ брюнета, откинула голову назадъ и раскрыла ротъ, откуда крупные зубы блеснули двумя полосками.

— Да если жарко,—выговорила она ласково и со вздохомъ.

— Доброта вы наша неутолимая!—сказалъ адвокатъ.— Ручку вашу. Во всемъ московскомъ царствѣ нѣтъ другой души такой, какъ у Лукерьи Уваровны.

Онъ произносилъ ея имя по-просту и дѣлалъ это нарочно; а она не обижалась. И многое позволила бы она адвокату, только бы онъ ее поскорѣе развелъ. За это дѣло онъ, по условію, получалъ сорокъ тысячъ.

— Голубушка,—попросилъ композиторъ,—и мнѣ пожалуйте.

Онъ потянулся черезъ столъ. Глаза его давно уже посоловѣли, и послѣ обѣда, въ Ялтѣ, онъ всю дорогу дремалъ. Къ десяти часамъ вечера онъ рѣдко не бывалъ „готовъ“, и Гликерія Уаровна говорила ему:

— Ахъ, Лаврентій Ильичъ... Опять вы не годитесь, голубчикъ; а общали мнѣ поиграть.

Въ Крымъ привезла она его на свой счетъ, такъ же какъ и адвоката, и секретаря съѣзда. Это вмѣстѣ съ нѣмкой и была ея „свита“, о которой сообщилъ швейцаръ отеля.

— Лавря—тово?...—подмигнулъ секретарь съѣзда.

— Блаженъ мужъ!

Всѣ засмѣялись остротѣ адвоката, кромѣ брюнетика. Онъ ёжилъ и хмурилъ брови.

— Шеломовъ!.. Вы ужасный человѣкъ!—заговорилъ съ нимъ секретарь. — Разстраиваете наше веселье. И хотъ бы вы пили по-христіански... А то вы только видъ дѣлаете... А сами себѣ на умѣ.

— Ну, полно болтать... Лукичъ! — оборвалъ 'его Шеломовъ, какъ обрываетъ дидьку барчонокъ при матери-баловницѣ.

И прозвище „Лукичъ“ пришлось отлично къ секретарю. Его звали Сергѣй Лукичъ Полотеровъ. Всѣ засмѣялись.

— Сейчасъ... милый, — успокоительно проговорила Боченкова, сняла замшевую перчатку съ правой руки и положила ее на плечо Шеломова.—Вонъ и несутъ.

Изъ-за угла показались два лакея. Они несли вино и все остальное для крющоновъ.

III.

Когда секретарь состряпалъ питье съ сахаромъ и апельсинами—всѣ стали наливать себѣ суповой ложкой и пить. Боченкова подливала Шеломову, и бѣлки ея глазъ еще томнѣе прохаживались по немъ. Адвокатъ медленно процѣживалъ искристую жидкость сѣвозъ свои выпяченные губы, секретарь смаковалъ и пилъ короткими глотками, а музыкантъ тянулъ какъ квасъ, стаканъ за стаканомъ, посапывалъ, закрывалъ глаза и облизывалъ усы. Черезъ двадцать минутъ вокругъ нихъ ходили пары, пахло виномъ и апельсинами. Щеки у всѣхъ горѣли, кромѣ нѣмки. На ея землистомъ лицѣ застыла улыбка широкаго рта. Трудно было бы сказать: зачѣмъ держитъ ее при себѣ Гликерія Уаровна.

Пошли разговоры особаго свойства: о мужчинахъ и женщинахъ, о мужьяхъ и женахъ, намеки на любовныя связи въ Москвѣ изъ міра коммерсантовъ и присяжныхъ повѣренныхъ, желѣзнодорожниковъ и модныхъ врачей, актеровъ, скрипачей и дантистовъ. Сдавалось, что въ

этомъ мірѣ—все возможно, были бы деньги. По лицу Боченковой, красному и разомлѣвшему, расплылась улыбка; она какъ будто говорила: „Съ нашимъ капиталомъ — какія же могутъ быть задержки тому, что намъ угодно?“

Передъ своей свитой она вела себя съ Шеломовымъ, какъ съ женихомъ, и если не на „ты“, то скорѣе по привычкѣ. Она и мужу, когда еще была влюблена въ него, говорила тоже „вы“. Валерьянъ Оадѣичъ—адвокатъ—ведетъ дѣло мастерски. Свидѣтели давно подготовлены. Мужъ долго упираться не сталъ, онъ теперь „обзавелся“, жениться во второй разъ не захочетъ; а если бъ его кто подбилъ—„не бери на себя вины“,—то можно уличить и съ настоящими, а не съ подставными свидѣтелями. На это Валерьянъ Оадѣичъ—первый ходокъ на Москвѣ. И онъ не изъ одной жадности, самъ говорилъ ей не такъ давно:

— Матушка, Лукерья Уваровна, да зачѣмъ вы на себя опять яромо это накладываете хотите? Ну, живите себѣ, какъ вамъ угодно. У васъ видъ отдѣльный. И миллионы свои. Хоть къ себѣ въ домъ этого красавчика поселите. Кто вамъ можетъ препятствовать?

Она не пожелала жить *такъ*. Володя ея на восемь лѣтъ моложе, — уйдетъ. Положимъ, и вѣнчанье, по нынѣшнему времени, не много значить; а все—придержка. За что же она ему сразу сказала, когда они сошлись: — Володя, половина моего—твое?..

А у ней четыре дома въ Москвѣ, рыбныя ловли въ Астрахани, да капитала больше шестисотъ тысячъ. Неужели за это и подъ вѣнецъ не стать, пока еще онъ такой красавчикъ?

Гликерія Уаровна смотрѣла на Володю Шеломова, какъ на свое пріобрѣтеніе. Можетъ, послѣ вѣнчанья, онъ ее и побивать будетъ... Тогда она увидитъ.

IV.

— А знаете исторію съ картинкой изъ дырчюльни? — спросилъ секретарь.

— Это еще что?—лѣниво отозвалась Боченкова.

Рука ея лежала въ рукѣ Володи. Композиторъ открылъ одинъ глазъ и съ трудомъ выговорилъ:

— Ужъ ты... анекдотистъ!..

— Спи!—крикнулъ ему Володя.—Контрапунктъ!

Посмѣялись и этому прозвищу.

— Расскажите, голубчикъ, не тяните,—пригласила Гликерія Уаровна.

— Изъ какой дырьюли? — заинтересовался адвокатъ, положилъ локти на столъ и наклонилъ свою долговолосую голову.

— Да отъ нашего куафера. Теодоръ... или какъ онъ прозывается... Сидоровъ изъ Парижа... знаете, туда, за персидскую лавку?..

— Ну, знаю! Дальше!—крикнулъ Володя.

— Слушаю-съ, ваше благородіе... не извольте сумнѣваться... Получите все въ аккуратъ.

Секретарь состроилъ смѣшное лицо и приложилъ руку къ лѣвому виску, какъ дѣлаютъ подъ козырекъ.

— Не мямли!

Володя, послѣ трехъ стакановъ, принялъ тонъ хозяина, который прихлебателями своей столовой можетъ понукать какъ вздумаетъ. Свита Гликеріи Уаровны допускала съ собой такой тонъ, даже и адвокатъ.

— Такъ вотъ-съ, государи мои, вы видали княжну Тергасову съ маменькой?

— Усы у ней,—перебила Боченкова.—И, Господи, какъ тянется. Плечи впередъ. Да и подлѣточекъ. Навѣрно, старше меня, даромъ что въ дѣвицахъ. Изъ армянокъ, небось?

— Совершенно вѣрно,—продолжалъ рассказчикъ.— Но теперь въ нее вторымъ старче... графъ Гольденкранцъ.

— Да вѣдь у него жена, дѣти, внуки? — выговорилъ композиторъ, смутно понимавшій еще о чемъ идетъ рѣчь.

— Что жъ изъ этого? Онъ до того дошелъ, что хотъ разводиться.

— Да годокъ-то ему который? — спросилъ адвокатъ,— можетъ, подъ восемьдесятъ? И вѣнчать не будутъ.

— Сердце не разбираетъ, — вымолвила Боченкова.— Старичка жалко, ей-Богу... Рассказывайте, Лукитъ.

Она уже перепяла прозвище у Шеломова и при этомъ подумала: „какой Володя у меня на слова находчивый, что твоя бритва!“

Володя прилегъ къ ней плечомъ и, не смущаясь тѣмъ, что они на виду у всѣхъ постояльцевъ сѣраго дома, — прикоснулся губами къ затылку Гликеріи Уаровны. Ее отъ этого глухого поцѣлуи такъ и обдало жаромъ.

V.

— Рассказывайте, Лукич! — немного задыхаясь, повторила она.

— Ну, вотъ-съ... Княжна съ маменькой изволила ѣздить по лавкамъ. И заѣхали къ Теодору... насчетъ шиньона... что ли... или какой-нибудь косметики. У него всякая штука есть. Такое событіе — ихъ сіятельства — чуть король испанскій не сватался послѣ смерти первой жены... и вдругъ попали на двѣ минуты въ парикмахерскую, гдѣ нашего брата стригутъ и бреютъ.

— Особенно Лукичу... маковку! — крикнулъ Володя, и расхохотался.

— Я продолжаю: у Теодора, или какъ тамъ его... забылъ... во второй-то комнатѣ, въ салонѣ, прямо противъ двери, на стѣнѣ — олеографія. Знаете, новая вещь — въ Парижѣ года три какъ была выставлена. Жанръ съ сюжетомъ. На террасѣ сидитъ генералъ, въ домашней формѣ, въ капи, одна нога у него лежитъ укутанная на стулѣ... подагра, значить. Играетъ съ нимъ въ шахматы молодая жена, красивая. И мораль къ этому имѣется, правоученіе. Это-де благоразумный бракъ — mariage de raison.

— Ты что намъ переводишь... Мы понимаемъ... и говорить! — крикнулъ Шеломовъ.

Онъ началъ уже „тыкать“ секретаря. Пьянъ онъ не былъ, но воспользовался выпитымъ виномъ, чтобы позволить себѣ эту безцеремонность. На „ты“ онъ бы не сталъ пить съ ними.

Секретарь только покачалъ головой, глядя на Боченкову: „Избаловали, моль, голубушка, въ лоскъ“.

Гликерія Уаровна отвела свои глаза на Володю и шепнула ему:

— Ужъ вы дайте ему выболтать.

— Да-съ, благоразумный бракъ... Картинка пикантная. Только олеографія... одно слово... Я къ себѣ не повѣшу. По-моему, это хуже въ сто разъ фотографій.

— Почему? — вдругъ спросилъ композиторъ, совсѣмъ сонный.

— Нишкни! — кинулъ ему секретарь и хлебнулъ изъ стакана. — Олеографія, какъ олеографія. Въ цырюльнѣ ей и висѣть. Но княжна восхитилась. Уѣхали онѣ съ маменькой. А сюжета-то она, издали, хорошенько не раз-

глядѣла... видѣла только что-то пестренькое. И говорить она, въ тотъ же день, вечеромъ, старцу: какую я интересную картинку видѣла сегодня... Гдѣ?—ей не хотѣлось упоминать о парикмахерской. — Въ какой-то лавкѣ. И что жъ? Старецъ поднимаетъ на ноги всѣхъ алыгвазиловъ. Рыщутъ по Ялтѣ, въ лавкахъ во всѣхъ. Никакой нѣтъ олеографіи съ интереснымъ сюжетикомъ. Въ аптеки даже забрались, въ булочныя... Нѣтъ олеографіи!

— Ха-ха-ха!—вдругъ точно прорвало композитора.

И всѣ захохотали разомъ.

VI.

— Ну, завернули и къ Теодору. Тамъ-то она, голу-бушка, и ждетъ. Сейчасъ ее цапъ-парапъ. Утромъ, только что княжна открыла глаза, и надъ ея кроватью виситъ она.

— И только-то?—спросилъ Володя.

— А что же вамъ?—обидѣлся немного секретарь.—Вы не изволили понять весь смакъ этого происшествія?

— Только-то?—школьнически повторилъ Шеломовъ.

— Мало?! Старецъ, не зная сюжета, взбудоражилъ весь городъ, и точно въ поученіе предмету своей страсти повѣсилъ: па, молю, ангелъ мой, смотри, любуйся, знай, что тебя ожидаетъ, если бъ я, добившись развода съ законной супругой, поступилъ въ твои мужья. Стала бы ты со мной въ шахматы поигрывать и ногу мнѣ укутывать.

— Только-то?!—въ третій разъ крикнулъ Шеломовъ.

— Лукерья Уваровна,—сказалъ адвокатъ, и взялъ ее за руку,—уймите вы маленько вашего итенца. Что жъ! Исторія, какъ исторія—не хуже самой олеографіи...

— Ахъ, господа,—прервала Боченкова, и тоже, какъ и сосѣдъ ея, положила локти на столъ.—Вы только на смѣхъ поднимать этого старика. А онъ, сердешный, любитъ, страдаетъ. Вѣдь онъ не виноватъ, что ему столько годовъ! Не разбираетъ любовь-то...

— Это точно,—перебилъ ее Шеломовъ.—Разбираетъ только вино. Вотъ оно и разобрало контрапунктиста!

— Bravo!—крикнулъ адвокатъ.—Володенька! На этотъ разъ каламбуръ славный! Разбираетъ...

— А!.. Разбираетъ!—спросонья догадался музыкантъ и захохоталъ.

— Довольно!—скомандовалъ Шеломовъ.—Душно! Отскдѣли всѣ бока. Пройдемтесь хоть къ морю. Выкупаться бы славно.

— Всѣмъ вѣстѣ?—спросилъ секретарь.

— Ахъ, Лукичъ, какой вы безстыдникъ! — остановила его Боченкова.

— Пойдемте, пойдемте! Я знаю ходъ,—вызвался секретарь.—Посмотримъ на монаха.

— Какого?—спросилъ Шеломовъ.

— Утесъ въ море выдался... точно монахъ съ капюшономъ на головѣ.

— Выдумываешь?

— Есть охота!..

Секретарь немного поморщился отъ этого „ты“.

— Идемте... только потише, голубчики,—застонала Гликерія Уаровна и грузно стала вставать со скамьи.

Ее повели подъ руки ея кавалеры. Секретарь предложилъ руку нѣмкѣ, не проронившей ни одного слова. Музыкантъ поплелся за ними, опираясь на палку. На площадкѣ гуляющіе оглядывали ихъ издали. Весь домъ уже зналъ, что это за пріѣзжіе и откуда. Сверху все время смотрѣли на нихъ двѣ пожилыя дѣвицы изъ своихъ комнатъ.

VII.

Они спускались по шоссе, громко говорили, смѣялись, останавливались на пути, присаживались на скамейки. Нѣмъ, кто имъ попадался навстрѣчу, мужчины кланялись и дѣлали гримасы. Двѣ-три дамы хотѣли даже идти жаловаться смотрителю дома и требовать, чтобы ихъ пригласили вести себя скромнѣе.

Къ берегу моря они спустились не по дорожкѣ, а прямо по откосу. Начался визгъ. Гликерія Уаровна чуть не упала. Нѣмка тоже оступилась. Музыкантъ Шеломовъ толкнулъ, и тотъ скатился внизъ на кучу кремней, при взрывѣ хохота. Съли они на эту самую кучу и начали бросать оттуда камешки; завязались пари у Володи съ адвокатомъ. Пошло на сотни рублей. Въ пари приняла участіе Боченкова, большая охотница до азартныхъ игръ. Съ кучи они поднялись, и у самой воды стояли и кидали камни, спорили о разстояніяхъ; Шеломовъ сказалъ нѣсколько дерзостей секретарю. Тотъ тоже сталъ держать пари и почти каждый разъ побивалъ расхажившагося Володю. Всѣ они разомъ кричали и махали руками. Одинъ только музыкантъ сѣлъ на облизанные водой голыши. Склонился на бокъ, а потомъ и совсѣмъ легъ.

— Лавря! баиньки!—крикнулъ ему Шеломовъ и, повернувшись къ водѣ, взмахнулъ рукой.

Камень взвился и упалъ въ воду въ десяти саженьяхъ.

— Я дальше.

— И не думали!—возразилъ секретарь.

Заключеніе давалъ адвокатъ.

— Вровень,—рѣшилъ онъ.

— Довольно, господа. Теперь бы чудесно выкупаться,—предложилъ секретарь.

— Какъ же это?—спросила Боченкова и разсмѣялась.

— Раздѣвайте Лаврю! Берите его за сапоги!—скомандовалъ Шеломовъ и подбѣжалъ къ музыканту.

Двое другихъ схватили его за ноги. Тотъ поднялъ голову и сталъ отпихивать ихъ ногами. Произошла свалка. Купчиха взвизгивала отъ смѣху. Такъ возились нѣсколько минутъ. Музыкантъ лежалъ подъ всей кучей и громко охалъ. Первый сжалился надъ нимъ секретарь. Они встали и начали оправляться. Боченкова обмахивала Володю расшитымъ батистовымъ платкомъ.

VIII.

Изъ-за кустовъ, надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ дурачились эти пріѣзжіе, выглядывало блѣдное женское лицо, мелькало черное платье.

Лидія Никаноровна Пржегнева всматривалась въ одного изъ мужчинъ, въ самаго молодого. Она вышла погулять раньше обыкновеннаго. До нея донеслись крики, смѣхъ, взвизгиванія, хлопанье камней о воду. Первый вечеръ могла она выходить. Дня три пролежала она. За ней ухаживала ея новый другъ, Марья Денисовна. И сегодня Усмалская пробыла у ней отъ завтрака до обѣда.

„Какъ только оправлюсь,—рѣшила она наканунѣ,—пойду въ Ялту. Узнаю, точно ли это Володя, пойду къ нему, прямо брошусь на шею. Онъ меня не оттолкнетъ. Однимъ глазкомъ взглянуть на него!“

И вотъ только что пошла она отъ себя къ каменной лѣсенкѣ, голоса веселой компаніи остановили ее. И тотчасъ же она подумала:

„Это изъ Ялты пріѣхали. Знаютъ, быть-можетъ, моего Володю“.

Она разглядѣла, что было четверо мужчинъ и двѣ дамы, узнала, кто изъ нихъ самый молодой; но онъ стоялъ все спиной, у берега моря, и только разъ повернулся въ

профиль. Трудно ей было рѣшить навѣрно; а сердце все-таки сильно застучало, и холодный потъ выступилъ на лбу. Она схватилась за вѣтви, чтобы не пошатнуться отъ внезапной слабости. Онъ ли? Прошло цѣлыхъ десять лѣтъ. Больше! Одиннадцать. Тогда у Володи волосы вились свѣтлорусые. А этотъ брюнетъ. Но вотъ онъ обернулся всѣмъ лицомъ и подбѣжалъ къ кучѣ камней, гдѣ лежалъ рябой, съ взъерошенными волосами, точно совсѣмъ пьяный, мужчина. Ее насквозь пронзило. Она впилась глазами въ лицо. Этотъ носъ! — точно отцовскій, круглыми брови, улыбка... Онъ, онъ!

Еще сильнѣе должна была она схватиться за вѣтви. Головокруженіе не прошло до тѣхъ поръ, пока она не закрыла глазъ и не сдѣлала надъ собой усилія. И опять сомнѣніе: онъ ли? Но почему же не подойти, не спросить? А если онъ отвѣтитъ: „да, я Владиміръ Шеломовъ, что вамъ угодно?“ Сказать: „Володя, я мать твоя, Пржепева!“ Онъ можетъ отвѣтитъ: „У меня матери нѣтъ, я ея не знаю“. И скажетъ это при постороннихъ, при какихъ-то кутилахъ... при той толстой блондинкѣ... Кто она? Усманская говорила, что видѣла ее за обѣдомъ въ отелѣ. Эта амазонка держитъ съ нимъ себя, какъ родная, какъ жена или... любовница.

„Побѣгу къ Марьѣ Денисовнѣ! Она мнѣ скажетъ“. За эту мысль схватилась она и, ничего не видя передъ собой, бросилась по лѣсенкѣ наверхъ.

IX.

Марья Денисовна шла къ ней. Онѣ встрѣтились на первой террасѣ, выше большой площадки. Пржепева вся дрожала и схватила обѣ ея руки.

— Что съ вами? Зачѣмъ выходили? — успѣла выговорить Марья Денисовна.

— Идите! Они уйдутъ. Вы...

Досказать Пржепева не могла и сѣла на траву, охваченная опять головокруженіемъ. Шатаясь, встала она, оперлась на руку Усманской и сама повела ее внизъ. Та узнала въ чемъ дѣло.

Когда онѣ подходили къ дому, коляска тронулась.

— Глядите, глядите! — отчаянно крикнула Пржепева и такъ рванулась впередъ, что чуть-чуть не упала внизъ съ крутого спуска.

Боченкова уже сидѣла на бѣлой лошади и подбирала

поводья. Татаринъ управлялъ ей амазонку. Ея кавалеръ горячилъ своего караковаго: лошадь прыгала и повертывалась.

— Это... онъ? Онъ?—спрашивала, задыхаясь, Прженева.

— Да, это тотъ брюнеть... Шеломовъ.

— Володя!—глухо крикнула Прженева и пошатнулась.

Ея пріятельница взяла ее за талію и отвела къ скамейкѣ, подъ грушевое дерево. Кавалькада скакала внизъ по шоссе. Клубы пыли заслоняли всадниковъ; только бѣлый вуаль на шляпѣ Шеломова мелькалъ еще издали.

— Володя... онъ... онъ...—шептала Прженева и всхлипывала.

Марья Денисовна стояла нагнувшись, и у ней, тамъ гдѣ-то, внутри, отдавались всхлипыванія этой женщины. „Зачѣмъ назвала я ей Шеломова?—подумала она.—Можетъ-быть, она и не стала бы разыскивать“. Но ей вспомнились сейчасъ же безконечныя рѣчи этой матери, возбужденныя морфіемъ, какъ она поѣдетъ въ Ялту, какъ упадетъ на грудь къ своему сыну и выплечетъ свое десятилѣтнее горе, и одинъ часъ свиданія вознаградитъ ее за все, за все.

„Все равно—случилось бы“,—думала Марья Денисовна, и повела, почти понесла Прженеву, еле переступая съ ноги на ногу. Она взяла по другой дорогѣ, минуя большую площадку, чтобы не попадаться гуляющимъ.

Х.

Сердцу ея еще мало говорили терзанія матери. Она понимала ихъ больше головой. Зачѣмъ бросаться къ сыну, поднимать старое? Мальчикъ — фатъ, испорченный, вѣроятно, состоитъ при богатой купчихѣ въ роли друга.

Мало еще перенесла мукъ эта обездоленная Лидія Никаноровна! Одно ея замужество могло устроить каждую дѣвушку, какъ бы ей плохо ни приходилось. Въ три дня, въ промежуткахъ припадковъ и крайней слабости, отрывками, безпомощно и скомканно, передавала ей Прженева свою повѣсть. Родилась она въ богатой дворянской семьѣ, была одна дочь. Отецъ и мать такъ и дышали на нее. Учили ее дома. Тогда только что пошли идеи о воспитаніи, гуманности. Брали на-домъ учителей, профессоровъ изъ университета. Отецъ былъ въ большихъ дѣлахъ, мать умерла, когда ей минуло четырнадцать лѣтъ. Конторой отца завѣдывалъ нѣкто Шеломовъ, университетскій кан-

дидать, смѣлый и вѣрачивый. Онъ вліялъ и на ея воспитаніе; отецъ вѣрялся ему слѣпо. Всѣмъ ворочалъ онъ. Дѣвочкѣ управляющій проповѣдывалъ тайно самыя „новыя“ тогда идеи, билъ себя въ грудь, когда говорилъ о народѣ, неравенствѣ, о гнусномъ барствѣ, о высокомъ служеніи всѣмъ „нуждающимся и обремененнымъ“. И она стала на него молиться. Ей еще не наступило шестнадцати лѣтъ, когда она объявила отцу, что любитъ Шеломова и хочетъ быть его женой. Старикъ согласился. Черезъ два года онъ умеръ. Все состояніе перешло ей. Въ первые три года мужъ проповѣдывалъ ей тѣ же идеи; но дѣла все забиралъ въ свои руки. Она, какъ малое дитя, дала ему полную довѣренность, а потомъ и совсѣмъ уступила почти все. Смутно ей казалось, что между словами и всей жизнью мужа было противорѣчіе. Но онъ держалъ ее, какъ малолѣтка, во всемъ, вплоть до выбора кормилицъ и нянекъ для сына. Все чаще утѣжалъ онъ по дѣламъ, на Уралъ, на Волгу, за границу. Когда Володѣ пошелъ восьмой годъ, Шеломовъ потребовалъ развода. Это ее ошеломило. Въ своемъ ослѣпленіи, въ рабской любви она не замѣчала, охладѣлъ онъ къ ней, или нѣтъ, а та женщина, которую онъ приготовилъ себѣ во вторыя жены, жила въ томъ же городѣ, бывала у нихъ. Ей приказали—она повиновалась, только молила оставить при ней сына. Сына общали. Она пошла на все:—взяла вину на себя, даже отсидѣла на покаяніи.

XI.

Но сына у ней отняли и назначили годовое содержаніе въ полторы тысячи рублей. Вторая жена пожелала, чтобъ мальчикъ воспитывался при отцѣ; а отецъ явился ей доказывать, что этого требовала „логика“ — въ глазахъ „всѣхъ порядочныхъ людей“.

— Вы взяли на себя вину,—сказалъ онъ ей,—съ чѣмъ же сообразно, что сынъ мой будетъ при васъ?.. Онъ носить мою фамилію, а вы—госпожа Прежнева.

И въ этомъ она ему покорилась. Отъ его голоса и взгляда ее пробирала дрожь. Но натура не выдержала. Съ тѣхъ поръ напала на нее хворость, цѣлый рядъ всякихъ болей: и въ головѣ, и въ груди, и ногахъ; доходило до постоянныхъ конвульсій; куда она ни ѣздила, на какія воды—не помогало... И лѣчиться стало слишкомъ дорого, а мужъ больше не давалъ. Сына совсѣмъ отняли,

уѣхали на три года за границу; оттуда они прїѣзжали въ Россію только по дѣламъ. Пошли у второй жены дѣти; двое осталось въ живыхъ. Ни одного письма не получила она въ десять лѣтъ отъ сына; а ей не отвѣчали. Но она узнавала, гдѣ онъ; когда его отдали въ гимназію—знала она, что онъ вышелъ оттуда, не кончивъ курса, что собой очень красивъ, слышала, что сталъ помогать отцу въ под-
рядкахъ; отецъ его балуетъ, отдѣлилъ ему часть своего капитала.

Въ послѣдній годъ она потеряла его слѣдъ, слышала только, что переѣхалъ въ Москву. Цѣлую зиму проболѣла она въ Крыму. Въ десять лѣтъ три раза ее лѣчили отъ душевной болѣзни, а она знаетъ, что никогда съ ума не сходила. Нестерпимыя боли и бессонницы прїучили ее къ морфію. А потомъ тоска, потребность забвенія тянули все чаще и чаще дѣлать себѣ впрыскиванія; а потомъ—ходить, лежать, говорить въ туманѣ. Вотъ почему ее считаютъ полубезумной, а иные увѣряютъ, что она пьетъ: она и это знаетъ.

Въ послѣднія двѣ недѣли передъ встрѣчей съ Усманской, на нее нападала такая тоска, что она только морфіемъ спасалась отъ безмѣрныхъ душевныхъ страданій. И точно какой-то внутренній голосъ—увѣряла она—говорилъ ей, что сынъ ея живетъ поблизости. Она часто бредила, доходила до галлюцинацій, видѣла его; но всегда маленькаго, въ курточкѣ, въ кудряхъ.

XII.

Дѣла Прженева стала бодрѣе. Марья Денисовна усадила ее въ кресла, растворила настежь окно и дверь.

— Не смѣйте волноваться,—хмурия нарочно брови, сказала она ей.—И говорите вы слишкомъ много. Все будетъ... Не уйдетъ отъ васъ сынъ.

Ей была вновь роль сидѣлки и старшей сестры. Это ей позволило уйти отъ самой себя.

— Я ничего, я ничего,—повторяла Прженева, улыбаясь, вся трепетала, оправляла руками косынку на головѣ. Глаза ея усиленно мигали, пальцы вздрагивали.

— Успокойтесь, умоляю васъ; а то сейчасъ же опять припадокъ будетъ.

— Нѣтъ, нѣтъ... только...

И она поглядѣла быстро-быстро на ящикъ на столигѣ.

Значеніе этого взгляда уже знала Марья Денисовна. Тамъ лежала игла и морфій.

— Нѣтъ, Лидія Никаноровна,—строго выговорила дѣвушка,—этого не будетъ. И я у васъ отберу... Вы мнѣ общали.

— Отберете?.. Какъ же это?.. Ну хорошо, ну хорошо. Я вѣдь рѣже... Ей-Богу, я рѣже... Я могу и день, и даже недѣлю... Но сразу—нельзя!..

— Не говорите!

— Молчу.

Усманская уже слышала отъ нея, еще сегодня, послѣ завтрака, длинный разсказъ, какъ она брала съ собою всюду морфій и иглу. На какой-то публичной лекціи ей такъ захотѣлось разъ впрыснуть, что она побѣжала въ дамскую комнату, расталкивая всѣхъ, и выпустила тамъ себѣ сколько нужно.

— Голубчикъ вы мой,—шептала она вчера, когда была еще очень слаба,—вы этого не знаете... Это хуже пьянства... Зато все изъ сердца вышибетъ... Такъ въ туманѣ и живешь... Или точно давно, давно ничего не чувствовалъ. Не веселье, а одурѣніе... Вы на меня смотрите и думаете: жалкая... безумная... хуже пьяницы.

И тогда она долго плакала. Марья Денисовна боялась, что и теперь польются слезы, и не удержать ихъ.

— Право, я возьму,—сказала она и открыла ящикъ.

Прежневая слѣдила за ней глазами, видѣла, какъ та завернула все въ бумагу и положила въ карманъ.

— Можеть пригодиться,—вымолвила она и жалобно улыбнулась.

XIII.

Но долго молчать она не могла.

— Милая,—зашептала она и глазами ловила взглядъ Марьи Денисовны,—какъ же теперь? Я поѣду.

— Вы не поѣдете, Лидія Никаноровна.

— Десять лѣтъ!

Слезы уже заблестали на рѣспицахъ.

— Если онъ помнитъ васъ... онъ пріѣдетъ самъ.

— Какъ же онъ пріѣдетъ?

— Напишите ему письмо. Я вамъ напишу.

— Нѣтъ, я сама!

— Пошлю вамъ на почту. Все сдѣлаю.

— Голубушка!..

Слезы уже текли по щекамъ крупными каплями.

Больше Марья Денисовна не позволила говорить Пржезневой. Та ея послушалась.

— Посидите на воздухѣ. Я вамъ вынесу кресло, а сама пойду погулять, а то вы будете все говорить.

Ей было ново и пріятно ухаживать за этой женщиной, укладывать ее, оттирать. Такъ жила она третій день.

Она пересадила Пржезневу на постель, вынесла кресло подъ навѣсъ, привела и усадила ее, покрыла ноги пледомъ и, уходя, сказала:

— Ужъ какъ угодно... я вамъ иголки не дамъ и этого ужаснаго лѣкарства.

— А если боли... невыносимы?..

— Вы притворяться не будете? Нѣтъ, боли теперь не явятся. А такъ я ни за что не дамъ!..

Она засмѣялась и поглядѣла еще разъ на Пржезневу.

— Милая, — прошептала та и протянула къ ней обѣ руки, всѣ высохшія и желтыя, — поцѣлуйте меня.

Теперь она могла ее цѣловать — привыкла; а въ первый день она должна была каждый разъ подавить въ себѣ безглаголивое чувство. Отъ Пржезневой шелъ лѣкарственный запахъ. Бѣлье на ней было заношенное: неряшливость давно пришла къ ней отъ лежанья, припадковъ, одиночества, житья по мебелированнымъ комнатамъ.

— Вы понимаете меня... даромъ, что — не мать!.. — прошептала Пржезнева.

XIV.

Эти слова всколыхнули Марью Денисовну. И такъ неожиданно!

„Даромъ, что не мать!“ — повторяла она мысленно, поднимаясь отъ Пржезневой.

И ее обманываетъ она, выдаетъ себя за непорочную дѣвушку даже передъ такимъ безобиднымъ, жалкимъ существомъ, какъ эта женщина. Нѣтъ! Она бы ее не стала обманывать, если бъ та спросила ее прямо, почему съ ней случился на дорогѣ истерическій припадокъ? Но Пржезнева сама впала въ истерику, и цѣлыхъ два дня говорила все о себѣ; а про то, что заставило рыдать Марью Денисовну, — она уже забыла. И вообще она не могла останавливаться подолгу ни на чемъ, нѣсколько разъ возвращалась къ одному и тому же факту и спрашивала все:

— Вѣдь я вамъ это не говорила еще?

Обманывать она не будетъ Прежневу. И вчера еще захотѣлось разсказать ей все, до послѣдней черточки—не скрывать своего позора; но безъ слезъ, безъ истерикъ. Къ чему это? Только выказывать свое малодушіе. Вѣдь у ней нѣтъ угрызений. Она только гадливость чувствуетъ къ прошлому, къ тому, что могла она вступить въ связь съ такимъ созданиємъ, какъ гусаръ Скопинъ. Изъ Ялты убѣжала она просто оттого, что не хотѣла ни подъ какимъ видомъ быть съ нимъ вмѣстѣ, испытывать добровольной кары. Это „паденіе“ и само по себѣ было нелѣпо, да и всю ея дѣвичью жизнь сдѣлало еще ужаснѣе; при каждомъ сближеніи съ порядочнымъ человѣкомъ—надо было мучиться тѣмъ: когда она должна объявить ему о пятнѣ своего прошедшаго?

И встрѣча съ бывшей акушеркой потрясла ее, какъ второй ударъ въ теченіе одного дня. Не раскаяніе говорило въ ней, а только страхъ быть узнанной—все равно, если бы она когда-нибудь украла у модистки кусокъ кружева, была замѣчена и потомъ встрѣтилась съ ней... Повѣсть Прежневой, рана материнской души, страстное желаніе видѣть сына казались ей почти маніей—„пунктикомъ“, какъ выразилась бы Ольга Евграфовна. Ни разу, въ эти три дня, проведенные въ домикѣ Прежневой, не вспыхнулъ въ ея сердцѣ огонекъ материнства. Жена доктора ее не узнала. О чемъ же больше сокрушаться? Въ Алупку она не поѣдетъ. Все утопять въ прошедшемъ. Былъ ребенокъ. Теперь нѣтъ его. Навѣрно, умеръ. Она помнить только что-то красное и сморщенное.

XV.

Хорошо ужъ и то, что она вотъ идетъ одна, куда хочетъ, не ночевала дома, третій день проводить съ больной, домой возвращается только завтракать и обѣдать.

И все обошлось съ матерью въ какихъ-нибудь полчаса, и оттого, что она, когда шла домой, утромъ третьяго дня, ничего не боялась—даже самой отвратительной сцены. Первой начала она сама говорить, и такъ еще никогда не говорила.

— Жить, какъ вы желаете,—сказала она матери,—я не могу, да и для васъ это не выгодно.

— Не выгодно?—закричала мать.

— Да, не выгодно.

Сцена шла по-французски.

И она стала доказывать матери, что нельзя рассчитывать на блестящую партию. Они не могут занимать места, какъ надо, въ свѣтскомъ обществѣ. Если искать жениховъ—она выразилась: „faire une chasse aux promiss“,—то необходимо держать себя свободно, почти какъ молодой дамѣ, выбирать между людьми немолодыхъ лѣтъ, вдовцами, изъ средняго общества: докторовъ, адвокатовъ, прокуроровъ, коммерсантовъ, помѣщиковъ.

Мать была поражена ея тономъ и доводами. Окрики и брань—какъ на „дѣвчонку“—были уже неумѣстны. Это поняла Ольга Евграфовна и сидѣла, перебирала ртомъ и общипывала бахрому на платкѣ. Угрозы никакой ей не сказала дочь; но въ звукахъ ея голоса впервые слышалось что-то, подсказавшее матери:

„Если ты не сдашься—все равно она сбѣжитъ!“

Объ исторіи въ Ялтѣ, объ этой ескараде, было сказано всего нѣсколько словъ.

— Не хотѣла быть въ обществѣ Скопина,—смѣло говорила Марья Денисовна.—Онъ дерзокъ и глупъ. Я встрѣтила знакомыхъ,—она выдумала фамилію,—вы ихъ не знаете. Они меня подвезли; а потомъ я попала къ больной. У ней и провела ночь. Вотъ и все.

Это „voilà tout“ показалось Ольгѣ Евграфовнѣ чѣмъ-то чудовищнымъ по своей „irrévérence“, но прежняго вернуть было уже нельзя.

— Знайте,—сказала она подъ конецъ разговора,—что я вамъ даю срокъ пять мѣсяцевъ. Къ новому году вы должны найти себѣ мужа. Намъ нечѣмъ жить.

— Я это знаю,—отвѣтила дочь.

XVI.

На краю площадки, подъ лавровымъ деревомъ, на складномъ стулѣ, сидѣлъ Гущинъ, въ своемъ шелковомъ костюмѣ. Марья Денисовна увидала его шаговъ за пятьдесятъ. Ей захотѣлось поговорить съ нимъ.

Нужды нѣтъ, что онъ женатый. Теперь она будетъ съ нимъ по-другому. Отбивать его у жены она не хочетъ: не настолько тщеславна, да ей и не по вкусу были бы всякій раздоръ, ревность, бракоразводный процессъ, скандалъ. Можетъ-быть, къ тому же, профессорша красивѣе ея и не старше лѣтами... Но Павелъ Павлычъ человекъ нужный. Жаль, что онъ служить не въ Петербургѣ и не

въ Москвѣ. Такіе люди бываютъ центры кружковъ... Свѣтскимъ выѣздамъ приходится сказать—прости. Искать надо именно въ кружкахъ, куда вхожъ такой пріятный профессоръ, какъ Гущинъ. У него навѣрно множество друзей и товарищей по всей Россіи... Съ нимъ надо начать бесѣдовать въ другомъ духѣ, выслушивать его со-пѣты, не разбирать его про себя, жестко и зло, а создать себѣ изъ него союзника. Съ нимъ она привыкнетъ къ болѣе простому обращенію, выучится вести по-русски разговоръ, не какъ чопорная барышня, а какъ говорятъ вонъ тамъ, за общимъ столомъ, всѣ эти дамы и дѣвушки, разныя курсистки и жены чиновниковъ, докторовъ, ученыхъ. А то она чувствуетъ себя, среди ихъ, совершенно „dé-çà-raisée“... И съ ними полезно сходиться, изучать ихъ. Разумѣется, очень скоро можно будетъ оставить ихъ позади. У нихъ нѣтъ ея теперешней опытности и свѣтскости. Стоить только овладѣть тѣмъ, что у нихъ въ ходу, что составляетъ ихъ „topics of conversation“, какъ называла ея англичанка... Вѣдь она говоритъ и читаетъ на четырехъ иностранныхъ языкахъ. Мать не пустила бы ее ни на какіе курсы—о курсахъ въ ихъ свѣтѣ говорить съ ужасомъ,—но она любила и любитъ читать. Дѣльных книгъ мало перебивало въ ея рукахъ, да и некогда было—ни по зимамъ, ни въ лѣтніе сезоны. Заняться этимъ, попросить указаній вотъ у такого Гущина, и черезъ два-три мѣсяца можно навести па себя совсѣмъ другой „genre“.

Въ ту минуту, когда она подходила къ мѣсту, гдѣ сидѣлъ Гущинъ, Марья Денисовна почувствовала даже родъ удовольствія именно оттого, что она можетъ держаться съ нимъ совершенно иначе. Двѣ недѣли, какія онъ проведутъ еще въ Крыму, получили для нея не тотъ смыслъ, какъ прежде: ими нужно было воспользоваться.

XVII.

— Ахъ! mademoiselle Усманская! Какъ я радъ!

Гущинъ подошелъ къ ней съ книгой въ одной рукѣ, а другой снялъ и низко опустилъ шляпу.

— Читаете?—спросила она его и указала глазами на книгу, въ восьмую долю, въ темно-сѣрой оберткѣ.

Видно было, что онъ ее только что разрѣзалъ.

По звуку ея вопроса, Гущинъ понялъ, что она будетъ иначе себя вести съ нимъ. Онъ весело блеснулъ своими свѣтло-карими, еще очень молодыми глазами и разсмѣялся.

— Вы мнѣ сегодня нравитесь.

— Очень рада, — отвѣтила Марья Денисовна такъ же бойко.

— Право!.. Въ первый разъ вы взяли хорошій тонъ. А то вы были какъ на веревочкѣ. Хотите присѣсть... Тутъ есть еще другой складной стулъ.

Они сѣли рядомъ. Внизу темнѣло море.

— Точно чернила, — сказала Марья Денисовна.

— Вы любите реальные сравненія?

— У меня такъ вырвалось. Вы со мной, Павелъ Павлычъ, — она еще не звала его такъ, — не употребляйте мудреныхъ словъ.

— Какъ? Васъ пугаетъ слово реальный? Быть не можетъ. Вы навѣрно знаете три иностранныхъ языка.

— Реальный... Это—*réaliste*. Я понимаю. Но по-русски я не привыкла къ такимъ выраженіямъ.

— Приучитесь!

— Хочу.

— Въ добрый часъ!

— И вы мнѣ, пожалуйста, помогите.

— Помидуйте... всей душой.

— Вотъ пріѣдетъ ваша жена—познакомьте насъ.

Она нарочно поторопилась сказать это: пускай онъ не думаетъ, что у ней виды на него съ хищнической цѣлью.

— Буся моя будетъ ужасно рада.

— Вы такъ зовете жену вашу?

— Да, она такая маленькая.

„Въ самомъ дѣлѣ, онъ славный человекъ, — думала дѣвушка, — и нѣтъ въ немъ никакой ученой важности“.

— Что это за книга? Русская? — спросила она.

— Переводъ извѣстнаго этюда Морлея о Руссо.

— Вы и по-англійски, конечно, знаете?

— Знаю; но мнѣ прислали переводъ. Хорошо сдѣланъ. Вы знакомы съ книгами Морлея?

— Никогда не слыхала такого имени, — отвѣтила Марья Денисовна.

— Быть не можетъ!..

— Какъ видите.

XVIII.

Такъ они проболтали до половины десятого. Ночь уже спустилась такъ же быстро, какъ и тогда, какъ они шли къ ея домику. Профессоръ разспрашивалъ ее о поѣздѣ

въ Ялту и попенялъ за то, что она убѣжала изъ столовой, не захотѣла съ нимъ протанцовать тура вальса.

Она начала горячо увѣрять его, что никакого нежеланія тутъ не было, а сдѣлалось ей слишкомъ горько отъ картины веселья, и она разрыдалась.

— Съ той ночи многое перемѣнилось, — значительно выговорила она, — и если у васъ опять будетъ что-нибудь — рассчитывайте на меня.

— И верхомъ поѣдете?

— Непремѣнно.

Гущинъ, на ея разпросы о постояльцахъ большого дома и домиковъ, давалъ ей подробныя свѣдѣнія. Онъ всѣхъ зналъ. Марья Денисовна пожелала „поглядѣть“ на тѣхъ изъ дамъ и дѣвицъ, кто, по его мнѣнью, занимательнѣе.

— Вамъ что нужно? — вскричалъ Гущинъ, обрадованный такой быстрой перемѣной въ „задержанной“ барышнѣ. — Благой примѣръ независимыхъ русскихъ женщинъ васъ вылѣчить безъ всякихъ проповѣдей. Вы увидите, какъ можно, живя на крошечныя средства, блаженствовать.

— Ужъ и блаженствовать, — насмѣшливо повторила Усманская.

— Да-съ, блаженствовать! Да вотъ, чтобъ не далеко ходить... Угодно, я съ вами побываю въ скиту?

— Что это такое скить?

— Скить — вы знаете что... гдѣ монашки-раскольницы живутъ... Это я прозвалъ одинъ домикъ... тамъ вонъ, у самага вѣзда, его не видно изъ-за кипарисовъ. Живутъ тамъ двѣ дѣвицы... пожилыя. Одной ужъ подъ сорокъ лѣтъ...

— Успокоилась, — точно для себя выговорила Усманская.

— Вовсе нѣтъ! И не думала успокаиваться. Вся пылаетъ, вся кипитъ! Одна у ней цѣль и отрада — знаніе, идеал... И дружба. Хотите къ нимъ?

— Какъ, сейчасъ?.. Какъ же это будетъ?..

— Ну, вотъ видите... и барышня сказала. Да такъ же. Онѣ навѣрно сидятъ на балкончикѣ, чаекъ пьютъ съ простоквашей, яицами. Хлѣбъ свой, разныя лепешечки. Я имъ скажу: „вотъ барышня хочетъ знакомиться съ хорошими людьми“, больше никакихъ представленій не нужно.

Она подумала и согласилась.

XIX.

Гущинъ повелъ ее подъ руку. Теперь она и не замѣтила даже, какъ ея рука очутилась около его стана. Они шли скоро и продолжали весело разговаривать. И Гущинъ чувствовалъ себя вполне въ своей стихіи. Можетъ-быть, онъ приписывалъ даже вліянію ихъ перваго разговора то, что „барышня“ набирается другихъ мыслей и сбрасываетъ съ себя свои претензіи. Это его искренно радовало.

„У ней навѣрно есть характеръ, — думалъ онъ, продолжая перекидываться фразами. — Какія брови и губы, и все лицо энергично! Надо только показать ей новые исходы“.

— Вотъ и скитъ! — вскричалъ Гущинъ, и ускорилъ шагъ. — Мы попадемъ какъ разъ въ пору.

Они подходили къ домику съ крытой галлерею. Можно было издали рассмотреть фигуру надъ перилами.

— Это Катерина Яковлевна Русанова! — вскричалъ Гущинъ.

— У ней короткіе волосы. Нигилистка?

— Ха-ха! Какъ вы это спросили!.. На взглядъ вашей маманъ, конечно, изъ „нигилистиковъ“. Такъ вѣдь въ Москвѣ называютъ серьезныхъ дѣвушекъ кумушки съ Цоварской и Сивцева-Вражка. Вотъ увидите. Только лучше ужъ и вамъ сразу скажу, что у ней докторскій дипломъ.

— Лѣчить?

— Никого не лѣчить. Она — докторъ естественныхъ наукъ.

— Гдѣ же она училась? — спросила Усманская и подумала: „вотъ еще охота“.

— За границей.

— Въ Швейцаріи?

— Почему же непременно въ Швейцаріи? Это у васъ тоже одно изъ свѣтскихъ пугалъ. Въ Германіи защищала докторскую диссертацию.

— Какъ это страшно!

Оба разсмѣялись.

— Навелъ Навычтъ! — крикнули ему съ галлерей.

— Только, право, мнѣ не совѣмъ ловко, — весело говорила Марья Денисовна.

— А вотъ я сейчасъ васъ выдамъ.

— Нѣтъ, не надо... Я такихъ ученыхъ боюсь. Я ничего не знаю.

— Старая пѣсня!

XX.

Съ этими словами Гущинъ подвелъ Марью Денисовну къ домику.

Черезъ перила галлерейки перегнулась женщина въ темномъ платьѣ и протянула Гущину руку.

Въ двѣ-три секунды оглядѣла ее Усманская, насколько можно было въ густыхъ сумеркахъ надвинувшейся ночи. Лицо — худощавое, кажется, съ просѣдью въ волосахъ, большіе глаза, зубы сохранились и сверкнули въ широкой и ласковой усмѣшкѣ.

— Ха-ха-ха! — разсыпался по воздуху ея смѣхъ — еще очень молодой — лѣтъ на двадцать моложе ея лѣтъ. — Павелъ Павлычъ, вы глазами ищите Котикъ?

Но она не договорила, увидавъ, что онъ съ дамой.

— Катерина Яковлевна, я вамъ веду гостью. М-ше Усманская. Хочу познакомить ее со скитомъ. А Котикъ?

— Вотъ видите... О Котикъ сейчасъ же освѣдомится профессоръ... Котикъ!

— Иду, иду! — крикнулъ изъ комнаты женскій, тонкій голосокъ. — Свѣчку уставляю въ фонарь.

— Какъ всегда — изображаетъ евангельскую Марю, — сказалъ Гущинъ, все еще стоя съ Марьей Денисовной у крыльца.

— Да, да... въ своемъ элементѣ... Да что жъ вы стоите?.. Милости просимъ, — сказала Русанова въ сторону гостыи, — мѣста хватить.

— И угощеніе будетъ? — спросилъ Гущинъ.

— И угощеніе. Есть простокваша... есть варенныя сливы со сливками... Котикъ сегодня самъ хлѣбъ пекутъ, па молоко. Самоваръ тоже готовъ... Всего будетъ.

— Сами хлѣбы пекутъ, варить варенье, — думала Марья Денисовна, поднимаясь по ступенькамъ. — Какъ здѣсь славно пахнетъ!

Пахло свѣжеиспеченнымъ хлѣбомъ, молочной ѣдой, хорошимъ вареньемъ. Все это было разставлено на столнѣхъ, занимавшемъ собою почти всю ширину галлерей. Стулья стояли съ боковъ.

Русанова крѣпко пожала руку гостыи и посмотрѣла на нее прищурившись, но съ улыбкой. Марья Денисовнѣ въ

XIX.

Гущинъ повелъ ее подъ руку. Теперь она и не замѣтила даже, какъ ее рука очутилась около его стана. Они шли скоро и продолжали весело разговаривать. И Гущинъ чувствовалъ себя вполне въ своей стихіи. Можетъ-быть, онъ приписывалъ даже влиянію ихъ перваго разговора то, что „барышня“ набирается другихъ мыслей и сбрасываетъ съ себя свои претензіи. Это его искренно радовало.

„У ней навѣрно есть характеръ, — думалъ онъ, продолжалъ перекидываться фразами. — Какія брови и губы, и все лицо энергично! Надо только показать ей новые исходы“.

— Вотъ и скитъ! — вскричалъ Гущинъ, и ускорилъ шагъ. — Мы попадемъ какъ разъ въ пору.

Они подходили къ домику съ крытой галлерею. Можно было издали разсмотрѣть фигуру надъ перилами.

— Это Катерина Яковлевна Русанова! — вскричалъ Гущинъ.

— У ней короткіе волосы. Нигилистка?

— Ха-ха! Какъ вы это спросили!.. На взглядъ вашей маманъ, конечно, изъ „нигилистиковъ“. Такъ вѣдь въ Москвѣ называютъ серьезныхъ дѣвушекъ кумушки съ Поварской и Сивцева-Вражка. Вотъ увидите. Только лучше ужъ и вамъ сразу скажу, что у ней докторскій дипломъ.

— Лѣчить?

— Никого не лѣчить. Она — докторъ естественныхъ наукъ.

— Гдѣ же она училась? — спросила Усманская и подумала: „вотъ еще охота“.

— За границей.

— Въ Швейцаріи?

— Почему же непременно въ Швейцаріи? Это у васъ тоже одно изъ свѣтскихъ пугалъ. Въ Германіи защищала докторскую диссертацию.

— Какъ это страшно!

Оба разсмѣялись.

— Навелъ Навычтъ! — крикнули ему съ галлерей.

— Только, право, мнѣ не совѣмъ ловко, — весело выговорила Марья Денисовна.

— А вотъ и сейчасъ васъ выдамъ.

— Нѣтъ, не надо... Я такихъ ученыхъ боюсь. Я ничего не знаю.

— Старая пѣсня!

XX.

Съ этими словами Гушинъ подвелъ Марью Денисовну къ домику.

Черезъ перила галлерейки перегнулась женщина въ темномъ платьѣ и протянула Гушину руку.

Въ двѣ-три секунды оглядѣла ее Усманская, насколько можно было въ густыхъ сумеркахъ надвинувшейся ночи. Лицо — худощавое, кажется, съ просѣдью въ волосахъ, большіе глаза, зубы сохранились и сверкнули въ широкой и ласковой усмѣшкѣ.

— Ха-ха-ха! — разсыпался по воздуху ея смѣхъ — еще очень молодой — лѣтъ на двадцать моложе ея лѣтъ. — Павелъ Павлычъ, вы глазами ищите Котика?

Но она не договорила, увидавъ, что онъ съ дамой.

— Катерина Яковлевна, я вамъ веду гостью. М-ле Усманская. Хочу познакомить ее со скитомъ. А Котикъ?

— Вотъ видите... О Котикѣ сейчасъ же освѣдомится профессоръ... Котикъ!

— Иду, иду! — крикнулъ изъ комнаты женскій, тонкій голосокъ. — Свѣчку уставляю въ фонарь.

— Какъ всегда — изображаетъ евангельскую Марю, — сказалъ Гушинъ, все еще стоя съ Марьей Денисовной у крыльца.

— Да, да... въ своемъ элементѣ... Да что жъ вы стоите?.. Милости просимъ, — сказала Русанова въ сторону гостыи, — мѣста хватить.

— И угощеніе будетъ? — спросилъ Гушинъ.

— И угощеніе. Есть простокваша... есть варенныя сливы со сливками... Котикъ сегодня самъ хлѣбъ пекутъ, па мѣлокѣ. Самоваръ тоже готовъ... Всего будетъ.

— Сами хлѣбы пекутъ, варятъ варенье, — думала Марья Денисовна, поднимаясь по ступенькамъ. — Какъ здѣсь славно пахнетъ!

Пахло свѣжеиспеченымъ хлѣбомъ, молочной ѣдой, хорошимъ вареньемъ. Все это было разставлено на столѣ, занимавшемъ собою почти всю ширину галлерей. Стулья стояли съ боковъ.

Русанова крѣпко пожала руку гостыи и посмотрѣла на нее прищурившись, но съ улыбкой. Марья Денисовна въ

такой споръ между мужчиной и дамой въ любой свѣтской гостиниой былъ бы невозможенъ. Но отчего? Оттого, что никакой мужчина не станетъ спорить съ дамой или дѣвушкой о чемъ-нибудь дѣльномъ. Можетъ-быть, о романѣ, да и то больше перебирать: можно этотъ романъ читать порядочной женщиной или нѣтъ?

XXIII.

Вдругъ Марья Денисовна вспомнила, что у ней больная. Пора бѣжать въ другой домикъ. Она поспѣшно допила чай, встала и начала извиняться.

— Куда?.. — громко остановилъ ее Гущинъ. — У насъ еще не рѣшенъ вопросъ... Катерины Яковлевны вы еще порядкомъ не видали... И васъ долженъ проводить.

Отъ провожанья она отказалась, пожала руку Русановой, но затруднилась сказать ей нѣсколько обыкновенныхъ свѣтскихъ фразъ.

— Безъ прощанья! — сказала ей та, все еще пожимая руку. — Мы каждый вечеръ дома, гуляемъ только по ночамъ, поздно.

— Да мнѣ кажется, что я въ вашемъ обществѣ... слишкомъ... глуха, — тише выговорила Усманская и разсмѣялась.

— Здѣсь наберетесь всего... — заговорилъ Гущинъ. — Вотъ разспросите Катерину Яковлевну, какъ она покинула родительскій домъ. Тоже вѣдь воспиталась въ шелкахъ и бархатахъ...

„Не такъ, какъ я“, — подумала Усманская.

— Если позволите... буду у васъ, — вымолвила она и почувствовала себя совсѣмъ дѣвчонкой.

— Котикъ! — позвала Русанова, — m-me Усманская уходитъ.

— Не беспокойте, пожалуйста.

— Не подаю вамъ руки, — извинилась Захарова, подбѣжавъ къ столу, — не успѣла вымыть. Павлу Павлычу хочу сдѣлать сюрпризъ.

— Видите, видите, — весело подхватила Русанова, — Котикъ въ васъ влюбленъ...

— Катя!.. Что ты!.. Что ты!

Захарова вся зардѣлась и тотчасъ же убѣжала.

Гущинъ порывался проводить Марью Денисовну, но она рѣшительно отказалась и пошла одна.

— Слово свое сдержите! Ждемъ васъ! — проговорила ей

вслѣдъ Русанова, перекинулась черезъ перила и долго кивала головой во мглѣ засвѣтлившей ночи.

Вернется ли она? Ее охватило тамъ что-то совсѣмъ новое; обѣ онѣ — симпатичны; особенно этотъ „Котикъ“; только сама-то она не подходитъ къ нимъ! Но Гущинъ правъ: въ ихъ „скиту“ она привыкнетъ къ другому складу жизни, будетъ умѣть говорить и спорить съ дѣльными мужчинами, найдетъ „исходъ“ — какъ выражался Павелъ Павлычъ.

Скорой ходьбы понадобилось двадцать минутъ. Когда она заглянула въ окно при свѣтѣ ночника, Прежнева спала.

XXIV.

Четыре дня спустя, опять подъ вечеръ, у ключа, Прежнева подбѣжала къ Усманской, безъ косынки на головѣ, съ развѣвающимися волосами, красная и трепещущая.

— Неслась къ вамъ, — задыхаясь, говорила она и чуть не упала.

— Что? Будетъ?

— Да, да!..

Надо было усадить ее на скамью. Онѣ вмѣстѣ сочиняли письмо къ Володѣ. Усманская отправила его съ холиномъ гостиницы. Отвѣта тотъ не привезъ; но видѣлъ Шеломова, который сказалъ ему, что напишетъ по почтѣ. Всѣ эти три дня надо было ходить за Прежневой: ея ажитация не ослабѣвала до ночи. Нѣсколько разъ она начинала упрашивать Марью Денисовну вприснуть хоть капелъку морфію; но та была непреклонна. Послѣ просьбъ со слезами, она бранила себя всякими бранными словами, рвала волосы, переходила къ смѣху, къ ласкамъ, мечтала вслухъ, — какъ Володя будетъ у ней, она его совсѣмъ передѣляетъ въ „чудное созданіе“, онъ возьметъ ее жить къ себѣ... Марья Денисовна нарочно охлаждала ее, доказывала, что въ двѣнадцать лѣтъ онъ, конечно, забыть мать; хорошо, если откликнется хоть нѣсколькими словами и не огорчить ее своей холодностью и непочтительнымъ обхожденіемъ. Лучше же было подготовить ее ко всему худшему. Но Прежнева не спорила, даже не огорчалась. Она, въ промежуткахъ слезъ и упрасиваній дать ей морфію, мечтала и мечтала... Минутами Усманской казалось, что передъ ней полусумасшедшая.

Она спрашивала себя: „Можно ли такъ безумствовать? Какая радость увидать испорченнаго фатинку?“

Материнство все еще спало въ ней. Въ душѣ не поднималось ничево около этой покинутой матери, ушедшей въ мечты и порывы. Усманская ставила себя мысленно въ такое же положеніе. Она была бы слишкомъ обижена поведеніемъ мужа, возмущена его предательствомъ; ревность, гордость, сознаніе своихъ законнѣйшихъ правъ давно перешли бы въ ней въ полную презирающую холодность. Ее она распространила бы и на сына, воспитаннаго въ забвеніи матери женщиной, разбившей, отнявшей у ней все. Только „божья коровка“, какъ Лидія Никаноровна, съ ея нервами, расшатанными морфіемъ, могла еще терпѣться, исходить въ надеждахъ и воздушныхъ замкахъ...

XXV.

— Вотъ, вотъ... прочтите...—задыхаясь, говорила Прженева и шарила лѣвой рукой въ карманъ платья, не находила его, искала въ правомъ, еще больше заволновалась и, наконецъ, вытащила скомканный листокъ модной бумаги, наръзанной вдоль, пѣжно-перловаго цвѣта, съ длинной золотой монограммой.

Она опустила голову на плечо Усманской и поцѣловала ее въ щеку.

— Читайте...—шептала она съ закрытыми глазами.

Голосъ замиралъ въ сладкой истомѣ блаженства.

„Какое безуміе!“ — почти брезгливо сказала про себя Усманская и разгладила рукой скомканную записку.

Стояло нѣсколько строкъ. Записка не начиналась даже словомъ „мамаша“, или „матушка“, или „папа“.

„Въ четвергъ,—написано было конторскимъ почеркомъ съ усами и росчерками, — послѣ обѣда пріѣду васъ провѣдать и посидѣть на вольномъ воздухѣ. Однако, прошу никакихъ исторій не поднимать.

„Владиміръ Шеломовъ“.

И такая-то записка наполняетъ эту несчастную блаженствомъ!

— Въ четвергъ! — порывисто прошептала она. — вѣдь это завтра, понимаете ли, душа моя, завтра!

Прженева вскочила и стала прыгать и бить въ ладоши. Глаза ея забѣгали по сторонамъ, волосы еще больше растрепались. Усманская поглядѣла на нее со страхомъ,

поднялась со скамьи, взяла ее за обѣ руки и стала успокаивать.

— Ха-ха!..—смѣялась Прежнева, обнимала и цѣловала ее,—вы боитесь... душа моя... Я вижу... думаете, чудачка съ ума сошла... да? И такъ и знала. Нѣтъ же, нѣтъ, милая... Я отъ радости... Вѣдь двѣнадцать лѣтъ Володя...

Голова ея упала въ колѣни Усманской. Рыданія и взвизгиванія чередой колыхали ея изможденное тѣло вмѣстѣ со смѣхомъ, но не истерическимъ, а безумно-радостнымъ.

Марью Денисовну кольнуло. Потомъ это блаженство, хлынувшее черезъ край материнской души, начало мутить ее физически. Жѣлъчь—съ ней часто случались припадки—подступила вдругъ. Она не могла больше выносить радости Прежневой, высвободила свои колѣни изъ-подъ головы ея и проговорила тихо:

— Полноте... довольно... Я такъ не могу!

XXVI.

Прежнева смолкла, испуганно, какъ дѣвочка, взглянула на нее, сдержала новый взрывъ смѣха, обняла ее и припала головой къ ея груди.

— Милая... не буду! Не бойтесь. Простите. Вамъ неприятно. Кто же можетъ понять?... Оставьте меня. Я побѣгу... наверхъ... Измучить себя надо. Бѣгу... не ходите за мной... Не бойтесь... Чай будемъ нить — да? Черезъ часикъ... И вы увидите... какая я тихонькая буду!

Прежнева побѣжала сначала внизъ, взяла направо по крутой дорожкѣ вверхъ, между виноградниками, обернулась еще, сдѣлала Марья Денисовнѣ ручку и скрылась за двумя дубками.

Бояться за нее не хотѣлось Марья Денисовнѣ. „Не упадетъ! Будетъ дома“. Она это подумала почти съ сердцемъ. Но ей было все-таки не по себѣ. Подъ ложкой сосало. Вотъ сейчасъ замутить еще сильнѣе. Надо торопиться или домой, или къ домику Прежневой. Лучшее домой. Если это жѣлъчь, то не пройдетъ до ночи, да и завтра придется лежать пластомъ съ ужасной головной болью. Нѣтъ, это не жѣлъчь. Жутко стало на душѣ; а не отъ печени... Тоскливое и раздражающее чувство, еще совсѣмъ не вызнанное и не уясненное, засѣло внутри, просится куда-то и не можетъ выйти, лопнуть, разрѣшиться слезами или чѣмъ-нибудь инымъ.

Сидѣть на мѣстѣ—несносно. Она спустилась къ берегу;

попадающіе подъ ноги камешки раздражаютъ ее. Поскорѣе — къ большимъ глыбамъ, у самаго края воды. На одинъ изъ этихъ камней можно слегка подняться и сѣсть наверху, смотрѣть, какъ подъ нимъ кипитъ пѣна прибоя.

Добралась она до большого камня, перескочила черезъ двѣ щели, куда вода подтекаетъ, и сѣла на гладкую площадку, всю пестрящую изломомъ мраморныхъ слоевъ, перемежанныхъ съ гранитомъ. Сидѣть удобно, протанувъ ноги къ морю. Въ лицо летятъ брызги, вѣтерокъ играетъ волосами на лбу, пахнетъ солью и водорослями. Но на душѣ все такъ же нудно. И съ каждой минутой хуже и хуже. За горло схватить родъ спазма, къ глазамъ подступаютъ слезы; но онѣ не текутъ изъ орбитъ, рыданія не вырываются изъ груди. Въ голову бьетъ, мысль витаетъ около чего-то забытаго, постылаго; какъ будто не можетъ вспомнить, а потомъ пугается, не хочетъ вспоминать. Лучше было бы убѣжать куда-нибудь мыслью, за море... или смотрѣть на одну точку, на горизонтъ, вонъ на парусъ рыбацкой лодки, или вверхъ на звѣзду...

XXVII.

„И ты—мать!“

Эти три слова внезапно выплыли и встали въ головѣ, не какъ смутная мысль, а какъ слова, начертанныя на темномъ фонѣ яркими буквами.

„Да!“—повторила она и поникла головой. Жаръ запылалъ у ней на лбу и на груди,— по всему тѣлу... Испарина смѣнила его мгновенно...

„Да—и я мать,—продолжала она читать слова въ своей головѣ,—а гдѣ же мой ребенокъ?“

Вопросъ выскочилъ самъ: она его не хотѣла задавать! Зачѣмъ онъ ей теперь? То сгинуло. Того не было никогда. Кромѣ стыда и безплодной боли, что же принесутъ ей такіе вопросы? Злость напала на нее. Страхнуть съ себя это непонятное, дикое настроеніе, бросить его въ море, окунуться туда, въ воду, и выплыть со свѣжей головой, какъ ей случалось испытывать по утрамъ, послѣ тяжелаго сна съ видѣньями.

Руки ея, полусознательно, начали было разстегивать платье. Голова же подумала, что еще не стемнѣло, что могутъ въ пяти шагахъ быть гуляющіе.

Платье осталось на ея плечахъ. Она не окунулась, а

сидѣла, согнувъ колѣни, положила на нихъ голову и смотрѣла на одну точку — на чуть бѣлѣющее пятно паруса. Вопросъ опять стоялъ въ головѣ, не хотѣлъ уходить ни за что.

„Гдѣ твой ребенокъ?“

И она, какъ бы противъ воли, начала думать, что этотъ ребенокъ можетъ жить, живетъ и теперь, ему четыре года, онъ красивый мальчикъ, въ черныхъ кудряхъ, похожъ на нее... Но гдѣ онъ? Она никогда объ этомъ не спрашивала себя. Гдѣ-то, когда-то слыхала она или читала, что дѣтей, отнесенныхъ въ воспитательный домъ, отдають въ деревни. Да, она читала случайно въ газетѣ цѣлую статью. Вотъ теперь вспомнила и то, что ихъ зовутъ „питомцы“. Воспитываютъ ихъ бабы, изъ подгороднихъ деревень, кормятъ гадко, держатъ въ грязи, дѣти мрутъ сотнями... бабы скрываютъ часто ихъ смерть, чтобъ получать за нихъ содержаніе.

Какъ быстро и отчетливо она возстановила въ память газетную статью. Стало-быть, и ея мальчикъ прошелъ черезъ то же... умеръ!

Слово „умеръ“ прозвучало внутри ея и облило ее тотчасъ холодомъ эмира. Но почему непремѣнно онъ? Баба полюбила его, выкормила; онъ здоровый, краснощекій, проживетъ сто лѣтъ...

XXVIII.

„Но вѣдь онъ, все равно, умеръ для тебя! Ты его не найдешь“.

„Не найду“, — повторила она про себя, и тутъ только хлынули рыданія.

Они не облегчили ее. Чѣмъ больше лилось слезъ, тѣмъ ядовитѣе капли горечи падали ей на сердце. Ничего такого она не испытала во всю свою жизнь. Чувство было невыносимѣе всѣхъ дѣвичьихъ мукъ, дрызгъ, огорченій, схватокъ съ матерью, отчаянныхъ вызововъ судьбѣ и позорной доли барышни, обреченной на ловлю жениха. Она не умѣла утишить боли, справиться съ нею. Море тутъ, подъ ногами. Броситься въ него? Не боязнь удержала ее, а что-то впереди, въ туманѣ, —какой-то приказъ, зарокъ; онъ тянулъ ее, удерживалъ отъ легкаго исхода вольной смерти. Пальцы ея правой руки безпричинно стали отряхивать и ощущивать платье. У ней въ карманѣ что-то лежитъ. Игла и морфій. Она забыла ихъ въ

этомъ платьѣ. Чего же лучше? Вѣдь она видѣла, какъ Прженева, черезъ десять секундъ, переставала плакать и мучиться, улыбалась полубезумной улыбкой и начинала болтать долго, несвязно и уноситься куда-то, въ такой же мѣръ забвенія, какъ отъ опіума или гашиша. Здѣсь можно проколоть себѣ что хочешь: ногу, грудь; никого нѣтъ, никто не увидитъ.

Рука схватила въ карманѣ свертокъ и выхватила его безповоротнымъ движеніемъ.

„А вдругъ хуже будетъ?“—съ ужасомъ подумала она и такъ же быстро спрятала свертокъ въ карманъ. Нѣсколько разъ опускала она туда руку и выдергивала ее. Волны душевныхъ колебаній качали ее изъ стороны въ сторону. Ей немного какъ будто полегчало; она встала безъ усилій, потребность въ ходьбѣ, въ усталости явилась сейчасъ же. По другой тропчкѣ, каменистой и обсыпчатой, хватаясь за нити и сучья, полѣзла она наверхъ, все выше и выше. Только бы скорѣе выбиться изъ силъ, задохнуться, что-нибудь ощутить такое, послѣ чего тѣло падаетъ какъ спопъ, а голова переходитъ въ небытіе обморока...

Такъ бѣжала она по скалистымъ верхамъ, покуда могла лѣзть все кверху. Но силы не оставляли ее. Съ крикомъ ярости махнула она рукой въ одномъ мѣстѣ, откуда нельзя уже было подниматься, и побѣжала внизъ; платье цѣплялось за сучья, ботинки давно уже были разодраны. Бѣжала она по направленію къ домику Прженевой...

XXIX.

Подъ навѣсомъ шумѣлъ на столікѣ самоваръ. Лидія Никаноровна сидѣла въ креслахъ, тихо улыбалась и поглядывала на записку перловаго двѣта. Лампа освѣщала окно, и столъ, и всю сторону навѣса.

Шумно сбѣжала къ ней Усманская по лѣсенкѣ, задыхаясь, сидѣла еще нѣсколько шаговъ и упала на колѣни, около ея кресла, головой припала къ ней и беззвучно всхлипывала, вся потрясенная.

Долго не могла она говорить; но когда подняла голову, поглядѣла прямо въ глаза Прженевой и увидала ея все еще блаженное выраженіе глазъ, крикнула:

— И я мать! Хочу! хочу! Отдайте мнѣ моего ребенка!

Прженева пугливо оглядѣла ее. Не подѣйствовала ли

она сама на Усманскую? Не припадокъ ли душевнаго разстройства?

— Милая, милая,—начала она ее успокаивать.—Полноте, что вы... выпейте... капли у меня прекрасныя.

Рыданія прекратились, и однимъ духомъ Марья Денисовна открыла ей первой свою тайну.

— Гдѣ онъ?—уже шопотомъ спрашивала она, все еще стоя на колѣняхъ передъ Прежневой. — Бросила его... какъ собачонку!..

По мѣрѣ того, какъ она это говорила, у ней внутри разгоралось новое чувство. Для ней вдругъ стало ясно, зачѣмъ она живетъ, что ей нужно дѣлать, куда идти, для кого работать!.. У ней есть одна цѣль—ребенокъ!

Это чувство покрывало собою терзанія за свое преступленіе: она такъ назвала свой дѣвическій проступокъ.

Прежнева слушала ее съ участіемъ; но она сама была слишкомъ переполнена своей радостью, чтобы уйти въ душу Усманской. Когда она услышала рассказъ о двухъ встрѣчахъ въ одинъ день: съ гусаромъ и съ бывшей акушеркой, то что-то припомнила, взяла Усманскую руками за голову, поцѣловала и прошептала:

— Бѣдная вы моя... вѣдь нынче... нельзя...

— Чего нельзя?—вся встрепенувшись, спросила Усманская.

— Кажется... я читала.

Но она уже испугалась, что сказала лишнее.

— Вотъ вы понимаете меня... не смѣйтесь... надо мной... понимаете.

Теперь только Усманская поняла ее.

XXX.

Но Прежнева такъ и не досказала ей, когда волненіе Усманской унялось, того, что ей пришло на память. Она гдѣ-то читала, или слышала, что дѣтей, отданныхъ въ воспитательный домъ, уже не возвращаютъ назадъ, номеровъ больше не выдаютъ. Не хотѣла она убитъ ее сразу.

— Номерокъ вы не велѣли взять тогда? — спросила она.—Припомните.

Марья Денисовна помнила, что сама акушерка посоветовала ей взять номеръ; но гдѣ онъ—она не знаетъ. Она такъ поглощена была тогда тѣмъ, какъ ей вернуться домой къ чаю, да и не хотѣла она знать этого

ребенка, можетъ-быть, обрадовалась бы, если бы онъ родился мертвымъ.

А теперь!..

— Вотъ... Богъ-то и помогъ,—шептала, наклонившись надъ нею Прежнева,—авось... надо узнать... быть-можетъ, эта... жена-то профессора...

— Да, да!—вскричала Марья Денисовна, и начала ходить около домика, по дорожкѣ.

Хоть сейчасъ бы полетѣла она въ Алупку.

— Вамъ самой-то... неловко... душа моя. Я съѣзжу... къ этой профессоршѣ.

— Нѣтъ! Нѣтъ!—вскричала Марья Денисовна, остановилась и сдѣлала сильный жестъ правой рукой.—Завтра же я къ ней, утромъ.

— Милая... вы... барышня... можетъ кто услышать... Вы мнѣ все запишите на бумажкѣ. Ей-Богу, я не забуду ничего... Завтра пріѣдетъ Володя... Онъ меня воскресить... А въ пятницу я сама утромъ.

На это Усманская не согласилась. Она начала говорить сильно и горячо: какъ она отправится къ женѣ профессора, сразу ей откроется, напомнитъ ей все, до мельчайшихъ подробностей, добьется отъ нея непременно!

Обѣ матери сидѣли рядомъ, на кровати, полусвѣщенныя лампой, рука въ руку, глядяши одна на другую умиленными глазами и жили однимъ чувствомъ. Время шло. Имъ не было ни скучно, ни страшно. Онѣ обѣ вѣрили.

Шелъ уже двѣнадцатый часъ, когда Усманская собралась домой. Прежнева проводила ее до спуска къ влѣчу.

— Звѣздъ-то, звѣздъ-то сколько,—съ дѣтской радостью говорила Прежнева, закидывая голову.—Вотъ... та звѣздочка... моего Володи... А вашего, милая, какъ зовутъ?.. Можетъ, также Володя—да?.. Вошь ему ту отдадимъ... что прямо надъ головой...

Дѣвушка-мать ничего не отвѣчала, но долго глядѣла на звѣзду, и въ душѣ ея все росла и росла потребность жертвы...

XXXI.

Съ матерью у ней уже не было больше переговоровъ насчетъ того: куда идти и въ которомъ часу? Но Марья Денисовна, вернувшись, зашла къ матери проститься. Сразу смякъ ея топъ съ нею. Она захотѣла повести со-всѣмъ по-другому свое обхожденіе.

„Притворюсь,—говорила она себѣ, когда шла домой,— смирю себя, поддѣлаюсь къ ней, какъ только возможно“.

Такая ложь будетъ для нея сладкой ложью, высокимъ притворствомъ. Она способна была увѣрять въ своемъ желаніи сдѣлать блестящую или денежную партію, выслушивать всѣ совѣты матери по туалету, умѣнно вести себя въ обществѣ, насчетъ разныхъ „manoeuvres“. Будетъ обнадеживать и тѣмъ, что онѣ могутъ еще прогнать двѣ зимы на разные „expédients“. Только бы она оставила ее въ покоѣ до возвращенія въ Москву.

Обдумывая все это, она не казалась гадкой самой себѣ. Въдѣ впереди онъ, ея ребенокъ, ея сынъ! „Только не Володя“,—добавила она умственно. Не только на хитрость и притворство, но она готова пойти на униженія, выслушивать брань, испытать хоть побои. Сейчасъ же вернулись къ ней силы. Она знаетъ себѣ пѣну. Нужды нѣтъ, что у ней нѣтъ диплома на гувернантку; языкамъ ее выучили хорошо, по-французски и по-англійски пишетъ лучше чѣмъ по-русски. Неужели она не пропитаетъ и не сдѣлаетъ человѣкомъ одного мальчика, не продавая себя въ замужество, какъ барышня, тайно имѣвшая когда-то ребенка?.. Вотъ мужчинѣ — ни одному она лгать никогда не будетъ. Да и не нужно ей никого! Женихъ!— Это только необходимый предметъ разговоровъ съ матерью до той минуты, когда она уйдетъ.

А это будетъ, какъ только ей вернуть ребенка. Въ этомъ она не сомнѣвалась,—забыла вырвавшуюся у Пржемыевой фразу. Увѣренность переходила у ней во что-то непоколебимое.

Матери она предложила, прощаясь съ нею—даже поцѣловала у ней руку—завтра передъ обѣдомъ, почитать ей по-французски, въ тѣни кипарисовъ, внизу, надъ обрывомъ морского берега; выбрала для этого взятую съ собою книжку „Revue des deux Mondes“. Ольга Евграфовна считала этотъ журналъ незамѣнимымъ и высоконравственнымъ. Въ головѣ матери уже третій день какъ складывался выводъ:

„Marie bâcle un mariage. Laissons la faire“.

XXXII.

Въ Алупку Марья Денисовна рассчитала пойти утромъ, пораньше, чтобы вернуться къ завтраку. Мать знала, что она, по утрамъ, уходитъ купаться и долго гуляетъ. Вече-

ромъ жену профессора можно было и не застать. Они навѣрно каждый день ѣздить кататься. Самый удобный часъ—утромъ, за чаемъ или только что та одѣнется.

День начинался большимъ жаромъ; но это ее не испугало. Хозяинъ гостиницы ѣздилъ за провизіей каждый день, въ тильбюри, гдѣ оставалось еще одно мѣсто. Но она не хотѣла просить его, не изъ боязни толковъ и сплетенъ, а ей тяжело бы былъ всякій разговоръ дорогой, да и все равно придется идти назадъ пѣшкомъ: она не можетъ же заставлять его дожидаться.

Въ половинѣ восьмого, она, въ холстинковомъ туалетѣ и подъ такимъ же зонтикомъ, пошла ровнымъ шагомъ по направленію къ Алупкѣ, сдерживала свой шагъ и старалась даже думать о чемъ-нибудь другомъ—до такой степени новое чувство наполняло ее съ утра. Хозяинъ гостиницы давно уже уѣхалъ. Но врядъ ли кто-нибудь встрѣтитъ или обгонитъ на дорогѣ. Да и не все ли ей равно? Только бы застать въ Алупкѣ жену профессора. Вѣдь они могли уѣхать...

При этой мысли она на одну секунду похолодѣла и остановилась; но сейчасъ же пошла быстрее. Если бъ и въ самомъ дѣлѣ она ихъ не нашла больше въ Алупкѣ, жена профессора все-таки не уйдетъ отъ нея. Ея мужъ—извѣстный консультантъ. Мѣсяць позднеѣ, какихъ-нибудь двѣ-три недѣли, и она у ней, и все ей припомнить, и добыется, и спасетъ своего сына...

Такъ должно быть!

На поворотѣ, около мыса—онъ напомнилъ ей побѣгъ изъ Ялты—она слышала конскій топотъ. Ей сдѣлалось тревожно. Всадникъ, весь въ бѣломъ, скачетъ къ ней навстрѣчу, окруженный клубами пыли.

Это былъ Гущинъ. Онъ ее узналъ и замахалъ шляпой. Отъ разспросовъ не уйдешь.

— Марья Денисовна!—закричалъ онъ за десять шаговъ и придержалъ лошадь, нагнулся впередъ и поѣхалъ мелкой рысью. Лошадь пошла съ перевальцемъ, иноходью.

Поровнявшись съ Усманской, онъ остановился, еще разъ снялъ шляпу и нагнулся къ ней.

— Каково утро!—радостно крикнулъ онъ.—Отчего же вы пѣшкомъ?.. Куда? Просто гуляете?

Она могла бы сказать „да“; но лгать она не хотѣла.

— Въ Алупку.

— Туда и обратно?

— Какъ видите.

XXXIII.

— И я туда ѣздилъ... справляться: не тамъ ли живетъ профессоръ Сапіентовъ.

— Сапіентовъ!—вырвалось у ней.

Какъ она себя ни перевозмогала, но кровь отхлынула отъ ея лица и ноги подкосились.

— Вы его знаете?.. Брали консультацію?.. Можетъ-быть, къ нему?.. Такъ я васъ долженъ предупредить, что онъ отъ всѣхъ скрывается... никакихъ больныхъ не принимаетъ. Мнѣ ужъ это говорили. А мы съ нимъ товарищи по университету, только на разныхъ факультетахъ. Еще спать!.. И жена также. Я тамъ велѣлъ сказать имъ, что прошу ихъ къ намъ, вечеромъ, и чтобъ они мнѣ дали знать, когда будутъ. Во вторникъ я жду жену.

Отвѣчать на прямой вопросъ уже не нужно было. Гущинъ слишкомъ много наговорилъ послѣ того.

— Я не лѣчусь!—сказала Усманская, выпрямилась и перевела духъ.

— А вы, кажется, жаловались на печень?.. Такъ вы просто гулять? Не схватите солнечнаго удара. Я, какъ приѣду,—въ волны!.. Прощайте. Сапіентовъ—голова замѣчательная. Если приѣдетъ—я вамъ дамъ знать. И жена у него славная. Изъ акушеровъ кажется.

Гущинъ усакала. Она стояла посреди дороги и озиралась. Опять судьба играла съ ней. Сапіентовъ приѣдетъ къ нимъ съ женой. Гущинъ будетъ непременно знакомить. Какъ тогда быть?

Но это еще—„тогда“. А теперь она сама идетъ на розыски.

Къ гостиницѣ она подходила опять съ прежнимъ настроеніемъ. Пекло ужасно; но ее не томилъ жаръ. Прямо подошла она къ дому, поднялась на галлерейку и спросила у лакея, съ самоваромъ въ рукахъ:

— Госпожа Сапіентова?

— Вамъ къ нимъ самимъ? Насчетъ лѣченія? Такъ господинъ Сапіентовъ не принимаютъ.

— Нѣтъ, я просто въ гости.

— Сейчасъ только сама барыня встали. Вотъ я самоваръ несу.

— Скажите, что дама желаетъ ихъ видѣть. Знакомая.

— Скажу-съ.

Дождаться пришлось тутъ же. Лакей унесъ самоваръ;

но вернулись не тотчасъ же. Профессорша, видно, не была еще одѣта, какъ должно.

XXXIV.

Отворилось окно на галлерейку, и голова съ волосами кудельнаго цвѣта выглянула оттуда.

— Ахъ, это вы! Сейчасъ. Пожалуйста ко мнѣ. Только... безпорядокъ... у меня.

Сапѣнтова сейчасъ же узнала ее. Марья Денисовна подбѣжала къ окну, взяла ее за обѣ руки и быстро прошептала:

— Вамъ нельзя выйти... въ паркъ?

— Чаю еще не пила. Поздно встали. Тутъ прїѣзжали товарищъ... Иванъ-Иванычъ—Гущинъ. Онъ не у васъ ли тамъ живетъ? Да войдите ко мнѣ. У мужа особенно спальный. Онъ еще не скоро придетъ. И чайку бы написались... Чапечку?..

Видно было, что профессорша боится жары и въ паркъ не выйдетъ.

Въ дверяхъ своей комнаты Сапѣнтова еще разъ поздоровалась съ гостьей и пригласила ее откушать чаю.

— Вы къ Ивану Ивановичу?—спросила она вполголоса и указала головой на дверь.—Такъ онъ практики здѣсь бѣгаетъ, совѣтовъ не даетъ... Ужъ вы извините.

— Я къ вамъ,—выговорила Марья Денисовна и ощутила мгновенное смущеніе.

Но къ столу присѣла она уже въ полной рѣшимости сейчасъ, безъ всякихъ вступлений, поставить бывшей акушеркѣ страшный вопросъ. Она даже не спросила ее, слышно ли черезъ перегородку, и только спустила немного звукъ голоса.

— Вотъ и прекрасно. Мы очень рады. Иванъ Ивановичъ тогда безпокоился, какъ вы дойдете пѣшкомъ. А ассистентъ—такъ тотъ просто влюбился въ васъ.

— Вы меня не узнаете?—прервала Усманская, и встала во весь ростъ.—И тогда по дорогѣ не вспомнили?

— Ахъ, батюшки! Вѣдь что-то тогда мнѣ показалось. Сапѣнтова отошла, повернула голову на тотъ и на другой бокъ, прищурила глаза и засмѣялась.

— Да, да! Что-то есть какъ будто знакомое, а не могу назвать...

— Я—Усманская... вы имени моего не знали.

Она припомнила Сапѣнтовой ноябрьскій день, барышню,

приѣхавшую на извозчикѣ, ребенка, отвезеннаго ею въ воспитательный домъ.

— Голубчикъ! — крикнула Сапientова, и вдругъ стала говорить шопотомъ, по старой привычкѣ акушеровъ. — Это вы!.. Вотъ встрѣча-то! Молодцомъ какимъ вы тогда... ха-ха!.. Послѣ вы ко мнѣ не являлись...

XXXV.

Съ отрывистымъ смѣхомъ Сапientова говорила долго-долго. Усманская не скоро могла остановить ее. Но она почувствовала, что тонъ профессорши сталъ безцеремоннымъ. Нѣсколько словъ сразу произвели между ними сближеніе, которое даютъ сообщничество, пятно и грѣхъ. Глаза бывшей акушерки веселѣе замигали. Она наливала чай и повертывалась головой, и раза два похлопала ладонью по плечу своей гостьи.

— Замужемъ небось? — спросила она, и подмигнула правымъ глазомъ.

— Я дѣвушка, — отвѣтила Усманская уже строже.

— А надо бы... какъ говорится... грѣхъ приккрыть.

Щеки Усманской зардѣлись. Долго она не могла выносить такой фамиллярности.

— Вы носили моего ребенка, — заговорила она такъ, что Сапientова притихла, — я отчетливо помню, что вы взяли номеръ и сказали мнѣ, что такъ лучше будетъ... можно потомъ... отыскать его.

— Вонъ у васъ память-то какая!.. Что жъ... можетъ, такъ оно и было. Я всегда напоминала. Только, теперь ужъ нельзя этого...

— Чего нельзя? — вся вздрогнувъ, спросила Усманская.

— Назадъ-то братъ. Иванъ Ивановичъ мой разсуждаетъ, что такъ лучше. Острастки больше для господъ Донъ-Жуановъ.

— Но вѣдь это тогда было? Вы сохранили номеръ?..

— Вамъ, чай, отдала?.. Вы не помните?

— Нѣтъ, этого не было, я не подумала.

— Вотъ оно что, — проговорила серьезнѣе Сапientова и приложила даже палецъ ко лбу — этому жесту се учили еще въ театральной школѣ.

— Не убивайте меня! — прошептала Усманская, и слезы выступили у ней на рѣсницахъ.

— Погодите, погодите... Надо сообразить.

Съ минуту Сапientова молчала, встала изъ-за стола,

подошла къ окну, опять вернулась, и, наклонившись Усманской, раздѣльно и тихо выговорила:

— Счастливъ вашъ Богъ, что у меня аккуратно есть... Мои всѣ дѣла по акушерской части я въ снотности держала. Ежели я номеръ тогда взяла, онъ у вас найдется.

— Здѣсь?..—радостно прервала Усманская.

— Нѣтъ, голубушка, со мной здѣсь ничего, платяевъ да бѣлья нѣтъ.

Дверь тихонько отворилась. Сапентова замолчала отошла отъ гостей.

XXXVI.

Оглянулась и Усманская. Просунувъ голову въ ассистентъ и въ нерѣшительности остановился.

— Можно?—боязливо спросилъ онъ.

— Ну, Николай Васильчъ, — заговорила Сапентова, протягивая ему руку, — вы, голубчикъ, чайку попейте, а вамъ сейчасъ стаканчикъ налью, — да и отпущу васъ на вольный воздухъ. У насъ тутъ... свой рай.

— Извините, я не зналъ.

Ассистентъ поклонился Усманской, сдѣлалъ шагъ въ ея сторону и сталъ, отъ смущенія, застѣвая лѣтній сюртучокъ.

— Ваше здоровье?—позволилъ онъ себѣ спросить.

Она ему отвѣтила разсѣянно.

— Вотъ вамъ чай, а вотъ вамъ и Богъ! — сказала профессорша, выпроваживая его въ дверь.

У стола она опять приняла ту же позу тонъ доброй соумышленницы.

— Дайте срокъ, — заговорила она, — мы вернемся.

— Когда? — не утерпѣла спросить Усманская.

— Мой Иванъ Ивановичъ поѣстъ еще въ Москву. Ему и пора... къ лекціямъ.

— На Москву.

— Такъ чего же лучше!.. Только, думаете, вы готовы къ тому: можетъ, нынче не вы, ребята по старымъ запискамъ. У меня всѣ записки. Такая и шкатулочка у меня есть. Иванъ Ивановичъ хвалитъ меня. Иной разъ заглядываетъ, захочется поработать. Я жъ

тикую, въ барыняхъ, въ профессорскихъ дамахъ состою... ха-ха!..

И она закурила папиросу.

За перегородкой кто-то началъ ходить.

— Это Иванъ Ивановичъ, — шопотомъ сказала Сапиентова. — Вамъ его пугаться нечего. Я вѣдь васъ не выдамъ.

Правый глазъ опять мигнулъ.

— До Москвы, — глухо вымолвила Усманская.

— Да, до Москвы. Адресъ нашъ легкій.

Усманская записала адресъ. Ей больше нечего было говорить. Видѣть профессора она не хотѣла. Боялась она сильнѣе всего возвращаться къ вопросу: выдадутъ ли ребенка, если и сохранился его номеръ? Въ головѣ у нея сдѣлалось смутно. Не предложи ей Сапиентова чаю съ хлѣбомъ, она вдругъ бы ослабѣла. Чай выпила она торопливо и ушла до прихода профессора.

— Счастливы вашъ Богъ, — шепнула ей еще разъ Сапиентова, — что у меня аккуратность есть!

XXXVII.

Съ утра до обѣда Прженева не могла присѣсть ни на минуту. Сначала она прибирала свою комнату, обтирала пыль, добыла цвѣтовъ, связала въ букетъ, поставила ихъ въ стаканъ. Ее заботило и то, какъ приготовить вечерній чай. Купила она вина; но не знала, придется ли оно по вкусу Володѣ; нашлись у ней американскіе сухари, да боялась она — не сухи ли. Виноградъ всѣмъ надобѣлъ; а грушъ такихъ, какъ въ Ялтѣ, у татаръ не нашлось.

Своимъ туалетомъ она занялась съ такой же тревожной заботой. Въмѣсто своего ежедневнаго чернаго платья изъ дешеваго кретона, она надѣла батистовое, суроваго цвѣта, приготовила кружевную наколку и даже пристегнула цвѣтокъ къ груди. И цѣлый день не выпускала она изъ рукъ оливковой вѣтки, постоянно вертѣла и теребила ее.

Она знала, что Усманская уйдетъ въ Алупку. Да ей и не нужно было никакой помощи. Слабости, обморока — она уже не боялась, къ морфію ее не тянуло. Чѣмъ ближе время подходило къ обѣду, тѣмъ чаще она выбѣгала подышать. Володя обѣщалъ быть къ вечеру; она это знала; но все-таки оглядывалась и при каждомъ шорохѣ поднималась по лѣсенкѣ на шоссе.

Скоро и семь часовъ. Дни стали короткіе. Въ половинѣ

восьмого уже заходить солнце за горы. Неужели его не будетъ?..

Ей послышался конскій топотъ. Она выбѣжала на шоссе, шаговъ на сто отъ того мѣста, гдѣ поднимается лѣстница. Всадникъ приближался на гнѣдой лошади. Это онъ!

У ней потемнѣло въ глазахъ. Она замахала платкомъ; но онъ не прибавилъ шагу. Покачиваясь въ сѣдлѣ, онъ курилъ сигару и помахивалъ хлыстикомъ. Она подбѣжала къ нему и чуть не схватилась за стремя. Лошадь шарахнулась въ сторону.

— Осторожибе!—рѣзко крикнулъ онъ ей, приподнялся на стременахъ, осадилъ и не сталъ еще слѣзать.

— Володя!—замирающимъ голосомъ вскрикнула Пренева.

— Гдѣ же лошадь оставить?—спросилъ онъ.—Къ вамъ можно спуститься?..

— Нѣтъ, нѣтъ, — заволновалась она, — туда, ко мнѣ лѣсенка... А то далеко кругомъ... Надо вотъ тамъ, къ дереву.

— Украдутъ, пожалуй. Лошадь чужая. Я одинъ изъ Алуки. Тамъ меня компанія ждетъ.

Тутъ онъ слѣзъ съ лошади.

XXXVIII.

Броситься къ нему на шею она не посмѣла, а только схватила его за свободную руку и впилась глазами въ лицо. Она искала милыхъ, незабвенныхъ для нея чертъ мальчика съ свѣтло-русыми кудрями. Волосы—почти черныя, но такъ же вьются; овалъ лица вытянулся, сталъ сухощавъ, и носъ тонкій, съ горбинкой; глаза потемнѣли, почти синіе; но такіе же большіе. Красавецъ!.. Она не могла оторвать глазъ. Сынъ сдѣлалъ движеніе и высвободилъ руку. Ея руки онъ не поцѣловалъ; видно было, что ему не пришло это и въ голову.

— Нѣтъ, не украдутъ... тутъ караульщикъ... — лепетала она.

— Куда же идти?

— Прямо... Тамъ моя комнатка... Только у меня тѣсно... Мы подъ навѣсомъ... хорошо будетъ... чайку.

— Чаю я не желаю.

— Чего-нибудь... вина.

— Сейчас пилъ въ Алупкѣ. И безъ того жара. Каждый день все выпивки.

Щеки его покраснѣлись, но онъ былъ трезвъ; къ ежедневнымъ обѣдамъ, завтракамъ и ужинамъ онъ давно припился.

Они говорили, не употребляя ни „ты“, ни „вы“.

— Все верхомъ изъ Алупки?—спросила Прженева.

— Изъ Ялты... мнѣ не въ диковинку.

Шагъ онъ ускорилъ. Мать едва успѣвала за нимъ. На его лицѣ ничего не значилось, кромѣ гримасы отъ заходящаго солнца: одинъ глазъ онъ закрылъ и наморщила шею.

И вдругъ онъ засвисталъ. Мать все глядѣла на него съ тѣмъ же экстазомъ и не слыхала этого свиста. Ничего она не хотѣла спрашивать; боялась чѣмъ-нибудь огорчить его; но, если бъ она смѣла, она остановила бы его, припала къ его груди, сдавила его въ объятіяхъ и повторяла бы безъ конца:

— Володя, Володя!.. Радость моя!..

Такъ дошли они до спуска къ лѣсенкѣ.

— Здѣсь, что ли, привязать?—спросилъ онъ и остановился.

— Да, да... Неудобно... Какъ бы не вырвалась!..

Стыдно ей стало, какъ дѣвчкѣ: не могла она объ этомъ подумать?..

— Ну, хорошо!..

Его голосъ, жидкій и женоподобный, становился все непріятнѣе.

Лошадь онъ привязалъ за поводъ къ низкой сосенкѣ, попробовалъ—крѣпко ли, и пошелъ впередъ. Спускаясь по ступенькамъ, опять засвисталъ.

XXXIX.

Чаю Шеломовъ не захотѣлъ; отъ вина также отказался; взялъ раскусилъ сливу, насили се доблѣ и закурилъ новую сигару; разсѣлся въ кресло и высоко заложилъ правую ногу на лѣвую.

Подъ ней точно горѣла земля. Ни минуты она не могла сохранять одного положенія. То встанеть, то сидеть, то принесть что-нибудь и поставить передъ нимъ на столъ, а оливковая вѣтка все въ рукѣ и судорожно вертится въ разные стороны.

— Вамъ уродно было видѣть меня,—началь онъ, снялъ шляпу и положилъ себѣ на колѣни.

— Володя! — тутъ только посмѣла она выговорить. — Неужели?..

Она не смѣла докончить и разрыдалась.

— Пожалуйста, безъ слезъ!—сказалъ онъ съ новой гримасой. — Я не люблю сценъ! Вотъ видите—я пріѣхалъ. Что же-съ... Васъ я почти не помню. Вы точно моя мать?

— Да, да...—всхлипывая, повторяла она, и звукъ этихъ словъ схватилъ бы всякаго за сердце; но ему было только скучно.

— Я это знаю. Но между вами и папенькой давно все кончено. Меня вы уступили. Судить васъ я не желаю. Кто правъ, кто виноватъ... Это совершенно излишне. Если вамъ что нужно попросить у отца... Это, собственно, не мое дѣло... Но я, пожалуй, попрошу. Онъ мнѣ не откажетъ. Особливо теперь... Когда я такую партію дѣлаю.

— Партію?..—повторила она, подавленная тѣмъ, что сейчасъ слышала.

— Да... Вотъ я здѣсь тогда пріѣзжалъ съ моей невѣстой. Коммерціи совѣтница Боченкова.

— Замужемъ, — не въ тонѣ вопроса, а точно для себя прошептала Прженева.

— Это—пока. Разводъ не за горами. Первая невѣста во всей Москвѣ, — это можно сказать безъ хвастовства. Отцу очень пріятно будетъ въ насъ компаньоновъ имѣть. Только мы папенькѣ не очень дадимся въ лапы. Онъ тоже—ловкачъ!

Шеломовъ свистнулъ и ударилъ хлыстомъ по воздуху.

— Будь счастливъ, радость моя!..

— Да ужъ это наше дѣло.

Глаза его остановились на лицѣ матери. Ему тутъ только пришло на память, что ее давно считали полоумной; а въ послѣднее время онъ слыхалъ отъ отца, что она тайкомъ пьетъ.

XL.

— Дитя мое! — глухо крикнула она и близко подошла къ нему.

Обѣ руки ея вытянулись, она хотѣла, видно, схватить его за голову.

— Полноте, — остановилъ онъ, — вы не разстраивайте

себя. У васъ, кажется, припадки бывають... и безъ того... Все это лишнее.

Неподвижно, съ устремленными на него глазами, стояла она, опустивъ руки.

— Неужели,—съ трудомъ выговорила она, какъ бы искала словъ,—неужели ничего нѣтъ между нами? Дитя мое!

Голова опустилась въ ладони рукъ, быстро поднявшихся до лица. Все тѣло вздрагивало. Она пошатнулась и чуть не упала на уголь стола. Щеломовъ всталъ и взялъ ее за талию.

— Къ чему все это?—уже съ сердцемъ сказалъ онъ.—Мнѣ совсѣмъ не пристало входить въ ваши старые счеты съ папенькой. Кажется, понять это не трудно.

— Умерла...—прошептала она,—умерла—нѣтъ сына.

— Надо правду говорить. Другая женщина обо мнѣ заботилась. Да и зачѣмъ все это? Извините... Я думалъ что серьезное, дѣльное... Тогда я, быть-можетъ... Вотъ и невѣста моя... добрая барыня. А тутъ, помилуйте... Смеркается. Меня ждутъ.

Силы оставили ее. Онъ пододвинулъ ей кресло, куда она безпомощно опустилась. Шляпу онъ уже надѣлъ и только что хотѣлъ сказать „прощайте“, какъ позади за-слышалъ шаги по лѣсенкѣ и обернулся.

Оттуда сошла Усманская. Она еще сверху все видѣла и поняла.

— Вашей матушкѣ дурно?—спросила она его.

— Кажется... не знаю,—отвѣтилъ онъ и поглядѣлъ на нее, надвинувъ брови.

— Ничего...—пролепетала Прежнева.—Володя, ты ужъ уходишь... дитя мое?

При Усманской она сдѣлала надъ собой усиліе и начала говорить ему „ты“, чтобы показать ей свои материнскія права.

На ея вопросъ Щеломовъ промолчалъ и надѣвалъ перчатку на правую руку.

— Ваша мать васъ спрашиваетъ,—сказала ему Усманская и поглядѣла на него въ упоръ.

— Слышу-съ!—отвѣтилъ онъ съ нахальнымъ блескомъ въ зрачкахъ глазъ.—Успокойтесь когда... и коли что особенно нужно—напишите. Только поскорѣе. Наше житіе въ Крыму на исходѣ. Въ Москву пора.

Видя, что онъ собирается идти, Усманская шепнула ему:

— Извольте поцѣловать у ней руку.

Онъ, совсѣмъ уже злобно, вытянулъ нижнюю губу, сдѣлалъ общій поклонъ и пошелъ къ лѣстницѣ.

XLI.

— Володя!..—застонала Прженева; по она была уже пригвождена къ креслу.—Милая...—позвала она Усманскую, — упрсите его... еще разокъ... Я виновата... безумная!

Усманская пожала ей руку, успѣла поцѣловать въ лобъ и догнала Шеломова въ ту минуту, когда онъ уже принялся-было отвязывать поводъ лошади.

— М-г Шеломовъ! — крикнула она, и сама не узнала своего голоса: такъ онъ задрожалъ въ воздухѣ.

Голова у ней болѣла. Послѣ завтрака, отъ ея возвращенія въ жаръ, схватилъ ее припадокъ мигрени, почему она и не могла сбѣгать до обѣда къ Прженевой. Но боль головы только усиливала ея негодованіе.

— Что вамъ угодно? — спросилъ онъ, не поднимая шляпы.

— Вы не можете такъ вести себя съ родной матерью!

Эту фразу она сказала нарочно по-французски, желая вызвать его на французскій разговоръ.

— Извините. Я привычку имѣю по-русски выражаться.

— Вы хотите убить ее?

— Зачѣмъ же-съ такія слова употреблять. Да и вы, кажется, посторонній человѣкъ.

Она не дала ему докончить и заговорила съ такой силой, что онъ притихъ, и когда она приостановилась, громко вздохнулъ.

— Все это такъ-съ, — выговорилъ онъ съ насмѣшкой въ голосъ, — но въ себѣ чувства нельзя разогрѣть. Къ ней—хоть она и мать мнѣ приходится—я не имѣю... какъ бы сказать...

— Такъ не обращаются съ несчастной женщиной! — перебила Усманская.

Голова болѣла у ней такъ, что она еле шла. Они двигались медленно вверхъ по шоссе.

— Несчастная?.. То дѣло... разводъ — давно быльемъ поросло... какъ говорится. Она получаетъ годовое содержаніе. Въ разсудѣ она, кажется, не совсѣмъ тверда... да,—онъ оглянулся, кромѣ того... Я самъ теперь вижу, что добрые люди не враги... Слабость какую имѣеть...

— Какую?—чуть не крикнула Усманская.

— Вамъ должно быть извѣстно, если вы съ ней пріятельницы. Слабость насчетъ напитков...

— Это—ложь!

Но она захотѣла сказать этому бездушному мальчишкѣ, до чего довели его мать, до какой другой страсти.

— Знаете ли вы?..—спросила она и остановилась.

„Нѣтъ, и этого онъ не узнаеть!“

XLII.

— Помилуйте,—возразилъ Шеломовъ,—да это сейчасъ видно. Къ ней надо бы кого-нибудь приставить. У меня самого нѣтъ такихъ капиталовъ. Но я скоро женюсь. Невѣста моя миллионное состояніе имѣетъ, и душа у ней мягкая. Мы, пожалуй, можемъ...

— Вы женитесь?—перебила Усманская, и у ней внутри такъ заклокотало, что она ѣдко и сурово прибавила:—Московскую вупчиху, старше себя, берете, конечно.

— Почему же это—конечно?—возразилъ онъ, разозлился и поблѣднѣлъ.

— Вы пошли по папенькѣ, — отвѣтила Усманская, изумляясь сама, откуда у ней берутся такіе звуки и фразы по-русски.

— Вамъ что же до этого за дѣло?—спросилъ совсѣмъ грубо Шеломовъ и всталъ противъ нея, посреди дороги.

— Въ первый разъ вижу такое созданіе, какъ вы,—сказала она и сложила на груди руки.—Смотрю на васъ, и мнѣ невыносимо жаль вашей несчастной матери. Какъ можно было рваться къ такому сыну! Но я прошу васъ сказать мнѣ сейчасъ и не лгать: когда вы уѣзжаете изъ Ялты?

— Коли это васъ такъ интересуесть—дней черезъ пять собираемся.

— Вы вѣдь не пустите къ себѣ мать вашу въ Москвѣ? Или гдѣ вы будете тамъ жить?..

— Къ чему же это? Тамъ отецъ съ моей мачихой. Тамъ вся родня моей невѣсты. Чужая женщина, и съ такими еще слабостями. Страшное дѣло!

— Благодарю васъ. Вы можете ѣхать, я васъ больше не удерживаю.

Шеломовъ поклонился, вскочилъ въ сѣдло и вдругъ расхохотался, звонко, на всю дорогу. Свѣхъ звучалъ школьнически.

XLIII.

Усманская нашла Прежневу на лѣсенкѣ, еле живую. Она прилегла и вытянула вверхъ голову, желая слышать хоть топотъ лошади. Съ трудомъ можно было увести ее въ комнату и уложить на постель. Вмѣсто слезъ, криковъ или горькихъ жалобъ, она увидала у ней ея блаженную улыбку, сладко блуждающіе зрачки; а голосъ былъ убитый, но мечтательный, уносящійся куда-то...

— Ничего... Я счастлива...—говорила она.—Какой красавецъ!.. Вѣдь правда?.. Не сердитесь на него... милая... Я сама виновата. Онъ такъ добръ. Сейчасъ хотѣлъ помочь мнѣ.

Возражать было бы слишкомъ жестоко. Но и обманывать ее она не хотѣла, считала еще опаснѣе.

— Лидія Никаноровна, забудьте вашего сына. Онъ такъ воспитанъ, что не можетъ сойтись съ вами.

— Это будетъ, это будетъ...—повторяла Прежнева.—Я ничего не требую. Вотъ видите, какъ у меня на сердцѣ ангелы поютъ... Не нужно ничего. И... отрады моей не прошу у васъ... Онъ отца любитъ; но я его увижу... А кто мнѣ помѣшаетъ въ Москвѣ?.. Его невѣста добрая... Онъ самъ говорилъ.

— Вы радуетесь его женитьбѣ на милліонщицѣ-купчихѣ?

— Какъ же не влюбиться въ него?

— Но онъ-то...

И тутъ опять Усманская не договорила.

На Прежневу нашло затемнѣніе. Она продолжала быть въ экстазѣ. Про свою тайну, свиданіе съ Сапіентовою, надежды и планы Усманская не могла говорить съ этой женщиной, дошедшей до какого-то бреда на-яву. Да и не хотѣлось ей теперь изливаться никому—будь у ней хоть подруга ея лѣтъ, возстань изъ гроба ея сестра Лили. Одного человѣка она спросила бы—Гущина. Можетъ-быть, онъ въ состояніи сказать ей навѣрно то, чего не знала Сапіентова. Съ нимъ она способна заговорить и о воспитательномъ домѣ.

Прежнева заснула.

„Нужно ли такъ жалѣть ее? — подумала Усманская, сѣла въ кресло и опустила голову, ослабленную пятичасовой болью. — Живетъ въ мірѣ призраковъ. И такой сынъ можетъ быть и у меня“, — прибавила она и содрогнулась.

XLIV.

Подходилъ день отъѣзда Усманскихъ. Дочь ни въ чемъ не противорѣчила матери; но Ольга Евграфовна не могла снаряжаться въ путь, не перебравъ опять всего, что ее раздражало въ теченіе глупо проведеннаго сезона. Не совсѣмъ спокойно ждала Марья Денисовна пріѣзда профессора Сапіентова въ гости къ Гушину, и сама объ этомъ не спрашивала Павла Павловича. Но разъ, встрѣтившись съ нею на берегу, онъ попенялъ на то, что Сапіентовъ обманулъ его, посулилъ быть и уѣхалъ слишкомъ поспѣшно въ Москву.

— Вы когда?—спросила Усманская.

— Да вотъ и мнѣ пора. Буся моя сюда не пріѣдетъ; она вернется съ знакомыми прямо домой, а купаться будетъ въ Нѣмецкомъ морѣ.

— А скитъ?

— Скитницы васъ ждутъ. Право, передъ отъѣздомъ, побывайте у нихъ, заставьте Катерину Яковлевну рассказать вамъ, какъ она ушла изъ дому. Это придастъ вамъ бодрости.

— Развѣ я похожа на боязливую?

Вопросъ этотъ Марья Денисовна задала веселой нотой.

— На что-то вы рѣшились — это вѣрно, — въ тонъ ей отвѣтилъ Гушинъ.

— Рѣшилась, — повторила она.

— Отлично! — вскричалъ онъ и протянулъ ей руку.

— Павелъ Павлычъ, — заговорила она тише и серьезнѣе, — можетъ-быть, придется придти къ вамъ за чѣмъ-нибудь... вы не отдѣляетесь фразой... нѣтъ?

— Что вы, Богъ съ вами!..

Но больше она ничего ему не сказала. Ее наполняло упорное желаніе все сдѣлать самой, тихо, безвѣстно, безъ сочувствій и сожалѣній. Больше и не слѣдовало говорить съ нимъ, чтобъ не позволить себѣ чего-нибудь лишняго. Всякая нескромность была бы хвастовствомъ, бравадой. То, что ее ждало тамъ... въ Москвѣ, не требуетъ болтовни и чувствительныхъ откровенностей.

— Мы еще не прощались? — спросилъ Гушинъ, когда она уходила.

— Ъдемъ мы въ среду.

— Позвольте принести вамъ букетъ?

— Merci... лучше безъ цвѣтовъ. Это можетъ раздра-

жить шапан. Она, вѣдь, знаетъ, что вы не женихъ. Что же дразнить?

Они оба разсмѣялись и еще разъ пожали другъ другу руку.

— А верхомъ мы такъ и не ѣздили!—крикнулъ ей Гущинъ, отойдя шаговъ на тридцать.

— И никогда не буду ѣздить!

— Что такъ?

Она только махнула рукой.

XLV.

Скитницы дѣйствительно поджидали „барышню“—такъ онѣ называли Усманскую въ разговорахъ съ Гущинимъ. Онъ зашелъ сказать имъ, что она придетъ съ ними проститься, и просилъ Катерину Яковлевну „подбодрить ее“ своимъ примѣромъ, исторіей всей своей жизни.

— Въ барышнѣ,—говорилъ онъ, благодушно улыбаясь,—проснулся протестъ. Она, кажется, совсѣмъ готова сдѣлать рѣшительный шагъ.

Въ фантази Павла Павлыча развивалась уже картина тайныхъ стремленій свѣтской дѣвицы къ наукѣ, къ самостоятельному труду. Вотъ она исчезаетъ изъ родительскаго дома, переходитъ границу, друзья поддерживаютъ ее, и первые два семестра она страстно отдается занятіямъ; кто-нибудь тронетъ сердце матери, мать смягчается и дастъ ей средства кончить курсъ. Она—докторъ парижскаго университета, какъ та русская дѣвушка, которую чествовалъ весь факультетъ и, во главѣ, знаменитый Шарко... У ней сейчасъ же практика, газеты кричатъ о ней, зарабатываетъ она до сорока тысячъ франковъ. Мать пріѣзжаетъ къ ней и преклоняется передъ ея талантомъ и силой души. Разныя русскія барыни дѣлаютъ ей визиты, ухаживаютъ за ней, пріѣзжаютъ за совѣтами, дожидаются въ ея пріемномъ салонѣ, гдѣ ихъ поражаетъ роскошь обстановки. И онъ заѣдетъ къ ней, уже пожилымъ человѣкомъ, какъ къ доброй знакомой, порадуется ея торжеству, станетъ сначала звать ее домой, а потомъ согласится, что не изъ чего ей покидать столицу міра, гдѣ такъ скоро признали ея талантъ и дали ей всесвѣтную извѣстность. Пускай то общество, которое замораживало ея порыванія, почувствуетъ, что оно недостойно никакихъ жертвъ...

Долго мечталъ Павелъ Павлычъ за Марью Денисовну,

когда лежалъ передъ обѣдомъ, на пладѣ, въ кипарисной рощицѣ, въ промежуткахъ между чтеніемъ англійской книжки по обычному праву. И то, что онъ читалъ, нравилось ему, и великодушныя думы о дѣвухѣ, куда присасывалась частичка сознанія превосходства мужчины, пробившаго себѣ дорогу, вливали въ него особое возбужденіе и давали ему полноту жизненнаго пульса. Голова содѣйствовала желудку. Аппетитъ послѣ купанья, верховой ѣзды, чтенія и думъ удвоился. За общимъ столомъ Павелъ Павлычъ выпьетъ свою бутылку рислинга, повторить второго кушанья, закурить сигару и пойдетъ отдохнуть на галерею въ качающемся креслѣ послѣ веселаго разговора съ дѣвицами и дамами. Ему тогда такъ хорошо! Онъ забываетъ даже, что черезъ двѣ недѣли надо взойти на кафедру и соорудить серьезное лицо, и въ который уже разъ произносить громогласно:

— Милостивые государи!..

XLVI.

— Такъ вотъ-съ, — рассказывала Усманской Катерина Яковлевна у стола, гдѣ Котикъ опять наставилъ всякой всячины, — латинскій языкъ для меня былъ—все... у другихъ подъ подушкой романъ, а у меня—грамматика. Мать ни о чемъ, конечно, не догадывалась. Никуда меня—безъ компаньонки или ливрейнаго лакея. А грамматику Цумфта я все-таки купила въ гостиномъ дворѣ и не разставлялась съ ней, какъ Котикъ не разстается съ своимъ „Спутникомъ жизни“.

— Спутникъ жизни?.. —переспросила Марья Денисовна.

— Котикъ! Покажи ей своего „Спутника“.

— Сейчасъ!—крикнула Захарова изъ комнаты и выбѣжала съ толстой книгой въ рукѣ.—Вотъ, посмотрите, тутъ все есть.

На первомъ листѣ стояло заглавіе: „Спутникъ жизни“.

— Московскаго производства,—указала Катерина Яковлевна на то, гдѣ отпечатана книга.—Всю мудрость Котикъ оттуда черпаетъ.

— А какъ же?—перебила Захарова.—И по астрономіи все есть, и по исторіи, и какъ простоквашу дѣлать!.. Катя, больше не нужно?.. У меня еще много дѣла.

— Ступай и уноси своего „Спутника“.

Катерина Яковлевна закурила папиросу и, нагнувшись надъ столомъ, продолжала въ томъ же веселомъ тонѣ:

— Когда все подготовили мнѣ добрые люди, подошелъ день какихъ-то именинъ. Я съ утра была въ туалетѣ, мамѣ нездоровилось. Послала она меня къ теткѣ, чтобы съ ней дѣлать визиты. Я, какъ была въ платьѣ изъ фая, въ бархатной шубкѣ съ соболями, прямо и очутилась на большой дорогѣ... бѣглянкой... Какія на мнѣ были Juwelen—продала; а въ пять часовъ сидѣла уже въ третьемъ классѣ варшавской дороги. И тутъ... ха-ха!.. препотѣшная подробность... Подходить ко мнѣ какая-то дама, спрашиваетъ: до какого города я ѣду... и просить взять подъ свой присмотръ двухъ барышень, отправляющихся въ первый разъ въ жизни въ Вильну.

Разсказъ былъ подробный. Переходить черезъ границу, не имѣя паспорта, приходилось по болоту, въ легкихъ ботинкахъ, въ туманѣ; не обошлось безъ тревоги—пограничный стражникъ стрѣлялъ въ нее. Но черезъ два дня бѣглянка была уже на мѣстѣ, а черезъ полгода мать приѣхала къ ней на свиданіе. Семь лѣтъ работъ въ университетахъ и поѣздкахъ съ научной цѣлью пронеслись точно семь недѣль. Давно у ней степень доктора, родители умерли, примиренные съ нею, хоть и жалѣли про себя, что она промѣняла хорошую партію на латынь и всякую другую ученость. И не вѣрится ей самой, что она когда-то танцевала на балахъ, рядили ее въ цвѣты, декольтировали, прочили за флигель-адъютантовъ... у нихъ съ Котикомъ теперь по два лѣтнихъ, да по два зимнихъ платья; у ней сундукъ книгъ; а у Котика—ея „Спутникъ“, гдѣ и астрономія, и простокваша.

XLVII.

Слушала Марья Денисовна и спрашивала себя: почему же этотъ разсказъ не говоритъ ей, какъ будто, ничего новаго? Развѣ она сама испытала что-нибудь похожее на это? Вѣдь Катерина Яковлевна была настоящая свѣтская барышня, изъ знатнаго дома, воспиталась подъ строгимъ надзоромъ, въ воздухѣ, переполненномъ предрасудками. Чего стоило рѣшиться бѣжать въ визитномъ туалетѣ, безъ перемѣны бѣлья, съ сорока рублями, въ глухую осень? Это ли не смѣлость и не выдержка?..

Но сама она уже не нуждалась въ такомъ примѣрѣ. Павель Павлычъ напрасно хлопоталъ о такой „притчѣ“. Она не побѣжитъ за границу, въ нее не будутъ стрѣлять, она не станетъ учиться по-латыни, не приобрететъ сте-

пени доктора и не будет жить потомъ жизнью ученаго. То, что она сдѣлаетъ, будетъ проще, безвѣстнѣе и гораздо „ужаснѣе“ для дочери генеральши Усманской. Она будетъ кормить и воспитывать своего сына,—больше ничего.

— Кушайте,—прогѣлъ надъ ея головой ласковый голосъ Захаровой.—Вотъ и крендельки. Если понравятся... я еще испеку.

Вотъ такой, какъ этотъ Котикъ, она желаетъ быть: уметь все варить и печь, хлопотать и ухаживать. И чтобы домовитость шла рука объ руку съ работой внѣ дома.

Она горячо поцѣловала Захарову, а потомъ и ея сожительницу.

— Ну, что жъ?—спросила ее Катерина Яковлевна послѣ большой паузы.—Если въ самомъ дѣлѣ васъ нужно переправить...

— Нѣтъ, мнѣ за границей нечего дѣлать.

— Какъ такъ? А Павелъ Павлычъ намъ наговорилъ тутъ...

— Онъ своимъ воображеніемъ...

— Такъ, такъ! Слышишь, Котикъ! Вотъ и тебя онъ по своему идеализируетъ, а ты и размякла. Стало, внутри отечества останетесь?—обратилась она опять къ Усманской.—А все же, если рѣшились съ домашнимъ рабствомъ покончить...

— Позвольте мнѣ пока помолчать объ этомъ,—выговорила Усманская и крѣпко пожала ей руку.—Это не отъ недостатка довѣрія...

— Понятное дѣло! Вы въ Питерѣ будете?

— Еще не знаю... можетъ, попаду и туда.

— Насъ тамъ найдете. Вы когда отсюда?

— Послѣзавтра.

— Слышишь, Котикъ! Она вамъ сюрпризъ на дорогу готовить. Только смотрите—не увлекайтесь, а то въ лоскъ желудокъ испортите.

— Ахъ, Катя!.. Кто тебѣ позволилъ... болтать? Это ужасно!

Захарова вся затрепетала, и даже, убогая, погрозила пальцемъ своему другу.

Катерина Яковлевна проводила Усманскую до подъема въ гору.

XLVIII.

Прежнева получила изъ Ялты письмо отъ сына.

„Предупреждаю васъ,—писалъ онъ,—что я съ сегодняшняго дня въ Ялтѣ больше не нахожусь; а въ Москвѣ—куда я ѣду съ невѣстой моей—не могу для васъ ничего предпринять и вообще вмѣшиваться въ старыя дѣла. Меня прошу не беспокоить по причинамъ, которыя я вамъ доподлинно объяснялъ. Напраслины на себя не могу говорить и чувствъ имѣть къ вамъ, какъ къ матери. Отъ излишнихъ же разстройствъ буду всячески остерегаться.

„Владиміръ Шеломовъ“.

Когда Марья Денисовна пришла къ ней проститься, Прежнева сначала глядѣла на нее блуждающими глазами, ничего не слушала, только громко вздыхала; а потомъ упала передъ ней на колѣни и стала упрашивать возвратитъ ей то, что одно помогаетъ забывать всѣ ея мѣки.

— Вы не получите этого!—горячо отвѣтила Усманская.

Чувство прежней жалости къ Прежневой прошло въ ней. Эта женщина скорѣе тяготила ее; но все-таки она не хотѣла возвращать ей отравы.

— Вѣдь я достапу же,—начала ее уговаривать Прежнева болѣе связнымъ языкомъ.—Каждый докторъ мнѣ пропишетъ; у меня рецептъ есть.

— Рецептъ?—переспросила Усманская.

— Ей-Богу, есть... Я пошлю въ Ялту... Но это цѣлыя сутки... Я не могу, не могу!

Она стала ползать на колѣняхъ и просить.

— Отдайте! Вы не имѣете права!.. Это хуже чѣмъ ограбить!.. Отдайте!

Надо было прекратить сцену. Черезъ часъ она принесла ей свертокъ; онъ такъ и пролежалъ у ней въ барманѣ другого платья.

— Гдѣ же вы будете жить?—спросила она, уходя.

Ей стало стыдно своей сухости. Жалость опять прокрадась въ сердце.

— Здѣсь останусь... здѣсь... здѣсь...—повторяла Прежнева, качая головой.

Она уже успѣла вырешнѣть себѣ, и блаженная улыбка заблуждала на губахъ; а въ правой рукѣ уже торчала кака-то вѣтка.

— Не пишите его больше,—сказала ей Усманская, какъ и старшіе говорить дѣти.

— Видѣла... Красавецъ!.. Милліонщица невѣста. Вотъ какого родила... Сама кормила... Сама!..

Что же было съ ней дѣлать? Душная комнатка, какъ гробъ, пачала тѣснить Марью Денисовну. Она поцѣловала Пржегневу, сдѣлавъ надъ собой усиліе.

Та даже не спросила, куда она ѣдетъ.

XLIX.

Послѣ бурливаго дня — самыя смѣлыя купальщицы не рѣшались идти въ воду — замирала мягкая вечерняя заря. На томъ самомъ камнѣ, гдѣ съ Усманской произошелъ переломъ, она не сидѣла, а стояла и прощалась съ моремъ. Незамѣтно полюбила она его. Съ нимъ, съ этой многоцвѣтной зыбью, связаны были для нея пикогда еще не испытанныя чувства...

Глядѣла она на отблескъ заката — солнце скрылось за утесомъ — и жалѣла, что нѣтъ на этомъ побережьи такихъ закатовъ солнца, какъ въ сѣверной Франціи. Вспомнила она одинъ вечеръ въ Нормандіи.

Сначала половина неба была темно-фіолетовая и совсѣмъ заволокла солнце. Оно выглянуло щелью въ видѣ треугольника. Щель все дѣлалась больше, и рубиновый шаръ выплыть и всталъ посрединѣ закруглившагося облака.

Онѣ сидѣли съ сестрой Лили, на „plage“, въ соломенной будочкѣ и любовались. И когда она сравнила цвѣтъ солнца съ рубиномъ, то Лили вздохнула по-институтски и выговорила:

— Настоящій, настоящій рубинъ!

Потомъ облако растаяло. Рубиновый шаръ пустилъ отъ себя, черезъ широкій рукавъ молочной полосы, потокъ лавы, въ родѣ столба, такого же цвѣта, только съ огненными краями. Потокъ этотъ всплывалъ въ поперечную зыбь, лиловую, съ розовыми сверкающими нитями.

— Такъ въ балетахъ бываетъ! — сравнила Лили.

Какъ живо ей это представилось теперь, въ минуту разставанья съ мѣстами, откуда она ѣдетъ *другую*. Лили погибла въ водѣ потому только, что не достало духу сказать матери:

— Я не хочу быть проданной этому противному генералу, не хочу!..

А вотъ она не бросится въ море теперь, не бросилась бы, если бъ весь этотъ лѣчебный табльдотъ узналъ, что она около пяти лѣтъ тому назадъ сдѣлалась матерью. Не

стала бы она показывать всѣмъ своего ребенка и хвастаться имъ, но и хорониться отъ всѣхъ не стала бы. И будь жива Лили, она сумѣла бы и ее настроить такъ, чтобъ переѣмъ свою долю на что-нибудь иное...

Тихо шла она по берегу, переступая по камешкамъ. Нѣсколько гладкихъ кремней, красивыхъ, съ крапинками, она выбрала и взяла съ собой. По дорогѣ она глазами прощалась со всей природой. Такого чувства у ней прежде не было. Останься она одна, на свободѣ—она зажила бы съ этой природой въ любви и единеніи. Когда-нибудь—вернется она сюда, и не одна, съ мальчикомъ; поведетъ его на высоты, будетъ ему рассказывать про все, о чемъ онъ ее только станетъ спрашивать.

О Володѣ Шеломовѣ она и забыла. И мать его не представлялась ей въ эту минуту.

L.

— Вотъ гдѣ вы! — вызвалъ ее изъ раздумья возгласъ Гущина.

Это было на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ они говорили, въ первый разъ, по-другому.

— Шла съ вами прощаться, — сказала Усманская и протянула ему руку.

— То-то! Грѣшно было бы уѣхать тайкомъ.

Глаза его ласково оглядывали ее. Точно онъ ее снаряжалъ въ путь—подъ своимъ благословеніемъ и покровительствомъ. Она чуть замѣтно усмѣхнулась отъ этой мысли. Припомнилось ей ихъ возвращеніе, ночью, подъ руку. Сущность не измѣнилась. Какъ тогда, такъ и теперь, Павелъ Павлычъ смотрѣлъ на нее взглядомъ мужчины, которому кажется, что онъ видитъ ее насквозь и готовъ оказать ей поддержку, если она исправится; а настоящей-то правды онъ не знаетъ,—не только ея прошедшаго, ея дѣвичьяго проступка, но и того, кто она такая теперь, что перебивало въ ея душѣ. Она чувствовала себя гораздо старше его. Этотъ добрый Гущина только еще тѣшилъ жизнью, а она уже собралась нести свой крестъ.

„Что бы ты мнѣ ни сказалъ,—думала она,—я все это знаю, и не туда пойду, куда ты думаешь“.

Но она не обижалась тономъ Гущина. Пускай его тѣлится! Онъ добрый и чистенькій человекъ. Встрѣча съ нимъ, когда она начнетъ жить по-другому, будетъ ей

пріятна. Это сказалося въ ея прощальныхъ словахъ и новомъ рукопожатіи. Гуцинъ пошелъ съ ней и все говорилъ о будущемъ русскихъ женщинъ, доказывалъ,—хотя она и не спорила,—что нравственность не будетъ ничего значить до тѣхъ поръ, пока женщина радикально не добьется всѣхъ правъ на трудъ. Она слушала его и соображала:

„Только бы мнѣ въ какомъ-нибудь занятіи получать хоть тридцать рублей въ мѣсяцъ, при готовомъ содержаніи,—я воспитаю его непременно!“

Быть-можетъ, придется попросить протекціи и у Павла Павлыча... Какъ-то онъ тогда заговорить съ ней? Не барышня въ модномъ туалетѣ, которую здѣсь всѣ считаютъ „аристократкой“, а безвѣстная дѣвушка съ ребенкомъ, „дѣвушка-мать“,—„fille-mère“,—подумала она по-французски, нищая, разорвавшая съ тѣмъ, что мать ея одно только и считала „обществомъ“?

И тутъ вспомнилась ей Прежнева. У той вѣдь все-таки есть кусокъ хлѣба. Но порывы и упованія всей ея жизни—во что они воплотились? Въ купеческаго „Альфонса“, въ бездушнаго мальчишку, котораго можно задушить своими руками—до такой степени онъ гадокъ!..

Все могло случиться и съ ней...

LI.

Раньше, чѣмъ въ то утро, когда онѣ ѣздили въ Алушку, коляска ждала у изгороди. Подрядили опять Николая. Ольга Евграфовна сама торговалась, и торги заняли два дня. Денегъ было совсѣмъ на исходѣ. Дочь предлагала ѣхать на пароходѣ; но въ Ялтѣ случился сильный прибой, прошелъ слухъ, что убило даже пріѣзжаго барина, старика, ударивъ его о столбъ купальни. Одинъ пароходъ изъ Севастополя сильно запоздалъ. Страхъ качки и бури не давалъ покоя Ольгѣ Евграфовнѣ. Когда она уговорила съ Николаемъ за шестнадцать рублей—опять довольно дешево—и дала задатокъ, то всю ночь не спала отъ мысли, что этотъ цыганъ, гдѣ-нибудь, стакнувшись съ шайкой разбойниковъ, зарѣжетъ ее или по меньшей мѣрѣ ограбить.

— Вѣдь вырѣзали же здѣсь цѣлую фамилію,—говорила она дочери,—и до сихъ поръ не могутъ найти злодѣевъ.

— Тогда поѣдемъ на пароходѣ.

Но отъ слова „пароходъ“ Ольга Евграфовна серди-

лась и кричала, что не дѣло ея дочери распоряжаться и умяничать.

На всѣ эти выходки Марья Денисовна не давала никакого отпора. Такая кротость, минутами, смущала мать, и она начинала тогда думать: не замышляетъ ли дочь чего-нибудь... если не ограбить ее, то произвести „une indignité“.

На такой мысли она останавливалась не подолгу. Въ ней притуплялась уже прежняя рьяность матери-свахи. Смутно она уже допускала, что, можетъ-быть, оно и лучше такъ — предоставить на волю Божию и позволить „дѣвѣ на возрастѣ“ промыслить себѣ самой мужа.

Въ пять часовъ она уже умывалась, охая и жалуясь черезъ перегородку на то, что всю ночь она не сомкнула вѣкъ. Укладываніе еще не было, однако, кончено. Хозяйку разбудили. Марья Денисовна напоминала матери, что лучше бы было заплатить по счету съ вечера; но получила въ отвѣтъ:

— Вотъ еще какія нѣжности!.. C'est une hôtellerie, rien de plus!

Поднялась только для нихъ и вся прислуга. Насилу дочь уговорила Ольгу Евграфовну дать хоть по два двугривенныхъ челоѣку и горничной.

Сундуки уже были выпесены. Николай возился около нихъ съ лакеемъ, когда къ калиткѣ изгороди подошла Русанова съ своимъ другомъ. Марья Денисовна увидала ихъ.

— Qui est ce?—спросила строго Ольга Евграфовна.

— De très bonnes personnes, — отвѣтила она и пошла къ нимъ навстрѣчу.

Захарова держала въ рукахъ свертокъ въ газетной бумагѣ, красѣла и часто вскидывала рѣсницами.

— Вотъ онъ, сюрпризъ-то!—показала рукой Русанова.— Перепеловъ сама изжарила. Жирные-прежирные!..

— Не бойтесь, она всегда пугаетъ,—перебила Захарова и обѣими руками подала ей пакетъ.

— Marie!—позвала Ольга Евграфовна.

— Тсъ! пачальство! — шепнула дурачливо Русанова.— Добраге пути, и въ Питерѣ насъ не забывайте.

Торопливо поцѣловались онѣ съ нею и побѣжали по аллеѣ, обернулись шагахъ въ десяти, и каждая махнула платкомъ.

Свертокъ былъ очень тяжелъ и отъ него превкусно пахло.

По холодку онѣ ѣхали не много. Солнце все ярче пригрѣвало; но жаръ не томилъ. Что-то такое ворчала Ольга Евграфовна, но что—дочь ея не могла бы ни повторить, ни вспомнить. Всю дорогу, до Байдарскихъ воротъ, она не отрывала глазъ отъ моря, скалъ и зеленыхъ спусковъ. Никакой тоски, тревоги, страха или сомнѣнія она не испытывала. Такъ должны идти на бой новобранцы. Весело, хоть и знаешь, что впереди не одна смерть—нановаль, а чаще увѣченье, зияющія раны, гангрена, мученья операций, зараза госпиталей, агонія съ страшнымъ бредомъ... Уже за одно это она благодарила все: и ласковое Небо, откуда три недѣли не лило хмураго дождя, и еще Солнце радостную, многоцвѣтную воду, и скалы, и деревья, и воздухъ, и Ялту, оставшуюся позади, и Алупку, и всѣхъ, съ кѣмъ судьба столкнула ее. Даже того пошлаго офицера благодарила она за внезапную встрѣчу. Безъ него она возвращалась бы съ матерью такой же озлобленной рабыней, безъ просвѣта въ будущемъ, съ мѣднымъ пятаконъ выѣсто сердца, живымъ трупомъ.

— Байдары!—крикнулъ Николай, и указалъ вдали ворота, когда они миновали туннель.

Ей стало жаль расстаться съ дорогой по приморской выси.

Ольга Евграфовна выбрала пыль и прибавила съ подергиваніемъ плечъ:

— Si jamais je mets le pied dans ce pays bête!

Остановились онѣ на станціи, по ту сторону воротъ. Николай почти требовалъ остановки въ самихъ Байдаркахъ, такъ какъ получалъ тамъ въ трактирѣ даровой кормъ, но Ольга Евграфовна сообразила, что тутъ казенная станція, и все будетъ дешевле, и закричала на него. Дочь должна была ее поддержать.

На станціи нашелся обѣдъ; но онѣ спросили себѣ только борщу. Свертокъ Котика вмѣщалъ въ себѣ, кромѣ сдобнаго хлѣба, лепешекъ, грушъ, цѣлый десятокъ жареныхъ, чрезвычайно жирныхъ перепеловъ.

Съ жадностью накинулась на нихъ Ольга Евграфовна. Дочь замѣтила ей:

— Prenez garde, maman.

Та, конечно, не послушалась и съѣла пять штукъ и пожелала соснуть. Молодой смотритель ходилъ съ Марьей

Денисовной въ горы—показывать ей пещеру, переводить ее съ камня на камень въ одномъ опасномъ мѣстѣ; она крѣпилась и ни разу даже не вскрикнула. Вернулись они—Ольга Евграфовна еще спала. Но не успѣла мать съѣсть въ коляску, какъ ее замутило отъ перепеловъ, и всю дорогу она ныла и повертывалась съ боку на бокъ, заставляя останавливаться и кончила бранью, увѣряя, что ее „отравили съ намѣрепиемъ“.

Среди этого шумнаго вздора катился экипажъ по тихимъ отлогостямъ, миновалъ и поле съ памятникомъ Инкерманскому дѣлу, засвѣтло былъ уже верстахъ въ двѣнадцать отъ Севастополя; а мимо Георгіевскаго монастыря проѣхалъ когда начало смеркаться.

— Quelle poussière! — дала окрикъ на пыль Ольга Евграфовна.

И Марья Денисовна закрыла на минуту глаза. По обѣ стороны пошли блѣсоватыя груды камней, заборы, развалины домовъ.

— Севастополь!—объявилъ Николай и ударилъ по лошади.

III.

Въ полутемнотѣ, на ступеняхъ Графской пристани, сидѣла Марья Денисовна. Мать должна была лечь сейчасъ же по пріѣздѣ въ отель, и когда она успокоилась—можно было пойти погулять. Сна совсѣмъ не было.

Внизу разбросаны фонари въ докахъ, на пароходахъ, въ бухтѣ, на желѣзной дорогѣ. Чуть проглядываетъ и мѣсяцъ сквозь тусклое пятно облаковъ; но при блескѣ звѣздъ можно было рассмотреть на холмѣ обнаженный остовъ длиннаго зданія и черную статую во весь ростъ на высокомъ пьедесталѣ... Кругомъ шли тихіе разговоры гуляющихъ.

Она закрыла глаза. На нее нашло въ этомъ разрушенномъ городѣ, съ его пылью, грудями камней, тишиной и уныніемъ расплывающихся улицъ и вѣздовъ—настроение, неизвѣданное по своей не то сладкой, не то сосущей грусти. Особенно тутъ, на этихъ ступеняхъ.

Становилось уже поздно. Она поднялась подъ порткомъ, пошла по тротуару съ запыленными акаціями, мимо ярко освѣщенныхъ фруктовыхъ лавокъ. Но цвѣтныя пятна грушъ, винограда, яблокъ, сливъ не веселили покурой

площади, расходившейся въ три стороны. Около отеля она наткнулась на что-то.

Нищій, татаринъ-калъка съ подогнутыми ногами, ползая на рукахъ, попросилъ у ней милостыни—у ней не было ничего. Она поспѣшно перешла наискосокъ черезъ площадь, туда, гдѣ подъемъ на бульваръ съ воротами и лѣстницей. Неровныя плиты говорили также о разрушеніи. Поднялась она къ памятнику и сѣла на первую скамейку. Городъ замеръ. Ощущеніе каменной могилы нашло на нее. Никогда она не думала, во всю свою жизнь барышви, о томъ, что было здѣсь... Сотни тысячъ смертей... Смутно она что-то слыхала отъ брата. Читала какіе-то рассказы. Имя русскаго писателя пришло ей на память.

Ей стало стыдно. Еще утромъ она чуть не сравнивала себя съ героями, идущими на бой.

Гдѣ-то внизу, въ трактирномъ садикѣ, вдругъ забренчала арфа и хриплый дѣтскій голосъ затянулъ „Стрѣлочка“. А по всемъ улицамъ и съѣздамъ, на площади и на бульварѣ за ея спиной чуть видимая бѣлая пыль крутила и лѣзла въ глаза.

Дѣвушка застыла въ нѣмой и строгой думѣ.

Она еще больше знала теперь, для чего ей жить и куда идти.

ПСАРНЯ.

(ПОСВЯЩАЕТСЯ И. С. ТУРГЕНЕВУ.)

Дорогой Иванъ Сергѣевичъ!

Кому же, если не вамъ, посвятить очеркъ, гдѣ предметъ изображенія—рядомъ съ людьми—братья и сестры «Негаза», обреченнаго вами на безсмертіе? Я не охотникъ—ни псовый, ни ружейный. Въ жизни не закололъ я ни одного звѣря, не подстрѣлилъ ни одной птицы. Но въ дѣтствѣ—лѣтъ шестнадцати—меня брали на псовую охоту, и поблизости, лѣтомъ, и въ отъѣздѣ—осенью. Съ малыхъ годовъ меня занималъ псарный дворъ, его обиходъ, люди и животныя—главное, собаки и щенки. Травить мнѣ не давали, да и хорошо дѣлали. Крики зайцевъ мѣшали мнѣ душѣ: по картишка угонки борзыхъ, хоръ варкой стаи въ острову привлекали меня. Только, и тогда, и теперь, я любилъ и люблю собаку не исключительно за ея охотничіе стѣны и таланты, какъ большинство промысловыхъ егерей и артистовъ—любителей охоты изъ господъ. Между ними—насколько мнѣ приводилось слушать рассказы, видѣть ихъ въ обращеніи съ псами, читать охотничьи книги, очерки, статьи—не замѣчалъ я много любви къ собакамъ, *какъ собакъ*, помню ея пригодности къ забавѣ человека. Ее хвалятъ, ласкаютъ, если хотите любить—за что? За то, что она доставляетъ наслажденіе скачкой, гонкой, травлей, музыкальнымъ лаемъ въ лѣсу, чутымъ и стойкимъ въ болотѣ. Но какъ только она негодна, «сопедишь поля»—ее на осину; да и въ ружейной охотѣ (что вамъ лучше меня извѣстно) не очень-то итакно съ ней обращаются. Словомъ, я держу кинуть мысль, что охотничье чувство къ собакамъ—чувство довольно-таки себялюбивое, не дошедшее до полнаго сліянія съ животнымъ въ спланианіи, не знающей ника-

ких расчетов и посторонних утѣхъ. Вѣдь любить же собака человѣка, несмотря на то, что онъ всячески тиранитъ ее. Знаю, что трудно слиться съ душевной жизнью животного. Не впасть, при этомъ, въ то, что психологи называютъ антропоморфизмомъ — невозможно. Зато, совсѣмъ не трудно полюбить собаку по-человѣчески — хотя бы въ отвѣтъ на ея собачью привязанность. Песъ и безъ того обиженъ, не одними господами охотниками, но и господами учеными. Бремъ называетъ пса «добрымъ дуракомъ» и выдвигаетъ напоказъ высшій умъ кошки. Добрый дуракъ!.. Одинъ вашъ Пегазъ былъ — ума палата. А развѣ не доказательство высшей натуры — эта любовь всякой собаки — породистой или дворняги, и къ тяжелой работѣ, и къ потѣхѣ, и къ художественной сторонѣ того, чему научили ее? На охотѣ, на рынкахъ заграничныхъ городовъ, въ блестящихъ циркахъ и на дырявомъ коврѣ ярмарочнаго паяца — вездѣ-вездѣ вы видите этого вѣрнаго, пылаго, веселаго, любезнаго сердцу пса, порывающагося поработать, потѣшить добрыхъ людей, не щадя своихъ животовъ.

Чистую, человѣчно-художественную любовь къ псу вложилъ я въ душу простого псаря — пріятеля моего въ дѣтствѣ, воспитавшаго себя на псарѣ. Вамъ прекрасно извѣстно, что народъ нашъ — не въ обиду будь ему сказано — не отличается особой нѣжностью ни къ скоту, ни къ звѣрю, ни къ собакамъ. Песъ для него — «поганый». Этого не надо забывать... Кошку онъ считаетъ чище и уважаетъ ее больше. Но не надо забывать и того, что народъ въ тискахъ легенды, сказки, мифа и суевѣрія, смѣшаннаго съ предписаніями вѣры. Почему же бы считать онъ собаку «поганой»? И его жестокость къ животнымъ, побой похода, безжалостные виды пздѣвательства надъ собакой — наполовину отъ нужды, отъ суровости всего быта. Гдѣ тутъ «скоты миловать»? Тутъ и съ человѣкомъ-то сплюшь и рядомъ обходитесь по-собачьи. Только въ избранныхъ чуткихъ душахъ любовь къ природѣ вообще переходитъ и въ любовь къ звѣрю, къ Божьей птицкѣ, къ зайцу, къ щенку. Таковъ и мой Андришка — по-своему поэтъ и мыслитель, нѣжная женственная натура. Онъ не выдуманъ — вы это увидите. Для Андришки его званіе «корытничаго» и потому «выжлятника» было только поводомъ къ внутренней жизни милостивца безсловесной твари. У псовыхъ охотниковъ прощя и извиненія въ томъ, что мой очеркъ писанъ совсѣмъ не для того, для чего обыкновенно «сочиняютъ» разные рассказы и записки. Въ нихъ на первомъ планѣ — охотничья, его приключенія, его потѣха, щекотанье его безконечнаго самолюбія и дѣтскаго задора, наконецъ, техническія тонкости и

курьезы... Природа, ея красоты, ея могучія освѣжающія объятія всегда въ нихъ—одна обстановка, декорація, грунтъ, а цѣль—тривля, удаля, удовлетвореніе чувства, не нашедшаго себѣ другой менѣе хищной сферы. Много дружества ждутъ звѣри отъ не-охотниковъ. Хорошо отдохнуть на добромъ чувствѣ къ животному, да еще такому, какъ собака. Возиться съ своими ближними—наше писательское призваніе; но не слишкомъ ли много придаемъ мы вѣсу всякимъ дѣяшкамъ и страстишкамъ чело-вѣческихъ своръ, смычковъ и стай? Наше людское высокомѣріе не допускаетъ насъ признать высокую гармонію въ душевномъ складѣ добраго пса. Что ни свойство—то прочный голосъ природы, великодушіе—то ласка, преданность, веселость, храбрость, великодушіе! Мы пренебрежительно говоримъ: «инстинктъ», «безмысленные позывы», а того не знаемъ, что вся наша людская бѣда—въ извращеніи инстинктовъ, въ беспорядочномъ, часто безумномъ попираніи здоровыхъ позывовъ и аппетитовъ.

Мнѣ рассказывали про покойнаго В. П. Боткина, — вашего сверстника и пріятеля, — какъ онъ говаривалъ, что желалъ бы умереть, глядя на любящіе, полные ласки, глаза двухъ собакъ, что выше этой нѣжности нѣтъ на свѣтѣ. Не знаю, былъ ли онъ охотникъ. Если не былъ — такое чувство къ псамъ — большая похвала челоуѣку и художнику. И мнѣ когда-то, въ тяжелую полосу русской хандры, одинъ французскій писатель говорилъ въ сочувственномъ письмѣ: «Къ любви женщины не стоитъ стремиться, повѣрьте; заведите собаку — это дастъ вамъ полное чувство жизни». Я слишкомъ люблю собаку, чтобы заводить у себя домашняго раба, котораго непремѣнно будешь муштровать по своему челоуѣческому своеволію. Но кому я проповѣдую? Вы сами такъ любите вѣрнѣйшаго друга людей! Примите же мое приношеніе и не обезсудьте, если чего не дописалъ.

П. Б.

I.

Ранняя весна. Снѣгъ сошелъ съ крутой выпуклости горы. По взлобку ея тянется частоколъ барскаго сада. Мурава зазеленѣла по всему подъему; зажелтѣли и двѣ тропки, пробитыя крестъ-на-крестъ. Но въ оврагахъ, по близости, и дальше къ дубовому лѣску залегли еще снѣжные сугробы и блестятъ въ лучахъ веселаго солнца. Внизу, у рѣчки, наискосокъ мостика, приземистый, продолговатый деревянный срубъ съ низкой крышей—весь закоптѣлый—дымится и сверху изъ трубъ, и съ боковъ, изъ раскрытыхъ, створчатыхъ дверей. Это—собачья кухня. Внутри отъ дыму ничего не видно свѣжему человѣку. Коптять конину. Мясо подвѣшено надъ печью. Дымъ густой пеленой обволакиваетъ его. На земляномъ полу валяются въ кучѣ лошадиныя вываренныя кости, голова, ребра, позвонки. Тамъ и сямъ разбросаны куски кожи съ шерстью, ноги съ копытами. Запекшаяся кровь застыла цѣлыми лужами, охлажденная свернувшейся волокнистой. Сквозь дымъ проглядываютъ красно-желтыя легкія, вздутыя и блестящія съ своими лопастями и заворотами; тутъ же лежатъ и другія внутренности. Чадъ отъ крови, ободранной кожи и сукровицы смѣшивается съ дымомъ еловыхъ дровъ и гуляетъ сквозь сарай отъ одной двери до другой.

Два псаря сидятъ въ углу, поближе къ той двери, что смотритъ на мостикъ, около глинянаго горшка, и посматриваютъ въ него; каждый помѣшиваетъ что-то палочкой. Позади ихъ, у стѣны, два большихъ ушата для овсянки, чанъ съ водой и котелъ ведра въ три. Оба псаря одѣты

въ старые темно-бурые казакины изъ домашнего сукна, грубаго, немного лучше крестьянскаго, что идетъ на зипуны. Шаровары у нихъ изъ такого же сукна, въ заплаткахъ, затрапезные псарные штаны постидѣли отъ времени, протерлись и поролись почасту — у одного около кухни и псарнаго двора, у другого—тутъ же и въ острову, на простыхъ непарадныхъ выѣздахъ, ободрались о сучья въ густомъ орѣшникѣ и ельникѣ. На одномъ псарѣ штаны засунуты въ сапоги съ порыжѣлыми голенищами, у другого спущены на шлепальцы изъ опокровъ, на босу ногу...

Псарю въ опоркахъ лѣтъ, должно-быть, за шестьдесятъ. Онъ—приземистый, какъ и его собачья кухня, старичокъ, широкій въ кости. Его маленькое лицо совсѣмъ закоптѣло. Борода давно не брита и еще темнѣ всего остального облика. Сѣрые, добрые глазки слезятся отъ долголѣтняго подкапчиванія вмѣстѣ съ конскими окороками. Носъ у него сморщенный книзу, точно онъ сейчасъ здѣлалъ добрую понюшку „березоваго“. Волосы пошли сѣдиной, но не очень; курчавы и выбиваются изъ-подъ ермолки, сшитой изъ разнообразныхъ ситцевыхъ лоскутковъ. Въ зубахъ этого юркаго и первнаго старичка торчитъ короткий, обмусоленный чубучокъ. Онъ покуриваетъ корешки. Трубочка круглая, деревянная, съ мѣдной крышкой. Табакъ потрескиваетъ и струя его ползетъ ему прямо въ лѣвую ноздрю. Второй псаръ—молодой парень, лѣтъ восемнадцати—много по двадцатому году. Онъ сидитъ полусежа, вытянувъ ноги вправо и подпиралъ туловище лѣвой рукой. Правой онъ помѣшиваетъ въ горшкѣ. На немъ старый охотничій картузь изъ краснаго сукна, перешедшаго въ сизо-малиновый цвѣтъ. Картузь четырехугольный, съ черными кантами и съ кистью, на манеръ польской шапки, свѣсилъ на-бокъ и къ задѣ заломленъ по-псарски, съ синимъ суконнымъ же околышемъ и большимъ козыремъ, посредникъ надтреснутымъ. Изъ-подъ козыря выглядываетъ сухощавое, овальное лицо, кожей бѣлое, безъ бороды и съ чуть замѣтнымъ пушкомъ на верхней губѣ. Носъ у него немного вздернутъ, съ нѣжными ноздрами; каріе большіе глаза смотрятъ мягко и вдумчиво; русые, засвѣтлѣвшіе отъ солнца плоскіе волосы падаютъ двумя широкими прядями на уши. Парень этотъ въ плечахъ узковать и держится немного сутуло. Роста онъ средняго и несовсѣмъ еще сложился. Штаны болтаются у него на худощавыхъ ногахъ.

II.

— Дядя Иванъ,—сказалъ напряженнымъ голосомъ молодой парень и вынулъ мѣшалку изъ горшка,—поди, довольно...

— Нѣтъ, Андрюха, накинь поидеть,—прошамкалъ безъ зубовъ старый псарь.

Его Андрюшка звалъ всегда „дядя Иванъ“, а на деревнѣ, во дворѣ и остальные псаря звали его „Михѣичъ“. Андрюшка говорилъ съ нимъ громко. Михѣичъ былъ тугъ на одно ухо и уже лѣтъ больше десяти въ псаряхъ не ѣздилъ, а состоялъ собачьимъ „кухмистеромъ“.

— Больше какъ минутъ пятнадцать не слѣдь,—выговорилъ молодой псарь убѣжденнымъ голосомъ.

— Кто тебѣ сказывалъ?

— Егеръ Василій въ книжкѣ читалъ. Четверть часа варить, говорить, отъ двухъ штофовъ.

— Ладно,—подмигнулъ Михѣичъ и сдѣлалъ затяжку.— Двадцать годовъ знаю препорцію. А ты, Андрюха, больно мудришь, я погляжу.

Оба опять помѣшали жидкость. Они варили въ горшкѣ корень бѣлаго чемеричника. Около Михѣича, на земляномъ полу, въ тряпкѣ, лежитъ что-то бѣлое, въ кускахъ, и порошокъ желтаго колера. Эти снадобья—поташъ и сѣрная печень. Вотъ они процѣдятъ сквозь тряпицу въ другой горшокъ, пониже и покруглѣе, и всыплютъ туда оба снадобья, послѣ того поставятъ на золу и будутъ помѣшивать, а потомъ остудятъ.

Михѣичемъ держится не только вся кухня, но и аптека для борзыхъ и гончихъ. Какъ сойдетъ снѣгъ, вплоть до первой пороши, онъ ходитъ по оврагамъ и полямъ, по лѣсамъ и перелѣсьямъ и своими подслѣповатыми глазами ищетъ травъ и корешковъ. Онъ же покупаетъ лѣкарство въ москательномъ ряду. Доѣзжачій денегъ ему не даетъ, пропиваетъ, хоть и ставитъ на счетъ барину. Михѣичу остаются кости отъ лошадиныхъ тушъ, да и то не всѣ. Торговцы-„кошатники“ покупаютъ кости вмѣстѣ со шкурой—и вотъ на эти гроши Михѣичъ раздобудетъ поташу, сѣры, бакуна, скипидара, всего, что нужно для частныхъ собачьихъ болѣзней.

Андрюшка долгіе годы водится съ Михѣичемъ, научился отъ него, какъ что варить, знаетъ, какъ звать всякую траву, что давать щенкамъ и осенистымъ псамъ, умѣетъ распо-

знавать болѣзни, отличать одну накожную нечисть отъ другой. Только съ нѣкоторыхъ поръ Михѣичъ немного обижается, что его выученикъ началъ его самого поучивать, хотя и почтительно. Михѣичъ грамотѣ не обученъ, а Андрюшка добывалъ какія-то книжки и оттуда вычитывалъ разные рецепты... То у него не такъ, другое, и „препорція“ не та, а иного и совсѣмъ не надо. Но мягкая душа Михѣича не способна на окрикъ, на злобное чувство. Онъ любитъ своего Андрюху. Вотъ, на-дняхъ еще, приступилъ онъ къ варкѣ „дегтярной смазки“, такого же цѣлебнаго средства, какъ и то, что они варятъ теперь—отъ коросты. Михѣичъ начинаетъ этой варкой свой псарный годъ... Онъ священнодѣйствуетъ. Выберетъ онъ хорошій, поливной горшокъ, не поскупится и гривну за него дать, чтобы мурава была густая, темная, чтобы звонъ шелъ отъ горшка, когда его шелкнешь. Приготовить онъ и клейстеръ—замазать крышку, когда все будетъ положено, и печь въ псарной избѣ вытопить особенно, и припасетъ всѣ снадобья... Вотъ и въ этомъ году такимъ же порядкомъ все изготавилъ. Такъ и тутъ Андрюшка почалъ умищать.

— Дядя Иванъ,—говорить,—на коровьемъ маслѣ мягче будетъ.

А испоконъ вѣку Михѣичъ бралъ свиное сало. И виданое ли дѣло мастерить смазку на коровьемъ маслѣ?.. Не послушался! Деготь тоже, по Андрюшкину толкованію, надо было развести въ молокѣ—„на-ко поди!“—и въ препорціи яри-мѣдянки, сѣры и квасцовъ они поспорили. Однако, Андрюшка уступилъ. Онъ всегда уступалъ Михѣичу.

III.

Михѣичъ, послѣ варки снадобья отъ коросты, пошелъ на скотный дворъ, гдѣ у него въ стрипухахъ жила своя ченица. Онъ наказалъ Андрюшкѣ присматривать за копченьемъ „собачьей ветчины“. Коптили послѣднюю весеннюю порцію въ этомъ году—до наступленія осени. Зачастили теплые дни. Черезъ двѣ недѣли перестанутъ подмѣшивать къ овсянкѣ копченую конину вплоть до осени; но запастись ветчиной надо будетъ и лѣтомъ.

Андрюшка вышелъ изъ кухни, снялъ на минуту картузь, потянулся—и пошелъ, не спѣша, къ псарнѣ. Псарный дворъ стоитъ подъ горой, саженьяхъ въ пятидесяти

отъ кухни, на томъ же берегу рѣчки. Онъ построенъ былъ заново — старый сгорѣлъ, когда Андришку взяли изъ деревенскихъ дворовыхъ на псарню, лѣтъ шесть тому назадъ. Изба, въ три окна, съ жильемъ подъ крышей, раздѣляетъ два двора; лѣвѣе — большой дворъ идетъ въ гору крутой покатошью. Тутъ держать гончихъ и борзыхъ собакъ, кромѣ барскихъ. Дворъ замыкается сверху длиннымъ срубомъ, со скошенной крышей. Въ немъ четыре закуты — двѣ для гончихъ, двѣ для борзыхъ. Справа отъ избы дворикъ съ двумя закутами для суекъ въ разводкѣ и для щенковъ. Дворикъ этотъ на ровномъ мѣстѣ. Въ избѣ Андришка живетъ вмѣстѣ съ доѣзжачимъ и другими псаремъ. Доѣзжачій помѣщается съ весны въ горницѣ, а они оба въ избѣ. Михѣичъ спитъ зимой на полатахъ, а съ весны перебирается въ свою свѣтелку подъ крышу. Случается ему частенько заснуть и въ кухнѣ.

Андришка подошелъ къ избѣ и сѣлъ на заваленку. Ходъ на псарный дворъ сбоку, черезъ калитку. Въ избу проходить надо дворомъ, подъ навѣсъ, направо, гдѣ стоятъ корыта для обѣденнаго корма стаи и борзыхъ. Калитка не запирается снаружи. Она держится за щеколду. Собаки выпущены изъ закутъ. Слышно и снаружи, за высокимъ тесовымъ заборомъ, какъ онѣ ходятъ по двору, звизгиваютъ, зѣваютъ.

Только что сѣлъ Андришка, на дворѣ зарычала одна собака, потомъ вышла схватка. Андришка снялъ арапникъ, висѣвшій всегда на деревянномъ крючкѣ, у калитки, отворилъ ее очень быстро, переступилъ высокій порогъ и сталъ лицомъ къ стаѣ, опершись о бревно забора, хлопнулъ арапникомъ звонко и съ какимъ-то особеннымъ раскатомъ и высокимъ, нервнымъ голосомъ крикнулъ:

— На мѣста!..

Гончія были выпущены вмѣстѣ съ борзыми. Онѣ держались нѣсколько особо, къ навѣсу отъ забора — съ другой стороны двора, и по привычкѣ своей сбились въ кучу. Борзые лежали вразсыпную, лѣвѣе отъ калитки, а также на помостѣ вдоль закутъ, на мосткахъ, положенныхъ внизъ отъ помоста, и въ самыхъ закутахъ — кто позябче и полѣннѣе.

Стая гончихъ была слишкомъ въ двадцать смычковъ. Посрединѣ помѣщались всегда старые выжлецы и выжловки — крупнѣе и лучше статами, настоящей „костром-

знавать болѣзни, отличать одну накожную нечисть отъ другой. Только съ нѣкоторыхъ поръ Михѣичъ немного обижается, что его выученикъ началъ его самого поучивать, хотя и почитательно. Михѣичъ грамотѣ не обученъ, а Андрюшка добывалъ какія-то книжки и оттуда вычитывалъ разные рецепты... То у него не такъ, другое, и „препорція“ не та, а иного и совсѣмъ не надо. Но мягкая душа Михѣича не способна на окрикъ, на злобное чувство. Онъ любитъ своего Андрюху. Вотъ, на-дняхъ еще, приступилъ онъ къ варкѣ „дегтярной смазки“, такого же цѣлебнаго средства, какъ и то, что они варятъ теперь—отъ коросты. Михѣичъ начинаетъ этой варкой свой псарный годъ... Онъ священнодѣйствуетъ. Выберетъ онъ хорошій, поливной горшокъ, не поскупится и гривну за него дать, чтобы мурава была густая, темная, чтобы звонъ шелъ отъ горшка, когда его щелкнешь. Приготовить онъ и клейстеръ—замазать крышку, когда все будетъ положено, и печь въ псарной избѣ вытопить особенно, и припасетъ всѣ снадобья... Вотъ и въ этомъ году такимъ же порядкомъ все изготавилъ. Такъ и тутъ Андрюшка почалъ умничать.

— Дядя Иванъ,—говорить,—на коровьемъ маслѣ мягче будетъ.

А испоконъ вѣку Михѣичъ бралъ свиное сало. И виданое ли дѣло мастерить смазку на коровьемъ маслѣ?.. Не послушался! Деготь тоже, по Андрюшкину толкованію, надо было развести въ молокѣ—„на-ко поди!“—и въ препорціи яри-мѣдянки, сѣры и квасцовъ они поспорили. Однако, Андрюшка уступилъ. Онъ всегда уступалъ Михѣичу.

III.

Михѣичъ, послѣ варки снадобья отъ коросты, пошелъ на скотный дворъ, гдѣ у него въ стряпухахъ жила свояченица. Онъ наказалъ Андрюшкѣ присматривать за копченьемъ „собачьей ветчины“. Коптили послѣднюю весеннюю порцію въ этомъ году—до наступленія осени. Зачастили теплые дни. Черезъ двѣ недѣли перестанутъ подмѣшивать къ овсянкѣ копченую конину вплоть до осени; но запастись ветчинну надо будетъ и лѣтомъ.

Андрюшка вышелъ изъ кухни, снялъ на минуту картузъ, потянулся—и пошелъ, не сѣша, къ псарнѣ. Псарный дворъ стоитъ подъ горой, саженахъ въ пятидесяти

отъ кухни, на томъ же берегу рѣчки. Онъ построенъ былъ заново — старый сгорѣлъ, когда Андришку взяли изъ деревенскихъ дворовыхъ на псарню, лѣтъ шесть тому назадъ. Изба, въ три окна, съ жильемъ подъ крышей, раздѣляетъ два двора; лѣвѣе — большой дворъ идетъ въ гору крутой покатошью. Тутъ держать гончихъ и борзыхъ собакъ, кромѣ барскихъ. Дворъ замыкается сверху длиннымъ срубомъ, со скошенной крышей. Въ немъ четыре закуты — двѣ для гончихъ, двѣ для борзыхъ. Справа отъ избы дворикъ съ двумя закутами для сукъ въ разводкѣ и для щенковъ. Дворикъ этотъ на ровномъ мѣстѣ. Въ избѣ Андришка живетъ вмѣстѣ съ доѣзжачимъ и другимъ псаремъ. Доѣзжачій помѣщается съ весны въ горницѣ, а они оба въ избѣ. Михѣичъ спитъ зимой на полатахъ, а съ весны перебирается въ свою свѣтелку подъ крышу. Случается ему частенько заснуть и въ кухнѣ.

Андришка подошелъ къ избѣ и сѣлъ на заваленку. Ходъ на псарный дворъ сбоку, черезъ калитку. Въ избу проходить надо дворомъ, подъ навѣсъ, направо, гдѣ стоятъ корыта для обѣденнаго корма стаи и борзыхъ. Калитка не запирается снаружи. Она держится за щеколду. Собаки выпущены изъ закутъ. Слышно и снаружи, за высокимъ тесовымъ заборомъ, какъ онѣ ходятъ по двору, звизгиваютъ, зѣваютъ.

Только что сѣлъ Андришка, на дворѣ зарычала одна собака, потомъ вышла схватка. Андришка снялъ арапникъ, висѣвшій всегда на деревянномъ крючкѣ, у калитки, отворилъ ее очень быстро, переступилъ высокій порогъ и сталъ лицомъ къ стаѣ, опершись о бревно забора, хлопнулъ арапникомъ звонко и съ какимъ-то особеннымъ раскатомъ и высокимъ, нервнымъ голосомъ крикнулъ:

— На мѣста!..

Гончія были выпущены вмѣстѣ съ борзыми. Онѣ держались нѣсколько особо, къ навѣсу отъ забора — съ другой стороны двора, и по привычкѣ своей сбились въ кучу. Борзые лежали вразсыпную, лѣвѣе отъ калитки, а также на помостѣ вдоль закутъ, на мосткахъ, положенныхъ внизъ отъ помоста, и въ самыхъ закутахъ — кто позябче и полѣннѣе.

Стая гончихъ была слишкомъ въ двадцать смычковъ. Посрединѣ помѣщались всегда старые выжлецы и выжловки — крупнѣе и лучше стѣтами, настоящей „костром-

ихъ, перепутавшись мордами и ногами, полулежали, сидѣли и стояли собаки постарше. Рѣже одна отъ другой держались молодые гончарки, нюхали, чесались, крутили хвостами, взглядывали на Андрюшку.

Онъ глядѣлъ на стаю, и между нимъ и всѣми этими псами чувствовалась связь. Стая знала его гораздо больше, чѣмъ самого доѣзжачаго. Только арапникъ удерживалъ. А то бы они сейчасъ облѣпили его и принялись бы ласкать

V.

Да, хорошо знаетъ ихъ Андрюшка. И соперничество Вопилъ съ Набатомъ заприимѣтилъ онъ первый... Вонъ юлитъ хвостомъ муругая молодая выжловка Скрипка... За ней водятся грѣшки. Воровата, поровитъ ухватить лишній кусокъ изъ овсянки, таскаетъ въ закуту разную дрянъ, а въ острову гонить противъ слѣда—„въ пятку“, безъ толку горлится и взвизгиваетъ. „Идти на кругахъ“—мастеръ молодой выжлецъ, Замарай; но отбойчивъ, послѣднимъ выбѣжитъ на опушку, когда въ два рога трубятъ сборъ. И до женскаго пола—очень ужъ охочъ. Двѣ сестры-однопометницы—Волторка и Докука, сиротливыя выжловки, но ладныя, хорошо одѣты и горячи въ острову, держатся вмѣстѣ, часто играютъ, лижутъ одна другую. И хворы: то шелудь, то посца, то натекъ въ сгибахъ ногъ. Возишься съ ними и зиму, и лѣто. Доѣзжачій хотѣлъ давно на осину, да баринъ не приказываетъ. И всѣ клочки слились для Андрюшки съ собаками. Каждое слово приняло въ глазахъ его образъ, цвѣтъ, стати, примѣты. Спроси его теперь баринъ или какой сторонній посѣтитель, и срядѣ, и въ разбивку, онъ не забудетъ ни одного имени. Половина стаи воспиталась на его рукахъ. Онъ помнитъ вонъ того верзилу—Капарея слѣпымъ щенкомъ, и Красавку—первую выжловку въ стаѣ—какъ ей зашибло лапу по четвертому мѣсяцу, и они съ Михѣичемъ мастерили ей перевязку въ лубкахъ.

И натерпѣлся же онъ съ этими клочками. Не сразу онѣ ему дались. Онъ, мальчикомъ, путалъ борзые клочки съ гончими, называлъ Кндаемъ Громилу, а Рѣззу Овсянкой. Иныя имена до году не давались ему. Околѣлъ недавно выжлецъ Зепало. Никакъ онъ не могъ его выговорить: то Запало скажетъ, то Жепало. А доѣзжачій сейчасъ—въ зубы. Михѣичъ научилъ его лечь на печи, глаза

зажмурить и говорить сначала подь рядъ клнчки и чтобъ собаку сейчасъ увидать передъ собой, какъ живую, а тамъ—съ разбивку. Вотъ, бывало, и лежитъ такъ Андрюшка, или лѣтомъ въ овражѣ, за кустами черемухи, и шепчетъ:

— Соловей, Замысль, Смотрокъ, Бүшуй. Соловка, Тревога, Фильтра, Угрюма, Шельма.

Такимъ же точно манеромъ и борзыхъ:

— Подаръ, Красай, Побѣждай. Досада. Пальма, Обида, Бритва, Отлика, Вьюга...

Борзыхъ, которыя содержались на псарномъ дворѣ, онъ долженъ былъ также знать поодиначкѣ. Ихъ никогда не держали больше двадцати штукъ. Борзятниковъ, изъ дворовыхъ, ѣзжало человѣка четыре, кромя стремянного. Каждому полагалось по двѣ собаки, а третью они заводили отъ себя, вымѣнивали, получали въ подарокъ, какъ бы тайкомъ отъ барина, всегда почти рѣзвыхъ, но съ плохими стѣями. Держать ихъ и кормить не приказывали на псарнѣ; но баринъ не досмотритъ, а доѣзжачему—полистофа водки.

И этихъ незаконныхъ собачонокъ любилъ Андрюшка... Къ борзымъ щенкамъ у него даже какъ-то больше было жалости, чѣмъ къ гончимъ... Хотя онъ и не ѣзжалъ съ борзыми, но каждая собака знала его. Вотъ и теперь: онъ всѣ потянулись къ нему, вразсыпную. Смѣлѣе другихъ оказалась сѣрая, полукучная сучка—Отрада—изъ крынокъ, ходившая со стремяннымъ. Она подошла къ Андрюшкѣ, завиляла своимъ смѣшнымъ, короткимъ хвостомъ и лизнула языкомъ. Онъ позволилъ ей, и только когда Отрада подумала было стать на заднія лапы—дать на нее окрикъ, хлопнулъ еще разъ арапникомъ и повернулся къ калиткѣ, бросивъ взглядъ на борзыхъ. Половина ихъ лежала въ закутѣ... Въ углу, у забора, сидѣлъ половой, псовый борзой—съ тонкимъ щипцомъ и глазами точно сливы—молодая, веселая собака. Онъ подвѣлъ уши и воззрился на псаря. Андрюшка обернулъ голову, прихвѣтилъ его и окликнулъ:

— Похвалушка!.. О-го-го!..

Похвалъ рванулся: но калитка захлопнулась за Андрюшкой. Стая расплылась. Тотчасъ же прошло въ ней мгновенное напряженіе. Много собакъ легли и задремали; другія стали бродить по двору. Ланати воду изъ небольшого корытца, перебѣгали изъ одной закуты въ другую.

VI.

Андрюшка сѣлъ опять на заваленку. Передъ нимъ, много лѣтѣ, открывалась дорога по той сторонѣ рѣчки и на изволкѣ, покрытомъ зеленью, церковь села Оедякова — казеннаго села, гдѣ стояли солдаты. Отъ псарни до Оедякова съ версту; но съ заваленки видна только колокольня съ зеленой крышей. Прямо, на широкомъ склонѣ, въ озимяхъ и яровой паши — два лѣска, куда весной ѣздить иногда со стаей, для напуска и натаскиванья молодыхъ собакъ. Оба лѣска — ядренные, больше изъ осинника, черемухи и орѣшника. Правѣе, выше обоихъ острововъ, изъ-за синяго сосноваго бора выставляется еще церковь — приходъ деревни, гдѣ родился Андрюшка... Боръ тоже казенный... До него версты четыре. Туда ѣздить только осенью. Онъ идетъ на десять верстъ. Въ немъ до сихъ поръ случается гонять „по красному звѣрю“. Подъ горой, за поворотомъ, гдѣ идетъ къ барской усадьбѣ крутая дорога отъ моста, — прудъ и кругомъ овражистая рощица — вся дубовая, съ ручьемъ въ глубинѣ... Оттуда Андрюшка каждый годъ носить ежей; водятся тамъ и змѣи, но онъ ихъ не боится. На днѣ ручья лежитъ много „опоки“, глинистаго, мягкаго камня. Изъ него вырѣзываетъ онъ трубки и разныя штучки, печатки, въ зимнее время...

Андрюшка сѣлъ на заваленку и прищурился отъ солнца. Изъ кухни все еще шелъ дымъ. Андрюшка все въ точности исполняетъ то, что ему скажетъ Михѣичъ... Только не любитъ онъ сидѣть сложа руки и къ табаку у него нѣтъ пристрастія. Но ему всегда пріятно поглядѣть на стаю. Точно всѣ эти собачьи морды сродни ему. И это чувство зародилось въ немъ не сразу. Онъ, мальчикомъ, ругался: „песъ, собачій сынъ, поганая морда!“ Щенковъ и ему случалось бить, топить, мазать имъ скипидаромъ носъ. Вплоть до того времени, какъ сталъ онъ ѣздить настоящимъ псаремъ, — не было въ немъ теперешней жалости къ псамъ. Входилъ онъ въ охотничій вкусъ, сталъ различать ладныхъ собакъ отъ плохихъ, похваливать ихъ голосъ, чутье, смѣтку, но все-таки смотрѣлъ на нихъ такъ же, какъ и другіе псаря, какъ и доѣзжачій.

— Нешто у нихъ есть душа? — говаривалъ онъ.

И Михѣичъ, — на что уже мягкій старикъ, — и тотъ отвѣтитъ:

— Души у пса захотѣлъ!

Но разъ, на отъѣзжемъ полѣ, въ обѣденный перевалъ, случилась самая простая вещь, а глубоко запала въ чуткое сердце Андрюшки.

Какъ онъ сядетъ такъ вотъ одинъ, безъ дѣла, по-думаетъ о собакахъ, ему сейчасъ и представится этотъ случай.

VII.

Осень. Полянка—перелѣсокъ между двумя островами—вся свѣтится отъ желтаго и краснаго листа опушекъ. День ясный, чуть-чуть морозецъ, утренникъ былъ славный. До завтрака, въ одномъ острову, позади, гнали важно... На барина поставили шестерыхъ матерыхъ русаковъ... Начуяли и по красному звѣрю, да увильнула лиса. Послѣ завтрака перешли въ другой островъ, густой осинникъ и дубникъ, а листъ еще не опалъ; черезъ островъ идетъ оврагъ... Сначала гнали какъ слѣдуетъ... Андрюшка и другой выжлятникъ, Степанъ Рябовъ, не больше какъ минутъ пять и порскали всего. Доѣзжачій—онъ накатунѣ сильно урѣзалъ—наскочилъ на оврагъ; лошадь подъ нимъ была башкирская, бѣшеная, да вдобавокъ кривая—прямо бултыхъ, и изъ сѣдла вонъ... Стая замѣшалась; по горячему урвались за передовымъ собакъ десять; прочія стали рыскать, тявкать, пошли гнать въ пятку. Андрюшка ѣздилъ по лѣвую руку отъ доѣзжачаго и ничего сразу не увидалъ... Онъ же его нашель, въ оврагѣ, совсѣмъ разбитаго, посадилъ въ сѣдло. Скулу себѣ доѣзжачій подбилъ, одну штанину распоролъ до колѣнъ. Надо было мигомъ перехватить стаю, чтобы не пустить тѣхъ, что погнали по горячему, на опушку. На это Сенька—чортъ! Какъ только очутился въ сѣдлѣ, сейчасъ стремглавъ по какой хочешь чащѣ: канава ли, оврагъ ли цѣлый—все едино! Однако, не перехватилъ. Баринъ осерчалъ сильно... Затрубили сборъ, начуяли опять, работа пошла хорошая... Поставили до пятнадцати зайцевъ, да только все охотникамъ-борзятникамъ, а не барину. Поваръ Михаилъ Ивановичъ двухъ русаковъ затравилъ, Павлу-сапожнику—на что ужъ шалый—и тому парочка матерыхъ досталась, Егоръ—хоть и слѣпой—добрыхъ бѣляковъ штуки три всторочилъ. А на барина, какъ ни бились, кромѣ двухъ паршивенькихъ бѣлячковъ, ничего не поставили... Да и то одинъ ушелъ...

Бѣда!.. Привалъ назначенъ былъ на перелѣсъ... Выѣхали. Половины стан нѣтъ—стомилась, горячо больно гнала спервоначалу, а потомъ и расплзлась. На изволкѣ, у полевыхъ дрожекъ, „камардинъ“ Гриша хлопочетъ во кругъ обѣда съ пузатымъ Михайломъ Ивановичемъ... Баринъ слѣзъ съ лошади,—Пулька прозывается,—не погладилъ ее, собакамъ прикормки не бросилъ, окрикъ далъ на стремянного Ѳедотку и пошелъ къ стаѣ. Картузъ на немъ высокій, блиномъ, поднялся на лбу; длинный казачинъ на лисьемъ мѣху перетянуть шелковымъ кушакомъ, кинжалъ блеститъ за кушакомъ, арапникъ держитъ за рукоятку изъ козей ноги. Доѣзжачій съ Степаномъ Рябовымъ трубятъ сборъ. Трусятъ съ опушки отсталыя и разметавшіяся по острову гончарки. Андрюшка стоитъ поодаль... Видитъ онъ, съ какимъ лицомъ подходитъ баринъ къ доѣзжачему. Вотъ онъ совсѣмъ плотно подошелъ къ нему и поднялъ ту руку, которая арапникъ держитъ. И доѣзжачій, и выжлятникъ перестали трубить.

— Что ты!..—заслышался глухой, шамкающій голосъ барина.

Сенька что-то буркнулъ и попятился назадъ.

— Молчать!

Рука барина, поднятая надъ головой Сеньки, дрогнула въ воздухъ и спустила сложенный арапникъ на лѣвую щеку доѣзжачаго. Андрюшка стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Губы у него тряслись. Но глаза упали тотчасъ же на стаю... Она вся подобралась и плотно окружила Сеньку. Андрюшка зналъ, какъ она слушается доѣзжачаго. Стоило ему гаркнуть—и барина разнесли бы въ клочья... Попробуй, гаркни!.. Арапникъ еще нѣсколько разъ опустился на подбитую скулу и багровую щеку Сеньки. Онъ только моталъ головой въ другую сторону и шурился. У Андрюшки кровь бросилась въ лицо. Весь онъ пылалъ.

Глянулъ онъ направо, налѣво—видитъ: Гриша-камардинъ пересмѣливается съ поваромъ, и оба киваютъ на Сеньку,—такъ, тебѣ и надо, собачьему сыну; Бога благодаритъ, что всю скулу тебѣ баринъ не своротилъ. Слуцись съ Андрюшкой такая же бѣда, они бы и надъ нимъ издѣвались. А все равно „холопы“, какъ и онъ. Вотъ подай барину этотъ самый Гриша тарелку не съ той руки, и ему отвѣдать арапника... Безстыжіе люди!.. Хамы безсердечные!.. Положимъ, доѣзжачій—самъ тоже „сахаръ“,

и овсянку воруетъ, и щенятъ на-сторону продаетъ, и пьянствуетъ. Да сегодня-то онъ ни въ чемъ не повиненъ. Свалился въ оврагъ отъ горячности, не поставилъ на барина матерыхъ русаковъ—такъ нешто это возможно по заказу?..

Нудно и боязно Андрюшкѣ... Онъ самъ зажмурился. Ему слышенъ шелкъ ударовъ арапника. Раскрылъ онъ глаза, а стоя вся уже въ сборѣ и еще плотнѣе прикучилась къ доѣзжаему. Сенька отводитъ голову отъ ударовъ барина, правая его рука держитъ красный картузь, а лѣвая—большой витой арапникъ. И къ нему съ обѣихъ сторонъ, отдѣлившись маленько отъ прочихъ собакъ, подползли двѣ гончарки—старый кобель Гаркало, муруго-пѣгій, съ большой головой, злобный песъ, и ласковая чуткостая выжловка—Замчишка... Обѣ лижутъ ему руки и озираются на барина...

Андрюшку мигомъ индо слеза прошибла. Собаки, нечистые псы, и такую жалость имѣютъ!.. Нѣтъ, вретъ Михѣичъ, не паръ у нихъ, а тоже душа, хоть и не чловѣчья!.. Эти двѣ гончарки только и учуяли, каково Сенькѣ подъ ударами арапника по голой щекѣ.

Съ той самой поры сталъ Андрюшка совсѣмъ по-другому смотрѣть на пса. И старыя собаки, и щенки полюбили его. Какъ только какую-нибудь изъ гончихъ или борзыхъ за старостью и болѣзнями прикажутъ вздернуть или щенятъ-однопометниковъ, отобравъ попородистѣе,—остальныхъ въ рѣку тонить,—у Андрюшки сверлитъ подъ ложкой, въ головѣ мутить, сверно ему цѣлыхъ два дня...

VIII.

Вешній легкій вѣтерокъ потянулъ ему въ лицо. Онъ снялъ опять картузь, сладко зѣвнулъ, перекрестилъ ротъ и вдохнулъ въ себя длинную струю воздуха. Грудь такъ легко дышится; во всѣхъ суставахъ истома. Андрюшка закинулъ немного назадъ голову, выпрямилъ грудь и пустилъ высокой фистулой:

— А-га-га-га!..

По шестнадцатому году объявилась у него особая способность. Онъ началъ выдѣлывать голосомъ родъ трели на самыхъ высокихъ нотахъ. Это еще покойный Гайновъ—доѣзжачій—пазывалъ „колокольчикомъ порскать“. За „колокольчикъ“ баринъ его отличалъ, два раза день-

гами дарилъ, сапоги далъ не въ примѣръ прочимъ псарямъ. Три года голосъ у Андрюшки все такой же высокій былъ. Навострился онъ разнымъ штукамъ выдѣлывать — и такъ, и этакъ. Баринъ стоитъ у лаза съ борзыми — и только бросить гончихъ въ островъ, сейчасъ прислушаться начнеть къ Андрюшкину „колокольчику“. Помнить Андрюшка, какъ старикъ Гайновъ крикивалъ, подбочившись въ сѣдлѣ и заломивъ картузь на ухо, маленько подъ хмелькомъ:

— Дочуй, собаченьки, дочуй!

Въ самый разъ умѣлъ онъ такъ же кричать, хоть это и не его было дѣло, а доѣзжачаго.

Но вотъ прошлой осенью перехватило ему горло: въ отъѣзжемъ полѣ продрогъ на ночлегъ... Колокольчикъ уже не тотъ вышелъ. Барину-то въ первый день еще невдомекъ было, а потомъ онъ и говорить:

— Андрюшка, гдѣ же голосъ-то у тебя?.. Пропиль, что ли?

Зимой простудился шибко, въ жару больше недѣли лежалъ. Михѣичъ лѣчилъ. А потомъ въ горлѣ нарывъ душилъ его, насилу лопнулъ. Поправлялся туго, однако, къ посту оправился какъ слѣдуетъ... И стало его раздумье брать; въ сумерки, лежа на полатяхъ царной избы, или проснувшись на разсвѣтѣ... Не потерять бы ему своего колокольчика. Что тогда будетъ? Силъ у него немного, ѣздить хоть и бойко, но устаетъ куда раньше, не то что доѣзжачаго Сеньки, но и пожилого Степана Рябова... Погонять его, приставить къ коровнику... А ему съ собаками разстаться больно жутко будетъ... И на псарнѣ ему любо, и въ острову. Да и какъ онъ станетъ порскать безъ своего колокольчика?..

Страшно ему было пытаться свой голосъ: остался у него колокольчикъ или нѣтъ?.. Такъ и не пыталъ вотъ до этой минуты...

Андрюшка пустилъ сначала:

— А-га-га!..

Звукъ былъ грудной, гуще прежняго, шелъ изъ самаго пупа. Точно будто не его голосъ... А для порсканья хорошъ...

Онъ крикнулъ, немного приподнявшись:

— Вались, миленькія, вались!..

И это вышло ладно. Андрюшка всталъ, повернулся

влѣво, полузакрывъ глаза, ладонь правой руки приложилъ къ уху и хотѣлъ зажаться...

Но колокольчика не вышло... Трель на самыхъ высокихъ нотахъ оборвалась. Нѣсколько нотокъ выскочило и потомъ вдругъ сипъ. Даже крикнуло въ горлѣ.

Оторопѣлъ Андрюшка. Потъ у него выступилъ по всему лбу. Онъ спустился на заваленку, руки у него упали на колѣна разомъ, на рѣсницахъ блеснули слезы. Нѣтъ больше колокольчика! Нечѣмъ тѣшить барина. Теперь онъ заурядный псарь... Для другого и простого порсканья достаточно, а отъ него будутъ требовать прежней голосовой удали.

Соляце ударило ему прямо въ лицо и заиграло на влажныхъ рѣсницахъ. Андрюшка долго плакалъ.

IX.

На „псовищѣ“ для маленькихъ щенятъ—около барскихъ амбаровъ, противъ скотнаго двора—по зеленой муравѣ играетъ штукъ пятнадцать щенковъ, борзыхъ и гончихъ. Имъ срублена тутъ же и закута. Держать ихъ особо отъ псарни. Нужно имъ изъ-подъ крутой горы кормъ каждый день таскать.

Посрединѣ псовища, обнесеннаго частоколомъ, большое корыто съ водой, подъ развѣсистой липкой; одна всего липка и растеть. Двѣ другихъ не принялись—завили. Стоитъ жаркій день. Щенатамъ прохладно въ тѣни. Они всѣ ранняго помета... Гончихъ больше, чѣмъ борзыхъ. Бѣгаютъ они по псовищу, лапы расплзаются у нихъ; они шлепаются, грызутся.

Въ калитку вошелъ Андрюшка. Это было утромъ, часу въ девятомъ. Ему доѣзжачій приказалъ быть у щенятъ и ждать его. Надо отобрать самыхъ ладныхъ и вести на показъ барину. Онъ назначить клички, по своему списку; плохихъ утопить. Доѣзжачему, быть-можетъ, удастся продать и на-сторону.

Андрюшка загорѣлъ. Усы у него замѣтнѣе пробиваются. Онъ уже раза два брился съ тѣхъ поръ, какъ господа переѣхали на лѣто въ усадьбу. Боялся онъ шибко прѣзда барина. Порскать „колокольчикомъ“ онъ окончательно не могъ. Михѣичъ ему и полосканье давалъ, на меду, съ шалфеемъ. Только и ждалъ Андрюшка: вотъ велѣтъ сѣдлатъ—поблизости напуститъ гончихъ въ островъ, послушать барину, какъ патасканы молодые собаки...

Прошли двѣ-три недѣли. Около Петрова дня—приказъ: раннимъ послѣобѣдомъ сѣдлать. Баринъ выѣхалъ на полевыхъ дрожкахъ, верхомъ не садился, и борзыхъ при немъ не было. Добѣзжавшій даже сказывалъ Андрюшкѣ, что въ баринѣ охота какъ будто слабѣетъ. Съ докладомъ, по-прежнему, ходилъ къ нему Сенька, передъ старостой, въ сумерки; однако, противъ прежняго, нѣтъ господскаго окрика, не спрашиваетъ про многое, въ кличкахъ сталъ путаться.

Бросили гончихъ, начали порскать. Андрюшка голосомъ пустилъ во всю глотку; по колокольчиному и не пытался. Стая валилась ладно, молодая гончарка перечили мало, дружно донимали, двухъ бѣляковъ „на щипцѣ держали“. И лай у иныхъ объявился заливистый и густой. Когда выѣхали и затрубили сборъ, баринъ сошелъ съ дрожекъ и оглядѣлъ молодыхъ собакъ. Андрюшкѣ ничего не сказалъ. Точно и забылъ совсѣмъ, какимъ онъ голосомъ прежде порскалъ.

На душѣ отлегло съ тѣхъ поръ. Но сталъ чутъ Андрюшка, что всему псарному дѣлу словно конецъ приходитъ. Сенька еще пуще запьянствовалъ, случалось и овсянку пропивать. Вотъ и теперь—надо вести щенятъ на показъ барину, а у нихъ у всѣхъ животы раздуло. На нихъ отпускался полуситный хлѣбъ и студень изъ бараньихъ ногъ; все это Сенька прикарманивалъ и овсянку, никуда не годную, приказывалъ замѣшивать. Съ нимъ въ стачкѣ ключникъ; Михѣичъ сколько ворчалъ, жаловаться собирался идти къ барину, однако, не сунулся.

Въ гончихъ щенятахъ намѣтилъ Андрюшка одного кобелька—мурого-пѣгаго, отъ Вопилы и Румянки. Славная собака выйдетъ. Сенькѣ онъ не показался. А Андрюшка съ Михѣичемъ ему ребра щупали, затылочную кость,—она торчитъ и желобочекъ есть посрединѣ. Михѣичъ искалъ „крючка“ на большемъ ребрѣ; не нашелъ. Барину ни въ какомъ случаѣ нельзя такого щенка показывать. Онъ изъ „арликановъ“ будетъ: одинъ глазъ темный, а другой блѣсоватый—„сывороточный“.

Щенокъ вотъ для чего понадобился Андрюшкѣ. Давно ужъ онъ водилъ знакомство съ ружейнымъ охотникомъ Васильемъ, изъ вольноотпущенныхъ. Еще мальчикомъ Андрюшка ему зайчатъ лавливалъ и по пятаку продавалъ, ежей тоже, а потомъ они въ пріятельство вошли; иной разъ и уточку или чирковъ пару подарить Ан-

дрюшкѣ. Василій—бывшій выѣздной лакей, грамотѣ отлично знаетъ и есть у него книжка дареная, старинная: изъ нея онъ ужъ не одна разсказывалъ Андрюшкѣ про охоту, про звѣрей и птицъ, про болѣзни, про лѣкарства и про всякіе охотничьи снаряды и снасти. Вотъ изъ этой-то книжки павѣрняка и узнавалъ Андрюшка, отъ Василія, разныя разности и поправлялъ Михѣича. Но въ руки Василій книжки своей не давалъ.

На-дняхъ проходить мимо псарной избы, пробирается въ артемьевскіе луга; было это послѣ самаго Петрова дни; остановился, трубочки покурить, присѣлъ и говорить:

— Ты бы, Андрей Иванычъ, мнѣ щеночка хорошаго, изъ гончихъ кобельковъ, подсудобилъ, а то и парочку.

— Тебѣ для чѣго?—спрашиваетъ Андрюшка.

— Да хочу ихъ выдрессировать съ ружьемъ. Офицеръ есть въ батальонѣ, изъ чухонъ, изъ Финляндіи, оттуда за Петербургомъ, такъ у него смычокъ гончихъ есть. Ходятъ подъ ружьемъ. На зайца способны и на всякую лѣсную птицу... Можно, пожалуй, и на медвѣдя съ ними ходить.

Андрюшкѣ тутъ и пришла сильная охота выторговать себѣ за это ту книжку.

Онъ такъ и сказалъ Василію.

Тотъ ему въ отвѣтъ:

— Совсѣмъ не подарю—завѣтная. Такой не купишь. Ей чуть не сто лѣтъ; а на подержанье дамъ.

Такъ и поладили. Андрюшка выбралъ кобелька и подбиралъ выжловку. Въ первый разъ хотѣлъ онъ попользоваться щенятами. До тѣхъ поръ ни одной собачонки, ни одного щенка не стибрилъ, не продалъ на-сторону. Добѣзжачій бы только не надумалъ, что тутъ поживиться можно,—тогда не дать,—лучше утопить прикажетъ.

X.

Выбранный Андрюшкой щенокъ былъ такой же пузатый, какъ и прочіе. Онъ въ эту минуту игралъ съ гончаркой же отъ другого помета. Она была почти такой же шерсти, и тоже разноглазая. Вотъ ее-то бы и выпросить въ одинъ смычокъ съ кобелькомъ, для подарка Василію. Андрюшка подозвалъ ихъ, повалилъ на спину, пощупалъ у обоихъ щенковъ чутье, потрогалъ голову, лапы расправилъ,—какъ, молъ, будутъ держать зацѣпу: въ комкѣ,

или по-кошачьи... Оба щенка барахтались, немного огрызались, хватали его за руку острыми зубами. Морды ихъ — въ складкахъ — смотрѣли смѣшно и хмуро, уши падали впередъ, хвосты весело поднимались и двигались изъ стороны въ сторону. Въ умѣ Андрюшка перебиралъ клички. У него ихъ запасено довольно... Но ему хочется свою кличку дать, и кобельку, и сучкѣ... Скажетъ онъ Василию:

— Вотъ тебѣ смычокъ: Пискунъ и Смекалка.

Обѣ клички онъ самъ выдумалъ. Такихъ нѣтъ въ стаѣ. Да и надобли ему всѣ эти Громилы, Гаркалы, Вопилы, Соловки и Капарейки. Будь онъ баринъ или доѣзжачій такой, чтобы самому, безъ спроса, клички давать, онъ бы каждого щенка называлъ по складу и характеру: какія онъ стѣти выказываетъ и чего отъ него ждать въ острову. А то выходитъ частенько, что зовутъ иного выжлеца Помчило, а онъ „пѣшій“, на ноги тутъ, и слѣдовало бы его кликать Верзило, за ростъ за большой.

Борзые щенята облѣпили Андрюшку. Ихъ-то и нужно вести къ барину. А они—не въ приборѣ: шелудивы будутъ, сейчасъ видно; животы имъ разнесло еще пуще, чѣмъ у гончихъ, двое „боками посятъ“. Да и не отъ тѣхъ собакъ они, какъ бы слѣдовало. Сенька спяна „поблюлъ“ Азіата—изъ барской своры—съ Рѣзвой, а слѣдовало взять Зарѣзку—и баринъ такъ приказывалъ. Вотъ у щенятъ-то у всѣхъ, отъ этого помста, щипцы никуда и не годятся—„подузы“, задъ завалился, „черныя мяса“ плохи будутъ, уши, ровно у „крымокъ“, висятъ, не поднимаются, да и сидятъ низко. И „одѣты“ бѣдно: не то псовые, не то „хортые“—не разберешь. Дрянъ собачонки!

Все это обидно Андрюшкѣ. Переводятся ладныя собаки. Баринъ самъ въ дряхлость приходитъ, Сенька удержу себѣ не знаетъ: стыдъ потерялъ, курить и въ хвостъ, и въ голову, съ солдаткой изъ казеннаго села, пьянчужкой, связался. Прежде такой гадости не было, чтобы бабъ водить на ночь въ царскую избу; а теперь до поздней ночи гульба идетъ, по штофу вдвоемъ вытягиваютъ, гармоника, пѣсни безстыжія, сквернословіе, дерутся, на дворъ выбѣжала она, намерднн, въ одной рубахѣ, а Сенька за ней съ арапникомъ. Михѣичъ ужъ которую ночь въ соѣ чьей кухнѣ спитъ. И Андрюшкѣ мерзко. Онъ подъ крышу въ свѣтелку уходить, такъ и тамъ его мутитъ. Не любитъ онъ гульбы. Съ бабами онъ не возится. И помысловъ ему

такихъ не приходитъ. Иной разъ злость его разбереть. Сейчасъ бы вотъ и пошелъ къ барину.

— Ваше, молъ, превосходительство,—такъ и такъ. Все псовое дѣло идетъ въ раззоръ и половина стаи перепорчена. Ваша воля: коли я по злобѣ доношу, пускай мнѣ—лобъ!..

Да и совѣсть зазреть. Какъ пойдешь? Вопъ и Михѣичъ—на что ужъ душа его скорбитъ—не смѣетъ идти, да и не гожд. Коли такъ взять: Сенька все же свой братъ, псарь, при одномъ дѣлѣ состоитъ, доставалось ему не мало и арапника, и розогъ, и въ „трубной“ полгода выдержали, пожарнымъ.

Языкъ не поворачивается; да только и смотрѣть-то на него противно Андрюшкѣ, и говорить-то съ нимъ—индо въ горлѣ перехватываетъ.

XI.

Доѣзжачій сильно хлопнулъ калиткой, когда вошелъ. Сенька Пустарнакъ былъ лѣтъ на семь старше Андрюшки. У него лицо смуглое, самое псарское, со шрамомъ на лѣвой щекѣ, носъ широкій, съ горбомъ, темные усы онъ закручивалъ, брови густыя, вѣки всегда воспалены, подтеки на вискахъ; волосы сильно курчавятся. Во всемъ обликѣ удалство и загулъ, глаза точно подмигиваютъ, взглядъ ихъ то масляный, то наглый и злобный. Сенька и въ будни ходитъ въ старомъ парадномъ казакинѣ синяго сукна, изъ какого лакеямъ пьютъ фракы: воротникъ стоячій, выложенный кругомъ колечками изъ краснаго тонкаго шнура; красныя же суконныя „груды“ — все равно, что у казачковъ — съ четырьмя валиками; штаны такіе же, съ лампасами. Подпоясанъ онъ ремнемъ; на головѣ такой же картузъ, какъ и на Андрюшкѣ, — только доѣзжачій носить его, заломивъ назадъ. Отъ этого лицо у него выходитъ еще гулливѣе.

Андрюшка бросилъ щенятъ и крикнулъ на нихъ, завидѣвъ доѣзжачаго. Толстыя губы Сеньки разбухли. Онъ съ вечера пьянствовалъ. И какъ онъ это къ барину поидетъ: правда, выснался, а все гарью отъ него изо рта отдаетъ.

— Какъ мы ихъ поволочемъ? — сердито спросилъ Пустарнакъ, и равнодушно оглядѣлъ щенятъ.

— Я, Семенъ Парменычъ, ремешковъ штуки три захватилъ,—отвѣтилъ Андрюшка не очень чтобы сладкимъ

голосомъ и полѣзъ рукой въ карманъ своихъ шароваръ.

— Передавишь... Гончихъ нечего водить. Такъ доложу...

— Раздуло брюхо-то больно борзымъ... и шелуди у двоихъ...

Сенька гнѣвно поглядѣлъ на псаря.

— А тебѣ какая сухота?

— Я для опаски, Семенъ Парменычъ, какъ бы, то-есть, генераль...

— Генераль, генераль!—передразнилъ его Сенька. — Что ты рыло-то свое суешь? Кто доѣзжачій-то: ты али я?

Андрюшка немного поблѣднѣлъ, но огрызаться на Сеньку ему не слѣдовало. У него же надо просить пару гончихъ щенковъ. Сенька серчалъ не на него, а чуялъ бѣду. Наканунѣ они съ ключникомъ поспорили. Воровали они вмѣстѣ. Тотъ клялся-божился извести его, хотя бы и себя загубить. Сдѣлаеть, ракали, горбатая ехидна! А тутъ еще у щенковъ пузо раздуло отъ скверной овсянки, вмѣсто ситнаго хлѣба со студнемъ.

Сенька тоже подумалъ, что ему не слѣдъ съ псарями грѣться; надо хоть съ ними ладить. Этакой вотъ, Андрюшка, даромъ что потихоня, тоже лѣзетъ напакостить. Да и помимо всего прочаго — и насчетъ собакъ. Баринъ будетъ спрашивать: „отъ кого такой-то щенокъ?“ — а у Сеньки отъ заноя память отшибло; еще перевереть, пожалуй.

— Подай-ко вонъ того,—указалъ доѣзжачій Андрюшкѣ на борзого кобелька половой шерсти съ бѣлымъ брюхомъ.

Голось у Сеньки сталъ помягче.

Андрюшка поймалъ щенка.

— Отъ Катая и Язвы... — полуутвердительно выговорилъ Пустарнакъ.

— Никакъ нѣтъ,—поправилъ Андрюшка.

— Эка!

— Не отъ Катая, Семенъ Парменычъ, а отъ Подара и Бритвы.

— Шутъ ихъ дери, запомятовалъ!

Онъ занаматовалъ и насчетъ гончихъ, заспорилъ было, но сдался: Андрюшка напомнилъ ему, что трое чубаропѣгихъ щенятъ не отъ Гуслиста, а отъ Плакуна.

Доѣзжачій притихъ. Сталъ было онъ нащупывать ребра и головы борзымъ, да бросилъ. Андрюшка слѣдилъ за

нимъ глазами. Онъ помнилъ, какъ покойникъ Антонъ Гайновъ дѣлалъ это вмѣстѣ съ Михѣичемъ. Оба они вѣрили въ то, что хорошій щенокъ родится „съ лишнимъ ребромъ“—„сарное“ называется—и въ „крючокъ“ вѣрили, волоски считали подъ нижней щекой. Коли одинъ всего волосокъ—быть собакѣ перваго сорта. И на вѣсъ брали, и темя сильно по пѣсколку разъ давили. Андрюшка теменю придерживался, но въ лишнее ребро не вѣрилъ. Ему и егеръ Василій сколько разъ говаривалъ, что это „одна глупость“, и костей всегда „одинъ комплектъ“ бываетъ. Насчетъ „крючка“ Андрюшка былъ въ неувѣренности; но думалось ему часто, что и крючка никакого нѣтъ.

Сенька зналъ только одно: ухватить щенка, борзого ли, гончаго ли, за хвостъ и головой внизъ. Коли барахтается — хорошъ, а коли опуститъ голову и ноги свѣситъ —никуда не годенъ. Отъ матерей онъ отнималъ щенятъ рано, иныхъ по второму мѣсяцу, изъ-за вороватости своей. Говорилъ, что черезчуръ много мать отъ кормленья „трескаетъ“. Ему сподручнѣе было къ общему корыту ставить. Михѣичъ съ Андрюшкой сами выпрашивали у скотницы снятого молока и давали лакать щенятамъ, и тюрю имъ молочную мастерили, изъ своихъ объѣдковъ.

Довѣзачій началъ хватать щенковъ за хвостъ, у двоихъ пощупалъ теменной хрящъ. И все ругался:

— Сволочь! На осину васъ!

А потомъ и скверными словами. Отобралъ, однако, четырехъ борзыхъ — вести къ барину. Изъ гончихъ выбралъ три смычка. Объ остальныхъ пока ничего не сказалъ...

„Думаешь продать“,—рѣшилъ про себя Андрюшка.

— А какъ вотъ этихъ понимаете? — спросилъ онъ Сеньку, и указалъ на кобелька и выжловку.

— Арликань!

— Генералъ не любитъ...

— Кормить печего зря...

Тутъ Андрюшка выпросилъ ихъ. Сенька потребовалъ „магарыча“. Насилу завѣрилъ его, что это для подарка.

— Василій Ефимычъ самъ уважить: уточекъ принесть, или щеночка сбудетъ за хорошія деньги. Господъ много знаетъ!..

Мерзко было на душѣ у Андрюшки, когда онъ улещалъ доѣзжачаго. А тотъ и не доглядѣлъ, что собаки — даромъ, что арликань—выйдутъ отличныя!

XII.

Поджидаетъ Андрюшка, сидя на заваленкѣ, у царной избы, — это его любимое мѣсто, — егеря Василя. Щенки приготовлены. Василій долженъ пройти домой около трехъ часовъ. Живетъ онъ на хуторкѣ, въ трехъ верстахъ отъ города и въ четырехъ отъ усадьбы.

Зазорно какъ будто маленько — барское добро на сторуону, тайкомъ, дарить. И то сказать: все равно закинули бы обоихъ щенковъ. Да и сдается Андрюшкѣ, что не долго простоятъ вся царни... Доѣзжачій скоро выскочить. Баринъ, на этотъ разъ, осерчалъ шибко и тукманки двѣ далъ Пустарнаку за то, что щенки пузаты и плохи статьями. Слышалъ Андрюшка — въ людской избѣ гуторили — ключникъ Емельянъ опять жаловаться собрался на доѣзжачаго; „хоть и самъ угожу, быть-можетъ, на поселенье, да все генералу докажу“.

И докажетъ, мужикъ злобный... Вѣда стрясется скоро. Андрюшкѣ опять жаль доѣзжачаго... У него есть такая мысль: какъ Сеньку въ арестантскую роту, или лобъ — и царнѣй конецъ. Ужъ и теперь, видимое дѣло, что баринъ только для парада собакъ держитъ. А пристрастія пѣтъ. Были же не такъ давно, во дворѣ, свои музыканты. И музыкантская есть до сихъ поръ, въ томъ флигелѣ, гдѣ кухня. Помнитъ Андрюшка, какъ тамъ играли раза два въ недѣлю, и мальчиковъ на скрипкѣ учили. А теперь нѣтъ ничего; только контрабасъ торчитъ, съ львиной головой, за печкою. Музыканты почти всѣ перевелись. Въ солдаты отдали Оедьку-поваренка — на волторнѣ игралъ, Сашку, стреминнымъ ѣздилъ — первая скрипка былъ, Алешку-буфетчика — контрабасъ; Григорій-поваръ — флейта — по оброку ходитъ, пьянчужка, по трактирамъ больше шляется. Остался чуть ли не одинъ Павелъ — съ борзыми ѣздитъ — на кларнетѣ игралъ.

Такъ вотъ и со царней будетъ!..

Который разъ западастъ это на душу Андрюшкѣ. Къ чему его приставятъ тогда? Ни къ какому дѣлу онъ, кромѣ псоваго, не приученъ, хотя, быть-можетъ, и способенъ былъ бы, если бы его отдали „въ ученье“. И къ фельдшерскому дѣлу, и въ писаря бы, или въ портные. Онъ и теперь можетъ, что нужно, зачинить, а то такъ и скроить. Такъ вѣдь надо учиться. Выйдетъ приказъ:

ступай въ скотники. Хорошо, если къ лошадямъ приставятъ; и лошадей-то охотничьихъ переведутъ небось...

Обрадовался Андрюшка, запримѣтивъ Василья, какъ тотъ шагаетъ, внизъ подъ изволокъ, къ мосту. И дума съ него соскочила. Началъ даже картузомъ своимъ махать. Пошелъ егерю навстрѣчу. Они сошлись позади кухни. Василій—высокій, темноволосый человѣкъ, среднихъ лѣтъ, въ плечахъ очень широкъ, только немного сутуловатъ. Лицо длинное, бѣлое, съ легкимъ загаромъ, и усы франтоватые, съ колечками; бороду бреетъ. Ходитъ въ сѣромъ, твиновомъ сюртукѣ, и манишку черную шелковую носить, шейный шарфъ, часы съ цѣпочкой, на головѣ фуражка новая изъ цвѣтной матеріи, на ногахъ нанковья панталоны и хорошіе, мягкіе сапоги ремешкомъ связаны. Все у него аккуратно пригнано: и ягдташъ, и фляжка, и сумочка еще холщевая, для съѣстного, и пороховница. Винтовка дорогого стоитъ—у офицера задешево купилъ. Василій хмелемъ не зашибается, а вышиваетъ на охотѣ, сколько ему слѣдуетъ. Спокойный человѣкъ, учтивый и говорить всегда уважительно, не сквернословить и хвастанья охотничьяго въ немъ нѣтъ. Водятся и денежки.

Встрѣтились они на самомъ мосту, руку другъ другу подали, и картузы каждый приподняли.

— Василію Ефимычу!

— Андрею Ивановичу!

При егерѣ легашъ курляндской породы, уже не молодой песь, съ раздвоеннымъ носомъ и отвислымъ животомъ, Рокса, умная и ласковая собака—больше для стойки, вплавъ и для дальнихъ походовъ отяжелѣла.

Андрюшка остановился и оперся о перила моста.

— Готово!—весело и дружелюбно выговорилъ онъ.

— Гончарокъ?

— Въ лучшемъ видѣ.

— Кобелька?

— Парочку!

— Ну, вотъ, спасибо, — протянулъ егеръ и еще разъ пожалъ Андрюшкѣ руку.

— А вы, Василій Ефимычъ, обѣщаніе свое...

— Еще бы! Вотъ она.

Егеръ ударилъ ладонью по холщевому мѣшку, отдувшемуся съ одной стороны.

— Здѣсь, значитъ, книжица?—спросилъ Андрюшка.

— Уговорь лучше денегъ, — сказалъ егеръ. — Въ собственность не уступаю, а на поддержаніе.

— Скоро ли ее прочтешь всю-то, Василій Ефимычъ?

— Держи, хошь до зимы, а то и до весны, только чтобъ сохранна была...

Василій вынулъ изъ холщевой сумки книжку въ шестнадцатую долю, плотную, въ кожаномъ буромъ переплетѣ, съ чернильными пятнами.

— Вотъ и премудрость, — сказалъ онъ весело и подаль книжку пріятелю.

Такъ и ухватился за нее Андрюшка, сейчасъ развернулъ и сталъ громко читать.

— „Совершенный егеръ, стрѣлокъ“... Какъ же, Василій Ефимычъ... а объ нашемъ-то дѣлѣ?..

— А ты читай дальше. Не видишь нѣшто: „и псовый охотникъ“, — указалъ ему пальцемъ Василій. А тутъ ниже-то что напечатано?

Андрюшка прочелъ:

— „Съ приложеніемъ притомъ достаточнаго описанія о псовой охотѣ, также высвориваніи и наѣздкѣ борзыхъ и гончихъ собакъ“.

— Видишь! — вразумительно замѣтилъ егеръ.

Лицо псаря совсѣмъ сіяло.

XIII.

Они пошли къ псаря. Андрюшка не выпускалъ изъ рукъ книжки. Василій закурилъ трубочку и, остановившись еще разъ, указалъ пальцемъ на заглавіе.

— Прочти, — цифры умѣешь, небось, читать, — въ которомъ году книжка-то напечатана.

Медленно, но все-таки разобралъ Андрюшка, что напечатана она въ Санктисербургѣ въ 1791 году. Эта цифра наполнила его высокимъ почтеніемъ къ книжкѣ; онъ и сообразить сразу не смогъ, насколько она его самого старше. Василій взялъ у него на минуту книжку и показалъ на оборотную страницу цвѣтной бумажки, передъ заглавной страницей.

— Видите, Андрей Ивановичъ, — перешелъ онъ съ нимъ на „вы“, — въ какихъ рукахъ книжка была.

И опъ прочелъ таинственно и значительно:

— „Изъ числа книгъ, принадлежащихъ до Алексѣя Языкова“.

Послѣ чего показалъ псарю на то, что стоитъ подъ

этими строками. Сдѣланъ крестъ: на верхнемъ концѣ римское „ХІ“, на нижнемъ—„15-го дня“, справа и слѣва—„1793 года“.

Еще выше поднялась книжка въ глазахъ Андрюшки. Прошли они на псарню. Щенки привязаны были въ сѣняхъ, подъ лѣсенкою въ верхнюю свѣтелку. Они поправились егерю. Посмѣялся онъ и надъ кличками, какія выдумалъ Андрюшка.

— Ладно,—говорить,—Андрей Ивановичъ, пусть будетъ по-вашему. Кобелекъ заправскій. И сучка не плоха.

И онъ подарилъ ему убитую имъ уточку, предложилъ выпить изъ своей фляжки, да Андрюшка отказался. Они разстались закадычными пріятелями.

Проводилъ его Андрюшка до выгона, за деревней, и простился у опушки лѣса, по дорогѣ въ городъ. Книжку онъ держалъ за пазухой и пошелъ на псарню ускореннымъ шагомъ. На задахъ псарни, подъ черемухой, выbralъ онъ укромное мѣсто и легъ въ траву, неподалеку отъ рѣчки.

Раскрылъ онъ книжку и даже покраснѣлъ. Михѣичу онъ ничего не скажетъ про нее. Сначала хорошенько начитается, а какъ тотъ что-нибудь по-своему начнетъ мудрить, Андрюшка ему сейчасъ и утретъ носъ. Тогда ужъ на чистоту все—сейчасъ книжку, и укажетъ, гдѣ что стоитъ, и страница какая. Кафтанъ онъ снялъ и положилъ себѣ подъ голову. Читалъ онъ вслухъ.

Сначала оглавление... Сразу ему очень хорошо показалось: какія „качества“ долженъ имѣть „совершенный егеръ“. Подумалъ онъ было: псарь—не егеръ, но тотчас же разсудилъ, что это все равно, и тотъ, и другой ходятъ вокругъ звѣря и собаки, и тому, и другому нужно себѣ, на каждый часъ и во всемъ, отчетъ отдавать.

Перечень „качествъ“ этихъ занимаетъ цѣлую страницу. Андрюшка раза три перечелъ ихъ, каждое раздѣльно, а потомъ сосчиталъ, сколько ихъ. Оказалось двадцать одно качество. И сталъ онъ себя спрашивать, все равно, что на духу, есть ли у него: богобоязливость, острое зрѣніе, хорошій слухъ, рѣзвые ноги, нѣтъ ли „припадковъ на тѣлѣ“, свободно ли дыханіе, а чрезъ то громкій голосъ, способность есть ли къ перенесенію всякихъ трудовъ, не сонливость, „безсучливость“ въ охотѣ, трезвость, вѣрность, здравый разсудокъ, „примѣчаніе“ (т.-е. наблюдательность), здоровые и прямые зубы, скорость „въ предъ-

пріятіяхъ", отважность и неустрашимость, склонность къ собакамъ, любленіе чистоты ружья своего, молчаливость и беззавистливость?..

Что жъ! на каждое почти качество Андрюшка могъ отвѣтить утвердительно... И всему этому слѣдуетъ быть въ псарѣ. Вотъ только до „любленія“ чистоты ружья псарь не имѣетъ касательства. Какъ передъ Богомъ, онъ не знаетъ за собой изъясновъ, почитай, по всѣмъ пунктамъ... Неустрашимость заставила его задуматься... Добъзачій куда его смѣлѣй; да вѣдь и онъ не трусь, и въ ѣздѣ, и въ обращеніи со стаей... Случалось ему и волка сострунить. „Беззавистенъ“ онъ вполне, никому не завидуетъ, трезвъ, въ словѣ своемъ вѣренъ. Онъ взялся за зубы, попуцаль—крѣпки ли они у него. Зубами онъ никогда не маялся, а склонность къ собакамъ у него—на рѣдкость. Ужъ самъ Михѣичъ ему то и дѣло говорить:

— Ты, Андрюшка, со псами ровно мамынька рѣдная хороводишься.

Но нѣкоторые пункты онъ сейчасъ пожелать узнать въ подробности. Громко, молитвеннымъ тономъ прочелъ Андрюшка: „долженъ онъ быть не суетвѣренъ и оставить всѣ пустыя примѣты, какъ-то: совиный крикъ, вытье звѣрей, встрѣчу попа“. Онъ сознался, что примѣтъ этихъ онъ держится, и больно не любить съ попомъ повстрѣчаться. Статью о трезвости прочелъ онъ особенно весело и раза два даже расхохотался. Вотъ бы добъзачему почитать вслухъ, „для души спасенія“. Точно будто для Сеньки Пустарнака стоять въ концѣ такіа слова: „а какъ хмель въ головѣ заступитъ мѣсто двѣнадцати небесныхъ знаковь, тогда вмѣсто исправленія своей должности будетъ онъ дѣлать великіе непорядки, а напоследокъ и должность свою совсѣмъ забыть можетъ“. А какіе это „двѣнадцать небесныхъ знаковь“? Подумаль-подумаль Андрюшка и рѣшилъ освѣдомиться у Василя. Бывала у него печатная тетрадь, гдѣ царь Соломонъ небесный кругъ чертитъ, и тамъ, поди, можно это узнать. Прочелъ онъ, что и собаку надо любить умѣючи и что „молчаливость есть душа важныхъ предпріятій“

XIV.

Цѣлыхъ три дня не могъ оторваться Андрюшка отъ „Совершеннаго егеря“. Онъ читалъ сначала про звѣрей и передъ нимъ, точно живые, запрыгали разные звѣри.

Припоминались ему тѣ дни, когда онъ, малолѣткомъ, имѣлъ охоту до зайчатъ, еще до той поры, какъ его на псарню взяли. Держалъ онъ въ печуркѣ, въ скотной избѣ, двѣ пары зайчатъ — двухъ бѣляковъ и двухъ тумаконъ: подарилъ ему пастухъ. Потомъ онъ сталъ самъ ловить зайчатъ и продавать ихъ. Знаетъ онъ хорошо всѣ повадки, штуки и забавы „косого“. И въ старой заветной книжкѣ находитъ онъ теперь подтвержденіе многихъ своихъ примѣтъ и свѣдѣній... Ему самому приходило, напримѣръ, на умъ: какъ сразу отличить самца отъ самки, когда заяцъ лежитъ на логонѣ? И ему тоже сдавалось, что зайчиха горбится и лежитъ уши свѣсивши, а самецъ кладетъ ихъ прямо по спинѣ. Зналъ онъ также (наблюлъ и Михѣичъ не разъ ему сказывалъ), что зайчиха „первымъ брюхомъ“ несетъ не больше одного, а тамъ все больше и больше ценить зайчатъ, до шести штукъ. И кормить она ихъ мало, поди недѣли не кормить; начинаетъ опять бѣгать съ самцами.

— Этотъ косой, — балагурить, бывало, дядя Иванъ, — самый паскудный звѣрь насчетъ женскаго естества.

Слышалъ Андрюшка толки промежду охотниками и о томъ, не бываетъ ли такихъ зайцевъ, что въ одно время и самцы, и самки; а то и такъ, что изъ самца въ самку обращаются? И самъ онъ, бывало, мнетъ-мнетъ зайчонка, а не можетъ отличить, какого онъ пола, мужского или женскаго. Въ книжкѣ онъ прочелъ — отчего это происходитъ; а чтобы взаправду двуполые родились — того не бываетъ. Зналъ и то Андрюшка, что заяцъ, не въ примѣръ кролику, родится зрячимъ. Разъ ему довелось заполучить зайчатъ, самыхъ маленькихъ, еле ползали, а всѣ зрячіе были и сами кормиться начали на третій день, какъ онъ ихъ въ печурку посадилъ. Жалость его къ зайцу ослабла, когда онъ прочиталъ, что самецъ не любитъ быть около самки, пожретъ молодыхъ, коли при немъ родятся. Сочинитель прибавлялъ, что самъ часто находилъ въ желудкѣ у старыхъ зайцевъ кости и челюсти маленькихъ зайчиковъ. И все это самецъ дѣлаетъ, чтобы заполучить опять зайчиху...

Андрюшка индо сиюнулъ. Гадко ему стало. Паскудный выходитъ звѣрь. А кричитъ, ровно ребенокъ, когда приходится его зарѣзать, отбить отъ гончихъ... Съ крика этого Андрюшку коробитъ. Маленькіе зайчата ему любы по сіе время.

Вотъ тоже и па ежей онъ охотился съ малолѣтства. Сначала боялся ежей; но вскорѣ стали они для него заняты. Съ Михѣичемъ долго кормилъ онъ ежа, ручнымъ сдѣлавъ, да сбѣжалъ—шельма!.. Звѣрь умный, полезный. И въ книжкѣ стоитъ: „на мышей онъ великій искоренитель“. Жретъ онъ все; а зимой спитъ и почти что ничего не ѣстъ... И про рожденіе его прочелъ Андрюшка мудреную статью. Несетъ ли онъ яйца или нѣтъ? Пророчество Исайино приведено: „возгнѣздится“, молъ. А какъ это понимать? Однако, прибавлено, что въ нѣмецкой-де библии „господинъ Лютеръ не выразумѣлъ подлиннаго разума еврейскихъ словъ, а, можетъ-быть, написалъ по той догадкѣ, что ежи родятся почти голые, безъ шерсти“. Кто такой былъ „господинъ Лютеръ“—Андрюшкѣ было совсѣмъ невразумительно.

Читалъ онъ такъ три дня цѣлыхъ. Только къ собакамъ ходилъ по три раза въ день, ни разу ни въ людскую, ни въ скотную избу не заглянулъ. Но вдругъ взяло его смущеніе: да гдѣ же говорится о борзыхъ и гончихъ, о псарѣхъ и болѣзняхъ собачьихъ, о натѣздѣхъ и высвариваніи? Все оглавленіе онъ по нѣскольку разъ перечелъ. Идетъ рѣчь о духовой, т.-е. ружейной собакѣ и ея выправкѣ, и разные совѣты, опять же все егерю, а не псарю, не корытничему, не ловчему. Идетъ потомъ рѣчь о дикихъ козахъ, о свиньяхъ дикихъ, о какихъ Андрюшка и слыхомъ не слыхалъ, о барсукѣ, о волкахъ, рыси, выдрѣ, песцахъ и корсакахъ, о норкѣ, суркѣ, хомякѣ и бѣлкѣ. Такимъ же точно манеромъ—о „нижней“ дичи, о пѣвчихъ птицахъ, о цаплѣ или „чаплѣ“, объ уткахъ и глупышахъ. Многихъ названій не слыхалъ Андрюшка: савки какія-то, плутопоски, шилохвосты, крахалы, гагары. Узналъ онъ о чайкахъ всякаго цвѣта, о мартышкѣ и разбойникѣ, о пыркѣ или водяной курочкѣ, о всякаго цвѣта и званія куликахъ, о ржанкѣ или сивкѣ. Отыскалъ, что пеструю ржанку называютъ „колокольчикомъ“,—это заставило его еще разъ затуманиться о своемъ утраченномъ „колокольчикѣ“. Дошелъ онъ и до послѣднихъ страницъ, гдѣ говорится о курахтанахъ, травникѣ, зуйкѣ и чибисѣ.

На „чибисѣ“ книжка обрывалась безъ конца. Видно, что не хватало нѣсколькихъ листовъ. Андрюшка читалъ вслухъ:

„Сколько есть родовъ чибисовъ или пигалицъ?“
и останавливался на словахъ:

„Перваго рода сія птица раньше всѣхъ окажется и“
Дальше идти некуда. Но гдѣ же псовая охота? Ея не было въ книжкѣ. Неужели Василий обманулъ? Онъ въ него вѣрилъ, какъ въ степеннаго егеря и благопріятеля. На заглавной страницѣ увидалъ онъ: „томъ первый“. Не понималъ хорошенько, что это значить „томъ“, но догадывался—значить, только одна половина. А про другую егеря ничего не говорилъ; увѣрялъ вѣдь и пальцемъ показывалъ на слова: „съ приложеніемъ притомъ достаточнаго описанія о псовой охотѣ“.

Сильно огорчился Андрюшка. Книжка ему опостылѣла.

XV.

Попался, наконецъ, и доѣзжачій, разомъ по двумъ дѣламъ... Ключникъ пошелъ къ барину и такъ ловко допелъ на Сеньку, что себя совершенно выгородилъ, и въ тотъ же день въ скотной избѣ Сенька „наохальничалъ“ пьяный со старухой Дормидоновной, обозвалъ ее скверными словами и шлыкъ съ головы содралъ. Старуха къ барину, на что смѣлости хватило, допросилась у камердинера и бухъ въ ноги, воетъ. А у барина-то ключникъ только что побывалъ.

Приказъ вышелъ: Сеньку—на конюшню, „сто лозановъ“. Сунулись брать его—онъ еще въ скотной избѣ бурлилъ. Отъ конюховъ и скотниковъ онъ вырвался, и на псарню. Прибѣжалъ онъ въ одной красной рубахѣ, воротъ разстегнуть, грудь голая, глазами поводитъ, одинъ сапогъ треснулъ и нога въ портянкѣ видна. Андрюшка съ Михѣичемъ собирались овсянку нести, собакъ кормить. Сенька—въ псарную избу, ровно бѣсноватый, оретъ благимъ матомъ:

— Не подходи, зарѣжу!

Ушатъ съ овсянкой они оставили. Глядятъ—съ горы бѣжить Левонтій-скотникъ, да кучеръ Никита, да двое конюховъ—ребята все здоровые.

— Вяжите его!—кричатъ они имъ, и къ избѣ.

Андрюшка переглянулся съ Михѣичемъ.

— Нѣтъ, ужъ мы не станемъ,—прошамкалъ старикъ.

— Вѣдь вы—псари!—крикнулъ кучеръ Никита.

— Вяжите вы, вамъ велѣно,—сказалъ, отвернувшись, и Андрюшка.

Сердце у него сжалось. Сенька запереться не успѣлъ, схватилъ ножъ и началъ махать и такъ, и этакъ на

псарномъ дворѣ. Хорошо еще, что собаки были передъ кормомъ въ закутахъ. А то бы онъ пустилъ всю стаю — въ отчаянность впалъ. Однако, окружили его, сзади за руки ухватили. Долго бился Сенька, двоихъ такъ подъ микитки хватилъ, что плашмя ударились о-земь.

Въ эту свалку ни Андрюшка, ни Михѣичъ не вмѣшались. Подошелъ, тѣмъ временемъ, Степанъ Рябовъ. Онъ испугался, потемнѣлъ весь и слова не сказалъ. Сеньку онъ тоже не любилъ, но и въ немъ, видно, какое-то особое чувство дрогнуло. Все-таки свой же братъ—псарь.

Поволокли Сеньку. Онъ въ гору упирался и барахтался. Хмель еще гулялъ у него въ головѣ. Михѣичъ первый напомнилъ Андрюшкѣ и Степану Рябову, что пора кормить собакъ. Солнце уже сѣло за горой.

Притащили ушатъ съ овсянкой, налили ее въ корыта, оба псаря падѣли на себя по рогу на голубой шелковсй перевязи, взяли арапники, Михѣичъ отворилъ закуты. Гончія кинулись впизъ по мосткамъ одной сплошной массой. Борзья — вразсыпную. У нихъ и корыта были особья, по въ одну линію.

За доѣзжачаго командовалъ старшій по лѣтамъ Степанъ Рябовъ. Онъ не перекинулся ни однимъ словомъ ни съ Андрюшкой, ни съ Михѣичемъ. Стоялъ онъ съ хмурымъ рябымъ лицомъ (оттого ему такое и прозваніе дали), нагнувши голову вбокъ, въ старомъ кафтанѣ изъ толстаго сукна, какъ и Андрюшка.

Собаки бросились и облѣпили корыта съ обѣихъ сторонъ. Но ни одна не смѣла начать лакать. Онѣ только взвизгивали и толкались, да и то не очень.

Затрубили псари. У нихъ выходило ладно. Андрюшка, хоть и не крѣпокъ былъ грудью, игралъ лучше Рябова. Брали они въ топъ, одинъ повыше, другой пониже.

„Трумъ-ту-ту-трумъ-ту-ту-у!“ — разносилось по лощинѣ и подымалось къ барской усадьбѣ, среди тишины сумерекъ.

Вдругъ сверху раздался, заглушенные разстояніемъ, жалостные крики.

— Семена Парменыча, знать, полосуютъ! — слышалъ и Михѣичъ въ звонкомъ вечернемъ воздухѣ.

Оба псаря остановились. Рябовъ только крикнулъ и опять затрубилъ, а Андрюшка не сразу совладала съ собою.

„Трумъ-ту-ту, трумъ-ту-ту!“ — загудѣло опять складно и

размѣренно минуты съ двѣ—баринъ любилъ, чтобы долго трубили. И сквозь трубное гудѣніе прорывались крики, долетавшіе изъ конюшни. Должно-быть, конюхи и кучера отъ себя усердствовали, вымещали на Сенькѣ его буйство.

— Дбруцѣ!—крикнулъ горломъ Степанъ Рябовъ.

Стая и борзые кинулись на корыта, морды исчезли въ овсянкѣ, хвосты запрыгали и завилили. Долго не слышно было ничего, кромѣ лаканья.

Смокли и жалобные крики доѣзжачаго. Псари дали собакамъ облизать корыта и отогнали потомъ арапниками. Михѣичъ съ Андрюшкой понесли обратно пустой ушатъ. Къ нимъ подбѣжалъ у кухни мальчишка-дворовый, Мишанька, сынъ скотницы.

— Братцы,—крикнулъ опъ,—Сенька-то сбѣжалъ, ухватилъ ножъ въ людской, да и въ лѣсъ!.. Таково боязно!..

Все тревожнѣе дѣлалось на душѣ у Андрюшки. Что-то еще стрясется? Пустарнакъ на псарнѣ рѣзать ихъ будетъ или уворуетъ что? Пошли они къ Рябову; тотъ тупо молчалъ. Ему нездоровилось.

— Ну, и пускай его, — выговорилъ онъ. — Я ужинать пойду.

Черезъ полчаса прибѣжалъ барскій казачокъ, Васька Квасовъ. И прямо къ Андрюшкѣ.

— Къ барину ступай!

У Андрюшки колѣна задрожали. Онъ хотѣлъ было сбѣгать за параднымъ кафтаномъ, да Квасовъ не далъ.

— Иди въ чемъ есть, еще загнѣвается!

— Ну, братъ Андрюха, не плошай! — проводилъ его Михѣичъ.

Совсѣмъ уже за вечерѣло.

XVI.

Баринъ произвелъ Андрюшку въ доѣзжаче—мимо Степана Рябова, старшаго по лѣтамъ и службѣ. Андрюшка совсѣмъ оторопѣлъ, когда его ввели въ кабинетъ, и только низко опускалъ голову, отвѣщая поклоны.

— Какъ же вы, каналѣ, — спросилъ его баринъ, — не донесли мнѣ, что Сенька овсянку воруетъ?

— Не осмѣлились, ваше превосходительство, — съ дрожью въ голосъ отвѣтилъ Андрюшка.

Приказалъ доложить на завтра о собакахъ и, отпуская, выговорилъ:

— Только деньгамъ переводъ — всѣхъ васъ на одну осину!

Эти слова запали въ душу Андрюшкѣ. Видитъ онъ, что баринъ одряхлѣлъ. Однѣ брови еще остались грозныя. Нѣтъ въ немъ ни капли прежней охоты. Такъ, для видимости, поддерживаетъ псарню. Въ другое бы время — какой еще чести: попасть въ доѣзжачіе, можно сказать, мальчишкой. Вотъ теперь-то и заводи порядки, блюда собакъ, по-божески. Лестно, а радости настоящей нѣтъ въ сердцѣ Андрюшки.

Зашелъ онъ въ скотную избу, въ застольную. Ему передъ Рябовымъ совѣстно!

— Вы, — говоритъ онъ ему, — Степанъ Веденѣичъ, не обижайтесь... Барская воля... Знаю, что супротивъ васъ я малолѣтокъ.

Рябовъ ничего не сказалъ. Развѣ о доходѣ отъ лошадиныхъ тушъ пожалѣлъ; а дѣла онъ не любилъ. У него свое рукомерло было: сапожнымъ мастерствомъ промышлялъ.

Михѣичъ порадовался, по плечу Андрюшку потрепалъ и говоритъ ему:

— Теперь ты у насъ набольшій. Надо бы съ тебя за это магарычъ, — косушечку, что ли!

У Андрюшки не было ни гроша. Но онъ посулилъ старику косушечку и прибавилъ:

— Ты ужъ, дядя Иванъ, по-старому со мной... Человѣкъ ты душевный, опытный.

Но не было радости на душѣ Андрюшки. Ему не вѣрилось, что псарня простоятъ долго.

Сенька пробѣгалъ недѣлю, шлеяся по городу, а потомъ самъ пришелъ и въ ноги барину.

— Иду, — говоритъ, — въ солдаты, ваше превосходительство. Только освободите отъ сраму: въ арестантскую отдавайте.

Баринъ уважилъ и съчъ больше не сталъ. Сенька сейчасъ же попалъ въ доѣзжачіе къ полковнику въ гаузонный батальонъ.

Все поуспокоилось. Андрюшка на первомъ докладѣ рину рублѣ, а потомъ скоро примѣнился. Видѣлъ одно: скупевекъ сталъ генералъ на псарню, вишь, и "прова" уходитъ. Надо перевести половину собакъ. Больше было, чѣмъ показывалъ Сенька

ѣзжачаго по цѣлому часу, а теперь вошелъ—докладъ сдѣлалъ, что-нибудь спросить—и ступай. Да и не каждый день. Частенько Андрюшка не разбереть, что ему баринъ скажетъ, шамкаетъ онъ больно, да и тихо говорить. Изъ-за этого частенько „дурака“ стало доставаться.

Съ ключникомъ сначала у него лады пошли; а вскорѣ Андрюшка увидалъ, что и онъ плутъ естественный, и его на сдѣлку подманивать началъ. Увидалъ Андрюшка, что такъ измучаешься и безвинно подъ барскій гнѣвъ угодишь. Посовѣтовался онъ съ Михѣичемъ и доложилъ обо всемъ генералу. Ключника смѣнили; но отъ этого самаго на Андрюшку всѣ въ скотной избѣ и на господскомъ дворѣ коситься стали, а то такъ и шпынять: „ябедникъ, себя хочетъ безсребренникомъ выставить; на-ко поди: святой—съ полочки снятой“. Пуще всѣхъ женщины загуторили. И Степанъ Рябовъ тихо ворчалъ. Онъ цѣлые дни сапоги шилъ, въ скотной избѣ. Не докличешься его и въ рогъ трубить по вечеру, къ корыту. Больше все Михѣичъ отдувается. А взыскивать съ Рябова Андрюшкѣ какъ будто совѣстно: моложе онъ его чуть не на десять лѣтъ. Просить другого пса—баринъ заругается, скажетъ: „и безъ того псарня деньги и кормъ ѣстъ“.

Началъ Андрюшка затуманиваться.

И съ егеремъ Васильемъ у него на разладъ пошло. Онъ ему попенялъ, что книжка-то не вся... Тотъ надъ нимъ же подтрунивать вздумалъ: „у васъ,—говорить,—Андрей Ивановичъ, глаза-то гдѣ же были, грамотѣ обучены, видѣли: томъ первый“.

Очень это не показалось Андрюшкѣ. Вотъ, считалъ человекъ совѣтъ „правильнымъ“, да и тотъ вышелъ съ изъязномъ.

По псарному хозяйству у него пошло ладно. Съ Михѣичемъ они ни разу не повздорили. Андрюшка съ нимъ сталъ дѣлиться во всемъ, что приходилось отъ лошадиныхъ шкуръ и костей. Давалъ и Рябову. Ему все еще было передъ нимъ немножко зазорно... Но отводилъ онъ душу только на псарномъ дворѣ, со стаей и на псовищѣ у щенковъ. Выпустить стаю и любитъ ее; иной разъ приляжетъ у крыльца и подзоветъ своихъ любимцевъ къ себѣ, позволяеть имъ обнюхивать и лизать себя. До осени онъ бы, по своей охотѣ, хотъ каждый день выпускалъ стаю въ мелкіе острова поблизости, да Степанъ Рябовъ ворчалъ. Однако, каждую недѣлю выпускали. Баринъ вы-

ѣзжалъ три раза на полевыхъ дрожкахъ, слушалъ стаю, хвалилъ и спрашивалъ про новые голоса. Выровнялось четыре новыхъ смычка, и славно спѣлись... Только у барина все уходила и уходила охота...

И щенковъ поправили, стали „по-божески“ кормить ихъ, чума со всѣми прошла благополучно, выравнивались ладныя собаки. Когда баринъ приказалъ—половину перевести, Андрюшкѣ сдѣлалось такъ жалъ ихъ, что онъ взялъ на себя, скрылъ отъ барина, авось забудетъ; а когда осень минуетъ, можно будетъ дворовымъ борзятникамъ раздать, овсянки та же мѣра пойдетъ, а мясо—ихъ дѣло съ Михѣичемъ, ничего не стѣить, отъ него же барышъ идетъ.

XVII.

Подошла и осень. Господа перебрались въ городъ, но баринъ ни разу не ѣздилъ въ отъѣзжее поле. Приключилась съ нимъ боль какая-то въ ногѣ, подагра, что ли, а можетъ и отъ старости просто... Затихло совсѣмъ на псарнѣ. Со Степаномъ Рябовымъ Андрюшкѣ плохо приходилось: не хочетъ ѣздить, да и конечно! И трубить-то не ходилъ. А стая выравнилась на славу: все половопѣгя, рослая, молодая собаки... Одному доѣзжаему какъ-то и зазорно было выѣзжать съ ними въ островъ. Борзятники всѣ изъ дворовыхъ, съ господами въ городѣ жили. Михѣича пробовалъ Андрюшка брать; да больно ужъ слѣпъ сталъ и въ сѣдлѣ еле держится... Пришлось поугатъ Рябова. До перваго снѣга разъ цытокъ выѣзжали. Гнали чудесно. У Андрюшки, вмѣсто колокольчика, голосъ сталъ грудной, зычный такой и опять съ особыми переливами. Въѣдетъ онъ въ островъ, стая назади, не спѣша двигается, и такъ себѣ покрикиваетъ на разные лады... И обидно ему, что некому новаго голоса его прослушать. Похвалилъ бы баринъ навѣрно. Ему самому почудится и покойникъ Гайновъ, и Сенька—такъ онъ по-ихнему порскать умѣетъ. Любуется онъ стайе, помогаетъ ей дочуять. Не нужно ему выбиваться изъ силъ, чтобы непременно на барина русака выставить. Въ порѣдѣломъ лѣсу, между стволовъ, по землѣ, покрытой листьями, бѣгутъ гончарки, хвосты напряглись у нихъ, морды то поднимаютъ, то опускаютъ, бѣгутъ за передовой собакой... Вотъ затыкала одна, двѣ; залился вожакъ Вопило—и пошла музыка! Ан-

дрышка покачивается и ѣдет легкой рысью, къ правому уху приложить руку и покрикиваетъ:

— Собаченьки, вались!

Не одна угонка ему любя, не зайцы, а каждая гончарка. Жалѣеть онъ ее и точно радуется, что вотъ звѣрь, похожъ и на волка, и на лису, а какъ его выучить можно, и лаеъ умѣючи, чуетъ все, боится и любить человѣка...

По порошѣ онъ ѣздилъ съ борзыми, бралъ барскія своры. Года за три, когда баринъ не скупился еще на псовое дѣло, куплены были привезенные издалека два густопсовыхъ борзыхъ: Злоимъ (псари звали „Взлаимъ“) и Завладай: одинъ свѣтло-половый, съ темной полосой вдоль спины, большой красоты песь, другой—бѣлый, съ желтыми пятнами, поменьше ростомъ и поглубѣ посадкой, и щипецъ покороче. Злоимъ былъ и ласковѣе, лѣтомъ все больше въ барскихъ комнатахъ лежалъ, на диванѣ. По порошѣ они оба славно травили. Вдвоемъ повалили бы и волка.

Стала снѣжная зима. Совсѣмъ затихла псарня. Степанъ Рябовъ сидѣлъ въ скотной избѣ, да тачалъ сапоги. Михѣичъ коптилъ ветчину. Въ псарной избѣ Андрюшка плелъ арапники и мастерилъ лѣкарства.

Разъ, въ воскресный день, послѣ обѣда, часу такъ въ первомъ, говорить ему Михѣичъ:

— Андрюха, хощь я барскихъ-то борзыхъ свожу погулять?

Пошелъ по дорогѣ къ селу Оедякову. День стоялъ морозный, свѣтлый. Что-то скоро вернулся старикъ, да не одинъ, а за нимъ офицеръ, ротный, оттуда изъ села; тамъ солдаты стояли...

Бѣда стряслась! Злоима съ Завладаемъ Михѣичъ и пусти побѣгать: собаки старыя, степенныя, можно было безъ оглядки... Бѣгали они, бѣгали, да и воззрились на прохожаго. А это самый ротный-то и былъ. Онъ шелъ пѣшкомъ. Вѣтерокъ у него капюшонъ отъ шинели поднялъ, да на голову. Собакамъ-то и показалось, должно-быть, чудно. Стрѣлой домчались онѣ до офицера—оба волкодавы—смяли его, и ну рвать. Хорошо еще, что капюшонъ ему голову окутало. Онѣ весь капюшонъ обгрызли и снизу полы. Завладай—злостнѣе Злоима, далъ хватку въ загривокъ и въ правую икру; до крови не прокусилъ сквозь сукно; однако, слѣдъ оставилъ; а шинель вся изгажена!..

Дѣло! Офицеръ потребовалъ Андрюшку, разсвирѣпѣлъ,

такъ и лѣзеть; приѣжали староста, управитель, земскій, выборный... Приказываетъ офицеръ Михѣича связать. Андрюшка не допустилъ. Михѣичъ ни живъ, ни мертвъ, трясется, пожелтѣлъ весь. Управитель его тоже отстоялъ.

— Извольте,—говоритъ,—генералу жаловаться.

— Подводу мнѣ!—скомандовалъ офицеръ.

Подводу дали.

Офицеръ опять на Андрюшку накинулся:

— Какъ же ты, разбойничья рожа, выпускаешь собакъ не на привязи?

Андрюшка ему въ отвѣтъ съ усмѣшкой:

— Не понимаете вы, сударь, въ нашемъ званіи. Извольте жаловаться. Собаки не люди... Опять же, собаки барской своры, шести осеней, привычныя; а вышло такъ—мы въ отвѣтъ.

Тутъ же и оба борзыхъ стоятъ, смотреть на Андрюшку большими, ясными глазами, оба такіе красивые и смиренные. Какъ ему на нихъ сердать, за что? Мало ли и чelовѣку что померещится?

Офицеръ тащилъ было и Михѣича въ городъ, на подвoдѣ; да Андрюшка не пустилъ и прямо сказалъ управителю:

— Видите, чай—еле душа въ тѣлѣ. Старикъ!

Съ офицеромъ поѣхалъ управитель. Взяли и Андрюшку. Онъ не упирался, самъ сказалъ:

— Въ отвѣтъ я долженъ идти... Проваживать слѣдовало Рябову, а я ему попустилъ. Дядя Иванъ по усердію пошелъ.

XVIII.

Изъ-за офицерской разодранной шинели вышла цѣлая исторія... Въ городѣ загудѣли толки. Барина въ газетахъ пропечатали: живыхъ, молъ, людей борзыми травить. А время стояло смутное. О волѣ всѣ гуторили. Генералъ испугался. На Андрюшку даже и не крикнулъ хорошенько, не ударилъ; только нахмурился и сказалъ:

— Провалитесь вы всѣ!

Офицеръ дѣло было затѣялъ... Баринъ откупился—пятьсотъ рублей заплатилъ; а шинеленка много тридцати стоила.

Вернулся Андрюшка на исарню, а Михѣичъ лежитъ, охаетъ на печкѣ. Желтуха у него сдѣлалась, а потомъ бредъ. Черезъ недѣлю померъ.

Совсѣмъ осиротѣлъ молодой доѣзжачій. И круто же ему приходилось всю зиму. Баринъ приказалъ черезъ управителя Степану Рябову помогать Андрюшкѣ по кухонной части, а Рябовъ отъ рукъ отбился. Приходилось самому доѣзжачему и овсянку варить, и мясо коптить, и ушатъ носить съ мальчишкой со скотнаго двора, да и тому приплачивалъ. Запахло волей. Дворовые, которые оставались въ усадьбѣ, начали побаиваться, что ихъ погонять. Воровство пошло. Таскали и дрова, и кормъ, и солому, и сѣно, и цѣлые срубы свозили. Съ новымъ ключникомъ у Андрюшки каждый день перебранки выходили... На борзыхъ болѣзни зачастили, опухоли въ сгибахъ, воспа. Нѣсколько собакъ поколѣло отъ воспаленія легкихъ. Просилъ Андрюшка управителя проконопатить на зиму закуты. Тотъ не уважилъ просьбы. Стая гончихъ нагрѣвалась только своимъ паромъ, сбившись въ кучу. Мѣнять солому на подстилку не изъ чего было каждый день. Чума прикинулась и на гончихъ. Заболѣлъ любимый смычокъ Андрюшки — вожакъ Вопило и выжловка Румянка... Онъ заскорбѣлъ, перевелъ ихъ въ избу, мазалъ, давалъ слабительное, кормилъ изъ своихъ рукъ. Послѣ того, какъ его соперникъ, Набатъ, въ концѣ лѣта околѣлъ, Вопило сталъ первымъ передовымъ выжломъ; такъ понималъ Андрюшку, ровно человѣкъ. Подъ стать ему выровнялась и Румянка, сучка на рѣдкость и ласковая такая, что отбивать ее надо, все руки лижетъ. Вылѣчили ихъ Андрюшка; но гончихъ передохло собакъ до десяти.

На масленицѣ, въ самый „прощенный день“, когда всѣ дворовые въ усадьбѣ были навеселѣ, на псарню пришелъ вдругъ Сенька Пустарнакъ, въ солдатской шапкѣ и новомъ полушубкѣ, тоже сильно подъ хмелькомъ. Въ рукахъ гармоника, на шеѣ платокъ шелковый, подпоясанъ ремнемъ, съ серебрянымъ черкесскимъ наборомъ. Раздобрѣлъ какъ!.. Андрюшка ему обрадовался. Сенька затребовалъ полуштофъ.

— Ты,—говорить,—большіе доходы имѣешь!

Жилъ онъ же у батальоннаго командира въ гарнизонѣ, „ловчимъ“ себя величалъ; полковникъ его любилъ, окромя доходовъ, жалованья по шести рублей въ мѣсяцъ. Чай, сахаръ барскій. Раза два, точно, „отполосовали“, а то жизнь не въ примѣръ веселѣе и привольнѣе: городъ, компанія, писаря, денщики, женскаго полу—сколько хочешь.

— Ты бы въ солдаты шелъ,—подбивалъ онъ Андрюшку, продолжая куражиться.—Все равно штрафишься.

— Воля будетъ,—возразилъ Андрюшка.

Онъ затуманился, слушая рассказы Сеньки.

— Воля! Велика сласть! Чай, ты—дворовый.

— Ну, такъ что жъ?

— Ну, по шеямъ и вытолкають. Мнѣ писарь батальонный сказывалъ—крестьянамъ-то одни дворы останутся, а земли ни-же-ни!

Сенька убрался, какъ смерклось, къ кумѣ, на порядокъ пьянствовать пошелъ. Андрюшка остался одинъ за столомъ. Въ избѣ холодно, темно. Горѣла девятириковая салыная свѣчка. Тоскливо ему стало. Нѣтъ у него никого. Собаки мрутъ, псарня рушится.

А баринъ въ такое сталъ смущеніе входить, что и лакеевъ бояться началъ—убьютъ. Пришла изъ города вѣсть, что въ деревню господа не переберутся на лѣто.

На Оминой педѣлѣ потребовалъ управитель къ себѣ Андрюшку и велѣлъ ѣхать въ городъ. Баринъ надумалъ перевести псарню.

Андрюшка слыхалъ и отъ Михѣича, и отъ Гайнова, что это значить. Когда хорошій охотникъ порѣшитъ со псарней—всѣхъ собакъ борзыхъ и гончихъ, вмѣстѣ съ щенятами, на осину....

— Какъ прикажете, ваше превосходительство?—спросилъ онъ, а у самого внутри точно что затянуло.

— Знаешь, какъ? Чтобы ни одного щенка на-сторону!..

И управителю строго наказалъ.

Два дня ходилъ Андрюшка какъ шальной. Выпустить собакъ на дворъ и смотреть на нихъ долго-долго... Одинъ смычокъ и одна свора больно ужъ ему дороги... Свора барская: Злоимъ съ Завладеемъ. У барина жалости не хватило—взять ихъ въ домъ, пускай бы доживали. Очень ужъ молва пошла про то, что „офицера въ ключья изорвали“, противны стали и генералу оба пса!.. Смычокъ гончихъ—Вошилу съ Румянкой—Андрюшка ночью отдѣлил отъ стаи, вывелъ тихонько и передалъ пріятель-мельнику изъ деревни Утечино, и денегъ далъ, чтобы кормилъ, пока не придетъ за ними.

Насталъ день казни. Не могъ доѣзжацій вѣшать самъ собакъ. Наконецъ, обрубилъ онъ сучья на двухъ черемухахъ, приготовилъ старыхъ четыре кулья изъ-подъ овсинки, навязалъ камней, добылъ веревокъ...

— Вѣшай ты! — сказалъ онъ Рябову. — Возьми Мишаньку на подмогу.

И ушелъ въ Дуплянку. Уходя, онъ смотрѣлъ, какъ первыхъ повели Злоима съ Завладеемъ, а сзади другую барскую свору — Азіата и Бритву. Обѣ своры скрылись за угломъ псарнаго строенія. Изъ Дуплянки онъ пѣшкомъ убѣжалъ въ городъ, повалился въ ноги къ барину и сталъ молить: отдалъ бы его въ солдаты — по охотѣ.

Баринъ согласился. Вопило и Румянка очутились при немъ недѣли черезъ двѣ. Андрюшку угнали далеко. Онъ попалъ въ драгуны.

Къ осени на мѣстѣ, гдѣ стояла псарня и собачья кухня, валялись головешки да гнилыя доски.

УМЕРЕТЬ—УСНУТЬ...

(РАЗСКАЗЪ.)

„Vis, et fais ta journée; aime, et fais ton sommeil“.
Victor Hugo: Religions et Religion.

I.

Доктору Елкину двадцать восемь лѣтъ. Онъ еще студентомъ началъ кашлять, простудился на взморьѣ. У него, съ дѣтства, была страсть къ рыбной ловлѣ. Случилось это на третьемъ курсѣ. Онъ не обратилъ вниманія, не сталъ лѣчиться, на вакацію не ѣздилъ въ деревню. Да и не на что было. Онъ жилъ на стипендію. Уроковъ не набиралъ; ему нужно было работать. Съ первыхъ экзаменовъ, въ академіи, онъ взглянулъ на себя, какъ на работающаго научнаго студента. Такъ посмотрѣли на него и товарищи, и профессора. Золотая медаль, взятая за сочиненіе еще на четвертомъ курсѣ, додѣлала остальное. Вотъ онъ докторъ. Вотъ его шлютъ за границу—въ Вѣну, въ Парижъ, въ Лондонъ. Онъ учевый и горячій, смѣлый до дерзости хирургъ.

Но разъ, еще въ академіи, онъ порывисто закашлялся передъ операціей. Бистурій выпалъ у него изъ рукъ. Кровь хлынула горломъ. Въ обморокъ онъ не упалъ, но такъ ослабъ, что его должны были отвезти домой. Тутъ только онъ пошелъ къ профессору, далъ себя выстучать. Легкія были еще цѣлы. Послали его на кумысъ. Онъ просекалъ въ Самарѣ, страдалъ отъ жары, не могъ тамъ работать, дѣлался днями нестерпимо раздражителенъ. Однако, попопѣлъ. Кровохарканье не появлялось больше. Дорогой въ Нижвій онъ заснулъ на палубѣ, и проснулся

съ дрожью. Начались поты. Лѣченья — какъ не бывало. Подползъ періодъ страшной болѣзни, смягченный для больныхъ туманнымъ словомъ „катаръ“. Но Елкинъ зналъ, что это такое. Онъ не испугался. Не то, чтобы его охватила самообманъ чакоточныхъ. Въ него запахло, скорѣе, другое чувство — чувство вызова, но не бравады. Онъ вызывалъ болѣзнь. Онъ какъ бы говорилъ ей:

„Ну, что же, ты — всеильна; но не думай, что я сдѣлаюсь твоимъ рабомъ. Ты пойдешь своимъ путемъ, а я моимъ. Сколько мнѣ отсчитано дней, столько я и проживу, не тужа, наблюдая тебя въ твоей разрушительной гряднѣ“.

И онъ выполнялъ этотъ вызовъ. Онъ взялъ заграничную командировку, ѣздилъ, слушалъ лекціи, посѣщалъ госпитали, дѣлалъ операціи, написалъ нѣсколько работъ. Въ часы отдыха — не отставалъ отъ товарищей. Его выдали въ театрахъ, въ вѣнскомъ Пратерѣ, въ парижскомъ Бюлле, въ лондонскомъ Креморнѣ. Онъ любилъ ходить всюду, гдѣ пестрая толпа, гдѣ много нарядныхъ, здоровыхъ, красивыхъ женщинъ. Товарищи-докторанты иногда подтрунивали надъ нимъ, называли его „тайнымъ сладенной“, знали, что онъ очень воспримчивъ къ женской красотѣ. Елкинъ не скрывалъ этого. Онъ не позволялъ себѣ „явныхъ глупостей“, но и не отставалъ отъ другихъ, не запирался, никогда не нылъ. Иногда, въ тихой бесѣдѣ съ пріятелемъ, возвращаясь домой, замедленнымъ шагомъ, онъ начиналъ сердиться на свою болѣзнь, язвить ее, дѣлать вслухъ соображенія: сколько можно прожить съ однимъ легкимъ. Онъ уже зналъ, что правое легкое у него тронуто, хотя и не образовалось еще кавернъ.

Разъ, въ Вѣнѣ, послѣ поѣздки въ горы, гдѣ такъ все блистало — и луга, и небо, и гребни горнаго лѣса, гдѣ все такъ дурачливо и шумно справляли чьи-то русскія именины, у Елкина ночью опять хлынула кровь. И вышло ея двѣ лохани. Онъ слегъ. Товарищи перепугались. Приглашена была знаменитость по терапіи. Елкинъ, послѣ выстукиванія и выслушиванія, въ упоръ, съ улыбкой спросилъ нѣмца:

— Сколько вы мнѣ даете жизни?

Тотъ хотѣлъ-было сострить; но больной остановилъ его строже, и сказалъ твердо и значительно:

— Мнѣ это нужно знать. У меня есть интересныя работы.

— Въ Италіи, на покоѣ, безъ труда проживете и десять лѣтъ.

— А вотъ такъ, какъ я живу?

Профессоръ наморщилъ правую щеку и протянулъ:

— За два года я ручаюсь. Развѣ схватите воспаленіе.

II.

Елкинъ и тутъ не испугался. Онъ не зря потребовалъ приговора отъ знаменитости, выстукавшей на своемъ вѣку десятки тысячъ чахоточныхъ. Ему надо было расположить потолокъ свое время. Не станетъ же онъ обкрадывать академію! Онъ долженъ кончить свои работы, напечатать ихъ, приготовить нѣсколько тонкихъ препаратовъ по хирургической анатоміи, прочесть хоть часть курса, показать молодымъ людямъ все „новенькое“, что онъ выучился дѣлать за границей.

Но... приговоръ отдался у него въ сердцѣ. Ему назначили крайній срокъ—два года, быть-можетъ, короче; но уже больше—не жди! Это его начало оказывать холодной струей. Совершенно такое ощущеніе. Сидитъ онъ за книгой или разсматриваетъ какой-нибудь инструментъ, углубится въ микроскопъ, или приводитъ въ порядокъ матеріалы новой работы... И вдругъ, его точно обдастъ душемъ. Онъ вздрогнетъ. Мысль уже пронизала его мозгъ:

„Два года! Помни! Больше не проживешь!“

И всѣ боли злой чахотки разомъ наполняютъ и разорутъ его грудь. Ему съ особой рѣзкостью слышится хрипѣніе въ горлѣ, свистящее, прерывистое дыханіе, онъ обоняетъ запахъ этого дыханія, его начинаютъ нестерпимо раздражать кашель и мокрота. Онъ съ припадками злости не плюетъ, а плюется. И точно черезъ микроскопъ, онъ сквозь грудную стѣнку проникаетъ глазомъ въ вещество своихъ легкихъ, видитъ эти дыры и ямы, эти сѣроватые узелки бугорчатки, которые вотъ-вотъ разползутся и станутъ гноемъ и кавернами... Онъ съ ужасомъ и омерзѣніемъ бросался на кровать и метался, весь охваченный внутреннимъ огнемъ, бездыханный, облитый липкимъ потомъ...

Но это длилось всегда не больше пяти минутъ. Онъ стыдился своего малодушія. Опять начиналъ онъ ратоборство уже не съ болѣзнью, а съ смертнымъ приговоромъ. Зайдетъ товарищъ, онъ непременно скажетъ ему:

— Знаешь, братъ, я, какъ институтка, считаю дни до выпуска. Мнѣ четыреста дней осталось.

— Ну, пошелъ!..

— Да нечего. Постукай. Въ правомъ-то легкомъ какія-то тряпицы болтаются, да и то съ одной лѣвой стороны.

И заговорить о своей работѣ, обстоятельно, съ любовью, одушевится, кашляетъ легко; когда схватить колотье или жжение, только наморщиваетъ свою переносицу.

Но незамѣтно, безъ философскихъ книжекъ, безъ чтенія горькихъ поэмъ съ вѣчными жалобами жалкаго человѣчества на суровую и бессмысленную юдоль скорби,—этотъ пылкій человѣкъ, обреченный на вѣрную смерть, сталъ перебирать смыслъ своей казни, сравнивать свое заурядное положеніе съ ужасами, страшнѣе которыхъ не создаетъ жизнь и творчество. Вотъ приговорили убійцу къ казни. Онъ отравилъ жену, изъ-за грязной корысти. И онъ—химикъ, аптекарь. Жизнь ея была застрахована въ его пользу. У него любовница. Жену онъ билъ, тиранилъ, заставлялъ чуть не ноги мыть у его любовницы—безстыжей дѣвки, подобранной имъ въ помойной ямѣ свальнаго разврата... Злодѣй! Гаже, отвратительнѣе ничего не придумать! Но рѣзать ему голову машиной, торжественно, подъ прикрытіемъ батальона солдатъ, съ духовникомъ, полицейскими, судьями, журналистами, знатыми иностранцами, со всѣмъ этимъ трусливо-гнуснымъ аппаратомъ мясной лавки и бойни, передъ полушьяной толпой зѣвакъ, воровъ, мальчишекъ, глупыхъ шалопаевъ, свѣтскихъ модницъ и проститутокъ, устраивать тутъ свой омерзительный пикникъ?!—Это еще гаже! Этому имени нѣтъ! Сидитъ этотъ коварный и подлый подливатель ціанъ-кали, сидитъ въ своей тюремной кельѣ. Апелляція отвергнута. Но просьба о помилованіи? Завтра, чуть свѣтъ, войдетъ начальникъ сыскной полиціи и скажетъ:

— Мужайтесь. Васъ ждутъ... Идемъ.

Но онъ надѣялся все время. Онъ вѣрилъ въ свой умъ, изворотливость; концы схоронены. Его осудили по совокупности уликъ. Кто видѣлъ, какъ онъ подмѣшивалъ ядъ?—Никто. Онъ ни разу не задрожалъ. Съ ядовитой увѣренностью подсмѣивался онъ надъ свидѣтелями, надъ прокуроромъ, даже надъ президентомъ.

Онъ надѣется... и когда? Десять часовъ до минуты, когда его голова въ страшномъ миганіи полетитъ въ корзину, и кровь, какъ изъ ушата, зальетъ желтѣющія отруби.

Онъ надѣется! Да. Ему приносятъ ужинать. Аппетитъ у него славный. Онъ можетъ ѣсть мясо, пить красное вино. Ничто ему не напоминаетъ о собственномъ мясѣ и крови. Послѣ ужина, онъ ложится и засыпаетъ какъ убитый! А въ семь часовъ, когда палачъ съ помощникомъ введутъ его, связаннаго, съ обрѣзаннымъ воротомъ рубашки, на помостъ, его интересное, задумчивое лицо оглянетъ грязно-сѣрую массу колышавшейся публики, и онъ громкимъ голосомъ скажетъ:

— Господа, я умираю невинный!

И тутъ — козыри въ рукѣ этого отравителя! А онъ, докторъ Елкинъ, долженъ отсчитывать каждый день, и сознательно, безъ признака надежды, идти навстрѣчу... не гильотинѣ, а безпощадно-копотливой болѣзни, сѣдующей его заживо. Мозгъ ясенъ, кровь приливаетъ къ нему, каждый мигъ освѣщенъ пониманіемъ науки. И за что? Чтò есть въ его жизни, кромѣ труда, простой, безсознательной честности? Вины нѣтъ, но есть тамъ, наверху, въ восходящей женской линіи — слабогрудая женщина. Ну, и отсчитывай свои дни, и знай напередъ, что каждая лишняя ночь принесетъ мѣки еще жгучѣе, а воздухъ будетъ все убывать, убывать, убывать!..

Ужасно это великое злодѣйство природы!

III.

На пригоркѣ, надъ моремъ, въ тѣни сосенъ, лежалъ докторъ Елкинъ, на сухой травѣ, покрытой слоемъ красно-бурой хвои. Жадно вглядывался онъ въ море и въ багровый, почти малиновый кругъ солнца, ожидая, какъ оно вотъ-вотъ нырнетъ въ изсѣра-синюю зыбь.

Съ той полосы его душевной жизни, когда онъ сравнилъ себя впервые съ осужденнымъ на казнь, прошло слишкомъ годъ. А онъ все еще дышитъ. Изъ-за границы вернулся онъ въ срокъ. Стоило на него взглянуть, чтобы увидеть, какъ онъ плохъ. Предлагали ему Санъ-Ремо, Мадеру. Онъ отказалъ. Съ сентября началъ онъ читать лекціи, говорилъ довольно твердо и громко, но каждый разъ лежалъ, послѣ того, плашмя, до обѣда. Операциі онъ дѣлалъ, но рѣзать боялся, что дрогнетъ рука. Главное, ему страстно хотѣлось передать студентамъ все свое научное добро. Дня не проходило, чтобы онъ не предложилъ имъ какихъ-нибудь особенныхъ демонстрацій.

Миновала зима. Петербургская ростепель, съ вѣтромъ

и слякотью, уложила его на три недѣли въ постель. Онъ вознегодовалъ. Со стороны судьбы это было „просто подло“ — изъ двухъ лѣтъ, отмежеванныхъ ему, украсть почти цѣлый мѣсяцъ! Къ экзаменамъ онъ всталъ. Товарищи гнали его вонъ изъ Петербурга непременно на югъ. Елкинъ не согласился. Въ концѣ іюля онъ поѣхалъ на Балтійское море. Онъ любилъ его съ дѣтства.

— Чего же лучше, — говорилъ онъ своему сослуживцу-терапевту, — тамъ хвоей можно дышать на всемъ прибрежьи. Умирать въ такомъ воздухѣ, право, толковѣе, чѣмъ въ парникѣ, на вашемъ хваленomъ Генуэзскомъ заливѣ.

Былъ восьмой часъ. До заката оставалось нѣсколько минутъ. Кругомъ, по холмамъ — тишина. На одномъ изъ пригорковъ виднѣется скамья и столъ. Въ котловинѣ, полной запаха хвои, нѣсколько жидкихъ кустиковъ. Позади — рядъ домиковъ съ желтыми заборами. Воздухъ переполненъ испареніями сосновой смолы, а съ моря доносятся струйки соленого вкуса.

Низкій столбъ разбрызганнаго золотисто-краснаго свѣта падаетъ почти вровень съ горизонтомъ и разсыпается по корнямъ сосенъ, по дерну, по притоптанной бурой хвоѣ. Въ этотъ столбъ и вошло все изможденное, нервное, незамѣтно трепещущее тѣло больного. Холщевую шляпу онъ сбросилъ съ себя. Голову поддерживаютъ двѣ бѣлыя прозрачныя руки съ алыми ладонями. Въ нихъ чувствуется нервная дрожь. Высокая, сдавленная въ вискахъ, голова покрыта волнистыми вверхъ волосами свѣтло-русаго, почти огненнаго цвѣта. Вся жизнь ушла въ глубокіе глаза съ красивымъ разрѣзомъ, темносѣрые. Зрачокъ расширенъ. Въ немъ то и дѣло вспыхиваетъ огонекъ. Рѣсницы — густыя и темныя, такія же, какъ усы, и длинная, узкая борода, на щекахъ точно подбритая. Заостренный носъ съ прозрачными ноздрями. Лицо — начетчика изъ раскольничьей мѣстности. Щекъ уже совсѣмъ не видно. Только двѣ красныя точки выдвигаютъ впередъ скулы, подъ которыми залегли ямы. Ротъ съ крупными губами полуоткрытъ. Дыханіе судорожнымъ вздрагиваніемъ замѣтно въ горлѣ. Широкій складъ туловища скрываетъ ужасающую худобу. Свѣтлый люстринъ визитки и панталонъ лежатъ большими складками на этомъ тѣлѣ, гдѣ жиръ и мышцы давно высосалъ жаръ скоротечнаго истощенія.

Онъ поглядѣлъ влѣво. гдѣ сосны росли погуще. Глаза

его ярко вспыхнули отъ удовольствія. Никогда еще не видалъ онъ такого отраженія солнечнаго свѣта. Точно изъ земли билъ фонтанъ и расходился вѣромъ янтарно-рубиновыхъ брызгъ — снизу потемнѣе, кверху, сливаясь съ блѣдно-опаловымъ пологомъ заката и съ широкой полосой, шедшей до двухъ третей всего пространства воды, гдѣ начиналась, безъ промежуточныхъ тоновъ, поперечная, сизо-розовая рябь.

— Экая прелесть! — сказалъ онъ вслухъ.

Совсѣмъ уже малиновый шаръ солнца вдругъ разрѣзала пополамъ тонкая дымка лиловаго облака, словно помѣстила его въ кольцо. И не въ этотъ только разъ Елкину казалось, что не солнце садится въ море, а само море затопляетъ солнце. Вотъ уже полшара. Сверху отрѣзана горбушка, еще цвѣтище, точно наливной рубинъ. Ее все слизываетъ и слизываетъ снизу уровень воды. Вотъ чуть замѣтная полоска... „Ломтикъ моркови“, — сравнилъ Елкинъ, и тихо разсмѣялся.

Но и ломтикъ началъ сокращаться, перешелъ въ точку. Еще секунда — и нѣтъ ничего. Лиловое облако растаяло и слилось съ матовой бронзой заката. А море стало синѣе, рѣзкой чертой отдѣлилось отъ неба и пошло все поперечной, стальной чешуей.

Елкинъ закрылъ глаза и прислушивался къ шуму моря. Настоящаго вѣтра не было. Его лицо опахивалъ мягкій вѣтерокъ, отдававшійся чуть-чуть въ его ухахъ. Отъ воды идетъ одинъ немолчный звукъ. Похожъ онъ и на шелестъ липъ въ большомъ русскомъ саду, и на отдаленное паденіе воды на мельницѣ, или на горный ручей. И нѣтъ этому конца. Не дрему, а живое, громадное, всеобъемлющее чувство вливалъ этотъ шумъ въ еле-дышащую грудь чахоточнаго.

IV.

Теперь — вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ — онъ больше не возмущается. Была минута, когда онъ подумалъ о самоубійствѣ. Но всего одна минута. Онъ стыдилъ себя потому цѣлый мѣсяцъ. Ну, да, страданія бессмысленны, они усилятся къ концу. Разумнѣе закончить ихъ. Разумнѣе? Почему? Раньше срока онъ не умретъ. Зачѣмъ же самому помогать смерти, дѣлаться ея трусливымъ сообщникомъ? Нелѣпо и постыдно. Одно изъ двухъ: или онъ сгоритъ незамѣтно, какъ многіе чахотные, во снѣ, перевернется

на бокъ и — духъ вопъ, или ему выпадетъ на долю агонія. Такъ неужели не найдется добраго человѣка—предписать ему побольше морфія или другого снадобья, чтобъ мозгъ скорѣе закрывалъ свое телеграфное бюро и не докладывалъ о томъ, какъ страдаютъ ткани. Вотъ вѣдь и все!..

Любить онъ — въ эту минуту роскошнаго морского заката — всю природу: зелень, воздухъ, запахъ моря, мягкую хвою, а пуще остального—солнце. Не умомъ однимъ, а всѣмъ своимъ существомъ ощущаетъ онъ связь съ источникомъ жизни, энергіи,—всего, всего!.. Ну, что жъ. Онъ самъ перегорѣлъ раньше срока, не накопилъ запаса, который льется оттуда, сверху, изъ огненной массы, потонувшей сейчасъ въ видъ малиноваго шара. Никогда еще не говорилъ въ немъ такъ страстно великій таинственный голосъ природы. Онъ хорошо помнитъ—никогда!

И онъ не сдерживалъ крупной слезы, скатившейся ему на бороду. Небывалая истома примиренья передъ вѣчнымъ живымъ „нѣчто“, передъ закономъ естества, передъ ежеминутнымъ чудомъ всего, что движется и живетъ, охватила его до состоянія просвѣтленнаго блаженства. Жалость къ себѣ, къ тому, сколько заложено было въ немъ душевныхъ силъ, обреченныхъ на гибель, растворилась въ этомъ новомъ всепокрывающемъ чувствѣ...

— Ничто не пропадаетъ! Ничто не исчезнетъ! — шептали его лихорадочныя губы. — Едино все это, что надо мной и вокругъ меня!..

Но какъ ему хотѣлось, въ то же время, вобрать въ себя больше красокъ, живыхъ настроеній, ласкъ отъ этой природы. Страстная любовь къ жизни сливалась съ благоговѣніемъ передъ великимъ чудомъ вселенной. Чтобы испытать такое чувство,—нужно было ему знать, что онъ умретъ съ первымъ осеннимъ вѣтромъ.

Вчера онъ купался. Для него уже не существовала опасность простуды. Кругомъ прыгали въ водѣ мальчишки, больше жиденята, съ смуглымъ мускулистымъ тѣломъ, визжали, барахтались, брызгались. Онъ съ любовью анатома разглядывалъ ихъ. Человѣческое тѣло, въ его изгибахъ, на водѣ, въ вольныхъ движеніяхъ ногъ, рукъ, бедръ, грудной кѣтки, поглощало его. Онъ забывалъ совершенно свою жалкую, нищенскую слабость, не смотрѣлъ на свои высунувшіяся ребра, ноги „какъ плети“, бурю впадину груди. Ему не было завидно.

Вотъ и теперь, слышалъ онъ сзади переливъ дѣтскихъ голосовъ и радостно повернулъ назадъ голову. По лѣсенкѣ, съ перилами, поднималась пѣлая ватага дѣтей—чистыхъ, нѣмецкихъ дѣтей—шесть дѣвочекъ и два мальчика. Кто поменьше, карабкался на крутой подъемъ. Кто постарше — шли степенно. Заправляла всей ихъ партіей дѣвочка лѣтъ десяти, въ большой соломенной шляпѣ, въ видѣ короба, съ длинной таліей, съ книжкой въ рукахъ. Елкинъ осматривалъ ихъ издали, каждаго поодионокѣ. У одной дѣвочки, лѣтъ трехъ, голенькія ноги, изъ-подъ парусиновой короткой юбки, привели его въ восторгъ. Шляпа на затылкѣ обнажала лобъ дѣвочки съ гладкими волосами, срѣзанными напередѣ, по-англійски.

— Что за бутузъ!.. Божество!—прошепталъ Елкинъ, и началъ слѣдить ласковыми глазами за косолапеными движеніями ребенка.

— Baby!—крикнула старшая дѣвочка тономъ наибольшей, —nicht so schnell! nicht so schnell!

На мальчикахъ были солдатскія фуражки безъ козырьковъ, съ синими околышами. Они на ходу подбирали сосновыя шишки. Гуськомъ поднялись всѣ дѣти, наверху потоптались на одномъ мѣстѣ, потомъ мальчики и мелюзга изъ дѣвочекъ подошли къ Елкину и уставились на него.

Онъ имъ улыбался, дѣвочку съ англійскими волосами подозвалъ рукой. Она покраснѣла. Мальчики въ солдатскихъ фуражкахъ пододвинулись поближе. Щеки у нихъ точно кто подпиралъ изнутри. Оба они покраснѣлись, и волосы, цвѣта пакли, вудрявились изъ-подъ синихъ околышей. Маленькіе глазки искрились отъ радостнаго чувства дѣтской энергіи.

— Kinder, kommt, kommt!—закричала строго старшая дѣвочка.

— Lassen sie!—тихо остановилъ онъ ее.

Но дѣти послушно отступили и, смолкнувъ, стали спускаться съ пригорка.

Онъ провожалъ ихъ долгимъ взглядомъ. Можетъ, и не удастся уже больше увидать такого чуднаго ребенка, какъ эта дѣвчурка съ голенькими ножками? Холостымъ, безъ потомства, послѣднимъ въ родѣ долженъ онъ умирать. Развѣ это не лучше? Что же бы онъ передалъ по наслѣдству вотъ такой прелестной дѣвочки? Скоротечную чахотку? А то и того хуже: долголѣтнюю блѣдную не-

мочь, жалкое прозябанье безъ крови, безъ мышцъ, безъ вкуса къ жизни...

V.

Засвѣжѣло. Шумъ прибоя поднимался все явственнѣе. Забѣгали бѣлые зайчики. Подулъ вѣтеръ съ сѣверо-запада. Но Елкину не хотѣлось двигаться съ своей хвон, гдѣ его груди такъ хорошо дышалось. Внизу, вдоль влажнаго прибитаго песка, плоскія волны то и дѣло лизали побережье. Справа, влѣво и въ противоположную сторону тихо двигались фигуры гуляющихъ, — больше парно. Нѣтъ-нѣтъ — проѣдетъ экипажъ, въ шорахъ, съ кучеромъ въ высокой цилиндрической шляпѣ, или пара пѣни съ дамой въ соломенной вѣкторіи, или амазонка съ кавалеромъ. Передъ нимъ все это движется такъ безшумно, точно въ панорамѣ. Не слышно ни топота копытъ, ни скрипа колесъ, ни разговоровъ.

И это мельканіе дамъ, мужчинъ, экипажей, всадниковъ вызвало въ немъ еще новое настроеніе. И ему онъ обрадовался. Ему захотѣлось пожить „на міру“. Тутъ, на купаньяхъ, все чуждо, хуже чѣмъ за границей. А надо бы въ свой большой городъ. Въ тотъ же Петербургъ. Августъ уже на дворѣ. Городская жизнь начинается.

Гдѣ-то, очень близко, въ одномъ изъ овражковъ раздались громкіе голоса, русскій языкъ пополамъ съ французскими и англійскими фразами. Опъ такъ былъ поглощенъ собой и природой, что не замѣтилъ, что въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него уже больше получаса играютъ въ крокетъ.

Елкинъ привсталъ, надѣлъ шляпу, застегнулъ визитку и присѣлъ къ дереву, поджавъ подъ себя ноги, въ полъ-оборота къ обществу, игравшему въ крокетъ.

Тутъ было четыре дѣвицы: одна — длинная, какъ тычинка хмелю, другая ей по плечо, — сестры, въ одинаковыхъ вышитыхъ платьяхъ изъ Лувра и цвѣтныхъ казакахъ; при нихъ русская англичаночка, курносенькая и миловидная, въ синемъ кретоновомъ капотикѣ, въ родѣ ливрен, съ капюшономъ; еще плотная, краснощекая пѣмка-баронесса, пухлый французъ-учитель изъ Петербурга и жилистый, загорѣлый брѣнетъ, балтійскій полякъ. Нѣмка поразила Елкина своимъ здоровьемъ. Онъ разглядѣлъ съ широкою ступню и даже состригъ про себя:

„Да, на большой ногѣ онѣ здѣсь живутъ“.

Долгая барышня взвизгивала безпрестанно и потомъ тянула въ носъ:

— Monsieur Courcelle, à vous de jouer!

Въ другое время, лѣтъ пять-шесть назадъ, даже въ прошломъ году, онъ поглядѣлъ бы на этихъ дѣвицъ съ недовольной миной или презрительной усмѣшкой. — „Барышни, худосочное отродье, коптятъ небо, ходичая золотуха“, — потъ что бы онъ сказалъ про себя. Но теперь вышло совсѣмъ не то. Никакого предубѣжденія не ощутилъ онъ въ себѣ. Онъ видѣлъ передъ собою игру молодыхъ людей. Ихъ влекла все та же природа. Крокетъ—одинъ предлогъ, выдуманный лицемѣрными англичанами.

И ему стало досадно на себя, досадно и обидно. Зачѣмъ онъ прежде, когда еще было здоровье, избѣгалъ общества дамъ и дѣвицъ? Тогдашній его „демократизмъ“ показался ему непростительно-глупымъ. Онъ самъ, по своей винѣ, отнял у себя столько хорошихъ минутъ знакомства съ нѣжными женскими натурами, не слыхалъ кроткихъ, изящныхъ голосовъ, не видалъ вблизи ни граціи, ни милаго кокетства, ни горячаго порыва дѣвушки, въ расцвѣтѣ ея душевной красоты. Что онъ видѣлъ? Пестрыя толпы въ столицахъ, кокотокъ въ Мабиллѣ, или уличныхъ женщинъ на вѣнскомъ Грабенѣ и лондонскомъ Най-Маркет! Иногда на сценѣ, тоже за границей, ему понравится актриса. Онъ купить ея карточку, читаетъ о ней фельетоны въ газетахъ, ждалъ выхода одной у театральнаго подъѣзда. Воображеніемъ онъ сближался съ ней, слышалъ ея голосъ, дополнял ея сценическій обликъ блескомъ ума, обаяніемъ натуры. Познакомиться съ ней... Какъ? Языками онъ владѣлъ плохо. Да и съ какой стати „затесался“ бы русскій „лѣкарь“ къ какой-нибудь знаменитости—и бухъ ей:

„Позвольте быть знакому. Вы мнѣ очень нравитесь“.

И такъ прошла молодость. О любви ему некогда было и подумать. Вспомнилъ онъ тутъ о двухъ-трехъ знакомствахъ съ русскими работающими дѣвушками. Тѣ даже и мысли-то въ немъ не вызывали, что онѣ особы другого пола. Длинные разговоры съ научными терминами, уроки, атласы, препараты по анатоміи, клеенчатые фартуки, ломтики колбасы, запахъ папирсъ,—вотъ что осталось у него въ памяти.

„Хорошіе парни“,—выражался онъ про нихъ тогда, да и теперь то же скажетъ.

Да, не любилъ! И женщины, ея красоты и обаянія не зналъ—да такъ и умереть мѣсяца черезъ три. По его расчету, осталось семьдесятъ три дня, если нѣмецъ предска-залъ вѣрно. Стыдно ему сдѣлалось, когда онъ продолжалъ глядѣть на дѣвицъ, играющихъ въ крокетъ,--къ чему сво-дились всѣ его отношенія къ женщинѣ, какъ источнику любви и радости?.. Онъ даже вспыхнулъ, и вспыхнулъ въ первый разъ, думая объ этомъ. Ему вспомнились студен-ческія похождения. Ну, тогда слишкомъ бушевала кровь. Но дальше грубаго усмиренія аппетитовъ никто не шелъ. А потомъ? Науку онъ любилъ; былъ чувствителенъ къ женской красотѣ. Какъ? Ему нравилось тѣло, одно тѣло. Прежде, онъ помнитъ, ему бывало жаль этихъ несчаст-ныхъ, бѣгающихъ по бульварамъ и люднымъ улицамъ, по баламъ и кафе, на ловлю мужчинъ. Обидно за женщину, горько за человѣчество, создавшее такой видъ погони за кускомъ хлѣба. Да; но онъ не пренебрегалъ этими жен-щинами. Онъ платилъ имъ. Ему случалось даже хвалиться передъ товарищами за кружкой пива, что „вотъ какую я вчера заполучилъ Амалію или Фифину“.

„Заполучилъ“. Это именно слово и было въ ходу въ ихъ холостыхъ разговорахъ. И, точно ассортиментъ гал-туковъ или порцій ѣды, проходятъ передъ нимъ: блон-динки съ колоссальными шиньонами и бѣлоснѣжными формами, и сухенькія брюнетки, и греческіе и вздерну-тые носы, и овальные плечи, и „богатые“ бедра. Онъ даже, одно время, записывалъ ихъ въ книжечку, поименно, и съ обозначеніемъ числа и мѣсяца. А вѣдь онъ смотрѣлъ на себя, какъ на скромнаго, почти добродѣтельнаго муж-чину. Цинизма и въ разговорахъ не любилъ онъ дальше извѣстной черты. Его даже считали чопорнымъ по этой части, хотя и знали, что онъ „не прочь“.

Краска поздняго стыда долго не сходила съ лица Ел-кина. Будь онъ посмѣлѣе и не такъ слабъ, онъ способенъ былъ бы повиниться передъ барышнями. И ему еще силь-нѣе захотѣлось въ городъ. Онъ заведетъ знакомства, бу-детъ ѣздить въ Павловскъ, найдетъ нѣсколько милыхъ се-мействъ. Все это отъ него зависитъ. Съ половины авгу-ста Петербургъ оживаетъ. Зажгутъ фонари. А тамъ и сентябрь...

Мысль о сентябрѣ не испугала его. Онъ приподнялся, держась за стволъ тонкой сосны. Общество собрало свои палки, шары и дуги и вошло, со смѣхомъ и разговорами,

въ калитку одной изъ дачъ, съ новой гонтовой крышей. Вѣтеръ все свѣжѣлъ. Но Елкину дышалось еще лучше. Была минута, когда проблескъ дѣтской радостной надежды, какъ ночной огонекъ, вспыхнулъ и озарилъ его мозгъ:

„А, быть-можетъ, процессъ разрушенія остановится?“

Онъ ничего не отвѣтилъ; но спустился бодро, шагая большими шагами. Онъ рѣшилъ не заживаться здѣсь больше недѣли.

VI.

Передъ обѣдомъ, въ послѣднихъ числахъ августа, Елкинъ тихо двигался вверхъ по Большой Морской. Городъ смотрѣлъ еще по-лѣтнему. Стоялъ душный, солнечный, потный день. Грудь больного приходилось плохо. Онъ утромъ поѣхалъ къ товарищу на острова, думать освѣжиться. Но на пароходъ его прохватило. Товарища онъ не засталъ и, ходя по аллеямъ острова, чувствовалъ себя точно въ теплицѣ. Въ городѣ ему стало лучше. Къ пятому часу Морская полна была движенія. Елкинъ находилъ улицу очень красивой, да и вообще Петербургъ заново предсталъ передъ нимъ въ просторѣ и грандіозности набережныхъ, рѣки, стройныхъ каменныхъ перспективъ.

— Какой городъ! Какой городъ!—повторялъ онъ часто, точно онъ его изучаетъ въ первый прїѣздъ, а не родился тутъ, въ Гавани, не знаетъ этого Петербурга вплоть до переулковъ Выборгской.

Глаза его упали на боковую синюю вывѣску съ бѣлыми буквами. Это была постоянная выставка. Онъ рѣдко ходилъ на выставки по недосугу, да и любилъ повторять, что мало смыслить; но за границей останавливался всегда передъ витринами художественныхъ магазиновъ.

Елкинъ вошелъ. Онъ самому себѣ казался иностранцемъ или прїѣзжимъ изъ губерніи. Его это забавляло. На лѣстницѣ и на верхней просторной площадкѣ, гдѣ стояла пріятная свѣжесть, ему уже иначе дышалось. Кассирша въ темномъ платьѣ указала ему рукой на ходъ вправо. Онъ попалъ сначала въ музей прикладныхъ искусствъ. Пошелъ онъ по сыроватымъ комнатамъ, гдѣ въ шкапахъ нестрѣли передъ нимъ горшки, бокалы, болванчики, куски старыхъ матерій, тарелки, японскіе божки, бронзовыя статуэтки, деревянная посуда... Это утомило

его. Онъ не могъ ничему отдаться, сосредоточить себя, выбрать какую-нибудь вещь и любовно обглядывать ее со всѣхъ сторонъ. Последнія комнаты онъ пробѣжалъ, и когда попалъ опять въ боковое помѣщеніе музея, думая очутиться у выхода—то даже разсердился. Все это было ему чуждо, тускло, или слишкомъ причудливо, или слишкомъ скучено, отзывалось лавкой старьевщика на Шукшномъ. Онъ созпавалъ свое невѣжество; но ничто его не радовало. Все это походило на кабинетъ минераловъ. Настоящая жизнь, съ красками и вчерашнимъ днемъ правды и поэзіи, отсутствовала для него во всѣхъ этихъ ужасно дорогихъ и рѣдкихъ коллекціяхъ...

— Да гдѣ же картины?—спросилъ онъ у служителя.

— А вотъ налѣво, пожалуйста.

Елкинъ кинулся туда, точно онъ хотѣлъ нырнуть въ свѣжую проточную воду. Въ первой же залѣ, въ сторонѣ, на мольбертѣ стоялъ женскій портретъ. Елкинъ прошелъ мимо, не обернувшись: его издали привлекалъ пейзажъ съ заревомъ заката. Онъ видѣлъ на-дняхъ такой закатъ. Но вблизи пейзажъ ему не понравился. Слишкомъ ужъ размашиста была мазня. Небо, вода, солнце не дышали жизнью. Уныло обернулся онъ назадъ и увидалъ лицо. Сначала глаза и брови. Онъ подскочилъ къ портрету и замеръ. Ни письмо, ни мастерство, съ какими отдѣланъ былъ бархатъ шляпы, ни корсажъ, ни вязка руки, ни умѣнье художника усадить — ничего онъ не разглядывалъ... Лицо, глаза, брови, взглядъ и прозрачность этого лица, какая-то одухотворенная кожа, сквозь которую видна каждая жилка, трепещетъ каждый нервъ...

— Неужели—русская? — шепталъ онъ про себя. — Не можетъ быть! Испанка? Или оттуда, изъ славянскихъ странъ?

И онъ ушелъ въ эти глаза, какіе-то вытягивающіе въ себя, бездонные и необычно лучезарные, положительно освѣщающіе все, что вокругъ нихъ. Эти глаза—русскіе. Они говорятъ по-русски. Это не Матильда, не Казимира, не Эмма; а Ольга, Вѣра, Татьяна... Да, Тапечка, Варя, Настенька... Брови дышатъ тепломъ и нѣгой—въ морозный день, когда она вбѣжитъ съ улицы, въ шубкѣ, въ меховой шапкѣ, послѣ катанья на тройкѣ, и подставитъ эти брови любимому человеку. Вотъ когда можно умереть—когда *должно* умереть! Улыбка—не насмѣшка, а наше русское себѣ-на-умѣ; но доброе, шаловливое себѣ-

на-умѣ женщины, которая не можетъ не чувствовать, что она—лучъ свѣта, что безъ нея не зачѣмъ жить; что она однимъ пальчикомъ остановить всякую враждебную стихію!..

Онъ ласкалъ этотъ плѣнительный и дышащій всей грудью образъ. Даже волосы—гладкіе, милые русскіе волосы—были ему близки; онъ ихъ зналъ съ дѣтства; но какъ они заканчиваются ея обликъ! У висковъ немного вьются... нѣсколько волосиковъ; а на лобъ надвинулись густой грядкой, и не знаешь—что роскошнѣе, что краше: волосы или брови и полуоткрытый ротъ, оттѣненный загибомъ точно выточенного носика съ розовыми ноздрями, гдѣ высокая порода досказала свое послѣднее слово.

— Пожалуйте, запирайте будутъ,—пригласилъ его удалиться слугитель.

Елкинъ какъ-то дико посмотрѣлъ на него.

— Запираютъ?—спросилъ онъ машинально.

— Да-съ.

Онъ еще разъ окинулъ портретъ горячимъ взглядомъ и скоро-скоро сошелъ съ лѣстницы, даже запыхался. Внизу, въ швейцарской, онъ стоялъ нѣсколько минутъ, точно въ нерѣшимости: подняться ему еще разъ, или идти.

Только на улицѣ онъ спросилъ себя: „а кто писалъ эту женщину и какъ ея фамилія?“ Каталога онъ не догадался купить, да, кажется, и не продаютъ. Ну, хоть фамилію художника. Всегда есть подпись въ правомъ или въ лѣвомъ углу. Теперь уже поздно. Онъ зайдетъ еще разъ на недѣлѣ.

— Непремѣнно!—воскликнулъ Елкинъ про себя.

VII.

Но онъ не попалъ на постоянную выставку на той же недѣлѣ. Три дождливыхъ дня съ изморосью заперли его дома. Да и надо было начинать скоро свой курсъ. Елкинъ хотѣлъ умереть „на бреши“. Всего бы лучше на лекціи, такъ, сразу, но врядъ ли удастся? Три дня лежалъ онъ на кушеткѣ, съ книгами, и безпрестанно все смотрѣлъ на барометръ. Его тянуло на воздухъ, ну хоть просто на улицу, гдѣ толкуются люди, къ какимъ-нибудь знакомымъ. Барометръ къ вечеру третьяго дня сталъ показывать къ ведру. На другой день случилось воскресенье. Елкинъ съ утра вышелъ изъ дома, цѣлый день бродилъ или ѣздилъ, обѣдалъ позднѣе обыкновеннаго.

Въ сумерки, шелъ онъ по набережной. Онъ поглядѣлъ на рѣку и сравнилъ ее съ морскимъ побережьемъ.

У подъѣзда одного изъ трехъэтажныхъ домовъ стояло нѣсколько каретъ. Елкинъ облокотился о гранитный парапетъ набережной и сталъ глядѣть на подъѣздъ. Показалось ему странно, что входитъ туда всякій народъ: барыни, офицеры, чуйки, женщины въ головкахъ, солдаты. Чтѣ бы это такое было? Похороны?—Не тотъ часъ...

Онъ перешелъ черезъ мостовую.

— Чей домъ?—спросилъ онъ кучера.

Тотъ назвалъ извѣстную дворянскую фамилію.

— Что же это такое тутъ?

Кучеръ—это былъ каретный извозчикъ—усмѣхнулся.

— Моленная.

— Какая?

— Кто ихъ знаетъ. Баринъ самъ проповѣди держитъ. Мы ихъ видали. Къ намъ, въ Ямскую, ѣзжалъ, книжки дарилъ.

— Книжки?

— Да, душеспасительныя. Добрый баринъ.

Елкинъ что-то слышалъ объ этомъ баринѣ и этой моленной, но вскользь.

— Можно входить съ улицы?—спросилъ онъ еще кучера.

— Извѣстно. Всякаго принимаютъ... Сами видите.

Въ стеклянную, съ бронзой, дверь все входила публика. Елкина это заинтересовало. Вслѣдъ за двумя старушками, въ чепцахъ, и сапернымъ унтеръ-офицеромъ онъ вошелъ не очень рѣшительнымъ шагомъ въ обширныя сѣни барскихъ хоромъ. Сѣни со сводами поворачивали вправо. Нужно было подняться нѣсколько ступенекъ. По пути разставлены лакеи, во фракахъ и въ ливреяхъ, неподвижные, скучающіе, съ выраженіемъ нѣсколько задѣтаго достоинства, но вѣжливые и—чему должно—выучены. Всѣ сѣни покрыты были верхнимъ платьемъ. Ливрея швейцара съ жирнымъ веселымъ лицомъ выставлялась изъ-за арки, у входа наверхъ, въ залу.

Елкинъ обратился къ швейцару и спросилъ наобумъ:

— Началось?

— Сейчасъ, — отвѣтилъ тотъ добродушно и серьезно, голосомъ, какой слышится въ перквахъ.

Швейцаръ снялъ съ него пальто, заведя его въ полуосвѣщенный закоулокъ, гдѣ всѣ вѣшалки были уже переполнены. Онъ положилъ пальто Елкина на длинный и

Заглянувъ въ залу, онъ застегнулъ пиджакъ на верхнюю пуговицу и поднялся на эстраду, приставленную къ стѣнѣ, отдѣлявшей гостиную отъ залы. За нимъ протѣснились нѣсколько дамъ и адъютантъ. Конногвардеецъ, съ брошюрой въ рукахъ, оперся лѣвой рукой, въ замшевой перчаткѣ, о спинку простого черного стула.

VIII.

И Елкинъ приподнялся на своемъ креслѣ, чтобы по-смотрѣть: какой видъ представляетъ собою эта „моленная“. Ему заслоняли одинъ уголь двѣ женскихъ шляпки; но лѣвѣе онъ могъ свободно видѣть. Подъ эстрадой начиналась стѣна головъ, уходящая въ глубь залы; жепщины гораздо больше мужчинъ, молодыя, старыя, въ туалетахъ, эполеты, погоны, чиновничьи бритыя щеки, сѣдые старики, лысины, дѣтскія лица. А тамъ, за колоннами, въ полусвѣтѣ, силошная масса новыхъ головъ „простого народа“. Все смолкло и замерло въ ожиданіи.

Послышался голосъ съ эстрады. Елкинъ увидалъ, что это говоритъ блондинъ въ пиджакѣ.

— Номеръ третій!—донеслось до его слуха.

— Какой, какой номеръ? — начали переспрашивать около него.

Дама съ двумя дочерьми засуетилась, сунула брошюру въ руки одной изъ нихъ, сама схватила другую брошюру на столъ и начала торопливо перелистывать, повторяя:

— Le numéro trois, n'est ce pas? Le numéro trois? Sophie, n'est ce pas?

Елкина это заставило усмѣхнуться. Кто-то и ему протянулъ брошюру съ зеленой оберткой. Онъ взялъ, но не развертывалъ.

Съ эстрады раздалось медленное чтеніе вслухъ русскихъ стиховъ. Чтеніе было неискusstное, въ особомъ, чувствительномъ тонѣ, какой употребляютъ родители или гувернантки, когда хотятъ разжалобить дѣтей. Елкину не хотѣлось вслушиваться въ смыслъ этихъ стиховъ. Замѣтилъ онъ только, что рѣча хромала. Но его веселое, безобидное, почти дѣтское настроеніе не прекращалось.

Занграли на фисгармоникѣ,—должно-быть, на эстрадѣ же, вбокъ отъ того, кто прочелъ вслухъ стихи. Потому всѣ зашѣли, какъ въ кирахъ, слѣдомъ за каждымъ аккордомъ, не то, чтобы особенно хорошо, но и не фальшиво. Преобладали женскіе голоса. Медленный ритмъ,

повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ, однообразная мелодія убаюкивали Елкина за его гардиной.

„Вотъ бы такъ и заснуть навсегда,—думалось ему,—когда придетъ срокъ. Чтобъ ничто не тревожило и не возбуждало. Все равно, что они поютъ. Только бы не фальшивили“.

Черезъ минуту онъ добавилъ:

„Всѣ эти дамы, барышни, гвардейцы, помѣщики, салопницы, солдаты и апраксинцы,—всѣ хотятъ спастись, непременно спастись. Царствія небеснаго! Меньше имъ нельзя. Ну, и стараются, и поютъ, и будутъ, должно-быть, слушать длинную проповѣдь досужаго и добраго барина, желающаго всѣмъ сердцемъ спасти ихъ. Но вѣдь смерть для нихъ—тамъ, гдѣ-то за горами, въ туманѣ. А скажика любому изъ нихъ: ты приговоренъ, тебѣ жить два мѣсяца. Запоетъ ли кто? Да еще подъ музыку? Врядъ ли!“

Онъ не подсмѣивался надъ ними. Нѣтъ. Онъ видѣлъ и чувствовалъ одно: вѣчную потребность скрасить если не эту жизнь, то хоть то, что ждетъ тебя тамъ, гдѣ-то...

— Люди — человѣки! — прошепталъ онъ про себя, закрылъ глаза и впалъ въ сладкую дрему подъ гулъ проповѣди.

Она началась послѣ пѣнія. Ему слышался тотъ же картавый голосъ съ дворянской хрипотой, съ тѣми же чувствительными нотами, точно проповѣдникъ обращался къ малолѣтнимъ. Въ смыслъ онъ опять не вникалъ. Донесется до него какой-нибудь текстъ, не по-славянски, а на русскомъ языкѣ, или одна фраза повторяется два раза. И потомъ опять пойдетъ гулъ съ одними и тѣми же переливами голоса и, вѣроятно, съ возвращеніемъ къ главному доводу.

„Какъ усердствуетъ“,—замѣтилъ про себя Елкинъ и почувствовалъ, какъ у него по головѣ пошли мурашки перваго усиленія.

IX.

Переливы голоса смолкли. Елкинъ вышелъ изъ своей дремы и посмотрѣлъ на часы. Проповѣдь шла добрыхъ три четверти часа. Въ залѣ закашляли, засморкались, зажужали разговоры. Около него тоже раздалась болтовня шопотомъ, больше по-французски. Онъ всталъ и приблизился къ двери. Проповѣдникъ пожималъ руку дамъ, та, съ влажными, умиленными глазами, какъ-то присѣдала

Заглянувъ въ залу, онъ застегнулъ пиджакъ на верхнюю пуговицу и поднялся на эстраду, приставленную къ стѣнѣ, отдѣлявшей гостиную отъ залы. За нимъ протѣснились нѣсколько дамъ и адъютантъ. Конногвардеецъ, съ брошюрой въ рукахъ, оперся лѣвой рукой, въ замшевой перчаткѣ, о спинку простого черного стула.

VIII.

И Елкинъ приподнялся на своемъ креслѣ, чтобы по-смотреть: какой видъ представляетъ собою эта „моленная“. Ему заслоняли одинъ уголъ двѣ женскихъ шляпки; но лѣвѣе онъ могъ свободно видѣть. Подъ эстрадой начиналась стѣна головъ, уходящая въ глубь залы; жепщины гораздо больше мужчинъ, молодыя, старыя, въ туалетахъ, эполеты, погоны, чиновничьи бритыя щеки, сѣдые старики, лысины, дѣтскія лица. А тамъ, за колоннами, въ полусвѣтѣ, сплошная масса новыхъ головъ „простого народа“. Все смолкло и замерло въ ожиданіи.

Послышался голосъ съ эстрады. Елкинъ увидалъ, что это говоритъ блондинъ въ пиджакѣ.

— Номеръ третій!—донеслось до его слуха.

— Какой, какой номеръ? — начали переспрашивать около него.

Дама съ двумя дочерьми засуетилась, сунула брошюру въ руки одной изъ нихъ, сама схватила другую брошюру на столѣ и начала торопливо перелистывать, повторяя:

— *Le numéro trois, n'est ce pas? Le numéro trois? Sophie, n'est ce pas?*

Елкина это заставило усмѣхнуться. Кто-то и ему протянулъ брошюру съ зеленой оберткой. Онъ взялъ, но не развертывалъ.

Съ эстрады раздавалось медленное чтеніе вслухъ русскихъ стиховъ. Чтеніе было неискusstное, въ особомъ, чувствительномъ тонѣ, какой употребляютъ родители или гувернантки, когда хотятъ разжалобить дѣтей. Елкину не хотѣлось вслушиваться въ смыслъ этихъ стиховъ. Замѣтилъ онъ только, что рѣча хромала. Но его веселое, безобидное, почти дѣтское настроеніе не прекращалось.

Заиграли на фисгармоникѣ,—должно-быть, на эстрадѣ же, вбокъ отъ того, кто прочелъ вслухъ стихи. Потомъ всѣ запѣли, какъ въ киркахъ, слѣдомъ за каждымъ аккордомъ, не то, чтобы особенно хорошо, но и не фальшиво. Преобладали женскіе голоса. Медленный ритмъ,

повтореніе однихъ и тѣхъ же словъ, однообразная мелодія убаюкивали Елкина за его гардиной.

„Вотъ бы такъ и заснуть навсегда,—думалось ему,—когда придетъ срокъ. Чтобъ ничто не тревожило и не возбуждало. Все равно, что они поютъ. Только бы не фальшивили“.

Черезъ минуту онъ добавилъ:

„Всѣ эти дамы, барышни, гвардейцы, помѣщики, салопницы, солдаты и апраксинцы,—всѣ хотятъ спастись, не премѣнно спастись. Царствія небеснаго! Меньше имъ нельзя. Ну, и стараются, и поютъ, и будутъ, должно-быть, слушать длинную проповѣдь досужаго и добраго барина, желающаго всѣмъ сердцемъ спасти ихъ. Но вѣдь смерти для нихъ—тамъ, гдѣ-то за горами, въ туманѣ. А скажика любому изъ нихъ: ты приговоренъ, тебѣ жить два мѣсяца. Запоетъ ли кто? Да еще подъ музыку? Врядъ ли!“

Онъ не подсмѣивался надъ ними. Нѣтъ. Онъ видѣлъ и чувствовалъ одно: вѣчную потребность скрасить если не эту жизнь, то хоть то, что ждетъ тебя тамъ, гдѣ-то...

— Люди — человѣки! — прошепталъ онъ про себя, закрылъ глаза и впалъ въ сладкую дрему подъ гулъ проповѣди.

Она началась послѣ пѣнія. Ему слышался тотъ же картавый голосъ съ дворянской хрипотой, съ тѣми же чувствительными нотами, точно проповѣдникъ обращался къ малолѣтнимъ. Въ смыслъ онъ опять не вникалъ. Доносится до него какой-нибудь текстъ, не по-славянски, а на русскомъ языкѣ, или одна фраза повторяется два раза. И потомъ опять пойдетъ гулъ съ одними и тѣми же переливами голоса и, вѣроятно, съ возвращеніемъ къ главному доводу.

„Какъ усердствуетъ“,—замѣтилъ про себя Елкинъ и почувствовалъ, какъ у него по головѣ пошли мурашки нервнаго усыпленія.

IX.

Переливы голоса смолкли. Елкинъ вышелъ изъ своей дремы и посмотрѣлъ на часы. Проповѣдь шла добрыхъ три четверти часа. Въ залѣ закашляли, засморкались, зажужали разговоры. Около него тоже раздалась болтовня шопотомъ, больше по-французски. Онъ всталъ и приблизился къ двери. Проповѣдникъ пожималъ руку дамъ, та, съ влажными, умиленными глазами, какъ-то пристдала

передъ нимъ. Онъ отиралъ бѣлыми батистовыми платками крупныя капли пота на лбу.

— Не угодно ли туда?—обратился онъ опять къ Елкину и указалъ ему рукой на залу.

„Сдѣлаю я ему это удовольствіе“,—сказалъ Елкинъ мысленно и протискался къ первому ряду креселъ. Свѣтъ залы, послѣ пріятныхъ сумерекъ штофнаго салона, заставилъ его зажмуриться. Онъ остановился у эстрады, опершись о перила, потомъ раскрылъ глаза и сталъ искать, гдѣ бы ему присѣсть.

Противъ него, въ двухъ шагахъ, вся въ бѣломъ—она!—женщина портрета.

Онъ схватился за голову и невольно еще разъ закрылъ глаза. Она, она! Ея голова, волосы, глаза! И смотритъ на него вопросительно; а губы раскрылись, кротко смѣются, точно хочетъ она пожурить его:

„Откуда это ты вылъзъ? Причепшись, видишь—все хожее общество; ну, поди сюда, сядь около меня“.

Щеки его, а потомъ все лицо, зардѣлись его прохватила испарина. Никогда еще въ жизни онъ не бывалъ охваченъ такимъ припадкомъ стыда и смущенія. Ни на экзаменѣ студентомъ, ни мальчикомъ въ школѣ, ни передъ первой операціей камнесѣченія на трупѣ, когда онъ принималъ одну мышцу за другую и профессоръ довольно бѣдно подтрунилъ надъ нимъ. Никто бы не разувѣрилъ его въ эту минуту, что на него смотрятъ и знаютъ его секретъ. Еще двѣ секунды, и съ нимъ бы сдѣлалась дурнота. Онъ уже начиналъ чувствовать, какъ кровь отплываетъ отъ мозга, сердце замерло, въ рукахъ холодъ...

„Батюшки! какъ глупо, какъ нелѣпо! Срамъ!“

— Вотъ свободное мѣсто,—послышалось ему.

Первый звукъ этого голоса, съ свѣжей дрожью, точно вѣтерокъ, заставилъ его встряхнуться и овладѣть собою.

Господи! Это говорила она. Да, она и показывала ему головой на пустое кресло черезъ два мѣста отъ нея, на заворотѣ ряда, такъ что оттуда она будетъ видна. Онъ однимъ шагомъ опустился въ кресло и глубоко вздохнулъ. Лицо и голова его были влажны. Но онъ уже не могъ оторвать отъ нея глазъ. Она сидѣла къ нему въ полъ-оборота, какъ на портретѣ, только съ другой стороны. Въ ушахъ горѣли крупныя, ввинченныя брильянты, на шеѣ густое ожерелье, на рукахъ, въ длинныхъ шведскихъ перчаткахъ, два массивныхъ матовыхъ браслета.

Она любитъ украшенія. Что жъ тутъ удивительнаго? Эти брильянтоваыя пуговицы въ ушахъ не затмеваютъ прозрачнаго блеска ея глазъ, вечеромъ совсѣмъ черныхъ, а только выставляютъ ихъ живую, трепещущую, глубокую прелесть. Бѣлое кашемировое узкое платье облило ее. Художникъ овладѣлъ на портретѣ ея лицомъ; но онъ пренебрегъ станомъ, плечами, волнистыми липіями груди. Онъ слишкомъ задрапировалъ ее. А такое тѣло—само здорovie, сама красота, нѣга!..

И Елкинъ чуть не вслухъ выговорилъ—не восторженный стихъ поэта, а трезвое латинское изреченіе, давно вычитанное имъ. Но слова этого изреченія показались ему прекрасной, свѣтлой мудростью; они были счастливымъ отголоскомъ того, что онъ уже испыталъ отчасти, глядя на античную группу салона. Да, великая истина въ этихъ сухихъ словахъ: *Venustas et pulchritudo corporis secerni non potest a valetudine!*..“

Онъ позналъ, что такое значить, когда все окружающее пропадетъ, сойдетъ съ поля зрѣнія и одинъ предметъ поглотить васъ до уничтоженія васъ самихъ. Его гнѣющій, близкій къ разрушенію тѣлесный остовъ нѣлъ гимнъ этому роскошному, блистающему чаду природы. Умирая, онъ благословлялъ его на долгій и радостный путь. А самъ покорно исчезалъ, благодарный за такую минуту внезапнаго откровенія красоты, здоровья и творческой силы. Это было выше всего, о чемъ Елкинъ когда либо мечталъ. Да онъ и не мечталъ никогда ни о чемъ подобномъ. И не будь онъ приговоренъ къ смерти, онъ не былъ бы способенъ на такое чувство...

Въ залѣ примолкли. На эстраду вошелъ опять блондинъ и та дѣвушка въ сѣромъ платьѣ, которую Елкинъ примѣтилъ при входѣ въ гостиную. Она сѣла за фисгармонику.

— Номеръ шестой!—выговорилъ громко проповѣдникъ.

Листы зашуршали. Елкинъ смотрѣлъ только на нее. Она откинула голову назадъ. Къ ней наклонился небольшого роста франтоватый мужчина съ подстриженной сѣдой бородкой и очень высокими воротничками. Онъ взялъ у ней брошюрку, привычной рукой развернулъ и указалъ на номеръ. Она поблагодарила его глазами, и какъ будто серьезно ушла въ чтеніе стиховъ. Но глаза сіяли не изувѣрствомъ, а радостью жизни. Елкину видно было, какъ ея губы про себя выговаривали стихъ, медленно, слѣди

проповѣдникомъ. Онъ нашелъ тотчасъ номеръ пѣсни и сталъ выговаривать вслѣдъ за нею. Вотъ они произносили одно и то же слово. Она произнесла въ одинъ разъ съ нимъ: и эти „жемчужинки живыя“, и „небесное царство“, и два раза это ничего не значащее „словно“, отъ котораго онъ въ другое время расхохотался бы на всю залу.

Дѣвица въ сѣромъ взяла аккордъ. Опять начали пѣть, какъ и въ началѣ вечера, звукъ за звукомъ. И она поетъ. Ротъ ея раскрывается. Рѣсницы опущены, и вдругъ поднимаются и пустятъ лучи, пастоящіе лучи, въ параллель съ огнемъ брильянтовыхъ пуговицъ. Развѣ не для него и не для нея отысканъ этотъ текстъ въ пѣсенѣ—номеръ шестой? „Подобно камнямъ въ вѣнцѣ, они возсіють“. А она развѣ не самоцвѣтный камень, стоящій цѣлаго царства? Она-то и есть та *жемчужинка*, о которой поютъ всѣ эти петербуржцы, страдаемые тоской и тяжестью сѣренькой, болотной, тупой, безпроглядной жизни. Но одинъ онъ видитъ, что это за жемчужина.

И Елкинъ пѣлъ, не отрывая отъ нея глазъ:

„Онъ вернется, Онъ вернется
На землю, Царь славы
Взять жемчужинки живыя,
Любимыя Имъ“.

Кто онъ? Какой царь славы? Ничего онъ этого не знаетъ, да и не надо ему знать. Онъ пѣлъ для нея, онъ пѣлъ ей—слова ему подложили. Кто же жемчужинка, коли не она? И онъ сливается съ нею въ одно дыханіе, въ одинъ звукъ. Какого еще блаженства?..

Дальше, дальше... Онъ повторялъ все ту же мелодію. Ему она сдѣлалась дорогой, милой. Каждое слово имѣло для него свой смыслъ:

„Словно ясныя звѣзды
На небѣ сверкаютъ,
Такъ онъ возсіють
На царскомъ вѣнцѣ“.

Что за бѣда, что это лепетъ какого-то дитяти, плохо обученнаго грамотѣ!.. Голосъ Елкина крѣпчалъ; сладкую дрожь чувствовалъ онъ въ груди. Онъ пѣлъ настоящимъ голосомъ... Или ему казалось такъ. А развѣ это не все равно?

„Онъ возьметъ ихъ, Онъ возьметъ ихъ
Въ небесное царство“;

Отъ земли Онъ соберетъ ихъ,
Любимыхъ своихъ,
Словно“...

Почему „словно“? Что это значить? Онъ не спрашивалъ. Жалобный пригвѣсъ съ преобладаиємъ женскихъ голосовъ хваталъ его за сердце. Не его ли это хоронить? Что жъ, пускай поютъ. Но нѣтъ. Вѣдь это ее долженъ взять „царь славы“, какъ свою любимую жемчужину... Ее? Теперь?! Слезы брызнули у него изъ глазъ. Онъ не могъ продолжать. А если бъ она умерла вмѣстѣ съ нимъ, въ одинъ мигъ? Никому бы не досталась, никому! Его тѣло будетъ разлагаться въ гробу, а она, благоуханная, въ кружевахъ, съ этими брильянтами въ ушахъ, вся теплая и трепетная, съ опьяняющимъ волшебствомъ взгляда, улыбки, мраморно-прекрасныхъ рукъ раскроетъ свои объятія другому?! И непременно раскроетъ. Злость, ярость мужчины закипѣла въ немъ, стала въ горлѣ, точно заперла его. Елкинъ судорожно засунулъ руку подъ воротъ рубашки и оттянулъ его.

Въ залѣ пѣли послѣднй куплетъ. Онъ прислушался; но не могъ слѣдить влажными глазами по брошюрѣ:

„Кто изъ дѣтокъ, кто изъ дѣтокъ
Спасителя любить,
Тѣ жемчужинки живыя,
Любимыя Имъ,
Словно“.

Это наполнило его опять. О себѣ онъ уже не думалъ. Она—„любимая“. Кто же можетъ не любить ее? Та, кто создалъ ее, сама безконечная природа должна ежесекундно любоваться ею, какъ самоцвѣтнымъ камнемъ на „царскомъ вѣнцѣ“.

Опять протянулась жалобно-восторженная нота, пропѣтая сотнями голосовъ, и долго стояла въ ушахъ Елкина.

Задвигали креслами. Служба кончилась. Красавица встала. Всталъ и онъ, но не смѣлъ тронуться. Сѣденькй господинъ, въ высокихъ воротничкахъ, подалъ ей руку. Они прошли мимо него. Шлейфъ ея платья коснулся его ногъ. Она обернулась къ нему и такъ же ласково, какъ первую свою фразу, насчетъ свободнаго мѣста, выговорила:

— Извините, пожалуйста.

Елкинъ чувствовалъ, что онъ стоитъ съ разинутымъ ртомъ и безумными глазами

Но пара скрылась въ дверяхъ гостиной. Елкинъ бросился вслѣдъ. Выходили медленно и чинно, гуськомъ. Ея голова, прядь локоновъ, ползущая по спинѣ, брильянтовая пуговица праваго уха влекли его. Онѣ не могли скрыться отъ него. Если бъ онъ упустилъ ихъ изъ вида, то чувствовалъ бы ихъ близость.

Какъ онъ любовно обращался къ этой штофной гостиной, ко всему этому дому. Ему, иначе какъ для курьеза, неприлично было бы посѣщать такую „моленную“ Встрѣться съ нимъ товарищъ-медикъ, надо бы непременно увѣрить его:

— И я, братъ, тоже, для потѣхи.

И онъ солгалъ бы. Никакой потѣхи онъ не доставлялъ себѣ. Онъ благословлялъ устроителя этого фребелевскаго сада богоисканія. Гдѣ же бы онъ встрѣтилъ ее иначе?..

Въ сѣняхъ сѣденькій баринъ подозвалъ ливрейнаго лакея и сталъ выѣсть съ нимъ подавать ей плащъ и бѣлый вязаный платокъ. До Елкина не доносилось ихъ разговора.

„Мужъ?“—спросилъ онъ себя, и тотчасъ же отвѣтилъ:— „Нѣтъ“.

Баринъ пожалъ ей руку, а потомъ поцѣловалъ поверхъ перчатк. Она скоро, нагнувъ немного голову, сбѣжала по ступенькамъ. Лакей подсадилъ ее въ карету, собственную, парой въ шорахъ. Елкинъ забылъ даже, что онъ безъ пальто. Но бѣжать къ швейцару, взять извозчика, догонять?.. А потомъ? Или спросить у швейцара? Къ чему? Развѣ онъ можетъ явиться такъ?.. А если бъ и можно было? Вѣдь ему жить—два мѣсяца „цѣлѣбно“. А то и меньше.

Пальто Елкина лежало одиноко на длинномъ полированномъ столѣ темнаго лака.

— А я ужъ сомнѣвался,—сказалъ ему швейцаръ.

Все опустѣло. На улицѣ стояла ночь.

Х.

Но портретъ—на выставкѣ. Смотрѣть на него позволяютъ съ ранняго утра до пяти часовъ. На другой день Елкинъ пролежалъ и былъ такъ слабъ, что не могъ держать книги въ рукахъ. Эта слабость не досаждала ему. Никакихъ мыслей, заботъ, опасеній, соображеній не бороздило его мозгъ. Всплывалъ одинъ образъ, но уже не половинный, какъ тамъ, на портретѣ, а во весь ростъ,

съ гармоніей цѣлаго, съ движеніями, то плавными, то игривыми... Ничего больше. Науки точно не существовало, студентовъ, желанія работать на ихъ пользу—до самой смерти. И ему не совѣстно. Изнутри поднимается точно какая волна, подливается, наполняетъ сердце, а губы лепечуть одно слово. Какое? Онъ не знаетъ. Любовь ли это? Голова не можетъ спрашивать. У ней нѣтъ на это ни силъ. ни охоты.

На слѣдующее утро Елкинъ всталъ и началъ одѣваться съ намѣреніемъ идти въ Большую Морскую. Пошелъ онъ пѣшкомъ. Утро стояло свѣжее, почью морозило, сухой воздухъ рѣзалъ ему грудь. Зато солнце играло и тѣшило его глаза нарядной вереницей домовъ. Ноги передвигались, но такъ медленно. Нетерпѣніе взяло его. Онъ нанялъ извозчика за Пассажемъ и все понукалъ.

Каждый день будетъ онъ ходить. Съ этимъ и сойдетъ въ могилу. Никого онъ не обезпочитъ, никого не смутитъ. На портретъ всякій воленъ смотрѣть хоть по цѣлымъ часамъ. Съ этой мыслью онъ поднялся по лѣстницѣ музея. Та же кассирша приняла отъ него входную плату. Служитель призналъ его и поклонился. Посѣтителей еще никого не было.

Гдѣ же мольбертъ съ портретомъ? Исчезъ! Елкинъ кинулся вправо, влѣво, обѣжалъ всѣ залы—нигдѣ!...

Это его ошеломило, ударило обухомъ. Смертельная бѣда стряслась съ нимъ. Онъ готовъ былъ зарыдать. Какъ же это? Недѣли не прошло? Портретъ былъ тутъ! И вдругъ нѣтъ! Онъ задавалъ себѣ эти вопросы, не понимая, что они бессмысленны. Былъ портретъ или картина, а потомъ прибрали, или продали, или взяли къ себѣ назадъ художникъ. Это вѣдь не былъ портретъ. Онъ теперь только сообразилъ. Платье, шляпка, украшенія—все это смотрѣло картиной. Ну, и купили.

Проходилъ служитель. Елкинъ подошелъ къ нему, хотѣлъ обо всемъ разспросить и промчалъ что-то. Его охватилъ стыдъ. Какъ онъ будетъ разспрашивать объ ней? Заставить сторожа рассказывать точно о какомъ диванѣ или скамейкѣ, которая все стояла, а потомъ ее прибрали!..

Присѣлъ онъ на стулъ. Все въ немъ разомъ рухнуло, опустилось, въ погахъ—смертельная слабость, воздуху въ легкихъ—ни одного пузырька. Дойдетъ ли онъ до лѣстницы? Малодушно-боязно стало ему своей немощи. Ра-

зомъ потерялъ онъ всякую надежду даже на то, что онъ можетъ еще ходить, говорить, мыслить.

Держась дрожащей рукой за перила, сталъ онъ спускаться. Швейцаръ долженъ былъ натянуть на него пальто и застегнуть. Видъ посѣтителъ заставилъ швейцара усомниться:—можно ли отпустить его одного пѣшкомъ.

— Не прикажете ли скликать извозчика?—спросилъ онъ.

Но глаза Елкина заискрились. Вѣдь онъ можетъ пойти въ „моленную“! Она тамъ будетъ. Будетъ ли? Нѣтъ, она не изъ этой секты. Разъ она пріѣхала, попѣла, но постоянно не бываетъ. Это для него—неоспоримо. И глаза опять посоловѣли. А художникъ! Кто—художникъ? Это знаютъ здѣсь. Тотъ же швейцаръ знаетъ. Къ художнику поѣхать, сказать ему прямо:

— Облагодѣтельствуйте, дайте посмотрѣть еще разъ!

Елкинъ вскрикнулъ отъ радости. Онъ спросилъ, сейчасъ же, чья это картина стояла въ первой залѣ, влѣво, на мольбертѣ?

Швейцаръ, безъ запинки, отвѣтилъ:

— Въ воскресенье увезли. Профессора Рощина.

Рощинъ, Рощинъ!—заиграли мысли въ головѣ Елкина. Звукъ знакомый. Ну, да, онъ его знаетъ, Рощинъ! Такой бойкій! Борода, острые глаза.

И ему вспомнился вполне отчетливо, до посылки за границу, этотъ Рощинъ въ клиникѣ. Напоролся на сукъ, въ лѣсу, поджидая какого-то звѣря. И Елкинъ—ассистентомъ, осматривалъ его по два раза на дню.

„Онъ! Онъ самый!“

— Гдѣ живетъ этотъ профессоръ? Знаете?—съ дрожью въ голосѣ спросилъ Елкинъ.

Швейцаръ тотчасъ далъ адресъ

XI.

— Здѣсь профессоръ Рощинъ живетъ?—спрашивалъ Елкинъ въ сѣняхъ новаго, богато-отдѣланнаго дома, на набережной, у сѣденькаго швейцара изъ нѣмцевъ.

— Профессоръ?—переспросилъ тотъ. — Рощинъ --- художникъ—вверхъ.

— Ну да, ну да,—назойливо повторялъ Елкинъ, обрадовавшись, что нашелъ.—Дома?

— Должно-быть, дома.

Швейцаръ сейчасъ же позвонилъ и попросилъ Елкина *спуститься внизъ* калоши, чтобы не топтать ковра. У подъема

на лѣстницу стояли два массивныхъ канделябра, подъ античную бронзу. Елкинъ поглядѣлъ на нихъ и подумалъ:

„Вотъ онъ какъ разжился!“

Подниматься ему было тяжело, даже такъ тяжело, что онъ сидѣлъ на двухъ площадкахъ. На первой, сквозь зеркальныя стекла, онъ видѣлъ переднюю большой квартиры. На подзеркальникахъ лежало нѣсколько военныхъ фуражекъ съ яркими околышами. Въ залѣ, мимо дверей и черезъ переднюю, проходили молоденькіе офицеры—одинъ гусарь, другой уланъ, два юнкера. Бряцанье ихъ шпоръ слышалось сквозь стѣну. Солнце играло въ зеркалѣ. Лучъ его проникалъ изъ залы. Квартира смотрѣла ужасно веселой, праздничной и какъ-то офицерски-молодой.

На второй площадкѣ Елкинъ посидѣлъ поменьше. Надъ нимъ изъ квартиры Рощина пріотворилась уже дверь. Освѣщеніе было сверху, черезъ стеклянную крышу. Изъ дверей выглядывало морщинистое, усатое лицо пожилого лакея въ коричневой визиткѣ.

Онъ ждалъ гостя. Елкинъ сталъ поспѣшно подниматься на послѣдній рядъ ступенекъ. Наверху онъ зашатался. Лакей, въ недоумѣніи, поддержалъ его и проговорилъ хмуро:

— Вамъ кого?

— Профессора Рощина.

Елкинъ отдышался, прислонившись къ периламъ.

— Вотъ моя карточка. Доложите.

Человѣкъ впустилъ его въ переднюю и лѣнивыми шагами скрылся въ коридорѣ.

— Проси, проси!—крикнулъ звучный мужской голосъ.

У Елкина даже въ ушахъ пропорхнула пріятная дрожь.

Въ первой комнатѣ, окнами на рѣку, съ голубой мебелью, просторной, улыбающейся, прибранной точно будуаръ молодой женщины, ему пожималъ руку художникъ.

— Какъ же, какъ же!—заговорилъ онъ своимъ высокимъ баритономъ, — помню васъ и до сихъ поръ спасибо говорю! Ухаживали вы за мной, точно сидѣлка. Вотъ это славно, что надумали меня отыскать и зайти. Да еще утѣрчкомъ, да еще съ такимъ неаполитанскимъ освѣщеніемъ. Каковъ денёкъ-то? Даромъ, что сентябрь, а? Вотъ и подите: какія съ нашимъ братомъ Петербургъ шутки шутить!

Художникъ остановился и боковымъ, быстрымъ и точнымъ взглядомъ окинулъ лицо и всю фигуру своего гостя.

Елкинъ тоже поглядѣлъ на него, въ эту минуту, и въ глазахъ Рощина прочелъ свой приговоръ.

„И ты сразу догадался“,—подумалъ онъ, и улыбнулся ему.

— Я присяду, — сказалъ онъ, сдерживая припадокъ кашля.

— Да и я тоже хорошъ! Садитесь, голубчикъ. Вотъ сюда, на этотъ диванчикъ. Ну, какъ вы?

Слова опять замерли на губахъ живописца. А Елкинъ подавилъ щекочущее чувство въ горлѣ и съ особымъ удовольствіемъ продолжалъ разсматривать голову, все тѣло, туалетъ, золотыя вещи Рощина.

Онъ бы его не сразу узналъ. Передъ нимъ стоялъ настоящій русскій молодецъ, съ русой, слегка вьющейся бородой и такими же кудреватыми, не длинными волосами. На лбу волосы нѣсколько порѣдѣли и еще болѣе открывали высокий, изящный, красиваго подъема, замѣчательный бѣлый лобъ. Но всего болѣе нравились ему глаза Рощина. Они смѣялись и точно ловили краски, линіи, выраженіе. Это чувствовалось сразу. Глаза были сѣрые, какіе всего чаще встрѣчаешь у ярославскихъ крестьянъ-питерщиковъ. Въ остальномъ лицо не отличалось никакой особой красотой. Одѣвался Рощинъ безъ претензій артиста, но любилъ характерные покрои, и въ томъ, какого цвѣта выбралъ онъ галстукъ, какъ завязалъ его, въ складкахъ домашнего сюртука, въ запонкахъ, въ рисункѣ утренней цвѣтной рубашки изъ плотнаго оксфорда—сквозила потребность художника.

— Молодцомъ вы!—заговорилъ и Елкинъ.—Какъ работаете, какъ живете! И здоровье у васъ какое—загляденье!..

— Ничего, ничего! Дѣлишками доволенъ. Только Петербургъ одолеваетъ. Вотъ въ прошломъ году квартиру эту нашелъ. Ну, кусается, — на такомъ мѣстѣ. Видъ. Мастерская тутъ же. Я сейчасъ вамъ покажу. И вдругъ—вы помните, небось?—два мѣсяца точно киселемъ какимъ небо-то вымазано было. Цвѣтъ на всемъ—дымъ съ изгарью, желтый туманъ. Пинешь въ этой изгари: портреты, картины, эскизы. Проглянешь солнышко—обольетъ всѣ твои холсты — какъ взгипнешь. Мерзость! Отвратъ! Ни одной живой краски. Хотъ въ печку! А это все заказы, къ спѣху! Какъ быть? Обидно и горько. Что жъ бы вы думали? Въ разгаръ зимы—работищи куча—все это побросалъ—и

въ Парижъ. Тамъ холодъ, руки въ волдыряхъ; знаете эти... анжелюры... Но солнце бываетъ. И натурщицы есть. Тамъ только и двинулъ впередъ свою большую вещь, а здѣсь пробавляюсь портретами...

Онъ говорилъ скоро, но съ мелодіей московскаго говора, какъ-то подмывательно. Елкину стало еще пріятнѣе отъ близости этого человѣка.

— Молодцомъ!—повторялъ онъ.

— Ну, а вы какъ?—Знаю, профессоръ... Здоровьище-то какъ? Не первый сортъ? Вамъ бы на югъ. Вѣдь здѣсь черезъ двѣ недѣли—адъ кромѣшный.

Елкинъ только усмѣхнулся. Художникъ понялъ эту усмѣшку.

— Портретикъ, что ли?

И прибавилъ мысленно: „Не поздно ли, другъ, задумалъ?“

— Портретикъ! — размѣялся Елкинъ. — Шутникъ вы. Нѣтъ, я по другому. Одна ваша работа...

— Заинтересовались? — перебилъ его Рошинъ, и глаза его пошли точно иглами. — Что жъ, это лестно. Не хотите ли взглянуть на текущія работы? И квартирой похвастаюсь. Нѣсколько лѣтъ собиралъ. Брикъ-а-бракъ люблю. Не всѣ у насъ любятъ; а я люблю. Думаю, что художнику непростительно жить какъ чиновнику изъ комиссаріата.

XII.

Рошинъ подхватилъ его и повелъ въ мастерскую. Они вступили въ обширный—четыре окна на рѣку—салонъ, гдѣ свѣтъ покрывалъ теперь всю заднюю стѣну и переливалъ по сотнѣ выпуклостей, драпировокъ, позолоты, скульптурныхъ вещей, металлическихъ блюде и золотыхъ кубковъ, развѣшанныхъ по стѣнамъ. Старые гобелены отражали солнце блѣдными, желтыми и розоватыми отблесками своихъ поблеклыхъ красокъ. Въ нихъ было что-то нѣжное, тихо улыбающееся, неумовимо изящное, рядомъ съ яркими чувственными занавѣсами изъ восточныхъ атласистыхъ полосъ и бархатныхъ ковровъ, развѣшанныхъ тамъ и сямъ. Картины, начатые портреты, эскизы безъ рамокъ лежали, висѣли и стояли на мольбертахъ и подставкахъ. Сверху опускалась лампа-люстра старой бронзы. Шаръ, посерединѣ ея, бросалъ острые

лучи на полъ и на ближайшую черную раму одного портрета.

— Покажите, покажите!—попросилъ Елкинъ, кивнувъ головой на портретъ.

— Сейчасъ, сейчасъ. Минуточкой. Въ столовую и кофейную мою заверните, голубчикъ.

Въ столовой старинный фаянсъ и фарфоръ, по стѣнамъ и въ двухъ рѣзныхъ черныхъ шкапахъ, придавалъ небольшой комнатѣ настроеніе и складъ художественнаго хранилища. Кофейная — вся въ арабскихъ лѣтнихъ тканяхъ, укутанная сверху до низу, гдѣ самый звукъ голоса сейчасъ же упалъ и смягчился — обдала Елкина разрѣженнымъ воздухомъ.

— Тамъ, въ мастерской, вольѣ дышать,—сказалъ онъ.

Они вернулись туда. Отъ этихъ впечатлѣній у Елкина пошли круги передъ глазами. Онъ тяжело опустился на старинную табуретку. Но ему стало сейчасъ же хорошо. Онъ испытывалъ начало сильнаго нервнаго возбужденія. Въ такой прекрасной декораціи ему надо говорить и разспрашивать о ней. Сердце застучало въ груди.

— Одобряете?—спросилъ художникъ.

— Еще бы!.. А у меня къ вамъ просьба.

— Все, что угодно.

Нетвердо, отводя глаза отъ Рощина, Елкинъ объяснилъ, что ему хочется насладиться еще портретомъ женщины, которую—онъ этого не скрылъ—видѣлъ и живую.

Художникъ сначала разсмѣялся и потрепалъ гостя по плечу, стоя надъ нимъ.

— Такъ вы вотъ какъ?.. А?.. Что жъ? Хорошо. Вкусъ прекрасный! Это, голубчикъ, первая женщина въ Питерѣ. Намъ можете повѣрить. Только вотъ вѣдь въ чемъ штука...

Елкинъ испуганно и жалко поглядѣлъ на него.

— На выставку портретъ попалъ случайно. Просили тамъ. Онъ не продажный. Это былъ заказъ.

— А не картина? Вѣдь въ костюмѣ? — пролепеталъ Елкинъ.

— Точно. Въ костюмѣ. Она такъ одѣвалась на костюмированный балъ. И что это за прелесть, я вамъ скажу! Какое чувство художественное! И умница, и веселая, и дѣтокъ какъ любить...

— Дѣтокъ?—вырвалось у Елкина.

— Да, у ней цѣлыхъ трое. Мужъ хорошій господинъ, суховатъ немного, знаете—изъ здѣшнихъ петербургскихъ

выкормковъ: но ничего... Какъ же быть-то? Портретъ для мужа и писанъ. У него въ кабинетѣ виситъ. Надъ письменнымъ столомъ. Поѣдемте къ нимъ. Я васъ представлю. Люди хорошіе. Модиятся, но не очень.

— Нѣтъ, нѣтъ!—замоталъ Елкинъ головой.

— Ахъ, батюшки, да что же это я? Совсѣмъ точно отшибло. Вѣдь если вы почувствовали сразу эту несравненную прелесть, такъ вотъ вамъ она въ другомъ видѣ.

— Какъ? — почти захлебнувшись, выговорилъ Елкинъ.

— Я ея портретъ пишу. Ужъ настоящій, во весь ростъ, и дѣтки будутъ. Тѣхъ послѣ. Знаете, съ ребятишками — комиссія.

Елкинъ поднялся. Художникъ подошелъ къ одному изъ мольбертовъ. Портретъ, длинный въ ширину, былъ завѣшенъ. Когда Рошинъ отдернулъ темный коленкоръ, изъ загроможденнаго фона, въ лѣвомъ углу полотна, выдѣлилась, точно выплыла, въ столбъ солнечнаго свѣта, ея голова, наклоненная, смотрящая нѣсколько внизъ, съ распущеннымъ локономъ вдоль правой щеки. Только голова и была отдѣлана съ шеей и высокой фрезой изъ прозрачнаго тюля.

— Ну какъ, ну какъ?—торопилъ Рошинъ.—Она живая или нѣтъ?

— Живая! — трепетными губами повторилъ Елкинъ.

Его наполнило глубокое, благодарное чувство къ художнику.

— Вотъ такіе портреты я радъ писать! — продолжалъ Рошинъ; но гость его не слушалъ.— Это — натура. А то, голубчикъ, меня одолѣли наши барыни. Одной улыбка удается, или розацъ хорошо вплететь... а за ней и всѣ пошли. И чтобъ непременно такая же улыбка. Критика ругается. На пятацтынные, говорятъ, размѣниваешь талантъ. Картины пиши! А какъ тутъ писать, когда солнце-то отпущается намъ про великій праздникъ?..

„Мать, трое дѣтей, мужъ, — повторилъ про себя Елкинъ.— Да, глаза смотреть на ребенка. Такъ улыбается только мать двадцати двухъ лѣтъ. Она сама его кормила. И двухъ остальныхъ. Но мужа не надо въ картинѣ. Не надо. Это — оскверненіе! Да его, слава Богу, и не будетъ“.

— Докторъ! — крикнулъ ему въ ухо Рошинъ, — да вы въ экстазѣ! Какъ васъ забрало. И счастливычкъ же вы, — знаете что?

— Что?

— Главнаго-то я вамъ и не досказалъ. Она черезъ десять минутъ здѣсь будетъ.

— Здѣсь?

Воздухъ совсѣмъ изсякъ въ груди Елкина. Онъ схватился за горло, но опять поборолъ малодушное чувство. Ему захотѣлось бѣжать. Онъ не выдержитъ ея взгляда. Какъ же это? Сейчасъ? Она будетъ тутъ, въ этой мастерской! Умрешь! А отчего бы и не умереть? Славно! Онъ сдѣлалъ глубокую и сладкую передышку.

— Что, голубчикъ!.. Задалъ я вамъ баню? Ха-ха-ха!..

Рощинъ опять потрепалъ его по плечу. Его искренняя веселость, точно пѣнистое вино, подлила догорающему тѣлу больного нѣсколько драгоценныхъ капель жизни.

— Я, ничего,—сумѣлъ выговорить Елкинъ и отеръ лобъ.

Рѣзкій звонокъ швейцара заставилъ ихъ обоихъ обернуться.

— Она!.. Ну, не трусить... Небеса—въ одномъ взглядѣ! Вы въ сорочкѣ родились, докторъ.

XIII.

Шелестъ платья, чуть слышный тукъ-тукъ походки по ковру. Портьеру откинулъ Рощинъ. Въ дверяхъ стояла она, въ блѣдно-голубомъ пеньюарѣ, съ фрезой. Кружева и ленты извивались вдоль ея стана до самого пола. Въ волосъ вилетена бархатка, одинъ локоть отброшенъ.

Дрожь, неудержимая, страшная и сладкая пробѣжала по тѣлу Елкина. Онъ стоялъ у мольберта и схватился рукой объ уголъ портрета.

Глаза красавицы вопросительно, но не сердито, обратились къ хозяину.

— Извиненія прошу, — пріятельскимъ тономъ заговорилъ Рощинъ.—Нарушилъ нашъ пароль. Вы добрая. Сейчасъ поймете.

„Онъ меня выдастъ!“—испугался Елкинъ и замеръ.

— Докторъ Елкинъ зашелъ ко мнѣ неожиданно. А онъ мнѣ жизнь спасъ...

— Какъ? — радостно и удивленно спросила она, и сейчасъ же узнала Елкина.

— Да такъ, отъ раны лѣчилъ. И какъ лѣчилъ! Я бы его долженъ былъ прогнать. Заговорились, да если бъ вы знали...

Рощинъ спохватился и только встряхнулъ волосами.

Елкинъ сдѣлалъ два шага къ двери и чуть слышно вымолвилъ:

— Я сейчасъ.

— Я васъ не гоню, — сказала она и пригладила себѣ рукой волосы. — Мы еще успѣемъ. Идѣ да, Валентинъ Александровичъ?..

— Съ вами десять минутъ стоить цѣлаго сеанса. Ручку-то пожалуйте.

И онъ, на ходу, поцѣловалъ протянутую ему руку. Портретъ былъ уже завѣшенъ.

— Мы не очень быстро двигаемся, — сказала она, и обернулась лицомъ къ Елкину.

Его видъ поразилъ ее. Глаза потухли на мгновеніе. Жалость схватила ее.

— Докторъ, черезъ пять минутъ мы васъ удалимъ. Присядьте—гостя будете,—обратился Рошинъ къ ней. — А у меня ничего не приготовлено. Простите, голубушка. Я мигомъ!

И онъ выбѣжалъ изъ мастерской.

Двѣ-три секунды стояло молчаніе. Елкинъ не въ силахъ былъ говорить. Ему почуялось, что воздуху у него нѣтъ уже ни капли, говорить нечѣмъ. Онъ смотрѣлъ на нее, чего-то ожидая. Только бы уйти отсюда, или со-всѣмъ изъ жизни и унести ее съ собой въ глазахъ, въ мозгу. Это такъ и бываетъ со всѣми осужденными на казнь. Онъ читалъ.

Она подалась къ нему на два шага и улыбнулась.

— Сядьте, пожалуйста, докторъ. Вы устали. Вы... больны?

Елкинъ послушался какъ дитя. Она нагнулась къ нему и спросила:

— Вы были въ то воскресенье тамъ?..

— Въ моленной?

— Какъ?..—Она тихо засмѣялась. — Да, въ моленной?

— Былъ.

— Я васъ узнала.

Вотъ она беретъ табуретъ и садится противъ него, близко-близко. Глаза у него застилаютъ и сквозь туманъ свѣтятся зрачки ея глазъ, и блеститъ ротъ, и жилки просвѣчиваютъ подъ кожей. Въ мастерской еще прибыло свѣту. Ему кажется, что все это грѣзы.

И вдругъ онъ опустился на коверъ, ноги согнулись, руки вытянулись къ ней. Надломленный, онъ зарыдалъ и

приложился губами къ ея платью. Его опьянило, въ головѣ стучить. Онъ уже не слышитъ, что произносятъ его губы.

— Я трупъ,—шепталъ онъ, силясь вдохнуть побольше воздуха.— Я мертвецъ. Мнѣ жить недѣлю, двѣ... а то и два часа. Вы слышите... Никогда не любилъ... Увидѣлъ васъ тамъ... на выставкѣ... портретъ. Рощина работа. Жемчужина... Они пѣли: вы—жемчужина... Живите. Простите. Я грязь. Я гниль. Не позволяйте мнѣ цѣловать ваши колѣни. Заражу васъ...

Она не отшатнулась. Краска покрыла ея лицо, а глаза съ испугомъ и умиленіемъ согрѣвали этого человѣка, въ агоніи, въ невиданномъ ею возбужденіи страсти, восторга, просвѣтлѣнія...

— Что вы, что вы?—вырвалось у ней.

— Красота, красота! Я — въ гробу, вы видите. Милостыню прошу, милостыню... еще разъ поглядѣть... У васъ любовь святая, дѣтская. Но вѣдь я милостыню! И благословлю...

Онъ схватилъ ея руку, поцѣловалъ два раза безумно-радостно и отшатнулся, съ ужасомъ въ закатывающихся зрачкахъ.

— Сотрите!.. — шепталъ онъ угасающимъ голосомъ, — сейчасъ! Прилипнетъ!..

Руки ея протянулись къ нему. Голова Елкина упала вѣтвомъ на плечо, и все тѣло рухнуло на бокъ, къ ногамъ ея. Она бросилась на полъ, поглядѣла ему въ глаза, схватила машинально за руку, вскрикнула и лишилась чувствъ.

Роцинъ вбѣжалъ съ палитрой и ящикомъ. Ящикъ выпалъ у него изъ рукъ. Онъ все понималъ. Елкинъ былъ — трупъ. Красавица проснется...

Онъ стоялъ все съ палитрой, которая такъ и застыла на большомъ пальцѣ лѣвой руки. Мертвецъ у него въ квартирѣ! Молодая женщина, бездыханная, на полу. Но испуга не было въ сѣрыхъ иглистыхъ глазахъ артиста. На губахъ вспыхнула улыбка. Все лицо, вся поза говорили, какъ художникъ внезапно и могуче овладѣлъ человѣкомъ: онъ любовался. Картина была найдена!..

ПРИСТРОИЛСЯ.

(повѣсть.)

I.

Отставной унтеръ-офицеръ Грибцовъ стоялъ у зеркала, около перегородки для вѣшанья платья, и смотрѣлъ на свѣтъ старческими сѣрыми глазами. Онъ еще держится на ногахъ; но его уже сильно погнуло; по щекамъ пошли красныя жилки, брови повылѣзли. Къ нему приставлены два мальчика и молодой малый изъ уланскихъ вахтеровъ. Это обижаетъ старика. Когда поднимется по широкой парадной лѣстницѣ кто-нибудь изъ давнишнихъ гостей, онъ самъ снимаетъ шубу или пальто и говорить, не снѣша, точно со вздохомъ:

— Здравствуйте, батюшка!

И старается каждый разъ припомнить имя и отчество.

Теперь заведеніе помѣщено въ чертогахъ, а ему любо вспоминать про прежній трактиръ, на другой сторонѣ улицы, гдѣ его шинельная ютилась въ самомъ буфетѣ, а онъ сидѣлъ въ углу, въ полупотемкахъ, и вслухъ разбиралъ „Московскія Вѣдомости“. Тѣсненько жилось и съ гряздой, а сердцу мило. И—занятно! Здѣсь только пройдутъ этой большой, ни къ чему не нужной комнатой, а тамъ первое мѣсто во всемъ трактирѣ считалось: и къ водкѣ каждый подойдетъ, и закусить, кулебяки кусокъ или корюшки маринованной, присядеть къ столу, сейчасъ газету, а то и журналъ цѣлый... Сколько годовъ „сочинитель“ Николай Ѳедорычъ ходилъ. Дни цѣлые

просиживалъ передъ буфетомъ, у перваго стола. Придетъ во-второмъ часу, листовки двѣ рюмки выпьетъ и сейчасъ, немного заикаясь, громко окличетъ:

— Грибцовъ!

— Чего изволите?

— „Вѣдомости“ читаешь?

— Такъ точно.

— Одобряешь?

— Одобряю-съ.

Газеты пересмотритъ одну за другой, толстый журналъ возьметъ, почитаетъ и начнетъ балагурить. Буфетъ — „раемъ“ называлъ, хозяина — „Саваоомъ“, буфетчика Михайлу — „архангеломъ“, горку для водокъ, въ видѣ ствола съ сучьями, „древомъ познанія добра и зла“. Въ театрѣ не стоило заглядывать — своя комедія была. Обѣдать ходилъ въ бильярдную, непременно, чтобы пощипать борщу, потомъ партійки двѣ сыграетъ и частенько тутъ же на диванѣ прикурнетъ, а то домой сходитъ — неподалежку жилъ, — вечеромъ, часовъ въ девять, ужъ сидитъ у своего стола, почитываетъ и балагурить...

Въ дверь, противъ лѣстницы, видна зала въ два свѣта, все голубая: яркій морозный день льется въ двойной рядъ оконъ съ короткими верхними драпировками. Еще дальше темнѣетъ зелень зимняго сада. Эта половина трактира была еще пуста. Шелъ первый часъ, часъ завтраковъ, больше на той половинѣ, гдѣ буфетъ и машина. Мальчики въ сѣрыхъ полуфракахъ сновали черезъ темную комнату передъ буфетомъ. Лакеи — наполовину татары — раскладывали карточки по столамъ въ комнатахъ, выходящихъ окнами на Невскій... За буфетомъ приказчикъ, съ спокойнымъ блѣднымъ лицомъ, похаживалъ за прилавкомъ и тихо покрикивалъ на мальчиковъ.

Народу прибывало. Вслѣдъ за двумя артиллерійскими офицерами и военнымъ медикомъ, медленно поднялся по лѣстницѣ молодой человекъ, въ высокой цилиндрической шляпѣ и пальто съ бобровымъ воротникомъ. Пальто сидѣло на немъ, какъ на вѣшалкѣ, поверхъ высокихъ ботинковъ торчали панталоны изъ дорогаго трико, но зашма-ранныя по бортамъ. Весь онъ какъ-то перекосялся и шелъ съ посадкой загулявшаго мастерового. И лилъ у него — испитое и сонное — было въ такомъ же родѣ. Онъ носилъ темнорусые усы и бородку.

Пальто началъ стаскивать съ него одинъ изъ мальчи-

ковъ. Грибцовъ приподнялся было со своего табурета, но, увидавъ, кто пришелъ, тотчасъ же опустился.

Изъ пальто гость вылезъ въ синей жакетѣ, безъ талии. Она сидѣла на немъ такъ же, какъ и пальто, плохо была чищена, но видимо пита у хорошаго портного. Уныло осматрѣлся гость, взялъ сначала вѣдро, къ большой залѣ, неловко повернулся и пошелъ къ буфету. Помощникъ Грибцова и оба мальчика раскланялись съ нимъ фамиллярно, а старикъ пустилъ изъ-за перегородки:

— Не сразу дяденькины денежки пропьеть... Долго еще будетъ шлаться...

— Потому компанію любить... Ну, и подають ему, какъ барину,—замѣтилъ одинъ изъ мальчиковъ.

Всѣ трое разсмѣялись, а Грибцовъ покачалъ головой и выговорилъ только:

— Грѣхи!..

II.

Гость выпилъ у буфета двѣ рюмки, закусилъ спѣшно, глядя все вбокъ, и потащился, волоча ноги, въ дальнюю комнату съ органомъ. Панталоны волочились у него сзади по полу. Одно плечо онъ держалъ выше другого, шляпу несъ, какъ носятъ доханку съ водой. На худой шеѣ пестрый шарфъ затыкала цѣнная булавка съ жемчужиной, но воротнички рубашки были помяты и руки безъ перчатокъ, съ грязными ногтями. Курчавые волосы стояли комокъ на лбу.

Онъ сѣлъ за столъ, подозвалъ человѣка и что-то заказалъ. Газеты онъ не спросилъ, а сидѣлъ, нагнувъ низко голову, и поводилъ ее, поглядывая на завтракающихъ. Его можно бы было принять за сильно выпившаго. Но онъ только опохмелялся. Онъ начиналъ свой день. Изъ одного трактира переходилъ онъ въ другой, ища компаніи, говорилъ мало и точно съ трудомъ, за всѣхъ знакомыхъ платилъ, сидѣлъ до самаго поздняго часа и рѣдко возвращался домой одинъ—почти всегда его отвозили съ слугителемъ.

Грибцовъ не даромъ относился къ этому гостю презрительно. Не больше двухъ лѣтъ назадъ, гость этотъ служилъ самъ въ трактирѣ, звался просто „Федькой“ и подавалъ бифштексы... Онъ былъ изъ захудалаго купеческаго рода, перебравшагося въ мѣщанство, но еще знался нѣсколько годовъ „купеческимъ сыномъ“. Отъ дяди

достался ему капиталъ въ полтора ста тысячъ. Изъ Оедьки превращается онъ въ третьей гильдіи купца „Федора Онисимыча Бурцева“. И стало его тянуть въ тотъ самый трактиръ, гдѣ еще такъ недавно ему давали гривенники, гдѣ онъ откупоривалъ бутылки пива и сельтерской воды. Служилъ онъ всегда скверно, все у него валилось изъ рукъ, пробки не выходили изъ горлышка, вода расплескивалась. Разъ въ недѣлю онъ слегка „урѣзывалъ“. Пяницей, однако, не считался.

Теперь деньги налегли на него праздничной обузой. Тоска гложетъ его дома. Читать онъ умѣлъ одни заглавія газетъ, въ торговлю его не тянуло; часто грудь у него болѣла... И точно службу несъ онъ, ходя по трактирамъ. Гордости и чванства онъ не зналъ, лакеямъ совѣстился говорить „ты“. Мальчиковъ звалъ „Миша“, „Ваня“ и давалъ всѣмъ на водку очень щедро, но все-таки ему мало оказывали уваженія, служили съ усмѣшками и за панибрата, и въ каждомъ трактирѣ сейчасъ же узнавали, что онъ самъ былъ „Петрушкой Уксу-вымъ“.

Сегодня поджидаетъ Бурцевъ компанію, особенно одного новаго пріятеля... На прошлой недѣлѣ сидѣлъ онъ за столомъ въ этой самой комнатѣ, уже вечеромъ, и такъ ему грустно стало отъ одинокаго питья пива. Къ тому же столу подсаживается молодой человѣкъ его лѣтъ, съ газетой. Очень онъ Бурцеву понравился видомъ своимъ.

— Вы не купческаго званія будете? — спрашиваетъ онъ его.

— Въ настоящее время, — отвѣчалъ тотъ, — я не этого званія, а роду дѣйствительно купческаго.

— А какъ звать прикажете?

— Крупениковъ, Антонъ Сергѣевъ.

— А я — купческій сынъ Федоръ Бурцевъ.

Онъ себя всегда „купческимъ сыномъ“ называетъ.

Спросилъ онъ сейчасъ мадеры. Гость поблагодарилъ, и двѣ бутылочки они усидѣли. И оказался этотъ Крупениковъ душевнѣйшимъ малымъ, и съ перваго разговора достаточно со своей судьбой познакомилъ.

Были у него деньги — остались отъ родителей — небольшія, но онекутъ сильно пощипалъ наслѣдство. По юности своей, онъ, выйдя изъ гимназіи, немного „чертилъ“ по Москвѣ. Онъ и родомъ московскій. Объявился у него голосъ. Поѣхалъ учиться и за границей былъ. На это по-

слѣдній достатокъ пошелъ. Вернулся, думалъ себѣ сразу одобреніе найти, прогремѣть. А между тѣмъ, чуть не въ хористахъ состоитъ на шестистахъ рубляхъ. Малый молодой, пожить хочется, и тоска его гложетъ, что ходу ему не даютъ.

Бурцеву понравилось и то, что „артистъ“ (такъ онъ его называлъ про себя) съ благородствомъ себя держитъ, не сталъ къ нему въ дружбу втираться и взаймы денегъ просить. А видимое дѣло—нуждается: обѣда въ семь гривенъ не можетъ себѣ спросить, и платье—хоть и въ чистотѣ соблюдаетъ, сильно поношено. Главное: гордости въ немъ никакой. Не кичится тѣмъ, что на театрѣ служить и уроки ему давали гдѣ-то за границей, по золотому за урокъ.

Бурцевъ не прочь его бы и поддержать. Да не однѣхъ ему денегъ надо, а ходъ получить по своему дѣлу. Вотъ тогда и окладъ дадутъ, и въ газетахъ хвалить будутъ, и за вечеръ по три радужныхъ платить станутъ.

Первая бутылка пива была уже выпита, когда къ столу подошелъ тотъ, кого поджидалъ Бурцевъ.

III.

Онъ казался гораздо моложе Бурцева, но бѣлокурые подстриженные волосы уже порѣдѣли на лбу. Круглыя щеки съ румянцемъ, голубые, большіе, немного разбѣгающіеся глаза, вырѣзь ноздрей, усмѣшка—все это говорило о купеческомъ происхожденіи. Глаза улыбались, но на лицѣ лежала тѣнь, а по губамъ, яркимъ и свѣжимъ, проходила черта обиженности—чисто-русское выраженіе. По сложенію, онъ былъ полноватъ, средняго роста и носилъ подстриженную густую бородку съ рыжиной. Вокругъ глазъ сидѣло по нѣсколько веснушекъ. Сѣрый пиджакъ и такія же панталоны донашивалъ онъ изъ своего лѣтняго платья; длинныя отложные воротнички и маншеты были чисты.

Бурцевъ привсталъ, крѣпко пожалъ ему руку и пригласилъ жестомъ руки на диванъ.

— Пожалуйте, хереску не прикажете ли?

Крупениковъ отеръ платкомъ лобъ и, опуская платокъ въ наружный боковой карманъ, произнесъ высокимъ пріятнымъ голосомъ, съ московскимъ акцентомъ:

— Умаялся нынче какъ... страсть!

— А закусить?... Не угодно ли хорошій биточекъ или почекъ въ мадерѣ?

Бурцевъ выговаривалъ слова унылымъ звукомъ; но глаза его останавливались на новомъ трактирномъ пріятелѣ съ особой лаской, насколько онъ умѣлъ это выразить. Онъ внутренно гордился знакомствомъ съ артистомъ.

Крупениковъ осмотрѣлъ комнату. Бурцевъ замѣтилъ это.

— Поджидаете нешто кого?

— Обѣщался тутъ одинъ нашъ хористъ, Мухояровъ...

— Это какой-съ? Длинные волосы... и брови срослись?..

Точно какъ будто изъ духовнаго званія?

— Ха-ха!.. Похожъ. Именно онъ и есть самый.

— Мы ихъ давно знаемъ... Они больше въ бильярдной. Этимъ, кажется, и промышляютъ... хотя противъ маркеда здѣшняго—далеко.

— Онъ, онъ!

— Не видалъ въ этой половинѣ. А быть ему въ бильярдной... Спосылаемъ мальчика.

Бурцевъ подозревалъ человѣка.

— Мухоярова господина знаете? На бильярдѣ хорошо играетъ!

— Знаю-съ,—утвердительно выговорилъ лакей.

— Попросите сюда. Господинъ, молъ, Крупениковъ пришелъ. А Бурцевъ проситъ откусать портеру.

Лакей ушелъ.

— Мы съ нимъ тоже въ знакомствѣ,—прибавилъ Бурцевъ.—Выпить основательно любить. И не гордъ. А вамъ по дѣлу?

— Да, что жъ прикажете дѣлать?!—вырвалось у Крупеникова, и щеки его сразу покраснѣли.—Надо на разныя штуки подыматься! Мухояровъ сведетъ меня съ актеромъ однимъ. Сусанипъ—фамилія... Пенсію получаетъ и мастерить любительскіе спектакли. Такъ въ опереткѣ одной, одноактной, въ бенефисъ его, въ клубномъ спектаклѣ...

Крупениковъ остановился и закурилъ папиросу на свѣчѣ. Но мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, рѣсницы все опускались и губы выражали все сильнѣе усмѣшку обиженности. Ему совѣстно было передъ этимъ трактирнымъ купчикомъ. Добрый онъ малый, да гдѣ же у него пониманіе? И то ужъ достаточно горько для артиста съ чувствомъ, что принимаешь его угощеніе.

— И Сусанина этого мы видали здѣсь,—точно обрадовавшись, сказалъ Бурцевъ.

— Не знаю, что изъ этого будетъ. Онъ, слышно, малый ловкій...

— Это точно. Жаловались, которыхъ онъ нанималъ... норовить на даровщинку.

— Я и на это пойду, на первыхъ порахъ. Надо же себя хоть передъ клубной публикой заявить! А концертовъ долго ждать, да въ концертахъ и нельзя показати игры никакой...

Щеки его все разгорались. Волненіе овладѣло имъ въ разговорѣ о карьерѣ. Онъ не могъ его сдержать, хоть и совѣстно было каждый разъ такъ изливаться передъ первымъ попавшимся трактирнымъ посѣтителемъ. Голосъ его дѣлался выше и все чаще и чаще вздрагивалъ.

За буфетомъ онъ выпилъ большую рюмку горькой. Двѣ рюмки хересу и квасной стаканъ портеру приподняли его душевное настроеніе.

— Извѣстное дѣло! зачѣмъ не попробовать?...—выговаривалъ съ усиліемъ Бурцевъ.—Я, Антонъ Сергѣичъ, всей душой!..

Пространно изливаться онъ не умѣлъ, даже и въ сильномъ хмелю. Крупеникова трогала эта быстрая симпатія къ нему бывшаго трактирнаго лакея.

„Все лучше, чѣмъ ничего“,—думалъ онъ; но у него не было тайныхъ расчетовъ на карманъ Бурцева. До этого онъ не хотѣлъ „унижаться“.

— И въ опереткѣ можно себя показать!—бодрѣе вскричалъ онъ, и глаза его заиграли жидкимъ блескомъ.

IV.

Изъ бильярдной явился хористъ Мухомаровъ, такого именно вида, какъ его опредѣлилъ Бурцевъ, и заговорилъ басомъ протодіакона. Его и перетащилъ въ хоръ изъ монаховъ какой-то первый тепоръ, любившій ѣздить на богомолья.

Мухомаровъ двинулъ свою высокую и плечистую фигуру бокомъ. Длинный черный сюртукъ его весь былъ перепачканъ мѣломъ, обшлага засучены, на шеѣ визаный шарфъ.

— А, почтеннѣйшій! — окликнулъ онъ Бурцева и подалъ ему огромную руку, заросшую волосами.—Портерку? Извольте! Ваше здоровье! И вамъ, господинъ теноръ! Стре-

кулистъ тотъ сейчасъ явится. Я его видѣлъ тамъ, въ зимнемъ саду, кого-то обрабатываетъ. Вы, дружище, съ нимъ поостроже; я ужъ ему говорилъ, какъ надо съ вами обойтись. Онъ норовитъ десять рубликовъ за представленіе.

Хористъ уже сидѣлъ и дымилъ своей толстой, крученой папиросой, вставленной въ длинный мундштукъ изъ тростника.

Крупеникова немного коробило отъ его фамильярнаго и семинарскаго тона. Все-таки, самъ онъ значится въ числѣ исполнителей, хоть и выходныхъ ролей; а Мухоморовъ—простой хористъ, горлодеръ безъ всякаго музыкальнаго образованія. Но, по крайней мѣрѣ, этотъ монастырскій служба не ехидствуетъ, не завидуетъ. Можно съ нимъ хоть поругать оперные порядки и начальство, не боясь, что онъ побѣжитъ ябедничать...

— Эльцу! Господя! — приглашалъ Бурцевъ. — Одно къ одному, значить... Спервоначалу портеръ, а потомъ эль!

— Отмѣнно! — пробасилъ Мухоморовъ и допилъ свой портеръ.

Бурцевъ подозвалъ лакея и заказалъ ему на ухо:

— Съ такимъ ярлыкомъ... знаете?—онъ сдѣлалъ пальцемъ какую-то фигуру.—А не того, что всѣмъ даютъ.

— Любитель!—пустилъ басомъ хористъ и ударилъ Бурцева по плечу.—Эти напитки—самые лучшіе для нашего брата. Господинъ теноръ! и вамъ совѣтую ихъ держаться. А вотъ что употребляютъ всякую дрянъ передъ выходомъ на сцену: яйца сырые, сельтерскую воду тамъ, что ли... такъ я считаю это однимъ суевѣріемъ. Госпожа Пятти, слышно, стаканъ пива выпиваетъ. А покойникъ Осипъ Леонасычъ говаривалъ... А! гряди, чадо!—крикнулъ Мухоморовъ и всталъ навстрѣчу новому гостю.

Актерикъ на пенсіи, Сусанинъ, человѣчекъ съ тонкимъ и длиннымъ носомъ, бритый и совсѣмъ лысый, въ клѣтчатомъ кофейномъ костюмѣ, приблизился къ столу желкими шажками, потирая руки.

— Васъ, кажется, встрѣчалъ здѣсь?—сладко спросилъ онъ Бурцева, и тотчасъ же прищурился на тенора. — Господина Крупеникова извѣю удовольствіе видѣть?

Голосъ у него отзывался звуками учтиваго капельди-нера.

Крупеникову вдругъ противно стало толковать съ этимъ актеромъ при Мухоморовѣ и Бурцевѣ, играть роль *protégé* грубаго горлана-хориста.

— Мы послѣ,—выговорилъ онъ.

— Спектакликъ-то мнѣ хочется наладить... Вотъ Виссаріонъ Ивановичъ говорилъ, что вы согласны взять Галатею...

Слегка отуманенная голова Крупеникова не освободила его отъ новаго наплыва горечи и приниженности. Не туда рвался онъ, не такого случая ждалъ. Передъ нимъ горѣла, точно огненная, та звѣзда, которая откроетъ ему ходъ къ славѣ и успѣху. Потерять еще полгода, а можетъ, и меньше... Кто-нибудь вдругъ заболѣетъ. Партіи у него давно выучены. Онъ самъ вызывается. Его „выкачиваютъ“ десять разъ. Или его ведутъ къ композитору... создать новое лицо...

Глаза Крупеникова ушли въ эту минуту далеко. Мимо дверей въ слѣдующую комнату мелькали лакеи и гости. Но вотъ онъ останавливается на одной фигурѣ и видитъ, что она идетъ къ буфету.

— Позвольте, господа! — быстро выговорилъ онъ и всталъ.— Знакомый... надо его догнать!

И почти побѣжалъ черезъ слѣдующую комнату. Онъ дѣйствительно узналъ знакомаго. Съ этимъ человѣкомъ уйдетъ онъ въ свои надежды и мечты, отведетъ душу съ настоящимъ музыкантомъ.

V.

Онъ догналъ въ большой залъ человѣка лѣтъ подъ сорокъ, рослаго брюнета, съ зачесанными назадъ свѣдѣющими волосами, въ толстомъ драповомъ сюртукѣ.

— Евстафій Петровичъ! — радостно крикнулъ онъ, — какъ я счастливъ видѣть васъ!

Ему улыбнулось въ отвѣтъ поблекшее лицо музыканта и смотрѣло на него круглыми, воспаленными глазами. Носъ, немного вздернутый, былъ красенъ. По щекамъ шли пятна. Жидкая борода росла неровно. Но все это скрашивалось улыбкой. Ротъ дышалъ добродушіемъ. Его мало портили даже несвѣжіе зубы. Онъ подаль Крупеникову тонкую, красивую руку съ длинными пальцами.

— А, голубчикъ! — отозвался онъ мягкимъ, сиповатымъ голосомъ.— Душевно радъ! Давно не видалъ васъ.

— Вы здѣсь кушаете? — почтительно спросилъ Крупениковъ.

— Закусить зашелъ, по дорогѣ. Въ той комнатѣ кое-

кого повстрѣчалъ... я тамъ себѣ велѣлъ подать, въ зимнемъ саду... А вы?

— Я такъ, путался съ одной компаніей, да очень ужъ она мнѣ... Вы позволите посидѣть около васъ?

— Сдѣлайте одолженіе.

Крупениковъ радостно переминался, слѣдуя бокомъ за своимъ знакомымъ. Онъ могъ хоть сколько-нибудь отвѣсти душу съ понимающимъ человѣкомъ. Съ Евстафіемъ Петровичемъ Ковринымъ познакомился онъ въ одномъ концертѣ. Ковринъ—отличный пианистъ и сочиняетъ пьесы. Его голосъ сильно хвалили. До сихъ поръ помнитъ онъ лестныя слова Коврина. Музыкантъ ѣлъ скоро. Крупениковъ сидѣлъ около него въ одной изъ бесѣдокъ зимняго сада.

— Ну, какъ вы, голубчикъ, устроились здѣсь?—спросилъ Ковринъ и запилъ кусокъ мяса пивомъ.

— Вѣдствую,—тихо и чуть не со слезами выговорилъ Крупениковъ.—Все равно, что хористъ, числюсь на роляхъ, а ничего не пою-съ.

И вылилъ онъ всю свою душевную горечь: сказалъ и то, что вотъ сейчасъ соглашался даже на клубной сценѣ въ опереткѣ выступать. Ему легко было изливаться Коврину. Онъ чувствовалъ доброту и мягкость пианиста. Тотъ слушалъ, поглядывая на него своими ласковыми, воспаленными глазами.

— Голосъ у васъ прекрасный,—сказалъ Ковринъ, утерся салфеткой и закурилъ папиросу.—Нѣсколько нотокъ совѣтъ бархатныхъ. И лирическій огонѣкъ есть, въ русскомъ вкусѣ. Вы могли бы создать бытовое лицо. Выждать надо. Я, лѣнтяй, который годъ все обдумываю... А вотъ что вы мнѣ скажите: хотите вы поручить свою судьбу одной толковой бабѣ?

— Какъ бабѣ-съ?

— Такъ... И второй вамъ еще вопросъ: есть страсти у васъ?

Онъ понизилъ голосъ.

— То-есть, какія же это?—недоумѣвалъ Крупениковъ.

— А вотъ хоть бы это?

Ковринъ выразительно и съ усмѣшкой щелкнулъ по пустой уже бутылкѣ пива.

— Я не пьяница,—искренней нотой отвѣтилъ Крупениковъ,—а не отказываюсь, если съ пріятелемъ. Прежде и покучивалъ, когда деньги водились, молодъ былъ; однако, въ мѣру, и теперь всегда могу остановиться.

— Можете? Это хорошо. А вот я, душа моя, вамъ прямо признаюсь, слабъ. Ужъ какъ это явилось—долго рассказывать. И никакъ я съ собой не могъ совладать, опустился, забросилъ совсѣмъ инструментъ, забросилъ все... Никакихъ идей. Вотъ толковая-то баба и взяла меня въ руки. И поступилъ я къ ней на исправленіе. Тяжеленько подчасъ, зато есть надзоръ. Здѣсь не засижусь. Рюмку водки выпилъ, стаканъ пива—и довольно. А то какими глазами погляжу я на Прасковью Ермиловну, а?

Онъ разсмѣялся. Крупениковъ все еще недоумѣвалъ.

— Да вы, голубчикъ, не подумайте, что эта Прасковья Ермиловна—какая-нибудь сожительница моя или что она меня содержитъ изъ любовнаго влеченія. Тутъ другая статья. Вотъ потому-то я и васъ спросилъ: хотите ли вы поручить свою судьбу толковой бабѣ? О Прасковѣ Ермиловнѣ Скакуновой не слыхали развѣ?

— Нѣтъ, не приводилось,—очень серьезно выговорилъ Крупениковъ.

— Прасковья Ермиловна—это, голубчикъ, дѣлецъ по музыкальной части; она учитъ, доставляетъ мѣста, выводитъ въ люди. Такой второй у насъ нѣтъ.

— Артистка?

— Бывшая. У ней своя школа. Да вы послушайте. Вотъ какъ я совсѣмъ развихлялся, она беретъ меня въ уголъ, да и говоритъ: „Ковринъ!—мы съ ней ужъ давно на ты,—ты совсѣмъ погубишь себя. Одного тебя оставлять нельзя“.—„Совершенно вѣрно“,—отвѣчаю я ей. „Иди ко мнѣ. Я тебѣ квартиру, столъ и сто рублей жалованья, будешь учить теоріи и игрѣ; только я тебя сначала выдержу и денегъ на руки полностью давать не стану“. И я согласился, да вотъ больше года и проживаю у ней. Сначала тяжеленько было—не скрою, даже до бурь у насъ доходило; одинъ разъ собрался было бѣжать... Но она вела свою линію, и все это душевно, отъ добраго сердца. Положимъ, я ей нуженъ; но вмѣсто меня она могла бы сейчасъ найти. Нынче голодныхъ-то музыкантовъ довольно по Петербургу рыщеть. Черезъ три-четыре мѣсяца втянулся и сталъ субординацію выносить съ легкимъ сердцемъ. Чувствую, что безъ Прасковьи Ермиловны я долго не продержусь. Такъ вотъ, душа моя, васъ и надо свести къ моей начальницѣ. Лучше нея никто вамъ не укажетъ ходовъ.

Щеки Крупеникова опять разгорѣлись, зрачки голубыхъ глазъ сильно расширились.

— А онѣ какихъ лѣтъ?—спросилъ онъ.

— Прасковья-то Ермиловна? Да ужъ подѣ пятьдесятъ. Только она еще ничего—лицо пріятное... Одно—тучность одолеваетъ.

— Въ замужествѣ находятся?

— Кажется, вдова, а достоверно не знаю. У ней бывали сердечныя исторіи; сердце у ней и до сихъ поръ пѣжное...

Ковринъ тихо размѣялся и позвонилъ. Расплатившись, онъ обратился опять къ Крупеникову и пріятельскимъ тономъ сказалъ:

— Если хотите, зайдите ко мнѣ. Теперь Прасковья Ермиловна должна быть дома.

— Я несказанно радъ! Не знаю, какъ васъ благодарить, Евстафій Петровичъ!

У Крупеникова перехватило даже голосъ. Онъ быстро всталъ и нервно оглянулся по направленію къ залѣ.

— Васъ тамъ ждутъ?—спросилъ Ковринъ.

— Нѣтъ, я ужъ туда не пойду! Знаете, Евстафій Петровичъ, мнѣ тяжко сдѣлалось. Народъ-то ужъ больно не подходящій. Шапка моя тамъ осталась, я человѣка пошлю...

Онъ послалъ лакея. Въ передней, когда ему подавали шубу, лакей, ходившій за шапкой, передалъ ему приглашеніе: „пожаловать къ тѣмъ господамъ“.

Крупениковъ махнулъ рукой, догоняя Коврина, сходявшаго съ лѣстницы.

— Что жъ прикажете сказать?—спросилъ въ слѣдъ лакей.

— Тороплюсь, не могу!—крикнулъ Крупениковъ.

„Бурцевъ, навѣрно, совсѣмъ уже пьянъ,—тревожно думалъ онъ,—а съ тѣми я не хочу и связываться. Вотъ Евстафій Петровича буду держаться!“

Піанистъ стоялъ внизу, на площадкѣ, въ старенькомъ пальмерстонѣ и натягивалъ зимнія касторовыя перчатки.

VI.

Школа Прасковьи Ермиловны Скакуновой занимала цѣлый этажъ, съ особымъ ходомъ, въ одномъ изъ новыхъ переулковъ Литейной части.

Они прошли по узкому коридорчику въ комнату піа-

ниста, высокую, въ два большія окна, съ перегородкой, драпированной зеленой портьерой. Стояло въ углу роялино. Изъ-за стеклъ узкаго шкапа видѣлись переплеты потныхъ тетрадей. Двѣ книги нотъ лежали на инструментѣ. Въ этой комнатѣ пахло папироснымъ дымомъ; видно было, однако, что ее старательно убираютъ въ отсутствіе жильца. Мебель подъ воскъ, съ зеленымъ шерстянымъ рещомъ, отзывалась Апраксинымъ; но ее разставили весело и уютно. У окна стояло длинное кресло съ плюштромъ и деревянными подстѣвчиками. Занавѣски на окнахъ блестяли отъ свѣта морознаго дня.

— Вотъ видите,—заговорилъ погромче Ковринъ,—какъ меня Прасковья-то Ермиловна помѣстила? Точно въ какомъ швейцарскомъ пансіонѣ. Чистотой даже доѣзжаетъ немножко. Каждую субботу—мытьё оконъ. И занавѣски чистыя, разъ въ мѣсяцъ. Зато живешь, какъ, бывало, въ родительскомъ домѣ. Въ постелькѣ лежать чисто, мягко, два раза въ недѣлю бѣлье мѣняють. Садитесь, покурите. У меня классъ—въ три. Я минуткой переодѣнусь.

Ковринъ исчезъ за перегородкой, откуда вышелъ въ короткой курточкѣ изъ потертаго желтовато-коричневаго бархата.

Крупеникову сдѣлалось по себѣ. Да, хозяйка этой квартиры—толковая баба. Съ ней не пропадешь.

— Хорошо у васъ,—сказалъ онъ вслухъ и вздохнулъ.— Даже завидно, Евстафій Петровичъ. Живешь въ померахъ; въ комнатѣ темнота, копоть, въ углахъ сырость, въ занавѣскахъ науки завелись. Ихъ и къ Свѣтлому празднику не перетряхаютъ. А вѣдь цѣна не маленькая: тридцать рублей плачу.

— Только субординація! И все это, голубчикъ, безобидно, материнской рукой... Новыхъ сколько вещей куплено изъ моихъ же денегъ. А на столѣ какъ аппетитно все выглядитъ; садись и работай!

Ковринъ указалъ на новый письменный столъ. Посрединѣ его лежала потная бумага большого формата, какая употребляется для музыкальныхъ композицій. Изъ фарфороваго бокала смотрѣли нѣсколько карандашей и перьевъ.

— Превосходно работать! — со вздохомъ выговорилъ Крупениковъ.

— Лѣнь раньше насъ родилась. Подтянуться-то трудно ужъ очень. Да я надѣюсь постомъ засѣсть.

— По драматической?

— Может-быть... А пока надо потряхнуть стариной, за романы приняться.

VII.

Шумно влетѣло въ комнату что-то пестрое и яркое. Крупениковъ, стоявшій у печки, вправо отъ двери, даже подался въ сторону.

Коврину пожимала руку и покачивалась на мѣстѣ полная, краснощекая, рослая дѣвушка. Ея огромные, темные глаза смѣялись и сыпали искры. Роскошная грудь высоко подымалась. Она, вѣроятно, только что бѣгала по комнатѣ. Ротъ она широко раскрыла, бѣлые крупные зубы блистали на солнечномъ свѣтѣ. Въ ротъ засовывала она бутербродъ толстенными пальчиками свободной лѣвой руки. Ея красныя, пухлыя, немного выпяченныя наружу губы такъ и забирали куски. Она ихъ облизывала языкомъ, скоро и весело. Голова ея, сжатая туго закрученной косой, сидѣла на могучихъ плечахъ темного вбѣлѣ. Волосы на темени и на вискахъ лоснились и отливали. Широкий бюстъ еле держался въ узкомъ, свѣтлооклѣтчатомъ казакѣ съ металлическими пуговицами, надѣтомъ поверхъ пестрой юбки другого цвѣта.

— Ого-го! — загоготала она низкимъ голосомъ, почти баритономъ, когда проглотила послѣдній кусокъ, продолжая трести руку Коврина. — Куда это вы изволили запропасться, а?

Ковринъ поглядѣлъ на Крупеникова, точно хотѣлъ ему сказать глазами:

„Каковъ голосокъ-то у дѣвицы?“

— Дайте лучше насъ познакомить съ симпатичнымъ артистомъ. Крупениковъ, теноръ... Прина Степановна Веселкина, будущая наша примадонна-контральто.

— Послѣ дождичка въ четвергъ! — расхохоталась дѣвушка. — Что за церемоніи такіе? Это артистъ — ну, и довольно. Давайте ланку. И — просто Ариша Веселкина. Голосъ есть, да ужъ больно неудобень. Нынче, говорятъ, и оперъ совсѣмъ не пишутъ для такихъ тромбоновъ. Ахъ, милушка, Евстафій Петровичъ, соблаговолите, Христа ради, наширосочки затянутся; свои-то забыла. Ни у кого нѣтъ, да и настоящая наша запрещаешь.

Ариша сгримасничала, вытянула лицо и ротъ округ-

лила колечкомъ, стала въ позу и высокимъ голосомъ проговорила:

— Дѣвицы, я вамъ рекомендую не курить. Эта привычка вредна для артистокъ. Вы меня огорчите.

Ковринъ разсмѣялся, Крупениковъ тоже. Ариша оглянулась, какъ школьница, на дверь и сказала своимъ жирнымъ баскомъ, скороговоркой:

— Сладости у насъ непомѣрной мать-настоятельница, а стелеть жестко! Вотъ и Евстафій Петровичъ у ней въ струнѣ ходить...

— Это вѣрно, — откликнулся вполголоса Ковринъ и также оглянулся на дверь. — Что, Прасковья Ермиловна въ классѣ?

— У себя. О васъ справлялась. Мнѣ замѣчаніе изволили сдѣлать, что мало сольфеджій пою.

— И это вѣрно.

— Да я бы васъ всѣхъ выгнала, если бы въ трубу-то мою затрубила какъ сѣдуетъ.

И, повернувшись на каблукъ своей крупной, но красивой ноги, въ башмакахъ съ переплетомъ, она пустила вполголоса:

Мнѣ твердили, напѣвал:

Полюби, плутовка!

У мужчинъ, у всѣхъ така-аа

Скверная споровка!

— Срамъ! — крикнулъ Ковринъ. — Цыганщина!

— А то что жъ? Я — цыганка по всему. Это вы меня только съ Скакунихой въ Альбони прочите. Ну, не сердитесь, Ковринька, не буду. Что жъ мнѣ дѣлать, коли изъ меня претъ? Разный вздоръ хочется пѣть и болтать. Вы, — повернулась она къ Крупеникову, — васъ какъ звать по имени, отчеству?

— Антонъ Сергѣевъ.

— Вы вѣдь въ оперѣ служите? Я помню, видѣла васъ въ чемъ-то, вотъ и забыла въ чемъ...

— Не мудрено-съ, — отвѣтилъ Крупениковъ и сильно покраснѣлъ. — Вѣстникомъ какимъ-нибудь или гишпанцемъ безъ рѣчей.

— Гишпанцемъ! И то, кажется, такъ, въ „Гугенотахъ“. Да?

— Въ „Гугенотахъ“ я, точно, занятъ — кавалера изображаю.

— Дайте срокъ, — вмѣшался Ковринъ и потрепалъ по

плечу тенора.—Вы должны выдвинуться, не нынче-завтра. Вотъ съ Ириной-то Степановной создадите два характерные типа въ бытовой музыкальной драмѣ!

— Буки-ум-бу!—загрохотала Ариша.—Однако, настоятельница-то хватитъ. Моя очередь сейчасъ; навѣрно приплыветъ. Прощайте!

Она комически присѣла.

— Вотъ что, голубушка, — остановилъ ее Ковринъ. — Спросите-ка Прасковью Ермиловну, можетъ ли она насъ принять передъ моимъ урокомъ у себя?

— Я бою-юсь,—сошкольничала Ариша.

— Ну, полноте. Она вѣдь въ насъ души не чааетъ!

— Знаемъ мы! А за ангажементъ и сдеретъ процентъ! Или по-заграничному, контрактъ заставить подписать: столько-то, молъ, изъ жалованья, каждый годъ, въ теченіе десяти лѣтъ.

— Грѣхъ вамъ! Грѣхъ вамъ!—заговорилъ пианистъ.— Совѣтъ она не такая! Вы, Антонъ Сергѣичъ, не вѣрьте!

Крупениковъ только поежился и усмѣхнулся.

— Такъ скажете?—спросилъ Ковринъ.

— Для васъ, душа моя, въ огонь и въ воду! — пробасила Ариша и выбѣжала изъ комнаты.

VIII.

— Лихая особа,—выговорилъ Ковринъ, подходя къ гостю.—Лѣнива только. Хохлушка родомъ. Голосомъ, дѣйствительно, Альбони можетъ выйти. Для такихъ натуръ новая музыка нужна, своя, захватская, колоритная. Вотъ вѣдь и у васъ въ голосѣ и манерѣ есть что-то особенное. Не въ Раулѣ вы будете хороши, а въ какомъ-нибудь парнѣ бытовой, лирической драмы.

— Я и самъ такъ понимаю-сь, Евстафій Петровичъ, да гдѣ же показать-то себя?

Крупениковъ отвѣтилъ съ чуть замѣтнымъ дрожаніемъ въ голосѣ. Онъ не могъ сдержать этой дрожи, какъ только рѣчь заходила объ его артистической судьбѣ. И голову нагибалъ онъ немного вбокъ, и весь гнулся.

— Вы только не вѣрьте болтушкѣ,—продолжалъ Ковринъ, похаживая около рояля. — Она Прасковью Ермиловну настоятельница зоветъ... Суровости въ ней никакой нѣтъ. Вы сами сейчасъ увидите. Она вся крупичатая: изъ Москвы родомъ.

— Изъ Москвы-сь? — радостно спросилъ Крупениковъ.

— Да, настоящая московка: и языкъ прекрасный, мягкость звуковъ — такъ здѣсь не умѣютъ говорить. Я хоть и въ Петербургѣ выросъ, а здѣшнее произношеніе ненавижу.

— Это точно, — оживился Крупениковъ, — въ Александринскій театръ зайдешь, ровно иностранцы какіе. На мѣсто „любофъ“ здѣшнія актрисы „любовъ“ выговариваютъ... А „крофъ“ у нихъ „кровъ“ выходитъ. И мнѣ претило не разъ.

— Да, да! Чиповничество всѣхъ заѣло. Вамъ, голубчикъ, будетъ очень по себѣ съ нашей настоятельницей — я это впередъ вижу. И не способна она бездушно выжимать сокъ изъ своихъ ученицъ. Эта хохотуша такъ, зря сболтнула.

Добрый музыкантъ поторопился успокоить тенора, замѣтивъ, что тотъ внутренне волнуется.

— Да это что же за бѣда-съ? — возразилъ Крупениковъ и тоже заходилъ по комнатѣ. — Вотъ въ Италіи такіе есть агенты... Они и дерутъ съ васъ, да все-таки васъ на линію выведутъ. Бери съ меня процентъ, да давай мнѣ ходъ, возможность чтобы была показать себя. А здѣсь одна казенная привилегія! Куда вы дѣнетесь? Въ провинцію? Всего-то три оперные театра: Харьковъ, Кіевъ, Казань, да и обчелся. Опять же антрепренеръ сейчасъ говоритъ: „я долженъ васъ слышать, а то какъ же я вамъ хорошее жалованье пазначу? По крайности, если бы вы хоть изъ консерваторіи вышли. У васъ диплома не имѣется. Васъ начальство учебное отрекомендовать не можетъ.

Глаза Крупеникова стали больше и заблигали. Голосъ дѣлался выше и рѣзче. И руками онъ сильно разводилъ.

— А вы не изъ консерваторіи? — просто и вскользь сказалъ Ковринъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, — рѣзко крикнулъ Крупениковъ и сталъ посрединѣ комнаты, весь красный. — И что въ этомъ за бѣда-съ? Мы знаемъ тоже, какихъ гусей съ дипломами-то выпускаютъ! Выйдетъ, воздуху наберетъ — куакъ! Хватъ, и взялъ полутопомъ выше, да и звука-то никакого нѣтъ! А мы, быть-можетъ, учились-то и не у такихъ профессоровъ... И денегъ-то собственныхъ не одну тысячу положили. И никакихъ мы отъ казны или покровителей субсидіевъ не получали!..

— Конечно, конечно, — успокоилъ его Ковринъ, подождавъ и положивъ ему руку на плечо. — Все это, душа

мой, отлично пойметъ Прасковья Ермиловна. Чуткая баба,—выговорилъ онъ потише,—сами увидите.

Въ дверь постучали. Они оба подняли голову.

— Войдите!—крикнулъ Ковринъ.

Вошла горничная.

— Евстафій Петровичъ,—проговорила она молодымъ, пѣвучимъ голосомъ,—Прасковья Ермиловна приказали сказать вамъ, что они васъ ждутъ у себя-съ, и ихъ,—она указала головой на Крупеникова,—приказали просить.

— Сейчасъ!—возбужденно откликнулся пианистъ.

— Ну, отправимся, голубчикъ. Я вотъ только волосы маленько оправлю.

Ковринъ пошелъ за перегородку. Крупениковъ бросилъ папиросу въ пепельницу и обдернулъ свой сѣрый лѣтній пиджакъ.

— Евстафій Петровичъ!—почти шопотомъ обозвалъ онъ.

— Что прикажете?

— Въдь вотъ исторія-то-съ... Я совсѣмъ и забылъ. Прилично ли будетъ въ первый разъ къ почтенной дамѣ и въ такомъ затрапезномъ одѣяніи? Прямо изъ трактира?

— Это вы насчетъ своего платья?

— Да-съ.

— Помилуйте. Да вы франтомъ.

— Лѣтняя пара. Опять же пиджакъ...

— Вы видите, я въ домашнемъ сюртучкѣ иду.

— Вы—совсѣмъ другое дѣло...

— Прасковья Ермиловна—свой человекъ, товарищъ, интимныхъ церемоній не любитъ. Эхъ, батюшка, какъ васъ Ариша-то напугала!

— Позвольте хоть гребеночку, поправить волосы.

— Сколько угодно. Пожалуйста сюда.

За перегородкой теноръ оглядѣлся въ зеркало, расчесалъ бородку, хватилъ голову щеткой и весь отряхнулся. Онъ все еще сильно волновался. Но ему было вообще приятно. Все видѣнное здѣсь освѣжило его отъ трактирной компаніи Бурцевыхъ и Мухоморовыхъ.

Пианистъ взялъ его за руку и повелъ. Крупениковъ почувалъ запахъ туалетнаго уксуса, которымъ обмылся Ковринъ: не за тѣмъ ли, чтобы истребить запахъ трактирнаго завтрака?

IX.

Прасковья Ермиловна Скакунова встрѣтила ихъ около дверей не гостиной, а своей особой большой комнаты, съ перегородкой. Первая половина отдѣлана была кабинетомъ, вторая служила ей спальней и будуаромъ. Прежде всего, Крупеникова обдалъ запахъ одеколона и еще какихъ-то духовъ. Душалось легко и пріятно въ этой комнатѣ. Пестрый веселый кретонъ на мебели, гардинахъ и портьерахъ, растенія въ пестрыхъ горшкахъ, блескъ отъ трюмо охватили его переливомъ красокъ. Онъ даже закрылъ глаза на нѣсколько минутъ, слушая, какъ мзыкантъ представляетъ его.

Первый его взглядъ упалъ на бѣлокурую голову полной, почти толстой женщины. Свѣтлые волосы на лбу были наложены завитушками, коса изъ своихъ волосъ поднималась выше темени, лицо улыбалось — широкое и мясистое, съ ямочками на щекахъ. Брови почти сливались съ кожей. Въ сѣрыхъ глазахъ сохранилась игра. Губы поблекли, но передніе зубы бѣлѣлись. Полную шею сдавливалъ отложной, тугой, лоснящійся воротничокъ. Свѣтлосѣрое франтоватое платье съ короткой пелериной скрывало толщину охвата талии. Грудь, сдавленная въ тѣсномъ корсетѣ, такъ и выдвигалась впередъ.

„Да она — ужъ старуха!“ — хотѣлъ сказать про себя теноръ, и тотчасъ же поправился: — „добрѣйшей, должно-быть, души“.

— Очень, очень рада, — протянула Скакунова высокой грудной нотой.

Въ этомъ звукѣ Крупениковъ сейчасъ же почувалъ московскую уроженку. Онъ пожалъ руку, бѣлую, пухлую, съ пальцами-огурчиками и съ ямочкой надъ каждымъ нижнимъ суставомъ. Рука была аппетитна.

„Право, она еще ничего, — добавилъ онъ мысленно, — однако, годовъ ей, навѣрно, за сорокъ, а то и за сорокъ пять“.

— Присядьте, присядьте, — приглашала хозяйка ласковымъ и ободряющимъ тономъ. — Я о васъ слышала... Какъ же!.. Какъ же!.. Вотъ это хорошо, Стасенька, — обернулась она къ Коврину, — что ты привелъ ихъ ко мнѣ. Не хотите ли папироску? Я сама не курю и ученицамъ не позволяю, а мужчинамъ нельзя нынче одной минуты пробыть безъ куренья.

Крупеникову стало меньше неловко. Он прислал на кресло, рядом с хозяйкой, поместившейся на диванчике. Ковринъ заходилъ по комнатѣ.

— Вотъ,—заговорилъ онъ,—я Антопу Сергѣевичу указалъ на самого настоящаго человѣка. Ему ходу не даютъ. Кто же лучше Прасковьи Ермиловны наставитъ на путь?

Скакунова усмѣхнулась и кивнула въ сторону Коврина, точно хотѣла сказать: „очень ужъ расписываетъ“.

— Я ему,—продолжалъ разговорившійся Ковринъ,—про себя разсказалъ. Безъ субординаціи нашему брату невозможно.

Быстрые, хотъ и ласковые, глаза Скакуновой оглядѣли музыканта. Его разгорѣвшіяся щеки, показались ей подозрительными.

— Стасенька, вы это гдѣ же изволили встрѣтиться съ ними?

Она спросила это полушутливо, материнскимъ тономъ.

Ковринъ скорыми шагами подошелъ къ Скакуновой и взялъ ее за руку.

— Голубушка! я, значить, въ подозрѣніи? За что?

— Гдѣ же повстрѣчались-то? — повторила она и прищурила одинъ глазъ.

— Въ трактирномъ заведеніи, скрывать не хочу. Но какъ я себя тамъ велъ — вотъ что нужно изслѣдовать. Рюмка водки...

— Однако...

— Всего одна! И бутылка пива.

— А дома-то развѣ не было завтрака? Шатунъ!..

— Точно, и дома можно было поѣсть, и полтора цѣлковыхъ остались бы въ карманѣ. Но вы не извольте на меня ворчать. Это былъ, въ нѣкоторомъ родѣ, искусъ...

— Устоялъ?..

Скакунова разсмѣялась, но сейчасъ же съ другимъ выраженіемъ оглинула и Коврина, и Крупеникова.

— Я ему про себя разсказывалъ,—указалъ Ковринъ на Крупеникова.— Съ этого и разговоръ по душѣ начался. Вотъ, молъ, живой примѣръ, какъ Прасковья Ермиловна людей направляетъ...

— Объ этомъ чтѣ же?—остановила она пианиста.

Ея движеніе очень понравилось Крупеникову.

— Какіе же тутъ секреты?! Онъ—нашъ братъ артистъ. И прямо его спросилъ: не имѣетъ ли страсти?

— Въ родѣ Стасеньки?—пошутила Скакунова.

— Именно! Не имѣетъ. Тѣмъ лучше.

Въ коридорѣ раздался звонокъ.

— Пора въ классъ, — сказала Скакунова Коврину. —
Нынче надо подольше посидѣть, ты знаешь...

— Да, да! — заторопился Ковринъ.

— А, поди, не подготовился къ лекціи-то?

— Готовился. Только захватить упражненія.

— Ну, и съ Богомъ.

Все это она говорила мягко, точно старшая сестра или мать. Тонъ ея продолжалъ нравиться Крупеникову.

— Позвольте и мнѣ удалиться, началъ-было онъ и привсталъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, куда вы? Вѣдь у меня класса нѣтъ! Его надо протурить, а то разболтается и объ урокъ забудеть. Ну, Стасенька, извольте-ка отправляться!

— Иду, иду! — крикнулъ Ковринъ, пожалъ руку тенору и пошелъ къ двери. Отворивъ ее, онъ остановился, закинулъ волосы за правый високъ и окликнулъ:

— Прасковья Ермиловна!

— Что, милый другъ?

— Главное — подбодрите нашего пѣвца и тряхните всѣмъ вашимъ знакомствомъ... И насчетъ начальства.

— Знаю, знаю. Никакъ его не выгонишь. Вотъ, другой разъ, штрафъ буду брать. А дѣвицы-то теперь, поди, въ форточку курятъ. Потомъ у всѣхъ горло заложить. Идите, Стасенька!

Ковринъ еще разъ кивнулъ Крупеникову и захлопнулъ за собою дверь.

— Право, мнѣ совѣстно, — началъ-было опять раскланиваться Крупениковъ.

— Ахъ, вы какой... Да бросьте вы вашу шапку. Мнѣ самой время дорого... Я бы вамъ сказала. А теперь вотъ съ полчаса самыхъ удобныхъ. Да что же вы не курите?

Все это было сказано такъ ласково и просто, что Крупениковъ совсѣмъ оттаялъ. Онъ отложилъ свою шапку, взялъ папиросу, закурилъ и, точно про себя, выговорилъ вслухъ:

— Право! Очень ужъ вы ко мнѣ добры!

Х.

Не такую ожидалъ онъ пайти эту „бабу-дѣльца“ послѣ поясненій Коврина въ трактирѣ и у него въ комнатѣ, послѣ того, какъ балагурила Ариша Веселкина. Передъ

нимъ, дѣйствительно, добрейшей души дама, съ благородными манерами, мягкая, отлично все понимающая. Сейчасъ же что-то произошло ему въ сердце теплое, такое, чего онъ съ дѣтства не испытывалъ. Онъ даже вспомнилъ, что вѣдь онъ давно — круглый сирота. Точно онъ мальчикомъ пришелъ провести воскресенье къ тетенькѣ, балующей его. Всю педѣлю обращались съ нимъ грубо товарищи и надзиратели, а тетенька приглубить, вареньица дать, въ головку поцѣлуетъ, назоветъ Антошей. Одна такая тетка была у него, и у ней въ комнатѣ такъ же пахло. Все говорило о присутствіи ласки мягкой, пухлой женщины — старше тебя, опытной, но зато снисходительной и податливой на всякую ласку.

Ему уже совершенно ловко. Вотъ она присаживается и говорить такъ родственно:

— Вы меня не дичитесь, голубчикъ. Ковриная, по слабости своей, много, пожалуй, тутъ и лишняго наговорила. Я рада, что могла его опять... какъ вамъ это сказать... ну, да онъ самъ объ этомъ объявилъ, такъ и я попросту скажу... вытрезвить. А васъ вѣдь не надо вытрезвлять? Вы, я вижу, обижены. Это — хуже всего. У насъ вездѣ взятки, да кумовство. И я сама чрезъ это все проходила. И я была въ загонѣ. Теперь меня, точно, уважаютъ, а почему? — потому что я ни въ комъ не нуждаюсь. Сама знала и нужду, и обиду, — поэтому, когда въ другихъ вижу Божью искру — поддерживаю.

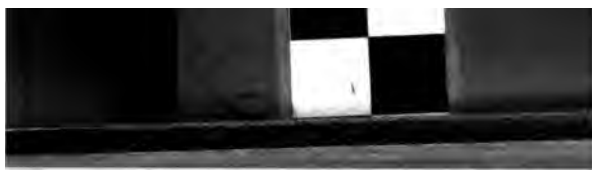
Онъ слушалъ, низко наклонилъ голову и сдерживалъ дыханіе. Слезы уже подступили къ глазамъ. Ему стыдно было взглянуть на нее.

— А голосъ вашъ, признаться, забыла. Стасенька-то мой уносится очень любить. Вкусъ у него богатый; по много и зря говорить.

И эти слова тронули Крупеникова. Другая бы не стала такъ искренно говорить. Не хочетъ лгать и отвертываться пустыми словами. Ужасно захотѣлось ему пропѣть ей что-нибудь сейчасъ же. Въ груди у него столько скопилось чувства: еще темного, и онъ разрыдается.

Все еще не поднимая головы, онъ поглядѣлъ вбокъ. Онъ только теперь разглядѣлъ низковатое pianino, представленное къ перегородкѣ, и рядомъ бѣлую этажерку для нотъ.

— Вы не знаете... моего голоса, — съ трудомъ выговорилъ онъ, — позвольте мнѣ...

Онъ быстро всталъ и подошелъ къ пианино.

— Да зачѣмъ же?—остановила было она его.—Въ другой разъ...

Онъ уже сѣлъ на табуретъ.

— Сидя-то быть неудобно. Не хотите ли я вамъ съаккомпанирую? Можеть, и наизусть знаете?

... Изъ „Русалки“.

— Чудесно! Сейчасъ найду. Арию князя?

Не сѣша, нашла она зеленую переплетенную тетрадь и положила ее на пюпитръ. Онъ сталъ сзади. Пока она брала вступительные аккорды, онъ оправился отъ своего волненія.

— Начинайте, — сказала она вполголоса и обернула голову.

Онъ запѣлъ:

„Невольню къ этимъ грустнымъ берегамъ
Мени влечетъ таинственная сила!“

Комната была большая. Голосъ его разлился по ней звонко и мягко, сначала съ дрожью, потомъ согрѣлся, и мелодія потекла все задушевнѣе и теплѣе.

Фразу:

„Здѣсь нѣкогда меня встрѣчала
Свободнаго — свободная любовь!“

Крупениковъ произнесъ характерно и красиво.

— Славно!—вполголоса вскричала Скакунова.

Когда арія дошла до конца, она встала, протянула ему обѣ руки и тронутымъ голосомъ сказала:

— Вы талантливы, голубчикъ; души — пропасть, и голосъ славный, сильный...

Ея щеки зарозовѣли. И глазами она его приласкала.

Крупеникову опять захотѣлось плакать. Онъ поцѣловалъ одну изъ протянутыхъ рукъ и почувствовалъ, какъ губы Прасковьи Ермиловны прикоснулись къ его волосамъ. Такъ ему тепло и сердечно! Какъ было бы хорошо, если бы она взяла его въ сыновья. Къ такой добрейшей душѣ сладко прильнуть. Съ ней все, что есть въ тебѣ хорошаго, какъ въ артистѣ, оживеть, распухнетъ...

Держа его за руку, она сѣла съ нимъ рядомъ на диванчикъ и стала говорить еще мягче и задушевнѣе. Обо всемъ разспросила, все узнала. Сейчасъ же и про себя объявила, что она — московка, и такъ же, какъ и онъ, купеческаго рода, по матери. Шестьсотъ рублей получаетъ артистъ съ такимъ голосомъ, на все про все! Какъ тутъ

жить молодому человѣку въ полной силѣ, да еще такому, что свои деньги имѣлъ, за границей учился, по золотому профессорамъ плачивалъ? Она ему дастъ, коли онъ желаетъ, репетиторское мѣсто, по классу пѣнія. И завтра, а то и сегодня она поѣдетъ хлопотать. Она знаетъ, къ кому обратиться. Композиторы, критики у ней есть на примѣтѣ. Дождаться только хорошаго случая, потерпѣть, а въ длинныхъ ролькахъ не показываться. А не выгорить—антрепренеры у ней же въ рукѣ. Ея рекомендаціи что-нибудь да значить. Дотянуть до конца сезона, а на лѣто — въ провинцію. Постомъ, въ концертахъ умѣючи заявить себя передъ публикой. И объ этомъ она поспрашивается.

— Вы лучше родной матери!—съ трудомъ выговорилъ Крупениковъ.

Онъ слышалъ, какъ въ голосѣ ея зазвучали самыя теплыя ноты. Ему не стыдно было благодарить ее. Никакой гордости и обиды не чувствовалъ онъ отъ этого покровительства. Разъ два еще прижался онъ къ ея рукѣ.

Прасковья Ермиловна, совершенно ужъ какъ мать, обняла его подъ конецъ.

— Это не сирота Стасенька привелъ васъ,—сказала она ему, подводя къ двери.—Вижу, еще денекъ, другой—и отчаянность на васъ напала бы. И кончено. Врагъ-то слепецъ,—выговорила она съ улыбкой и вздохомъ доброй няни.

Крупениковъ радъ былъ отдаться въ руки этой няни. Онъ зналъ, что слабости въ немъ много. Того и гляди, сгипнешь въ компаніи Бурцевыхъ. А въ ней, сквозь теплоту и ласку, видна твердость. Только прильни и не криви душой.

XI.

По уходѣ молодого тенора, Прасковья Ермиловна долго оставалась въ особомъ настроеніи. Все у ней внутри всколыхнулось. Благородныя чувства прилили къ ея сердцу, желаніе защитить, наставить, а главное — пригрѣть и обласкать. Она и вообще не считала еще себя старухой, но тутъ у ней слѣзло съ плечъ цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ.

Много она любила. Мужчины легли на ея плечи тяжелой ношей. Съ давней поры, лѣтъ чуть не тридцать тому назадъ, она должна была денно и нощно бороться съ

своимъ сердцемъ. Кажется, чего лучше, какъ прожить безъ этихъ мужчинъ? Что въ нихъ привлекательнаго? Грубы, пьютъ, курятъ, грязны, говорятъ сальности, способны проиграть все до рубашки, въ женщинѣ видятъ одно тѣло... Ни благодарности, ни душевнаго порыва, ни тонкой нѣжности, ни простой деликатности съ любящей женщиной... Настоящее звѣрье!

А не сохранишь своей свободы! Все тянетъ къ этому отродью. Знаешь всю ихъ негодность и очутишься шута рабой или впутаешься въ глупую исторію, или закабалишь себя на много-много лѣтъ. Прикинется барашкомъ, глазами поводить, усики, голосъ прямо въ душу идетъ, бѣденъ, загнанъ, талантъ есть, а то такъ просто молодость, да жалобныя слова говорить — и не устоишь. И дура-дурой! Нельзя ошейника-то своего сбросить до тѣхъ поръ, пока не откупишься деньгами или не умереть это сокровище!

Какую любовь свою ни вспомнишь, вездѣ приходилось расплачиваться собственной кожей. Дѣвушкой ужъ со-вѣтъ глупо врѣзалась. Сколько лѣтъ тянулось издыханье, поцѣлуй шли, но аллеямъ гуляли, на подъѣздахъ жданье, сувениры, истерики, слезы, а все кончилось тѣмъ же, чѣмъ и въ другихъ случаяхъ, когда дѣло сразу идетъ на всѣхъ парахъ. Пришлось грѣхъ хоронить, комедію цѣлыми годами играть передъ добрыми людьми, за дѣвицу себя выдавать. Хорошо, что ребенокъ не жилъ. Было бы ему сладко, нечего сказать! А выходъ изъ этой десятилѣтней любви? Оказался онъ такимъ же „салдафномъ“, какъ и сотни другихъ, законный бракъ сулилъ, а когда свѣжесть лица, да мягкость кожи не тѣ стали — преспокойно завелъ себя какую-то чухопку. И обижаться не смѣй! Хорошо еще, что изъ тебя денегъ не тянулъ, не ввелъ тебя въ болѣзнь и нищету. И за то Господа Бога благодарн!

Чего: лучше здоровой, не старой жепщинѣ, въ полномъ соку, съ житейской смѣлкой и находчивостью, — жить, да обставлятъ себя получше и добро дѣлать отъ избытка? Какъ бы не такъ! Засасывать начинаетъ тоска. Или закрадется жалость къ первому понавшемуся замухрышкѣ. Дѣтей больше не родилось, а материнство-то не умерло въ душѣ. Съ кѣмъ-нибудь надо возиться; нянька-то сидитъ во всемъ женскомъ естествѣ. И непременно съ мужчиной. Брать на воспитаніе дѣвочку-сиротку — не хочется. Очень

ужь и съ ученицами много возни. Ну, и подвернется... Ниже травы, тише воды опъ, когда ему „цыпъ-цыпъ“ дѣлаешь. Готовъ въ услуженіе поступить. Одѣнешь его, мѣсто выхлопочешь, человѣкомъ сдѣлаешь и въ мужья возьмешь. Самой хочется въ законѣ пожить. И его-то поднять, чтобы онъ права надъ тобой имѣлъ, чтобы очень-то не презиралъ самого себя: что вотъ, молъ, у бабы живетъ на хлѣбахъ. Опять каторга! Глупъ, тошный, брюзга, лѣнтяй, хуже всякаго лакея. Гдѣ глаза были, что такое въ головѣ залегло, затменіе что ли, когда его въ мужья брала? Какъ ни уходишь въ дѣло, какъ ни стараешься подавить свою горечь — невозможно. Тутъ прилѣпишься къ кому угодно, и чѣмъ онъ вороватѣе, тѣмъ скорѣе все случится. И года не берутъ, разумъ, опытность, знаніе этихъ развратниковъ, сластолюбцевъ и обманщиковъ. Тутъ ужь ничто не беретъ. Отдаешься всѣмъ сердцемъ, чувство изъ тебя ключомъ бьетъ, ревешь отъ избытка нѣжности, ничего не замѣчаешь: ни своей дурасти, ни того, что обходить тебя, какъ послѣднюю глупую бабу. Сколько примешь тяготы, денегъ, хлопотъ, стыда, пройдохества, чтобы отъ тошнаго мужа отдѣлаться. Насилу откупишься, и что же? Мечтаешь о новомъ рабѣ, какъ тотъ, желанный-то, въ этотъ рай тебя введетъ, забудетъ, что ты его на десять лѣтъ старше, и станете вы ворковать. Ань вмѣсто того: — срамъ, пьянство, карты, дебошъ, побой, полная мерзость. А подъ конецъ — издѣвательство, тебя же называютъ развратной бабой, нахально кричатъ, что только изъ-за денегъ и можно было съ тобой путаться!.. Господи!

И какъ еще достало здоровья, силъ, чтобы поддержать себя, не хлопнуться совсѣмъ въ грязь! Нѣтъ, глупа, глупа въ чувствахъ своихъ съ мужчинами, а въ остальномъ не тотъ человѣкъ; боятся, уважаютъ, считают даже коловтовкой! Да и въ самомъ дѣлѣ, умѣетъ же справляться со своимъ заведеніемъ; всѣ знаютъ ее, всюду хорошій пріемъ и почетъ, до сихъ поръ считается артисткой. Сумѣла сбившагося въ конецъ Коврина оправить. И онъ ея боится, какъ огня; а она ни разу на него и не прикрикнула. Надѣется и совсѣмъ его вылѣчить и заставить работать: пускай композиторствомъ со свѣжими силами займется; можетъ, и цѣлую оперу напишетъ. На всю жизнь его облагодѣтельствовала. А отчего? Оттого, что нѣжности къ нему настоящей не почувствовала, той прежней, женской, что къ мужчинамъ влечетъ и глаза застилаетъ.

Вотъ и этотъ тенорокъ. Жалко его ужасно! Такой молодой, простой, безъ хитрости, изнываетъ отъ желанія выдвинуться впередъ. Тутъ все въ немъ и трепещетъ! Нельзя его не приласкать. Тутъ любовнаго увлеченія быть не можетъ. Все равно, что съ Ковринымъ; только приголубить его хочется. Ему не больше двадцати пяти-шести лѣтъ. Шутка, на двадцать лѣтъ она его старше! Года возьмутъ свое—опасаться нечего. И усталость называется послѣ всѣхъ прежнихъ мученій. Надо съ этимъ покончить. Ужъ матерью быть, такъ въ самомъ дѣлѣ матерью, пожалуй, и бабушкой. Такъ-то!..

XII.

Въ тотъ же день, передъ самымъ обѣдомъ, Прасковья Ермиловна уѣхала со двора. Она попала къ сборному часу одного иностраннаго табль-д'ота. Тамъ надо было прежде всего пощупать почву. Меблированныя комнаты содержалъ французъ, бывшій поваръ, женатый на обрусѣлой француженкѣ, бывшей опереточной пѣвицѣ. У нихъ квартируютъ всегда итальянцы; изъ русскихъ—тоже пѣвцы и пѣвицы, ищущіе мѣста; обѣдать ходятъ два театральные чиновника, одинъ покрупнѣе, другой мелкій, докторъ и еще два-три постоянные посѣтителя изъ меломановъ.

Хозяйку Прасковья Ермиловна нашла въ узкой комнатѣ, передъ столовой, за конторкой. Противъ двери въ столовую, у лѣвой стѣны, примостился небольшой столъ съ водкой и закуской. Обрусѣлая француженка молодилась. Ей на видъ, въ полусвѣтѣ комнаты, нельзя было дать больше тридцати, но Скакупова считала ее своей ровесницей. Мужемъ она помышала почти какъ лакеемъ. Онъ съ утра прикладывался къ красному вину и за обѣдомъ надобдалъ всѣмъ своей болтовней съ южнымъ акцентомъ. Всѣ гости потѣшались надъ нимъ, передразнивая, какъ онъ произноситъ „estation“, вмѣсто „station“, и „escorpion“, вмѣсто „scorpion“, говорили ему прямо въ глаза, что онъ вреть, когда онъ рассказывалъ въ сотый разъ свои похождения на французскомъ военномъ корветѣ, во время кругосвѣтнаго плаванія, гдѣ онъ состоялъ корабельнымъ поваромъ. Господинъ Мусильякъ—такъ его звали—не обижался и продолжалъ трещать своимъ гасконскимъ языкомъ. Онъ самъ приправлялъ салатъ и присматривалъ на кухнѣ; кушанья подавались больше южныя—итальянскія и даже испанскія—съ перцемъ и чес-

покомъ. Дѣла мебелированныхъ комнатъ шли плоховато. Держались онѣ только тѣмъ, что госпожа Мусильякъ сумѣла привлечь когда-то одну особу, высокопоставленную въ театральномъ мірѣ. Съ тѣхъ поръ прошло болѣе шести лѣтъ, но, по преданію, она все еще считалась не безъ вліянія. Теперь каждый день обѣдало двое служащихъ. Про одного подъ шумокъ говорили, какъ про настоящего хозяина табль-д'ота. Онъ всегда садился рядомъ съ госпожой Мусильякъ, ему ставили особенное вино; иногда онъ привозилъ закуски или какого-нибудь ликёру, блюда начинали обносить съ него. Около него сидѣлъ всегда мелкій „чинушъ“, какъ называла его Скакунова, но очень юркій, услужливый, большой сплетникъ. Отъ него можно узнать во-время всякую новость. Итальянцы и русскіе артисты мѣнялись по сезонамъ. Два тенора—одинъ испанецъ родомъ—жили каждую зиму. Часто ходилъ докторъ-шутникъ, молодой еще человѣкъ, съ черной бородой, пускающій въ ходъ полуприличныя остроты. Онъ говорилъ по-французски смѣло, но до смѣшного плохо: этотъ языкъ преобладалъ за столомъ. Почти всегда проживала и ходила обѣдать какая-нибудь пѣвица, ожидающая дебютовъ. Съ нею брали втридорога за комнату, заманивали ее обѣщаніями, заставляли тратиться на уроки у итальянцевъ и къ концу сезона сплавляли.

Вся столовая, продолговая комната въ два окна, обвѣшана сотнями фотографій разныхъ величинъ и во всевозможныхъ рамкахъ. Тутъ портреты всѣхъ пѣвцовъ, пѣвицъ, танцовщиковъ, танцовщицъ, актеровъ, актрисъ, знаменитостей оперетки и кафе-концертовъ. Многіе изъ иностранцевъ жили въ этихъ комнатахъ и дарили свои карточки и альбомные портреты съ надписями.

Столъ былъ накрытъ на двѣнадцать человѣкъ.

Элоиза Адольфовна Мусильякъ говорила съ Прасковьей Ермиловой всегда по-русски. Она прекрасно знала, что эта гостыя пріѣзжала только по дѣлу. Иногда Скакунова оставалась и обѣдать. Сегодня ей хотѣлось поразспросить о чемъ слѣдуетъ у маленькаго чиновника.

— Егоровъ будетъ?—освѣдомилась она вполголоса у хозяйки, присаживаясь къ конторкѣ.—Я вамъ, милочка, не мѣшаю?

— Будетъ непременно,—сказала дѣловымъ тономъ Мусильякъ.

— А здоровье Павла Михайловича?

„Павелъ Михайловичъ“ было имя чиновника покрупнѣе, играющаго роль настоящаго хозяина за столомъ.

— Благодарю васъ, — отвѣтила французенка, точно дама, благодарщая за своего мужа.

Первымъ пришелъ теноръ, испанецъ родомъ, толстенкій, низкорослый, съ подстриженной бородкой, очень смуглый.

— Готовъ! — крикнулъ онъ умышленно ломанымъ языкомъ и подбѣжалъ къ слуховой трубѣ, проведенной въ кухню. — Двѣ порціи карандашъ! — пустилъ онъ въ трубу. — Одна порцій патронташъ!..

Съ этого дурачества онъ начиналъ каждый день, и когда всѣ соберутся, повторялъ его еще разъ. Пришли еще два оперные пѣвца, два меломана, одинъ съдой, другой неопредѣленныхъ лѣтъ, явился и господинъ Мусильякъ, съ краснымъ, лоснящимся бритымъ лицомъ и рыжеватыми усами, въ потертой визиткѣ, отъ которой несло кухней. Пришла большого роста, широкоплечая и съ широкимъ лицомъ блондинка въ красномъ трико-джерсеѣ и въ длинныхъ косахъ.

— Кто это? — освѣдомилась Прасковья Ермиловна, все еще сидѣвшая около конторки.

— Полька одна, фамилія Левандовская.

— Дебютируетъ?

— Обѣщаютъ дебютировать...

— Какой голосъ?

— Контральто.

— Сильный?

— Очень... только мало училась.

Прасковья Ермиловна сейчасъ же подумала о своей Аришѣ. Она ее любила, хотя и была съ ней строже, чѣмъ съ другими. Вотъ примутъ такую польку — и будетъ мѣсто занято. А той еще добрый годъ, коли не два, надо учиться. Дѣвушка честная, даромъ что сорванцомъ смотритъ. У этакой же польки что есть завѣтнаго? На всякую сдѣлку пойдетъ, съ кѣмъ угодно: и съ первымъ пѣвцомъ, и съ капельмейстеромъ, и съ режиссеромъ.

Лицо Прасковьи Ермиловны немного затуманилось.

Пришелъ докторъ, что-то сошкольничалъ, наливая себѣ водки, и близко-близко подошелъ къ пѣвицѣ. Госпожа Мусильякъ кончила свои счета, встала, отряхнулась и заглянула въ столовую.

— Вы съ нами не останетесь? — спросила она Прасковью Ермиловну.

— Нѣтъ, милочка, прикажите мнѣ поставить приборъ. Прасковья Ермиловна разсудила, что надо остаться и отобѣдать.

XIII.

Въ четверть седьмого всѣ были въ сборѣ. И оба чиновника пришли, и музыкантъ-итальянецъ съ женой-нѣмкой. Теноръ еще разъ крикнулъ въ слуховую трубу: „порцій карандашъ!“—всѣ громко разсмѣялись. Господинъ Муслиякъ, на своемъ углу стола, приготовлялъ салатъ и затынулъ уже какую-то исторію изъ кругосвѣтнаго плаванія.

Чиновнику покрупнѣе, Павлу Михайловичу, Прасковья Ермиловна успѣла что-то шепнуть. Хозяйка посадила ее по лѣвую руку отъ него, а рядомъ съ ней, лѣвѣе, маленькаго чиновника. Съ тѣмъ они весь обѣдъ говорили вполголоса по-русски, подъ шумъ и трескъ разговоровъ, гдѣ французскіе и итальянскіе возгласы и фразы пересыпались.

Въ передышку, между блюдами, Прасковья Ермиловна оглядывала общество. Всѣ эти мужчины уже на дорогѣ, каждому есть ходъ: и пѣвцамъ, и музыкантамъ, и доктору. Оттого они такъ и гогочутъ. Что вонъ въ томъ теноришкѣ есть путнаго? Двѣ ноты, да и тѣ головныя. А поди, тысячь пятнадцать въ сезонъ получаетъ?! Заплатишь агенту, когда еще съ голосомъ былъ, а потомъ и пошелъ по всѣмъ столицамъ. И каждый годъ дороже дѣлается, пока совсѣмъ не осипнетъ.

Горькое чувство не въ первый разъ поднимается въ Прасковью Ермиловну, когда она думаетъ о томъ, какъ итальянцевъ и всякихъ заѣзжихъ артистовъ ублажаютъ у насъ, въ ущербъ своимъ талантамъ. Она—патріотка. Удивительно, какъ еще она сама могла пробиться, обезпечить себѣ кусокъ хлѣба на старость лѣтъ? А каково бѣдному молодому человѣку, вотъ хоть бы такому Бруненикову? Даже глаза ея стали влажны.

Къ концу обѣда она поклонилась къ своему сосѣду справа и сказала ему вполголоса:

— Такъ вы, пожалуйста, голубчикъ, Павелъ Михайлычъ... Надо же дать жить человѣку. Голосъ—масло!

Павелъ Михайлычъ что-то промывчалъ.

— Безъ обмана?—спросила Прасковья Ермиловна.

— Безъ обмана,—повторилъ онъ.

Мелкій чиновничекъ все что-то ей пашёштывалъ во время пирожного и кофею. Она улыбалась, прихлебывая изъ чашки.

— Ужъ я на васъ, Митенька, надѣюсь,—говорила она покровительственно.

— Такъ и будемъ дѣйствовать, кума.

Онъ называлъ ее „кума“ не въ шутку. Скагунова крестила у него дѣвочку. Этотъ Егоровъ сдѣлаетъ непременно, о чемъ она его просить. А съ нимъ каждый пріятель, всѣмъ онъ можетъ услужить по своей должности. Онъ же сообщилъ ей, чего слѣдуетъ добиваться на первыхъ порахъ. Есть двѣ-три небольшія партіи, гдѣ Крупеникову выгодно появиться. Это устроить не трудно. Онъ и самъ бы этого добился, да не умѣетъ.

Прасковья Ермиловна узнала тутъ, что „тенорокъ“—такъ называлъ Крупеникова чиновничекъ—очень ужъ „амбиціозенъ“, и дикость въ немъ есть, простоватость какая-то; ни къ кому онъ какъ слѣдуетъ не обратится, не выждетъ подходящей минуты. Такіе отзывы еще больше растрогали Прасковью Ермиловну. Что жъ такое, что онъ не умѣетъ ничего добиться? Значить, у него душа чистая, гордая; значить, онъ не способенъ ни подличать, ни унижаться. Но особенно защищать она его не стала: передъ чиновникомъ назвала только „прекрасной души юношей“.

Изъ-за стола поднялась она въ возбужденномъ настроеніи, еще разъ пошептала съ Павломъ Михайлычемъ и отвела хозяйку въ уголъ. Съ ней она умѣла ладить. Безъ подарочка тутъ не обойдется.

Домой она не поѣхала, а пошла пѣшкомъ. Стоялъ свѣтлый, сухой, морозный вечеръ. Пріятны ей были ея хлопоты. Не для себя она пускала всѣ эти пружины. Просто, доброе дѣло дѣлала, и не сухое, формальное, а душевное. Идетъ она въ шубѣ, а ей легко, не чувствуетъ своей толщины и нога правая не ноетъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ у ней когда-то вывихъ былъ. Много ли ей это стояло? Часа два потеряла, да за обѣдъ съ полбутылкой вина два рубля двадцать, а сколько отрады получила!

На Невскомъ, противъ памятника Екатерины, съ Прасковьей Ермиловной столкнулся носъ къ носу мужчина въ енотовой шубѣ, безъ канюшена, съ сѣдой бородой.

— А, Купоросовъ!—узнала она его.—Куда шагаете?

Это былъ пріятель, музыкальный критикъ. И какъ удачно вышло, что онъ именно теперь встрѣтился, когда она про-

должала обдумывать устройство артистической судьбы своего новаго любимца.

Купоросовъ, очень близорукій, не сразу призналъ ее и тотчасъ же началъ что-то бурлить о новой оперѣ, шедшей въ Марининскомъ театрѣ. Послышались бранные взгляды. Слова: „ерунда“, „мерзость“, „навозъ“ и другія выраженія въ такомъ же родѣ сыпались какъ горохъ.

Прасковья Ермиловна удалось, однако, остановить его и перевести разговоръ на молодого тенора съ отличнымъ голосомъ, съ русскимъ размахомъ, задухевнымъ, оригинальнымъ тономъ. Надо его поддержать. Купоросовъ пожелалъ прослушать его, и если онъ окажется „безъ итальянщины“, дать ему нѣсколько совѣтовъ. Слышно, что композиторъ Симбирскій пріѣзжаетъ изъ Москвы ставить оперу. Навѣрно, въ ней не мало будетъ „навоза“, но кое-что ему удастся. Онъ поговоритъ Симбирскому объ этомъ Крупениковъ, если у него окажется хорошій „пошибъ“ голоса.

Прасковья Ермиловна держала критика за рукавъ и приговаривала:

— Ужъ вы не умничайте, голубчикъ... Русскую школу я и сама люблю, да голосъ-то прежде всего надобенъ...

— И кастраты пѣли!—перебилъ Купоросовъ.

— Говорю я вамъ: паренекъ чудесный. Вотъ ваша-то компанія все мечтаетъ выпустить на сцену своего героя въ бытовомъ вкусѣ, и чтобы колюрить былъ. Лучшее не найдете. На той недѣлѣ пришли бы ко мнѣ и Всеславцева бы привели.

— Онъ заперся; Богу молится...

— Такъ этого еще... ну, вы знаете кого. Стасеньку Коврина аккомпанировать заставимъ. Спасибо скажете.

Купоросовъ куда-то торопился, но обѣщалъ пріѣхать прослушать тенора.

XIV.

Другимъ воздухомъ повѣяло на Крупеникова. И у себя, въ пыльномъ номерѣ, и на улицѣ, и за кулисами, и въ трактирѣ, вездѣ онъ иначе себя чувствуетъ. Походка изменилась, пѣть уже унылой усмѣшки съ выраженіемъ обиды. Онъ началъ весело ждать.

Режиссеръ два раза ласково говорилъ съ нимъ. Вліятельный копторскій чиновникъ подошелъ разъ и спрашивалъ: какъ онъ доволенъ своимъ положеніемъ? На одной

недѣль два раза ставили на афишу. Разумѣется, выдвигаться въ ансамбль нельзя; но пѣть въ хорошемъ финалѣ все-таки выгодноѣ, чѣмъ протянуть одинъ какой-нибудь речитативъ. Слышали его критикъ Купоросовъ и еще два музыканта у Прасковьи Ермиловны и очень одобрили. Онъ имъ пришелся по душѣ.

— Намъ такого нужно!—кричалъ критикъ.

Началъ онъ и свои занятія въ классахъ Скакуновой, репетируетъ по классу пѣнія. Это ему особенно весело; самъ-то онъ мало учился, а все-таки на себя иначе смотришь. Все-таки преподаватель. Прасковья Ермиловна съ каждымъ днемъ все добрѣе. Не говоритъ ничего про то, что за него хлопочетъ, да онъ видитъ же, откуда это идетъ. Отъ другого человѣка, даже отъ пріятеля, не то, что ужъ отъ женщины, онъ не принялъ бы, амбиція бы не позволила. А тутъ—ничего.

Даже радостно ему. Онъ увѣровалъ сразу въ то, что это—женщина особенная, послана ему не даромъ, за его „сиротство“ и „незадачу“, въ награду за благородство его помысловъ и въ охрану на всю жизнь. Никто не одѣнилъ его такъ по первому разговору. Не одинъ голосъ замѣтила она, а душу всего человѣка поняла. Всю свою материнскую теплоту вылила, не торгуясь, безъ всякихъ корыстныхъ расчетовъ. Развѣ бы такъ она вела себя, если бы имѣла на него виды, какъ на молодого, пріятнаго лицомъ мужчину? Не умѣетъ онъ, что ли, разобрать, чтѣ въ женщинѣ дѣйствуетъ, какая пружина? Скорѣе ему самому трудно бываетъ сдерживать себя: такъ бы и припалъ къ ней.

Заѣхала она къ нему посмотреть, какъ онъ живетъ. Сейчасъ же все устроила, отыскала отличныя двѣ меблированныя комнаты, поближе къ ея классамъ, и перевезла. Оставшись съ-глазу-на-глазъ въ номерѣ, такъ ли бы она повела себя, коли бы у ней иное было на умѣ? Ни единого взгляда, ни единого слова, а только одна ласка, какъ съ сыномъ.

Въ новой квартирѣ у него свѣтло, воздухъ отличный, чистота, инструментъ за дешевую цѣну она же добыла. Предложила ему столоваться у ней: беретъ двадцать рублей въ мѣсяцъ; даромъ не стала кормить, напрасно обижать человѣка; говорить: „изъ жалованья вычту“, а жалованья платить шестьдесятъ рублей, больше чѣмъ въ театрѣ получаешь. И весь день совѣмъ по-другому по-

дѣль. Первымъ дѣломъ, никакого трактирнаго шатанья Бурцевыхъ и Мухояровыхъ не видишь. За кулисами Мухояровъ, подъ хмелькомъ, началъ было панибратствовать, такъ сейчасъ же ему и отпоръ былъ сдѣланъ... Часовъ-то свободныхъ оказалось вдвое больше. Утромъ часика два за фортепьяно посидишь, поучишься, голосоъ провѣтришь, къ классу подготовишься. Позавтракаешь дома: такъ Прасковья Ермиловна уговаривалась съ хозяйкой. Отъ водки устранишь себя. Не хорошо, коли пахнуть будетъ, хотя бы и малость, совѣстно передъ Прасковьей Ермиловной. И приятно себѣ самому, что какъ будто страхъ начинаешь имѣть, точно въ дѣтствѣ, но не рабскій какой-нибудь страхъ, а въ умиленіе приходишь, когда подумаешь объ этомъ. Послѣ завтрака урокъ, черезъ день... Такъ тебя и тянетъ, и въ свободный день зайдешь. Всегда пріемъ тебѣ, точно первенцу любимому, сейчасъ кофей со сливками, разспросы, слухи по ценѣ; пропѣть заставить что-нибудь новое, совѣтъ всегда отличный дастъ, укажетъ, къ чему надо бы еще подготовиться, къ какой партіи, на всякій случай. Къ Коврину завернешь въ комнату. У него такимъ же манеромъ хорошіе разговоры, челювѣкъ добрый-шій, простой, знаетъ много; теперь сочинять опять началъ—все подъ ея же наставленіемъ; прослушаетъ, замѣтитъ что-нибудь, лучше всякаго газетнаго критика.

За одно душевное довольство надо передъ ней на колѣняхъ стоять. Съ утра до поздней ночи ходишь поднявъ голову, не ковыряешь себя, не ноешь, не ищешь трактирнаго пьянчужку, чтобы только выслушать, какъ ты судьбу свою клянешь. Достоинство чувствуешь въ себѣ не такъ, какъ прежде, безъ всякой фанаберіи, тихо и благородно. Что въ тебѣ есть, то и объявится. Коли талантъ въ тебѣ—не пропадетъ зря. Увѣренность явилась, и ждать теперь можно хоть цѣлый годъ... Оно и лучше такъ-то: подучишься, есть время. На одну-то удалъ, да на хорошія верхнія ноты рассчитывать нельзя. Разумомъ надо выше стать, вдумываться, смотрѣть на то, какъ другіе играютъ, подмѣчать промахи, хорошему учиться, а не ломаться: „я, молъ, какъ выйду въ выигрышной роли, такъ всѣхъ и посажу!“ Въ роли-то не одно пѣніе. Нынче вонъ требуютъ „создать“ лицо, въ кожу къ нему влѣзть, чтобы и походка, и гримировка, и тонъ, и темпъ, и мало ли что. Все это онъ теперь слышитъ каждый день, благодаря все ей же, Прасковѣ Ермиловнѣ. Прежде ему въ

голову и одной десятой не входило мыслей разных, какія теперь уже сами собою ползутъ. За кулисами или когда въ оркестрѣ сядетъ слушать и смотрѣть—онъ другими глазами смотреть, другими ушами слушаетъ. Начинаетъ онъ понимать, чего хотятъ русскіе новые композиторы, про какой „колоритъ“ они толкуютъ, почему имъ любы бытовья сцены, что они называютъ „сочной“ музыкой. Сколько словъ, терминовъ, оборотовъ, указаній! Даже страшно и подумать, что вотъ дають тебѣ создать лицо. Создать! Но страхъ-то этотъ сладкій, отъ него мурашки ползають, духъ захватываетъ при одномъ мечтаніи.

Въ двѣ какія-нибудь недѣли женщина, своей неизреченной добротой и лаской, что можетъ изъ человѣка сдѣлать! И все это незамѣтно, безъ натуги, безъ всякихъ приставаній. Идешь къ ней въ ученье: вей изъ меня веревки, только не оставь своей лаской, только будь со мной все такая же, чтобы вѣра въ тебя была, въ твое добро и неоставленіе!

Минутами Крупениковъ принимался тихо плакать, думая о своей благодѣтельности.

XV.

Вечеромъ, въ комнатѣ Прасковьи Ермиловны горѣла подъ абажуромъ одна только свѣча на письменномъ столѣ. Скакунова сидѣла въ бѣломъ капотѣ и просматривала счеты. Съ утра ей нездоровилась. Она не была даже въ классахъ, поручила надзоръ Коврину. Но къ вечеру голова прошла, только душило ее немного. Эта нервнось бываетъ съ ней раза два въ мѣсяцъ. Больше, вѣроятно, отъ полноты.

Она знаетъ, что попозднѣе, часамъ къ одиннадцати, „Антоша“—она такъ уже зоветъ Крупеникова—непремѣнно зайдетъ изъ театра узнать о ея здоровьѣ. Теперь у ней совсѣмъ такое чувство, какъ у не очень еще старой матери къ молоденькому сыну, только что вышедшему изъ заведенія. Никакой непріятной тревоги, никакихъ особаго рода волненій—ничего. Тихая и теплая забота. Наньчаться она можетъ теперь вдоволь, и уже не такъ, какъ со Стасенькой,—гораздо нѣжнѣе. Да и разница есть. Тотъ—усталый, надорванный; хорошо, если опять не собьется; а этотъ—молодой, ничѣмъ еще не тронутъ.

И какъ онъ ведетъ себя въ классѣ съ дѣвцами! Точно самъ дѣвица. Хоть и купеческаго рода, а деликатность у

него удивительная. Ариша Веселкина такъ на него и на-
пираетъ; топъ у нея ужасный, а у него каждое слово
мягко и съ достоинствомъ. Если бы и другое чувство
имѣть къ нему, то и тогда нечего было бы ревновать.

На этой мысли Прасковья Ермиловна задумалась. Въ
квартирѣ стояла полная тишина. Ковринъ былъ въ го-
стяхъ. Сквозь двойныя рамы изрѣдка слышалось, какъ
проѣзжаютъ сани.

Съ вечера дверь въ сѣни запиралась. Затрепалъ воз-
душный звонокъ. Прасковья Ермиловна положила перо и
закрѣла книгу. Она не зажгла другой свѣчи, она боялась
свѣта, чтобы опять не разболѣлась голова, а только пере-
ставила ее на другой столъ и подумала:

„Чаю ему надо. Нынче большой морозъ. Навѣрно про-
зубъ“.

Крупениковъ прислалъ сначала горничную узнать, мож-
но ли видѣть Прасковью Ермиловну. Вошелъ онъ на цы-
почкахъ, съ шапкой въ рукѣ. Съ морознаго воздуха отъ
лица его пышло свѣжестью. Глаза весело блеснули.

— Холодно вамъ отъ меня?— бережно спросилъ онъ и
остановился въ дверяхъ.

Она пригласила его сѣсть поближе и поцѣловала въ
голову, когда онъ наклонился къ ея рукѣ.

— Ну, что?— окликнула она. — Хорошенькое есть что-
нибудь?

— Помилуйте! Такая удача!..

— Что такое?— радостно вскричала она и поднялась
съ кресла.

— „Русланъ“ долженъ былъ идти, — началъ Крупени-
ковъ; онъ торопился и глоталъ слова. — А баянъ-то и за-
хворай...

— Вы вызвались?

— И-съ! У меня что-то было этакое... какъ бы ска-
зать—предчувствіе...

— Бываетъ!

— Именно предчувствіе... Я вѣдь не занятъ... Думалъ
уходить, да очень ужъ я первый актъ люблю.

— Еще бы! Дивно!

Они не перебывали другъ друга; восклицанія Пра-
сковьи Ермиловны шли рядомъ съ его прерывистымъ раз-
сказомъ.

— Вдругъ помощникъ режиссера бѣжитъ: стрѣлся со
мною около уборныхъ— „Крупениковъ, говорить, режиссеръ

спрашиваетъ, можете вы сразу баяна?“ И, только, знаете, головой кивнулъ, даже ничего не сказалъ и прямо бѣгу одѣваться. Въ груди у меня все ходуномъ ходитъ! Ахъ, голубушка!—вырвалось у него, — ни съ чѣмъ это нельзя сравнить! И страхъ, и томить тебя, и въ глазахъ круги, и сладко такъ, кажется, ни за какія бы сокровища никому не уступилъ. Вотъ какъ-съ. Явись тотъ, выздоровѣй вдругъ—я бы, кажется, тутъ на мѣстѣ повалился.

— Полно, полно... Антоша!

Отъ волненія она начала ему говорить „ты“.

— Ну-съ, анонсъ сейчасъ сдѣлали. Въ публикѣ зашикали при моемъ имени. Каково это? А я ужъ сижу въ костюмѣ...

— За гусями?

— Да, за гусями. Всѣ слышать; за большимъ-то столомъ, гдѣ сидятъ наши наибольшіе-то, пересмѣхнулись. У меня въ головѣ совсѣмъ померкло. Хористы, хористки, точно рожи мнѣ строить.

— Что ты это? Богъ съ тобой!..

— Ей-же-ей, рожи строить. Я ни живъ, ни мертвъ... Однако...

— И успѣхъ?! — порывисто перебила она его и схватила за обѣ руки.—Успѣхъ?..

— Заставили повторить-съ! Никогда этого не бывало! Пріемъ такой!

Онъ не договорилъ, испугался, что расплачется.

Прасковья Ермиловна обняла его и поцѣловала въ лобъ. Круениковъ приникъ къ ея плечу. И что-то въ немъ заходило. Ужасная, почти нестерпимая радость подмывала его. Онъ держалъ ее и цѣловалъ. Ему надо было вылить въ горячихъ ласкахъ всю свою душу. Онъ забылъ, что она годится ему въ матери. Все въ ней, въ эту минуту, было для него дорого и привлекательно. Сладкое томленіе смѣнило тотчасъ же порывъ бурной радости. Благодарность душила его...

— Родная! — повторялъ онъ, — милушка моя! Люблю тебя... люблю!

И продолжалъ цѣловать ея руки, голову, плечи. Она ушла вся въ этотъ взрывъ. Ничего подобного она не помнила. Женщина проснулась въ ней...

Черезъ полчаса она сидѣла съ нимъ рядомъ и обводила его блаженнымъ взглядомъ, а правой рукой гладила по волосамъ.

Онъ все еще пылалъ. То встанетъ и пачистъ прыгать по комнатѣ, то схватить ее за талію и цѣлуетъ, то повторяетъ какое-нибудь одно слово или смѣется, поддѣски глядя на нее влажными глазами.

Она и не взвидѣла, какъ онъ сдѣлался ея любовникомъ. Даже когда онъ ушелъ, поздно, во второмъ часу, и она, по своей привычкѣ, засвѣтила лампадку и начала, стоя, креститься,—Прасковья Ермиловна точно забыла, что случилось два часа передъ тѣмъ.

XVI.

Недѣли черезъ двѣ, утромъ, послѣ своего урока, Крупениковъ завернулъ къ Коврину посидѣть. Музыкантъ сейчасъ же замѣтилъ, что теноръ пришелъ къ нему не с проста: лицо у него было слишкомъ возбуждено.

Въ эти двѣ недѣли онъ еще разъ пѣлъ въ „Русланѣ“, но за болѣзнью: партіи ему еще не давали; общали только, что онъ будетъ чередоваться. Прасковья Ермиловна еще сильнѣе тронула его своимъ поведеніемъ. На другой день, когда они остались вдвоемъ, она ему сказала:

— Антоша! ты себя не обманывай! Ну, сердце у тебя переполнилось... Я этимъ не воспользуюсь. Мнѣ сорокъ пять лѣтъ стукнуло.

Онъ только цѣловалъ ея руки. Она заплакала и сразу повѣрила въ свое счастье. Потребность въ мужской любви и ласкѣ еще глубоко сидѣла въ ней. Прежній горькій опытъ сразу забылся.

Наружно все пошло по-старому. Она говорила ему „ты, Антоша“, совершенно такъ, какъ и Коврину. Но Крупениковъ очень ужъ сіялъ, когда они бывали втроемъ; то и дѣло поглядывалъ на Прасковью Ермиловну, цѣловалъ у ней руки и называлъ „мамашей“. Дней черезъ десять, Ковринъ сталъ какъ будто догадываться, но врядъ ли онъ предполагалъ, что дѣло дошло до полнаго сближенія.

— Что скажете, голубчикъ? — встрѣтилъ его Ковринъ обычнымъ вопросомъ.

Онъ пилъ кофей и покуривалъ. Никакихъ намековъ на отношенія тенора къ Скакуновой онъ не желалъ дѣлать. Крупениковъ, потирая руки, потоптался немножко на одномъ мѣстѣ, потомъ присѣлъ къ столику, на которомъ стоялъ стаканъ кофейю, и наклонилъ голову.

— По душѣ хочется поговорить съ вами, Евстафій Петровичъ.

— Что жъ мѣшаетъ?

— Я вамъ вѣрю и уважаю васъ; вы—человѣкъ истинно христіанскаго...

— Полноте. Что за акаѳистъ! — перебилъ его Ковринъ и разсмѣялся.

— Да такъ-съ. Евстафій Петровичъ, вы меня не выдадите. Объ такой женщинѣ надо благоговѣйно... Тутъ не слабость или вождельніе...

Крупениковъ запутался и покраснѣлъ до ушей.

— Вы не волнуйтесь, Антонъ Сергѣичъ!

Ковринъ взялъ его за руку. На рѣсницахъ Крупеникова блестяли слезы. Онъ весь вздрагивалъ.

— Простите, — бормоталъ онъ. — Я не могу хладнокровно. Сколько эта женщина во мнѣ чувства вызвала. И какое я къ ней имѣю обожаніе... ей-Богу! Мнѣ будетъ за нее до смерти обидно, если теперь кто-нибудь... вы меня понимаете, Евстафій Петровичъ?

— Полюбилась вамъ Прасковья Ермиловна?—спросилъ музыкантъ вполголоса. — Что жъ? Тѣмъ лучше. Субординація, мой милый Антонъ Сергѣичъ, еще скорѣе пойдетъ.

— Охъ, не извольте шутить, Евстафій Петровичъ, не извольте! Жизнь моя совсѣмъ преобразилась. Только Прасковья Ермиловна и научила себя понимать, и все, что артисту нужно...

Онъ опять сталъ путаться. Коврину сдѣлалось его жаль.

— Успокойтесь, голубчикъ. Я за васъ dokonчу. Вы полюбили ее. Ну, что жъ! она это оцѣнитъ. Она и теперь, кажется, уже оцѣнила. Во всѣхъ женщинахъ, душа моя, благодарность есть, а ужъ колыми паче въ женщинахъ на возрастѣ, которымъ давно пятый десятокъ идетъ.

— Нѣтъ-съ! Зачѣмъ же такъ-съ? Для меня въ настоящій разъ судьба рѣшается...

Краска мгновенно пропала съ лица Крупеникова. Онъ всталъ и затоптался около кресла, гдѣ сидѣлъ Ковринъ. Волненіе его все росло.

— Что же, наконецъ, вы у меня, дружище, спрашиваете? Что вы хотите дѣлать? Въ любви ей объясняться?

— Этого совсѣмъ не надо-съ!..

— Значитъ, что же?

— Евстафій Петровичъ! — порывисто заговорилъ Крупениковъ, — вы меня ввели сюда, вамъ я всѣмъ обязанъ.

Поддержите меня и въ этомъ разѣ. Онѣ, — онѣ уже пересталъ называть ее по имени, — въ своемъ благородствѣ думаютъ, что мнѣ впослѣдствіи въ тягость будутъ. Но неужели же одно тѣло-съ? А душа-то, ничего нешто не значить? Душа-то? А какой же еще души искать? Опять же кому? Артисту!

Ковринъ, наконецъ, понялъ, въ чемъ дѣло. Его добрыя губы сложились въ усмѣшку съ другимъ выраженіемъ.

— Вы, стало-быть, — медленно и почти шопотомъ спросилъ онъ, — руку ей предложить хотите, а можетъ, и предложили ужъ?

— Зачѣмъ такъ выражаться, Евстафій Петровичъ! — вскрикнулъ Крупениковъ и заходилъ по комнатѣ. — Руку! Такъ только на театрѣ говорятъ. Руку! Что же такое моя рука? Или мое имя? Я еще ничего не значу. Можетъ, и вообще-то объ себѣ черезчуръ много возмечталъ! Не руку, а всю душу... Какъ сынъ любящій! Больше! До гроба!

Ковринъ поднялся съ кресла, подошелъ къ Крупеникову, положилъ ему на плечи обѣ руки и долго на него глядѣлъ.

— Вы это серьезно, голубчикъ? — съ удареніемъ выговорилъ онъ.

— А то какъ же-съ, Евстафій Петровичъ? — громко дыша и поводя глазами, спросилъ тотъ.

— Ну, такъ я васъ долженъ остановить, — сказалъ Ковринъ. — Вы хотите быть мужемъ Прасковьи Ермиловны? Если она сама отказывается, цѣлую ея ручки. Это доказываетъ, что я въ ней не ошибался. Она не хочетъ губить васъ.

— Губить-съ?!

Крупениковъ истерически захохоталъ.

— Да, губить! — повторилъ музыкантъ. — Вы — юноша, вамъ есть ли двадцать пять?

— Чтò значать года, Евстафій Петровичъ? Неужели въ нихъ сила?

— Выдвинуть васъ, направить, развить, особенно практически — да, на это нѣтъ лучше Прасковьи Ермиловны; но вамъ теперь взять въ жены чуть не пятидесятилѣтнюю женщину?.. Душа моя, я при одной мысли за васъ трепещу! И прощайтесь со всѣмъ: со свободой, съ голосомъ, съ карьерой, съ поэзіей жизни! Это ужасно!..

— А это какъ же-съ? — перебилъ его Крупениковъ и, схвативъ за обѣ руки, близко приставилъ къ его лицу свое лицо,—это какъ же будетъ, по-вашему, Евстафій Петровичъ: видѣть доброту, ласку, заботу, попеченіе... ходъ вамъ доставили... настоящая дорога передъ вами... все это взять себѣ, такъ, значить, здорово-живешь? Пить-ѣсть, какъ сыръ въ маслѣ кататься, а потомъ и пошла вонъ, когда ты мнѣ больше не годна! Другія найдутся, помоложе!.. Это нешто честно? Вы мнѣ такъ, значить, совѣтуете? Полноте! Я васъ слишкомъ высоко ставлю! Вы это, Евстафій Петровичъ, обмолвились!

. XVII.

Голосъ Крупеникова поднялся до самыхъ высокихъ нотъ. Когда онъ договаривалъ, въ комнату вошла Прасковья Ермиловна.

Ковринъ увидалъ ее первый. Она могла слышать послѣднія фразы. Лицо ея было полуниспугано. Крупениковъ оглянувшись, выпустилъ руки Коврина и отскочилъ въ сторону. Но это была одна секунда. Онъ поднялъ голову и такъ же горячо, какъ говорилъ Коврину, обратился и къ ней:

— Вотъ, голубушка, я Евстафію Петровичу, какъ нашему общему другу, открылся и просилъ его содѣйствія. Пожалуйте сюда. Прошу васъ покорнѣйше.

Прасковья Ермиловна медленно подвигалась и съ недоумѣніемъ поглядывала на обоихъ. Но она начинала уже догадываться.

— Да зачѣмъ же сейчасъ? — началъ было Ковринъ шутливымъ тономъ.

— Нѣтъ, позвольте, Евстафій Петровичъ!—стремительно перебилъ его Крупениковъ,—позвольте ужъ мнѣ говорить. Это для меня—первое, святое дѣло! Вотъ при васъ—вы намъ другъ—при васъ я всего себя, всю свою душу полагаю передъ Прасковьей Ермиловной и прошу ихъ поручить мнѣ свою жизнь... до гроба!

Слезы душили его. Прасковья Ермиловна взяла его за локоть и начала материнскими звуками:

— Полно, Антоша, очень ужъ ты нервенъ. Твое чувство ко мнѣ я вижу. И Стасенька видитъ его. Что я такое для тебя сдѣлала? Не возноси ты меня сверхъ мѣры...

— Позвольте,—перебилъ онъ ее, сдержавъ слезы, и даже

отвелъ ея руку. — Я при Евстафѣ Петровичѣ говорю: дайте успокоеніе душѣ моей! Высокую честь окажите мнѣ. Будемъ любить другъ друга, чтобы всѣмъ въ глаза прямо смотрѣть. Лучше ничего не можетъ быть на свѣтѣ! И я каждому скажу, что блаженнѣе меня нѣтъ на свѣтѣ человѣка! И передъ всѣми я гордиться буду, что супруга моя—такая особа, какъ Прасковья Ермиловна!..

Онъ громко заплакалъ и упалъ ей на плечо. Прасковья Ермиловна стояла съ опущенными глазами. Все лицо ея слегка вздрагивало. Ковринъ смущенно смотрѣлъ вбокъ. Онъ не зналъ, что сказать. Сцена получила такой поворотъ, что у него не хватило духа заговорить въ такомъ же тонѣ, какъ до прихода Скакуновой. А онъ чувствовалъ, что дѣло близится къ кризису, что эта женщина не устоитъ, тутъ же, на глазахъ его, свяжетъ по рукамъ бѣднаго, нервознаго малаго, доведеннаго до энтузіазма мягкой заботливостью няньки. Еще минута—и человѣкъ погибъ.

„А можетъ,—подумалъ онъ,—ему лучше и не надо?“

Прасковья Ермиловна отдѣлилась немного отъ Крупеникова и протянула руку Коврину.

— Что же, Стасенька, — сказала она, — тебѣ теперь все извѣстно. Я не соглашалась, да видно Богъ велитъ! Будь нашимъ духовникомъ. При тебѣ Антоша проситъ меня быть его женой, при тебѣ я и отвѣтъ даю... послѣдній! Отказать ему я не могу. Ему хочется, чтобы мы оба добрымъ людямъ прямо въ глаза смотрѣли. Онъ на это имѣетъ право — такъ ли? И ты бы на его мѣстѣ такъ же поступилъ. Остается — мои года... Я ихъ не скрываю. Я на двадцать лѣтъ его старше.

Крупениковъ сдѣлалъ истерическое движеніе.

— Ну, хорошо, не буду говорить. Шла въ мѣшкѣ не утаишь. Краситься и сурмить брови я, Антоша, не хочу... Вотъ, при Стасенькѣ говорю: сколько пролюбишь меня, столько и буду тебѣ женой. А потомъ въ матери гоюсь... Стѣснять тебя не стану: у меня разумъ есть. Пережди, не возноси меня на облака. Протрезвись, а потомъ ужъ и дѣйствуй.

— Ничего я не желаю. кромѣ того, чтобы вамъ передъ Господомъ Богомъ клятву принести! выговорилъ Крупениковъ, обнявъ сперва Прасковью Ермиловну, а потомъ и Коврина.

Музыкантъ совсѣмъ оторопѣлъ. Теперь ужъ говорить

ему нечего, послѣ словъ самой Прасковьи Ермиловны. Разумѣется, этотъ пылкій паренекъ полѣзетъ къ вѣнцу на будущей недѣлѣ.

— Мамочка!—крикнулъ Крупениковъ,—надо спрыснуть чѣмъ ни на есть.

Купеческая натура проснулась въ этомъ возгласѣ.

— Не рано ли?—пошутила Прасковья Ермиловна тронутымъ голосомъ.

— Фриштигъ маленькій! Вѣдь не въ трактиръ же намъ идти съ Евстафіемъ Петровичемъ! Вы сами не допустите.

— Ну, приходите въ столовую, — еще веселѣ сказала она и подѣловалась даже съ Ковринымъ.

Когда мужчины остались одни, Ковринъ развелъ руками.

— Батюшка! Что же вы это меня какъ подвели? — спросилъ онъ.

Въ отвѣтъ Крупениковъ разразился хохотомъ и хохоталъ минуты двѣ.

— Вотъ-съ каковы мы!—пополамъ со смѣхомъ заговорилъ онъ, бѣгалъ и почти прыгая по комнатѣ. — Только вы не сердитесь! Судьба, Евстафій Петровичъ, судьба! Я какъ началъ, вошелъ въ полное чувство, а въ эту самую минуту отворяется дверь — и Прасковья Ермиловна собственной особой! Ну, я и продолжалъ. Вы—другъ и благородный свидѣтель. На нее это сразу подѣйствовало!

И онъ опять разразился. Отъ этого хохота Коврина начало даже коробить.

— Ну, голубчикъ,—съ нѣкоторой горечью сказалъ онъ,—я мерзко поступилъ, опѣшилъ...

— Это что же вы опять?

— Нѣтъ вамъ моего благословенія. Пользуйтесь минутой, одумайтесь! Она сама даетъ вамъ передышку, не заставляйте петлю...

— Шутники вы, Евстафій Петровичъ! — снова захохоталъ Крупениковъ и выбѣжалъ изъ комнаты.

„Самъ лѣзетъ—можетъ, такъ и нужно“,—подумалъ музыкантъ ему вслѣдъ.

XVIII.

„Молодые“ жили уже больше мѣсяца. Когда Прасковья Ермиловна, за нѣсколько дней до свадьбы, стала устраивать по-новому свое помѣщеніе, она увидала, что хоро-

шаго кабинета не выкроишь для „Антоши“ ни изъ комнаты около столовой, гдѣ сложены были разныя старыя вещи, ни изъ одной изъ учебныхъ комнатъ: и безъ того классы помѣщались тѣсно. Приходилось потревожить „Стасеньку“.

Она сказала это Коврину деликатно и, притомъ, совершенно по-пріятельски.

— Ты понимаешь, голубчикъ, — пояснила она, — мнѣ вѣдь передъ нимъ совѣстно — въ матери ему гожаюсь! Ужъ кому-кому, а тебѣ признаюсь: къ свѣтлому празднику мнѣ сорокъ шесть стукнетъ, слишкомъ на двадцать лѣтъ его старше. Онъ мнѣ метрику свою показывалъ. Надо его понарядить помѣстить. А отъ насъ изъ дому я тебя не пушчу...

— Я бы могъ только столоваться, — замѣтилъ было Ковринъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Ни за что... теперь-то тебѣ и надо при мнѣ быть! Ты ужъ не обижайся!

И она была права. На Коврина раза два въ годъ нападала хмурость, нервозность какая-то, признаки возврата его слабости. Прасковья Ермиловна отлично изучила это. Онъ и вообще-то сталъ ѣдиться и съ ней, и съ ея женихомъ. Еще разъ пробовалъ Ковринъ образумить тенора. Тотъ обидѣлся и попросилъ его объ этомъ болѣе „не разговаривать“. Скакунова почувствовала сама, что онъ отговаривалъ Крупеникова жениться на ней, но она не обидѣлась, сказала даже ему, что она съ нимъ согласна, „да отказаться-то нѣтъ силы—все еще пожить хочется“.

Однако, Ковринъ принялъ за охлажденіе къ нему свое перемѣщеніе изъ большой и удобной комнаты на улицу въ тѣсноватый кабинетикъ, гдѣ еле-еле ютилось въ углу роялино, а кровать заставлена была ширмами. Это переселеніе разомъ подавило музыканта. Точно съ свѣтлыми полосами зимняго дня ушло и душевное довольство изъ комнатъ съ окнами на дворъ, упиравшимися въ темно-коричневую стѣну. Разговорчивость его пропадала. За столомъ онъ больше жаловался на то, что не работается, на тяжесть въ желудкѣ, на головныя боли, на холодъ. Прасковья Ермиловна старалась завести общій разговоръ, шутила, потчивала его даже „херескомъ“. Но Ковринъ не поддавался. Ей хотѣлось, чтобы онъ съ ея мужемъ выпилъ на „ты“. Она объ этомъ раза два заговаривала. Ковринъ уклонялся. Даже не совсѣмъ ловко ей начало дѣлаться.

Вѣдь Антоша могъ подумать, что Ковринъ былъ съ нею въ связи, а теперь дуется. Она полу-шутя, полу-серьезно, заговорила и объ этомъ съ мужемъ. Онъ чуть не разсердился, какъ она можетъ предполагать, что онъ способенъ заподозрить ее въ такомъ „срамѣ“? Коврину, по его толкованію, просто непріятно, что онъ былъ противъ ихъ брака — и больше ничего. Прасковья Ермиловна и успокоилась на этомъ. Она видѣла, до какой степени ея Антоша „блаженствуетъ“. Чистота его души умиляла ее. Онъ тѣшился, какъ малое дитя, прибѣгалъ къ ней со всякой малостью, ни одному помыслу своему не давалъ ходу, не спросившись у ней. Никогда никто изъ тѣхъ, кого она любила, не отдавался ей, съ первыхъ же дней, съ такой безотвѣтностью. Она плавала. Нянька, учительница, мать и возлюбленная — все въ ней было глубоко удовлетворено.

Она замѣтно посвѣжѣла. Желтоватый цвѣтъ пухлыхъ щекъ поблѣдѣлъ и по утрамъ игралъ слабымъ румянцемъ. Шея налилась и блестѣла. Въ глазахъ появилась игривость, особенно, когда она шутила съ своимъ Антошей. Волосами она стала заниматься гораздо старательнѣе прежняго, спустила косу, въ видѣ завитого жгута, на шею, и перевязывала темнымъ бантомъ. Рядомъ съ мужемъ, когда они сидѣли утромъ за завтракомъ, она совсѣмъ не смотрѣла пожилой женщиной. Если бъ не ея толщина, ей бы никто не далъ больше тридцати двухъ-трехъ лѣтъ. Ея Антоша, при его плотномъ сложеніи и съ волосами, рѣдѣющими на лбу, не кололъ ей глаза молодостью. Ему легко было дать столько же лѣтъ. И къ школѣ бракъ Прасковьи Ермиловны какъ-то хорошо пришелся. Никто, ни учителя, ни ученицы, этому не удивились. Ужъ она бы замѣтила! Антошу всѣ очень любили, особенно въ старшемъ классѣ. Даже Ариша Веселкина — на что ужъ сорванецъ — и та не позволила себѣ никакихъ шуточекъ. И все такъ повеселѣло, точно на праздникахъ. Погода стоитъ ясная, съ легкими морозами; пройдетъ Прасковья Ермиловна, нащиплетъ ей щеки — она еще помолодѣетъ, и придетъ въ классъ; дѣвицы всѣ франтоватыя, учатся гораздо лучше прежняго, каждой хочется поправиться ея Антошѣ. Ей извѣстно, что двѣ ужъ по немъ „страдаютъ“. Это смѣшить ее. Прежде она, къ концу дня, утомлялась, часто дѣлала выговоры, чувствовала, что ея тяготятся, а чуть она за дверь — пере-

дразниваютъ ее. Теперь у ней со всѣми большіе лады. Въ три недѣли не пришлось ей ни одного замѣчанія сдѣлать. Ни нервныхъ припадковъ, ни одышки, ни бессонницы, ни раздраженія — ничего! Стала она себя сравнивать съ невиннымъ младенцемъ — такъ у ней на душѣ чисто и радостно. И не одного Антошу она жалѣетъ. Кому можетъ помочь — всѣмъ готова она протянуть руку. Еще недавно, передъ этой встрѣчей, она часто роптала, полегоньку становилась суше, думала о копейкѣ на черный день, внутренно, про себя, начинала глядѣть на людей, какъ на такое отродье, противъ котораго надо всегда держать камень за пазухой; а теперь кто хочешь приди! Ей хотѣлось бы дѣлать больше добра, быть еще ласковѣе, всѣхъ пригрѣть.

Вотъ поэтому-то хмурость и замѣнутость Коврина стали ее не на шутку огорчать. Выпроводить его она вовсе не желаетъ. Она нужна ему: это — ея твердое убѣжденіе. Вѣдь она его держитъ не изъ корыстныхъ видовъ. Положимъ, онъ — даровитый музыкантъ и преподаватель не плохой. Да вѣдь Петербургъ, по музыкальной части, не блиномъ сошелся. Учителя она сейчасъ же добудетъ на его мѣсто. Но ей *стыдуютъ* довести его до того, чтобы онъ что-нибудь крупное написалъ: симфонію или концертъ фортепьянный, романсовъ бы нѣсколько, а то и оперу. А въ такомъ съѣженномъ настроеніи не долго и до взрыва задремавшей страсти.

Она разсудила — переждать и тайно производить надзоръ. Денегъ онъ не проеитъ. И то хорошо. Антоша, по своей голубиной добротѣ, тоже перетерпитъ. При случаѣ, можно будетъ и наставленіе ему дать, какъ вести себя съ Ковринымъ.

XIX.

Мужа Прасковьи Ермиловны и въ театрѣ, и вездѣ, гдѣ она съ нимъ показывалась, изъ „господина Крупеникова“ перевели уже въ „Антонъ Сергѣича“. Жена, дѣловая женщина, приподняла его сейчасъ же въ глазахъ начальства, отчасти товарищей, разныхъ устроителей концертовъ, клубныхъ антрепренеровъ. Въ газетахъ были о немъ сочувственные отзывы. Одинъ репортёръ напалъ на дирекцію за то, что она выпускаетъ такого симпатичнаго и свѣжаго пѣвца только за болѣзнью другихъ и въ маленькихъ партіяхъ. Заговорилъ о немъ печатно и Купо-

росовъ, по-своему, прикрикнулъ въ видѣ предостереженія, чтобы онъ—Боже избави—не увлекался однимъ итальянскимъ сладкозвучіемъ, а готовилъ бы себя къ созданію русскаго лица въ оперѣ кого-нибудь изъ молодыхъ русскихъ композиторовъ. И этотъ окрикъ подѣйствовалъ. Особенно онъ понравился самому Крупеникову. Прасковья Ермиловна не нужно было даже усиленно хлопотать и подмасливать. Ея Антоша пошелъ, полегоньку, въ ходъ. Въ двухъ большихъ благотворительныхъ концертахъ Крупеникова заставили повторять, студенты кричали и вызывали его до десяти разъ. Ему тутъ же было сдѣлано предложеніе: пѣть въ одномъ клубѣ, каждую недѣлю, за очень хорошую плату. Онъ спросился Прасковьи Ермиловны. Она посоветовала пропѣть всего разъ, меньше ста рублей не брать, а отъ остальныхъ вечеровъ отказаться.

— Не мозоль, Антоша, глаза публикѣ до тѣхъ поръ, пока не ступишь твердой ногой на сцену.

Советъ этотъ онъ принялъ съ благодарностью и высокимъ почтеніемъ, какъ и все остальное, чему она его учила.

Вся внутренняя жизнь артиста ушла въ немъ на подготовку себя къ тому желанному „лицу“, какое онъ долженъ былъ не нынче—завтра создать. Онъ вѣрилъ, что день этотъ настанетъ, и даже, быть-можетъ, скоро: завтра, послѣзавтра. И все сильнѣе замирало въ немъ сердце. Случалось не спать напролетъ ночей, рядомъ съ женой, спавшей, какъ убитая. Эта новая большая партія должна была доказать, что такая женщина, какъ Прасковья Ермиловна, не даромъ выбрала его, не даромъ отличили его и поощряли его такіе люди, какъ Ковринъ и „самъ“ Купоросовъ. Не къ руладамъ своимъ прислушивался онъ, когда упражнялся по утрамъ, не къ чистотѣ нотъ верхняго и средняго регистра, а къ чему-то особенному въ груди и въ мозгу. Онъ не зналъ и предвидѣть не могъ, какого „царенька“ придется ему создавать на сценѣ: будетъ ли это какой-нибудь князь, въ такомъ родѣ, какъ въ „Русалкѣ“, или витязь, или опричникъ, или мужичокъ? Надо было готовить разные бытовые приемы: такъ ему твердили всѣ музыканты новой школы. Какіе это приемы?—онъ понималъ смутно, но душой чувствовалъ, что въ немъ накапливаются они. Въ головѣ его мелькали разныя оперныя сцены. Вотъ онъ ведетъ любовный речи-

готивъ съ боярышней подъ кустомъ рябины. На немъ шитый галунами бархатный кафтанъ. Онъ будетъ стоять вотъ такъ, по-своему, а не такъ, какъ стоять тенора, приложивъ руку къ четвертому лѣвому ребру и растопыривъ ноги. Свою возлюбленную обниметъ онъ тоже по-своему, не тогда только, когда имъ нужно пѣть одну фразу, — какъ это дѣлаютъ всѣ пѣвцы на свѣтѣ. Нѣтъ! У него игра будетъ на первомъ планѣ. Не станетъ онъ ни растягивать ферматъ на итальянскій фасонъ, ни подкатывать глаза подъ лобъ, ни разводить руками. Онъ уйдетъ совсѣмъ въ то, про что онъ поетъ. Или вотъ онъ приходитъ къ колдуну. Нечистая сила пахнула на него. Волосы у него дыбомъ, воротъ рубахи распахнуть, зрачки расширены, голову его качаетъ въ разныя стороны. Все это онъ можетъ исполнить. Въ душѣ его ужасъ и смертная тоска. Голосъ перехватывается. Это не теноровыя звуки, а стоны. Онъ прерывисто говоритъ подъ музыку; мелодія сливается съ дикціей. Такъ и слѣдуетъ; этимъ онъ и станетъ любъ публикѣ. Тогда только она и оцѣнитъ его. Актеръ въ немъ поднимется на одну высоту съ пѣвцомъ, а то и выше хватить.

Какъ онъ будетъ произносить речитативы, отдѣльные слова, возгласы, пѣлыя мелодіи, онъ ужъ это теперь чувствуетъ, только никто еще не подложилъ ему такихъ нотъ, никто не дастъ текста. Изъ стараго репертуара онъ не хочетъ повторять теноровыхъ партій, боится впасть въ обезьянство. Въ нихъ ничего уже создать нельзя. Возьмешь ноту—и сейчасъ передъ тобой такой-то, какъ живой, встанетъ: видишь его позу, лицо, какъ онъ голову закидываетъ назадъ, слышишь, какъ растягиваетъ слова или развиваетъ мелодію. Не сбросишь съ себя чужого образца! Только въ чемъ-нибудь своемъ, совсѣмъ новомъ, и можно самого себя понять, добиться своего собственного облика. Потому-то вездѣ, и у насъ, и за границей, и бьются за новую партію, новую роль, въ комедіи, въ драмѣ, въ опереткѣ, въ серьезной оперѣ:—душатъ другъ друга подвохами, какъ голодные псы, вырываютъ другъ у друга лакомый кусокъ; женщины собой торгуютъ, любовниковъ у другихъ отбиваютъ, подкупаютъ режиссеровъ, передъ начальствомъ ползаютъ, унижаются. А удастся попасть въ любимцы публики, даютъ взятки, алчно слѣдить, какъ бы кто изъ начинающихъ не выдвинулся впередъ.

Противно все это! Онъ хочетъ быть чистъ, какъ агнецъ. Если онъ на что способенъ, пускай это оцѣнитъ публика и критика. Только дайте ему заявить себя.

Цѣлыми ночами думаетъ онъ объ этомъ. И вдругъ ему станетъ страшно. А какъ онъ схватить болѣзнь и въ одну недѣлю умереть? Въ Петербургѣ легче всего: и тифъ, и дифтеритъ, и оспа. Умирать въ такіе годы... Онъ весь затрясется и прильнетъ къ Прасковѣ Ермиловнѣ, разбудить ее, приласкается, какъ маленькій. И тотчасъ у него отляжетъ, пройдетъ всякій страхъ. Съ ней онъ не можетъ умереть такъ рано. Не дастъ она въ обиду никому, не позволить и болѣзни сломить его, выльчить, выходить.

Онъ кидался цѣловать у ней руки и повторялъ:

— Не умру я зря! Добьюсь я своего! Поймутъ меня, поймутъ!

XX.

Мечты сбылись — и выше всякихъ чаяній. Приѣхалъ композиторъ изъ Москвы ставить новую оперу. Прасковья Ермиловна давно въ знакомствѣ съ нимъ. Интригъ много было противъ Антоши. Однако, композиторъ самъ выбралъ. Потомъ былъ у нихъ съ партіей, прослушалъ нѣсколько номеровъ и сказалъ:

— Лучше мнѣ не надо. Вы отлично попали въ тонъ. Теперь только разработайте.

Когда остались они вдвоемъ съ Прасковьей Ермиловной, Кручениковъ весь дрожалъ отъ радости. Глаза у него такъ запрыгали, что она встревожилась, стала его поить холодной водой и компрессъ положила на голову.

— Этакъ нельзя, — повторяла она, — ты уходишь себя, Антоша!

— Ах, лочка! — возбужденно шепталъ онъ, — вы только поймите: хорошую, новую партію далъ самъ композиторъ! Послѣ обглодковъ-то разныхъ, послѣ того, какъ держали чуть не въ простыхъ хористахъ!

Двѣ ночи напролетъ онъ не могъ спать. Классныя занятія сдѣлались ему тягостны. Онъ попросилъ освободить его на время репетицій новой оперы. Цѣлые дни готовилъ онъ свою партію, по десяти, по двадцати разъ повторялъ одну фразу, ежеминутно бѣгалъ въ комнату жены за совѣтомъ, забѣгалъ и къ Ковринѣ; но тотъ началъ

пропадать. Прасковья Ермиловна качала головой и боялась, что съ музыкантомъ начнется „его болѣзнь“.

Пришелъ день первой репетиціи съ оркестромъ. Лихорадка била Крупеникова. Все у него вылетѣло разомъ изъ головы, какъ только капельмейстеръ палочкой показалъ ему начинать: фразировка, игра, какое слово надо выдѣлить поярче, что брать грудью, что въ ползвукъ. Нѣсколько секундъ онъ былъ въ ужасѣ, похолодѣлъ, схватился за голову, точно предчувствуя обморокъ. Оркестръ привелъ его въ себя, онъ началъ вспоминать и запѣлъ.

Композиторъ стоялъ въ сторонѣ, не перебивалъ, одобрительно кивалъ головой; капельмейстеръ былъ также доволенъ. До самаго конца своей первой сцены Крупениковъ пѣлъ и говорилъ речитативы „виѣ себя“, что-то его подмывало: онъ уже не видалъ ни палочки дирижера, ни оркестра, не сбился ни въ одномъ полтактѣ. Ему привелось пѣть съ той самой дебютанткой, рослой, широколицей полькой Левандовской, которую Скакунова видѣла за табль-д'отомъ. Онъ съ ней не встрѣчался до этой первой репетиціи. Она путала часто, хватала его за руки, чтобы не сбиться, и въ промежуткахъ говорила:

— Ахъ, какъ вы тверды, ахъ, какъ вы тверды!..

Остальные исполнители шли кое-какъ, плохо еще знали текстъ; многое вели безъ всякой игры, не желали понапрасну уставать. Крупениковъ ничего этого не замѣчалъ.

Въ антрактѣ композиторъ поблагодарилъ его, но посоветовалъ „не тратиться на пробахъ черезъ мѣру“.

Онъ слушалъ и не вѣрилъ, что у него вышло что-нибудь порядочное. Въ остальныхъ актахъ съ нимъ дѣлалось то же самое: такъ же позабывалъ все передъ тѣмъ, какъ ему начинать—и разомъ точно что прорывалось въ немъ. Домой онъ пріѣхалъ совсѣмъ мертвый отъ усталости. Прасковья Ермиловна должна была уложить его въ постель. Ночью онъ бредилъ. Безпокойство его росло съ каждой новой репетиціей. Онъ ничего не вѣлъ за столомъ. Его мучила жажда; но онъ не смѣлъ пить за обѣдомъ вино. Въ театрѣ, на пробахъ, онъ спрашивалъ у всѣхъ, вплоть до помощника режиссера, до сфлера, до простыхъ хористовъ: какъ у него идетъ, не провалится ли онъ со срамомъ на первомъ представленіи?

Композитору стало его жаль. Онъ нѣсколько разъ его

успокаивать и отводить въ сторону, прося поберечь свои силы для спектакля.

— Поймите, Христа ради!—со слезами въ голосѣ говорилъ ему Крупениковъ,—вѣдь это на всю жизнь дорога! Вѣдь такой партіи двадцать лѣтъ ждутъ, да не выпадетъ такой удачи! Вы меня выбрали, вы мнѣ оказали довѣріе, искру во мнѣ открыли; а я буду такъ себѣ, неглиже съ отвагой попѣвать?!

— Не очень усердствуйте! — повторялъ ему композиторъ.—Ваша жена намъ то же скажетъ!

— Она по добротѣ и любви своей! Но вы меня поймите!

Надъ его возбужденностью, страхомъ и волненіемъ начали подтрунивать даже хористы. Пѣвецъ-баритонъ, исполнившій главную роль, обрѣзалъ его при всѣхъ:

— Что это вы, Крупениковъ, точно съ писаной торбой, съ партіей вашей носитесь!..

Онъ промолчалъ, но поблѣднѣлъ и затрясся.

„Дуракъ я, дуракъ съ торбой, — повторялъ онъ про себя.—Ладно!.. Вотъ мы увидимъ!..“

И неувѣренность въ себѣ, страхъ перваго спектакля росли въ немъ съ каждымъ часомъ. Его партнерка-полька шутливо подзадоривала его и все приглашала хорошенько кутнуть.

— Какъ?—почти съ ужасомъ спросилъ онъ ее.

— Да такъ, на тройкѣ!.. Шампанскаго бутылки двѣ на брата. Послѣ перваго представленія—ужинъ за вами. Слышите: въ „Самаркандъ“!

— Извольте, идеть!

Но тутъ же его испугала собственная дерзость: собираться кутить, когда можешь съ позоромъ провалиться.

— Знаете что, — сказала ему дебютантка, — если вы коньячку не выпьете передъ спектаклемъ, вы упадете въ обморокъ!..

Онъ только моталъ головой. Глаза его блуждали. Въ головѣ у него были однѣ мелодіи его партіи. Онъ перебиралъ въ сотый разъ интонаціи, боясь потерять то, что онъ такъ томительно выработалъ.

XXI.

Въ уборной свѣтло. Горятъ газовыя лампы по обѣимъ сторонамъ трюмо. Крупениковъ, полурасдѣтый, сидитъ на диванчикѣ и пьетъ зельтерскую воду. У дверей портной

разложили костюмъ и что-то притачиваетъ на рукавѣ. Офиціантъ изъ буфета дожидается съ подносомъ и пустой полубутылкой.

Противъ Крупеникова, придерживаясь рукой за край трюмо, стоитъ Прасковья Ермиловна, въ черномъ бархатномъ платьѣ, сильно стянутая, такъ что вся кровь бросилась ей въ лицо. Широкій кружевной воротникъ, съ концами, въ видѣ fishu, лежитъ на ея жирныхъ плечахъ. Лѣвой рукой она обмахивается вѣеромъ съ страусовыми перьями. Она похожа на концертную пѣвицу передъ выходомъ въ залу. Глаза ея блестятъ. Ея Антоша дебютируетъ. Онъ тутъ, сидитъ и пьетъ зельтерскую воду; она его довела-таки до карьеры. Одно смущаетъ ея сегодняшнюю радость: Ковринъ „запилъ“. Нѣсколько дней она старалась это скрывать, даже отъ мужа. Но Крупениковъ захотѣлъ пригласить его въ ложу, спрашивалъ о немъ—надо было сказать, что онъ пропадаетъ уже четвертый день и приходитъ ночью „совсѣмъ хотъ выжи“. Такъ выразился о немъ швейцаръ.

Кто-то его поклъ на сторонѣ. Она ему денегъ не даетъ. Но настанетъ такой день, когда онъ запрется у себя и запьетъ уже по-другому.

Безпокоилась она не мало все время репетицій. Антоша совсѣмъ извелся. Но сегодня — копецъ этой лихорадки артиста. Онъ будетъ имѣть большой успѣхъ. Никто въ этомъ не сомнѣвается.

Всѣ имъ заинтересованы. Купоросовъ общалъ цѣлую статью. Вотъ сейчасъ она пойдетъ въ залу, приведетъ его сюда, чтобы онъ сбодрилъ Антошу.

Прасковья Ермиловна остановилась глазами на поху-дѣломъ и обритомъ лицѣ Крупеникова.

— Зачѣмъ только ты обрился!.. Вѣдь надо же бороду наклеивать?—сказала она ему тономъ материнскаго упрека.—Что будетъ тебя раздражать.

— Ужъ оставьте, мамочка,—отвѣтилъ онъ серьезно и отдалъ стаканъ лакею.—Цѣбъ волосъ не тотъ совсѣмъ. Не тотъ и человѣкъ. Опять же длиннѣе...

— Привязать...

— Въ привязной бородѣ? Что вы-съ! Готово? — крикнулъ онъ портному.

— Два стежка...

— Позови-ка, голубчикъ, Сашу—парикмахера.

Крупениковъ всталъ и подошелъ къ женѣ.

— Знаете что?—неувѣренно началъ онъ. — Надо вѣдь мнѣ проглотить чего-нибудь крѣпительнаго...

Онъ взглянулъ на нее, какъ на пьянку.

— Чего крѣпительнаго?

— Да коньяку... Я боюсь!—шопотомъ продолжалъ онъ. — Въ обморокъ хлопнешься...

— Пустяки, Антоша!—не очень строго выговорила Прасковья Ермиловна. — Ну, стаканъ вина краснаго.

— Не стоить, вѣрьте слову... Надо коньяку... Я вѣдь знаю препорцію.

Крупениковъ засмѣялся, какъ мальчикъ, выпрашивающій ложку варенья. Прасковья Ермиловна на минуту затуманилась.

— Право, Антоша, не было бы хуже... Еще собьешься!..

— Для этого именно. А то я не могу секунды пробыть, чтобы не считать тактовъ и не повторять мелодіи... Надо, чтобы у меня и другое что-нибудь въ головѣ явилось...

По ея виду ему кажется, что она согласна.

— Любезный! — кричитъ Крупениковъ лакею. — Принеси-ка сюда еще бутылочку водицы и коньяку!

— Рюмку прикажете?

— Нѣтъ, графинчикъ... рюмки на три.

Официантъ торопливо вышелъ. Прасковья Ермиловна оправила лифъ и взяла мужа за руку.

— Смотри, Антоша, не возбуждай себя очень! Хуже будетъ.

Онъ и самъ не желалъ ничего спиртнаго. Какъ лѣкарство проглотить онъ коньяку, а не то, чтобы такъ, отъ бездѣлья.

Оставшись одинъ, Крупениковъ сѣлъ къ трюмо и началъ гримировать верхнюю часть лица, глаза, брови и носъ. Сейчасъ придетъ парикмахеръ и принесетъ волосы для бороды и парикъ. Волненія онъ что-то не чувствуетъ. Точно онъ увѣренность получилъ въ дѣйствіе трехъ рюмокъ коньяку.

„Меньше двухъ, и основательныхъ, никакъ нельзя“, — рѣшилъ онъ, подводя себѣ брови.

Дверь пріотворили изъ коридора. Просунулась бѣлокурая голова дебютантки Левандовской.

— Вы еще не готовы? — крикнула она. — Сейчасъ звонокъ.

— Усибю,—смѣлымъ тономъ отвѣтилъ онъ, и самъ удивился, откуда у него такая бодрость.

— А я готова. Помните обѣщаніе?

— Какое?

Онъ совсѣмъ забылъ.

— А на тройкѣ-то? Или вы на попятный, жена не позволяете?

— Ну, вотъ еще какія новости! Валимъ!

Такъ онъ ухарски крикнулъ это „валимъ“, что не узналъ своего собственнаго голоса.

— Ладно! Со мной два кавалера будетъ.

Она произнесла „кавалера“.

Дверь хлопнула. Рука Крупеникова остановилась на полпути къ щекѣ съ цвѣтнымъ карандашомъ, которымъ онъ гримировался.

Кутежъ! Тройка! „Самаркандъ“! А Прасковья Ермиловна? Стъ ней—неловко, она съ незнакомыми мужчинами не поѣдетъ. Да и какой же это будетъ кутежъ? А надо. Онъ чувствовалъ, что надо: чѣмъ бы ни кончился вечеръ—успѣхомъ или проваломъ. Безъ попойки, шума, болтовни, ѣзды вскачь, морознаго воздуха на нѣсколько верстъ не переживешь сегодняшняго спектакля—болѣзнь схватишь. Онъ такъ и скажетъ Прасковьи Ермиловнѣ. Она пойметъ.

Лакей принесъ коньяку. Пришелъ парикмахеръ. Черезъ четверть часа Крупениковъ былъ готовъ и въ ту минуту, какъ идти на сцену, проглотилъ двѣ большія рюмки.

XXII.

Прасковья Ермиловна запоздала въ задѣ, ждала Купорова и побѣжала одна на сцену. Она нашла мужа у боковыхъ кулисъ, въ костюмѣ, не сразу узнала его въ парикъ и бородѣ другого цвѣта, и быстрымъ шопотомъ сказала ему:

— Купоросовъ опоздалъ. Приведе, послѣ перваго акта. Стъ Богомъ, Антоша! Я пойду въ ложу...

Онъ такъ смѣло готовился къ выходу, что тряхнулъ молодецки головой и кинулъ ей:

— Теперь намъ—море по колѣно!

Помощникъ режиссера крикнулъ:

— Господинъ Крупениковъ! Пожалуйста!

Крупениковъ еще разъ тряхнулъ головой, улыбнулся Прасковьи Ермиловнѣ и бросился въ кулису.

Она побѣжала въ ложу.

Двѣ большія рюмки коньяку взяли свое. Никакой трусости не чувствовалъ ея Антоша. Онъ ничего не забылъ передъ той минутой, какъ ему начинать. Его возбужденность все росла, голосъ крѣпчалъ, глаза горѣли, онъ увлекъ и дебютантку. Ни о чемъ онъ не думалъ, ничего не припоминалъ, ни о чемъ не беспокоился. Все шло само собой.

Въ ложѣ у Прасковьи Ермиловны сидѣлъ Купоросовъ и двое изъ учителей ея школы.

— Каковъ, каковъ Антоша?—шептала она критику.

— Молодцомъ, молодцомъ,—бормоталъ критикъ.

— Голубчикъ, пойдемте послѣ этого акта къ нему въ уборную поддержать его, чтобы онъ въ третьемъ-то отличился.

— Послушаемъ, послушаемъ дальше.

— Нѣтъ ужъ, пожалуйста! Вы видите, какъ публика принимаетъ. Но ваше слово для него особенно дорого.

А публика отлично принимала ея Антошу. Его вызвали два раза по уходѣ со сцены. Прасковья Ермиловна не узнавала его въ двухъ-трехъ мѣстахъ: до такой степени онъ горячо игралъ и пѣлъ.

— Игра-то, игра-то!—указывала она Купоросову.

Тотъ одобрительно мычалъ.

Она повела его въ уборную мужа. Крупеникова нашли они въ коридорѣ. Онъ пилъ зельтерскую воду, но она была съ коньякомъ.

Прасковья Ермиловна обняла его и прослезилась. Купоросовъ потрепалъ по плечу и началъ говорить ему пріятныя вещи, но такимъ тономъ, точно онъ его распекаетъ.

Крупениковъ слушалъ и взглядывалъ на длинную бороду и мохнатую голову критика, на его крупный носъ и нахмуренныя брови. Вотъ теперь онъ его совсѣмъ не боится—ни капельки. Что Купоросовъ ни говори—отъ этого онъ не будетъ пѣть и играть ни хуже, ни лучше.

— Только все еще на ферматахъ тянете по-итальянски, батюшка, бросить это надо! И въ музыкѣ-то самой много мармелада!—гудѣлъ критикъ.

Прасковья Ермиловна заволновалась, какъ бы похвалы не кончились распеканьемъ, и заторопила Антошу: ему надо было мѣнять костюмъ.

Купоросовъ ушелъ. Прасковья Ермиловна проводила его до лѣстницы и вернулась въ уборную.

— Вотъ, маточка, — говорилъ ей Крупениковъ, весь

красный и сіяющій,—вотъ вы боялись насчетъ коньячку... А онъ какъ подѣйствовалъ... Все рукой сняло!

— Ну, это, мой другъ, отъ увѣренности: много работалъ.

— Нѣтъ-съ, отличное средство, — возразилъ онъ даже съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.

Прасковья Ермиловна зорко посмотрѣла на него: что, если онъ потребуетъ еще коньяку и угостится къ третьему акту, на радостяхъ?

Она отвела его въ уголъ, къ зеркалу; въ уборную вошелъ портной и стоялъ у двери.

— Антоша!—шопотомъ начала она, съ дрожью въ голосѣ,—умоляю тебя, не дѣлай ты этой глупости. Поддержалъ свой куражъ, и довольно. Еще одна рюмка, и ты спадешь съ голоса или спутаешься. Дай мнѣ слово, — строже добавила она, и долго глядѣла ему въ глаза, — честное слово...

Она ужъ замѣтила, когда говорила ему, что у него въ глазахъ новое какое-то выраженіе. Не было прежней кротости, мягкой приниженности любящаго сына.

— Дашь мнѣ слово?—повторила она.

— Даю, даю,—нетерпѣливо отиѣтилъ онъ.—Одѣваться надо, опоздаешь съ вами!

И этого бы онъ не сказалъ еще вчера.

Прасковья Ермиловна вышла изъ уборной медленно и, остановившись передъ дверью, обернула голову и жестомъ головы досказала:

— Смотри же, сдержи честное слово!

Ему было и смѣшно, и немножко досадно. Чего боится? Точно онъ малолѣтній или пьяница. Возилась съ Ковринымъ, вотъ и остались страхи.

Но слово было дано. Да онъ и не желаетъ. Сейчас выпилъ онъ коньяку съ зельтерской водой. Ну, и довольно.

Переодѣвшись, онъ дожидался своего выхода съ неудержимымъ зудомъ: поскорѣе опять явиться передъ слушателями, показать имъ, какъ онъ отдѣлалъ свою партію, заставить себѣ больше хлопать, чѣмъ первому пѣвцу-баптиону.

Въ кулисахъ дебютантка схватила его за руку и шепнула на ухо:

— Просто влюбилась въ васъ, такъ вы пѣли... Ыдемъ, а? Онъ вспомнилъ о тройкахъ.

— Непремѣнно!—отиѣтилъ онъ, и даже забылъ совсѣмъ про Прасковью Ермиловну.

— Заказали? У меня ужъ есть.

— Пошлю. Сейчас приведу.

Иначе, какъ на тройкѣ, онъ не могъ кончить этого вечера. Ужъ и теперь голова его горитъ и всѣ жилы бьются.

XXIII.

Вечеръ кончился блестяще для исполнителей. Вызывали и композитора, но меньше, чѣмъ Крупеникова; его имя кричали почти столько же, сколько и имена перваго баритона и главной пѣвицы. Сверху, изъ галлерей четвертаго яруса, ему махали платками. Онъ появлялся до десяти разъ. Дебютантка взяла голосомъ, но играла плохо. Вызывали и ее.

Слово, данное Прасковѣ Ермиловнѣ, Крупениковъ сдержалъ. Онъ не пилъ больше коньяку, ни цѣликомъ, ни въ водѣ. Въ каждый антрактъ она прибѣгала на сцену и приводила кого-нибудь изъ знакомыхъ музыкантовъ или рецензентовъ. Безпрестанно повторяла она ему, чтобы онъ не волновался, со слезами радости на глазахъ вызывала похвалы, показывала его, точно своего дорогого мальчика, сдающаго блестяще трудные экзамены.

Въ первый разъ это его начало раздражать; но онъ улыбался, громко дышалъ, жаль руки, качалъ головой. къ послѣднему акту его возбужденіе дошло до „градуса“, послѣ котораго онъ уже больше не могъ подняться, ни въ грѣ, ни въ пѣніи. Вызовы нежного облегчили его, дали выходъ чему-то, что давило его виски и стояло въ груди коломъ. Но и послѣ вызововъ его тянуло на морозъ, летѣть въ саняхъ, такъ, чтобы духъ захватывало...

Дебютантка еще разъ шепнула ему:

— Смотрите же. Мы будемъ ждать на подъѣздѣ. Пошлите за тройкой.

Вызовы съ трудомъ смолкли. Загасили газъ, подняли занавѣсъ. Но на верхахъ кто-то рявкнулъ:

— Крупеникова!

Прасковья Ермиловна слышала этотъ крикъ. Она стояла у дверей уборной. Крупеникова задержалъ режиссеръ и что-то говорилъ, пожимая ему руку.

— Ну, дитя мое,—приняла она его въ объятія, когда они очутились вдвоемъ въ уборной,—я такъ счастлива, такъ счастлива! Успѣхъ огромный! Всѣ кричатъ: какой свѣжій талантъ! Раздѣвайся, Антоша, простынь; я про-

сила моихъ гостей на чашку чаю, спрыснемъ твоё торжество, выпьемъ по бокальчику. И Купоросовъ будетъ. А ты—отдохни и въ театральной каретѣ поѣдешь.

Онъ чуть-чуть отстранилъ ее рукой и выговорилъ тономъ товарища:

— Чай пить? Нѣтъ!.. Я кататься ѣду, мнѣ воздухъ нуженъ.

— Кататься?.. Куда?

Прасковья Ермиловна подалась назадъ.

Лицо у него было странное, брови сдвинуты, ротъ полукрѣпъ, зубы стиснуты, глаза точно больше.

— Антоша,—заговорила она, впадая въ свой материнскій тонъ,—какъ же тебѣ можно ѣхать? Ты развѣ куда ужинать собираешься? На тройкѣ?..

— Да, на тройкѣ-съ.

Онъ сталъ опять мягче, взялъ ее за руку, подѣловалъ щеку.

— Маточка, не удерживайте меня! Не могу я оставаться въ комнатахъ. Не могу!

И въ голосъ его слышались ребяческія слезы.

Ей ужасно стало жаль его. Но какъ же пустить его одного? Съ кѣмъ? Видно, онъ согласился съ компаніей. Что эта полка шептала ему?

Влюбленная женщина заговорила въ Прасковью Ермиловну и усилила страхъ няньки и матери.

— Антоша, ты волеешь куда хочешь ѣхать, только ты меня сильно огорчишь.

Онъ опустилъ голову и нервно двигалъ носкомъ правого сапога.

„Значить—нельзя“.—подумалъ онъ, какъ мальчикъ, которому не удалось выпросить пирожного.

— Нельзя, стало-быть?—вслухъ произнесъ онъ вопросительно.

— Да ужъ если тебѣ такъ захотѣлось, ну, пошлемъ отъ насъ за двумя тройками, прокатимся...

— Отъ насъ?—переспросилъ онъ и, махнувъ рукой, добавилъ:—Нѣтъ, ужъ что жъ это за катанье будетъ-съ!

Прасковья Ермиловна измѣнилась въ лицѣ. Она поняла смыслъ этой фразы.

— Кто же тебя приглашалъ? Оперныя дамы, вѣроятно?

Она не кончила. Такихъ разговоровъ между ними никогда еще не было.

Крушениковъ отошелъ къ столу и началъ раздѣваться.

Онъ боялся, что дебютантка пришлетъ за нимъ при женѣ.

— Хорошо, я не поѣду,—заговорилъ онъ подавленнымъ голосомъ.—Позовите ко мнѣ портного, поѣзжайте домой. Я приѣду въ театральную.

Прасковья Ермиловна поняла, что ему хочется поскорѣе ее выпроводить. Не собирается ли онъ обмануть ее? Улетитъ на тройкѣ съ пьяницами, пропадетъ на всю ночь. Какая-нибудь мерзавка увлечетъ его. А послѣзавтра повтореніе оперы.

— Ты даешь мнѣ честное слово, Антоша?—напряженно-мягко окликнула она его у двери.

— Ахъ, Господи!—вырвалось у него.—Что же это все честныя слова давать? Не воръ я! Не обманщикъ! Дайте мнѣ въ себя придти... Сказалъ, приѣду...

Къ своему голосу онъ не прислушивался. Онъ только сдерживалъ себя, чтобы не закричать.

„Послѣ спасибо мнѣ скажетъ“, — подумала Прасковья Ермиловна и послѣшнѣ пошла одѣваться.

„Одной слово далъ—другую обману, —выговорилъ про себя Крупениковъ.—Надо было послушаться. Вѣдь это—Прасковья Ермиловна, а онъ ей всѣмъ обязанъ!.. Огорчишь ее, будетъ еще Богъ знаетъ что думать, насчетъ женскаго пола. Надо слушаться“.

Онъ нѣсколько разъ повторилъ послѣднюю фразу. Портной помогъ ему раздѣться. Пришли „отъ госпожи Левандовской“ сказать, что „ихъ ожидаютъ“. Онъ отвѣтилъ, что ему „никакъ нельзя, дурно себя почувствовать“.

И въ самомъ дѣлѣ, онъ чувствовалъ себя до-нельзя тяжело. Точно онъ попалъ въ какой-то парникъ и его тамъ закупорили.

XXIV.

Дома гостей было четверо мужчинъ. Прасковья Ермиловна пригласила еще Аришу Веселкину. Она была также въ театрѣ и упросила взять ее; порывалась и за кулисы поздравить Крупеникова, да ей сказали, что постороннихъ, особенно барышень, туда не пускаютъ.

Ждали Крупеникова долго. Сначала разговоръ былъ оживленъ: Купоросовъ наполовину ругалъ оперу, молодой профессоръ гармоніи поддакивалъ ему, два другіе музыканта хвалили одного „Антоня Сергѣича“, восхищались его народной манерой произносить речитативы. Прасковья Ермиловна начала беспокоиться.

Всѣ сидѣли за чаемъ, въ столовой, когда вошелъ Крупениковъ.

Онъ хотѣлъ улыбнуться всему этому обществу, но улыбка вышла у него такая странная, что Купоросовъ крикнулъ ему, черезъ столъ:

— Что это вы, батюшка, какой кислый? Точно съ панихиды.

— Какъ не устать!—вступилась тотчасъ же Прасковья Ермаиловна.

— Это точно,—выговорилъ онъ и сѣлъ слѣва отъ са-
мовара, рядомъ съ Аришей.

— А гдѣ же Ковринъ?—спросилъ одинъ изъ гостей.—
Вѣдь онъ у васъ живетъ?..

— Какъ же,—отвѣтила Прасковья Ермаиловна,—только
я его совсѣмъ не вижу... Дѣла какія-то...

Ей не хотѣлось объявить, что онъ „закурилъ“.

— Какія же дѣла-сѣ?—вдругъ какъ бы обиженно оклик-
нулъ Крупениковъ.—Вы желаете скрыть. Все находился
подъ началомъ, а теперь не выдержалъ. Евстафій Петро-
вичъ,—продолжалъ онъ съ усмѣшкой, оглядывая гостей,—
давно въ задумчивость сталъ впадать, а теперь чертить
началъ...

— Чертить?—не понялъ одинъ изъ музыкантовъ.

— Да-сѣ; я это по-нашему, по-московски, называю.

— Антоша! зачѣмъ же говорить... чего хорошенько не
знаешь?—замѣтила Прасковья Ермаиловна.

— Позвольте!—почти гнѣвно отвѣтилъ онъ и весь
вспыхнулъ.—Очень хорошо знаю-сѣ, потому и говорю. Я
Евстафія Петровича знаю-сѣ, и душевно люблю. Огова-
ривать мнѣ его нѣтъ надобности! Крѣпился человѣкъ—
и не выдержалъ. Вотъ ужъ онъ который день дома-то не
ночуетъ.

Прасковья Ермаиловна поблѣднѣла. Никогда бы она не
ожидала отъ своего Антоши такой выходки. Ужели онъ,
какъ злой мальчикъ, мстилъ ей за то, что она не пустила
его кутить?

Надо было вывернуться. Она приказала подать бутылку
шампанскаго. Выпили по бокалу; но сдѣлалось скучно и
натянута. Купоросовъ заспорилъ съ молодымъ профессо-
ромъ.

Ариша отвела Крупеникова къ окну, пожала ему руку,
поздравила еще разъ и допила свой бокалъ.

— Вы—милка: такъ вы хорошо пѣли!—вполголоса го-

ворила она, стоя нарочно спиной, чтобы не слышно было Прасковья Ермиловнѣ.—Просто прелесть! Я не ожидала. Обижайтесь, не обижайтесь. И за то вамъ спасибо, что вы командиршѣ носъ утерли.

Онъ слушалъ ее и припоминалъ, какъ онъ въ первый разъ разговаривалъ съ ней у Коврина, и что она тогда говорила про его теперешнюю жену.

— Стасенька бѣдный! — продолжала Ариша, — запилъ! И запьешь! Если бѣ его взаперти не держали, какъ мальчика маленькаго, да деньги ему на руки отдавали, онъ бы кутнулъ день — другой. А теперь чѣмъ это пахнетъ!

— Да, да, — прошептала вдругъ Крупениковъ и схватила ее руку. — Это точно. Долго они еще сидѣть будутъ? — спросилъ онъ, указывая головой на гостей.

— Для васъ вѣдь это все дѣлается, — сказала Ариша и повела дурачливо плечами.

— Нѣтъ моей мочи!

Онъ схватился рукой за голову.

— Идите баиньки!.. А знаете, лихо бы прокатиться! Ночь какая, новый мѣсяцъ, снѣжокъ порхаетъ!

Щеки Ариши рдѣли. Точно онѣ сговорились съ той, съ Левацковской. Ему стало невыносимо въ этой столовой. Онъ подошелъ къ женѣ, нагнулся и шепнулъ ей:

— Я пойду въ кабинетъ, у меня, мочи нѣтъ, — голова болить.

— Ступай, ступай, — заботливо сказала она, — я извинюсь.

Она была даже рада этой головной боли: успокоится, заснетъ, гости поскорѣе уйдутъ. А выходку его объяснить возбужденіемъ спектакля.

Крупениковъ ушелъ, ни съ кѣмъ не простившись. Въ кабинетъ онъ легъ на диванъ, не раздѣваясь, снялъ только сюртукъ. Онъ потушилъ свѣчу, но руки и ноги зудѣли, въ груди раздраженіе все усиливалось. То плакать захочется, то сдѣлается невыносимо горько.

Вотъ онъ, тотъ желанный день, когда его оцѣнила вся публика! Сколько вызововъ, какіе крики! А ему такъ скверно — хоть бросайся въ прорубь головой внизъ... Отчего? Давить что-то, сковываетъ. Онъ — на помочахъ... И успѣхъ-то — не его успѣхъ. Не смѣетъ онъ отвести душу по-своему, не мечтать ему о ласкахъ страстно любящей молодой дѣвушки. Иди въ спальню своей благодѣтельницы, ложись рядомъ съ ней на двуспальную кровать.

Авось она, если ты приведешь ее въ умиленіе, позволить тебѣ прокатиться одному на лихачѣ по Невскому, да и то, чтобы „горлышко“ не простудить, чтобы вечеромъ она тебя доставила публикѣ въ сохранности!

Злость начала душить его. Онъ грызъ кожаную подушку. А „благодѣтельница“ придетъ, какъ только проводить гостей, придетъ и поведетъ къ себѣ укладывать Антошу въ постельку.

Онъ вскочилъ и заперся изнутри, легъ опять и сталъ, затаивъ дыханіе, ждать. Черезъ полчаса, Прасковья Ермиловна окликнула его. Онъ притворился спящимъ. Она возвращалась еще два раза. Онъ лежалъ мертвенно тихо. Въ два часа ночи его оставили въ покоѣ.

XXV.

Сна не было и не могло быть. Тоска грызла его, особал, какой онъ никогда еще не зналъ. Ему нѣтъ выхода: онъ—рабъ. Ничего у него нѣтъ своего: ни голоса, ни умѣнья, ни таланта, ни свободы, ни надежды на новую вольную жизнь. Все это „принадлежитъ“ Прасковѣ Ермиловнѣ.

„Будто?“—спросилъ онъ себя къ разсвѣту, возмущенный этимъ чувствомъ гнетущаго рабства. Женщина, еще вчера бывшая для него и матерью, и другомъ, и возлюбленной, дѣлалась ему ненавистна. Хоть сейчасъ бѣжать!

Рано утромъ, часу въ восьмомъ, позвонили въ передней. Онъ поднялся, спустилъ ноги съ дивана, потомъ надѣлъ сюртукъ. Никто не отпиралъ. Горничныя еще спали.

Онъ вышелъ на цыпочкахъ въ переднюю и самъ отперъ.

У дверей стоялъ Ковринъ, въ осеннемъ старомъ пальто и шапкѣ, съ посинѣлымъ лицомъ и выпученными, точно безумными глазами. Въ другое время Крушениковъ испугался бы; но тутъ онъ бросился къ нему, схватилъ за руку, быстро ввелъ въ переднюю, поддержалъ его на ходу—тотъ качался—и провелъ прямо въ его комнату.

Ему стало сейчасъ же легче, какъ только онъ увидалъ Коврина. Онъ готовъ былъ обнять его и расцѣловать.

— Батюшка, Евстафій Петровичъ!—говорилъ онъ тропутымъ голосомъ.—Откуда? Дайте я сниму пальто, сядьте... не хотите ли чего?

Ковринъ далъ стащить съ себя пальто, снялъ шапку, опустился въ кресло, поглядѣлъ на него налитыми глазами и вдругъ жалобно запросилъ:

— Достаньте... Христа ради... чего-нибудь... стаканчикъ маленький... голу-убчикъ!

— Знаю, знаю, — отвѣтилъ Крупениковъ, все такъ же ласково, — сейчасъ достану, понимаю я очень, каково вамъ...

Онъ выбѣжалъ изъ комнаты, прошелъ тихонько къ буфету, досталъ графинчикъ — въ немъ всегда была горькая — такъ же скоро вернулся и налилъ самъ рюмку.

Ковринъ дрожащей рукой взялъ ее и проглотилъ, а за ней и еще двѣ.

— Гдѣ былъ, спросишь? — пролепеталъ онъ и улыбнулся. — Въ номерѣ лежалъ, въ баняхъ четверо сутокъ... „Нуй“ пилъ: бургонское такое. А потомъ простую, а сегодня выгнали. Денегъ нѣтъ. Шуба ушла. Дали вонъ, видишь, какую хламиду... Что, тенорокъ, глядишь на меня? Тотъ ли это Евстафій Петровичъ? Тотъ самый! Ты не думай, что я на тебя дулся. Нѣтъ, не на тебя; а за тебя, милый мой, за тебя! Ты — пропащій человѣкъ. И я бы не такъ запилъ, нѣтъ... Вѣрь мнѣ, у меня это проходило... Очень она меня, директриса-то наша, доѣхала своей системой!

— Да, да! — глухо вскричалъ Крупениковъ.

— А, небось, начинаешь чувствовать? Я тебѣ говорилъ: не губи себя! Знаю — ты пошелъ въ гору, въ новой оперѣ пѣлъ. Когда пѣлъ?

— Вчера, — уныло отвѣтилъ Крупениковъ.

— Что такъ кисло говоришь? Знать, фіаско, другъ?

— Нѣтъ, пріемъ большой!

— А отчего же ты такой?

Ковринъ прищурился и ткнулъ пальцемъ въ плечо Крупеникова.

— Отчего?

Слова сначала замерли. Испугался онъ говорить все. И кому же? Пьющему запоемъ человѣку. Что за нужда! Этотъ человѣкъ запилъ отъ нея же, отъ Прасковьи Ермаиловны, отъ ея сладкой выучки, отъ ея попеченій... На зло ей!

И Ковринъ понялъ его, съ первыхъ словъ понялъ.

— Не пустили тебя? Такъ, такъ!.. Дай срокъ, и не то еще будетъ! Жалованье станеть отбирать, засаживать за фортепіано. Тебя на вольный воздухъ тянуло, ты задыхался. Мудрено, какъ это у тебя голова не лопнула, а нянька и благодѣтельница запрещаетъ: „покушай съ нами чайку, Антоша, это пользительнѣе будетъ“.

Ковринъ пьянѣлъ туго. Онъ долго говорилъ про себя, про свои работы, надежды и планы. Съ тѣхъ поръ, какъ поступилъ въ нахлѣбники къ Прасковѣ Ермиловнѣ и сталъ „благодаренъ“, изскла фантазія, не приходитъ ни одного мотива.

— Прости меня,—жалобно лепеталъ онъ, тряся Крупеникова за руку,—Христа ради, прости! Я тебя сюда привелъ, на эту сладкую деспотку указалъ, я тебя загубилъ! Вотъ ты увидишь: одну роль создалъ, а больше уже ничего не создашь!

„Такъ, такъ,—шепталъ про себя Крупениковъ и глядѣлъ на полъ, поводя растопыренными пальцами правой руки.—Пьянчуга этотъ правъ. Такъ и будетъ!“

— Какъ же быть?!—вскрикнулъ онъ съ ужасомъ.

— Бѣжать! И меня пускай выгонять... Я запрусь здѣсь... на пять сутокъ. Ты мнѣ приноси тихонько мою порцію. Мы ее дождемъ. А самъ бѣги! Будь мужчиной! Хотѣлось кутнуть во всю ширь—дай волю себѣ! И сегодня же, слышишь, ступай на тройкѣ въ трактиръ, съ барышнями, съ офицерами, съ кѣмъ хочешь. Побойшься—задушить тебя, голову разорветъ на части.

— Полноте,—остановилъ онъ Коврина. — Вы на меня положитесь...

— Покажемъ мы нашей командиршѣ, каковы мы мальчики!..

Ковринъ засмѣялся и прилегъ на кровать.

— Евстафій Петровичъ,—прошепталъ Крупениковъ,—страшно мнѣ дѣлается!

— А-а!—чуть лепеча, протянулъ Ковринъ. — Страшно! То-то, паренекъ. Самое страшное, это—вотъ такія толстыя, сладкія бабы. Добра—ангелъ во плоти—руки мягкія, голосъ мягкій... А она прибираетъ къ этимъ рукамъ. И съѣстъ. Съдая будетъ, дряхлая, въ скаредность вдастся, а ты у ней будешь ручки цѣловать.

Слушалъ Крупениковъ и поддакивалъ ему съ возрастающимъ ужасомъ. Теперь только разобралъ онъ, что такое эта пухлая, дряблая баба. Все „радость моя“, да „жизнь моя“, ни одного окрика, а глядишь—у ней въ крѣпостномъ услуженіи...

Вотъ и будешь такой, какъ Ковринъ. Лучше запить, а то голова нестерпимо горитъ и горло перехватило.

Ему сдѣлалось такъ страшно, что онъ закрылъ глаза и упалъ головой на столъ.

XXVI.

Прасковья Ермиловна проснулась поздно. Ей доложила горничная, что Антонъ Сергѣича уже нѣтъ, а Евстафій Петровичъ „запершись“ у себя въ комнатѣ.

Крупениковъ, не переодѣваясь, убѣжалъ изъ дому. Въ двѣнадцать часовъ онъ входилъ по лѣстницѣ трактира, гдѣ когда-то познакомился съ купеческимъ сыномъ Бурцевымъ. На него-то онъ и рассчитывалъ. Тотъ, навѣрное, придетъ къ завтраку. Съ нимъ онъ „закатится“ на дѣлныя сутки. Именно такого человѣка, какъ Бурцевъ, ему надо было, чтобы почиталъ его, не умничалъ, понималъ, кто съ нимъ соглашается компанію водить. У Бурцева онъ и денегъ возьметъ—разумѣется, займы. Своихъ у него нѣтъ. Вѣдь онъ отдавалъ жалованье ей, благодѣтельницѣ, а учительствуетъ въ ея классахъ даромъ.

Бурцева онъ нашелъ все за тѣмъ же столомъ, въ комнатѣ, гдѣ машина. На вчерашнемъ представленіи онъ присутствовалъ, „самолично“ вызывалъ и много про Крупеникова въ газетахъ читалъ и радовался. Только одно ему было больно, что господинъ артистъ такъ его „забыли“. И денегъ онъ самъ предложилъ, точно это была его обязанность, и сейчасъ же вынулъ три радужныя. Не теряя времени, затребовалъ онъ разныхъ водокъ и винъ и сталъ заказывать ѣду, спрашивая безпрестанно Крупеникова:

— Какъ на вашъ вкусъ?

Крупениковъ умилился. Вотъ въ этой трактирной комнатѣ его, въ началѣ сезона, угощалъ тотъ же Бурцевъ. Тогда онъ перебивался съ хлѣба на квасъ, ждалъ актера-антрепренера, соглашался даже и въ опереткахъ нѣтъ. А сегодня онъ—всѣми признанный артистъ. И не Прасковья Ермиловна сдѣлала это, а его собственный талантъ! Онъ стоитъ на своихъ ногахъ. Воля ему нужна, а не помощи! Хочешь кутить—и кути! Нужды нѣтъ, что Бурцевъ—бывшій половой. Въ немъ преданность есть, съ нимъ душа нараспашку.

Явился и Мухоморовъ. И съ нимъ чокался онъ безъ гордости. Теперь тотъ чувствуетъ, какая между ними есть разница. Прохороводился онъ съ ними до пятого часу, взялъ лихача на углу Литейной и поѣхалъ къ дебютанткѣ. Она только что встала послѣ вчерашняго ужина, сердилась на него, подразнила, но тотчасъ же простила,

дала поцѣловать ручку, а потомъ и шейку. Они поѣхали объѣдать за городъ, вдвоемъ, вернулись поздно. Къ себѣ въ номеръ она его не пустила, засмѣялась и сказала ему, убѣгая въ подъездъ:

— Жена ждетъ. Уважать ее надо; она почтенныхъ лѣтъ...

Хмель гудѣлъ въ головѣ Крупеникова. Хохотъ польки взбѣсилъ его. Домой онъ не возвращался до слѣдующаго утра.

Онъ пріѣхалъ въ двѣнадцатомъ часу дня, въ приличномъ видѣ, умытый, въ вычищенномъ платьѣ и, не спрашивая, гдѣ Прасковья Ермиловна, прошелъ прямо въ классъ. Это былъ его часъ. Онъ около двухъ недѣль не давалъ уроковъ, но дѣвицамъ было сказано, что послѣ перваго представленія занятія опять возобновятся.

Четыре дѣвицы старшаго класса ждали его; въ томъ числѣ и Ариша Веселкина. По ихъ лицамъ онъ догадался, что онѣ знаютъ про его кутежъ. Урокъ начался.

Всѣ четыре дѣвицы были рослы, красивы и очень франтовато одѣты. Ариша открыла свою бѣлую шею до ямочки между ключицами: на ней былъ матросскій воротничекъ. Другая, блондинка, выставляла свой бюстъ въ черномъ шелковомъ трико.

Ихъ румяныя лица, блескъ глазъ, круглыя плечи, талии, модныя ботинки—заиграли въ глазахъ Крупеникова. И всѣ эти дѣвушки глядятъ на него съ подмигивающимъ выраженіемъ, особенно Ариша Веселкина.

Въ ихъ глазахъ онъ читалъ:

„Ахъ, вы, бѣдненькій! связались со старой бабой, поступили къ ней въ услуженіе и возите теперь свою тачку! Проститесь съ молодой любовью! Идите просить прощенія за вчерашнее“...

Онъ старался имъ улыбаться, быть добрымъ, внимательнымъ; но его тонъ дѣлался все раздраженнѣе, онъ придирался, на одну закричалъ, Аришѣ сказалъ грубость.

— Пожалуй, — отрѣзала она ему въ отвѣтъ, такъ, что остальные слышали, — хорохорьтесь! Вы смѣлости набираетесь! Будетъ вамъ взбучка.

Онъ вскочилъ изъ-за фортепіано и хотѣлъ вывести ее изъ класса, но испугался.

А какъ вдругъ всѣ онѣ заговорятъ? Ужъ и такъ онѣ глазами срамятъ его:

„Сердишься, а мы тебя не боимся... Бѣдненькій! Про-

дался старой бабѣ; она ему въ бабушки годится, а онъ съ ней нѣжничаешь. Артиста, видите ли, изъ него сдѣлала, карьеру открыла... Безстыдникъ!”

Да, все это читалъ онъ на лицахъ дѣвицъ. Насилу довелъ онъ классъ до конца. Онъ молчалъ, тревожно взглядывалъ на нихъ, щеки его горѣли, въ виски опять начало стучать, какъ послѣ перваго представленія. Неужели такъ будетъ каждый день? Ему нельзя смотрѣть на молодыхъ, красивыхъ дѣвушекъ. Онѣ ушли отъ него. Не имѣть ему молодой жены, не знать ему молодой любви!

А ей, этой сорокапятилѣтней старухѣ, подавай настоящую любовь. Она, вонъ видите, и ребенка желаетъ имѣть. Ей судьба послала свѣжаго муженька, послѣ всѣхъ любовныхъ похождений. Тутъ ему въ первый разъ представился вопросъ: а сколько у ней перебивало любовниковъ? И мужъ былъ, не одинъ, кажется? Отчего же онъ, какъ Емеля-дурачокъ, никогда не поинтересовался узнать, съ кѣмъ и когда она жуировала? Ковринъ навѣрно знаетъ.

Изъ класса онъ прошелъ къ Коврину. Комната оказалась пустой, безъ постели, безъ книгъ и ноть. Ему сказала горничная, что Прасковья Ермиловна вчера „попросили Евстафія Петровича выѣхать“.

Вотъ оно что! Это его возмутило. Когда не нуженъ человѣкъ — вонъ его, на улицу! Всякая неловкость, что не ночевалъ дома, исчезла въ немъ. Станетъ онъ отдавать ей отчетъ! Ему хотѣлось сорвать на ней все, что у него накипѣло, и сейчасъ же, сію минуту...

— Гдѣ она?—рѣзко спросилъ онъ у горничной.

— Онѣ въ гостиной. У нихъ гости. Военный какой-то.

Онъ и этимъ не смутился и съ возбужденнымъ, почти гнѣвнымъ лицомъ вошелъ въ гостиную.

XXVII.

Вошелъ и сталъ въ дверяхъ. На диванѣ развалился генералъ съ простѣю и длинными усами, въ эполетахъ и съ сигарой въ рукѣ. Прасковья Ермиловна сидѣла рядомъ, наклонившись къ нему, и что-то говорила вполголоса. Она была въ капотѣ.

Крупениковъ кашлянулъ. Генералъ поднялъ голову и оправился. Прасковья Ермиловна поднялась, тревожно взглянула на Крупеникова, и щеки ея пошли красными пятнами.

— Ахъ, вотъ и мужъ мой! Позвольте вамъ представить.

— Весьма пріятно, — пробасилъ генераль и протянулъ руку.

Послѣ рукопожатія вышла пауза.

Мужъ и жена поглядѣли другъ на друга. Она съ укоризной, онъ съ вызывающей усмѣшкой. Его глаза спрашивали: „Это что за гусь?“

— Вотъ генераль Толкуновъ, — заговорила она, — мой давнишній знакомый... еще изъ Москвы.

— А-а! — протянулъ Крупениковъ и тутъ же подумалъ: — „изъ старыхъ дружковъ!“

— Мужъ-то у васъ, другъ мой, въ полномъ соку.

Генераль повелъ усами и тихо засмѣялся. Отъ этого смѣха Крупеникова бросило въ жаръ.

„Какъ! и ты?..“

И онъ выругался про себя.

— Слышалъ про вашъ талантъ... Поѣду васъ слушать... Непремѣнно. Вотъ кумушка мнѣ креслецо добудетъ, а теперь желаю вамъ добраго здоровья.

Въ томъ, какъ гость поцѣловалъ руку Прасковьи Ермиловны, было что-то особенное. Она проводила его до передней. Крупениковъ не пошелъ.

Онъ ждалъ ее, стоя у печки.

— Антоша, — заговорила она вполголоса, близко подойдя къ нему, — за что ты меня такъ тревожишь?..

— Кто это? — рѣзко перебилъ онъ ее.

— Иванъ Денисычъ Толкуновъ.

— Вы съ нимъ какъ же? Изъ старыхъ дружковъ? а?

— Что ты, Антоша?

— Отвѣчайте! Я васъ спрашиваю не потѣхи ради...

Прасковья Ермиловна протянула ему руку. Онъ отвелъ.

— Какъ тебѣ не грѣхъ такъ, Антоша!..

Но онъ смотрѣлъ на нее злобно и пристально. Подъ этимъ взглядомъ она больше и больше смущалась.

— А! — вскрикнулъ онъ. — Такъ и есть. Чего же вамъ отъ меня прятаться? Пріѣхалъ ненарокомъ старый дружокъ. Бываетъ. Такъ бы и сказали. Со мной нечего церемониться. Прикажете съ визитомъ къ нему или на побѣгушки? Свѣжаго муженька добыли — вотъ что его превосходительство изволилъ найти.

Она не возражала. Да, это былъ, дѣйствительно, первый челоуѣкъ, научившій ее, что такое любовь. Генераль былъ тогда тогда моложе, хороше собою, но такъ же пошле, какъ и теперь. И она глупа была. Прошло около двад-

пяти лѣтъ. Вотъ онъ пріѣхалъ къ ней по-пріятельски и сейчасъ тутъ же пускаетъ свои офицерскія прибаутки, по-старому: поздравляетъ съ молодымъ мужемъ, говоритъ сальности. Развѣ она стала бы скрывать свое прошедшее? Только рѣчи о немъ не заходило. Никто не имѣетъ на нее правъ! И этого-то генерала она въ другой разъ не пуститъ. Онъ вошелъ, не назвавшись.

Все это она могла бы сказать Антошѣ, но не о себѣ ей надо думать, а о немъ, объ его силахъ, здоровьѣ, талантѣ. Вотъ уже около мѣсяца, какъ онъ внѣ себя.

— Радость моя!—тихо заговорила она,—успокойся ты, ради Бога! Ну, настоялъ на своемъ, убѣжалъ, кутнулъ... И довольно, завтра тебѣ пѣть, приходи ты въ себя!.. Не губи своего таланта!

Ея руки хотѣли обнять его, но онъ вырвался, отбѣжалъ къ окну и крикнулъ:

— Оставьте меня! Я самъ себѣ гадокъ! Не мужъ я вашъ, а хамъ, рабъ!.. рабъ!..

Съ нимъ сдѣлался припадокъ. Прасковья Еремилловна не растерялась. Докторъ объявилъ, что его нельзя отпускать одного изъ дому. Нечего было думать объ участіи въ спектаклѣ. Надо было приставить къ нему двухъ сидѣлокъ.

Когда жена, улучивъ минуту, спросила его:

— Антоша, что тебѣ угодно, радость моя?

Онъ обернулся спиной, закрылъ глаза и простоналъ:

— Похоронили, заперли! Надѣвайте кандалы! Только не кажитесь вы мнѣ на глаза! Задущу!

XXVIII.

Первый часъ ночи. Въ спальнѣ Прасковьи Еремилловны горитъ лампадка. Постель стоитъ нетронутой.

Вотъ уже десять дней, какъ Крупеникова не выпускаютъ изъ дому. Онъ порывался бѣжать. Его заперли. Ѣздитъ докторъ-психіатръ. Онъ обнадеживаетъ; но у ней самой надежда плохая. Мужъ не выноситъ ея. Какъ только она войдетъ къ нему въ комнату, онъ забьется въ уголъ и молчитъ или начинаетъ кричать и браниться.

Черезъ доктора она узнала, что Антоша считаетъ ее своимъ заклятымъ врагомъ, увѣряетъ, что она украла у него талантъ, оклеветала передъ начальствомъ, хочетъ „ѣздить на немъ верхомъ“ и выжимать сокъ, что онъ не можетъ уже пѣть—она заговорила его голосъ.

Манія преслѣдованія пришла вмѣстѣ съ маніей величія. Онъ говорилъ о себѣ, какъ о великомъ артистѣ, безвременно погибшемъ. И каждый оперный день, четыре раза въ недѣлю, онъ порывался бѣжать. Человѣкъ, представленный къ нему, удерживалъ его, потомъ запиралъ. Начинался крикъ, стукъ въ дверь, битые мебели. Она не смѣла показываться въ эти часы.

Все расклеилось. Мѣсто Коврина, попавшаго въ клинику отъ бѣлой горячки, занималъ піанистъ изъ самыхъ посредственныхъ. Репетиціи пѣнія она должна была вести сама, но у ней голова шла кругомъ; она вздрагивала безпрестанно и прислушивалась, нѣтъ ли шума въ комнатѣ мужа. Докторъ совѣтовалъ помѣстить его въ лѣчебницу. Она не соглашалась.

Прасковья Ермиловна сидѣла въ кофѣ у своего письменнаго стола. Въ ночномъ чепчикѣ она смотрѣла со всѣмъ старухой. Двѣ глубокія морщины легли по обѣимъ сторонамъ носа, подбородокъ обрюзгъ и раздвоился, въ бѣлокурыхъ волосахъ выступила замѣтная сѣдина.

Женщина, та, что такъ часто „ловила“ на мужчинахъ, столько отдала имъ на своемъ вѣку—умерла въ ней. Тамъ, черезъ коридоръ, не любовникъ ея, не мужъ, а сынъ: такое къ нему чувство. Никого она такъ чисто и безкорыстно не любила, и что вышло?.. Погибъ отъ нея, отъ ея слабости: дала себя обойти, забыла, что она его на двадцать лѣтъ старше, не сумѣла быть умной нянькой...

Уже нѣсколько дней, какъ она стала чувствовать какую-то неловкость: подъ ложкой сосетъ, по утрамъ тошнота. Она не обращала на это вниманія. Но это странное нездоровье не проходило. Спросила она у доктора. Тотъ повелъ губами и шепнулъ ей:

— Да вы беременны!

Она испугалась, замахала руками. Какія глупости! Двадцать лѣтъ слишкомъ знаетъ мужчинъ, имѣла одного ребенка молодой дѣвушкой, и вдругъ, почти старухой, сорока слишкомъ лѣтъ... Глупости!

Но эти „глупости“ давали себя знать. Сегодня она побывала у одной „кумы“. Кума объявила ей, что это „такъ“ и уже „во второмъ мѣсяцѣ“.

Сначала она обрадовалась, но не надолго. Ее умилила мысль кормить, нянчить, выходить ребенка отъ Антоши. Но тотчасъ затѣмъ она впала въ большое уныніе... Онъ—безумный! Когда началась болѣзнь? Кто можетъ это опре-

дѣлать? Онъ и до репетиціи новой оперы уже бывалъ внѣ себя...

И его ребенокъ будетъ такой же.

Она съ ужасомъ оглядывала свою спальню, потонувшую въ мягкой мглѣ, еле освѣщенную бѣлымъ щиткомъ лампы. Да, родится въ отца. Такъ должно быть: кто моложе и сильнѣе, въ того и родятся дѣти, это она не разъ видала.

Какъ быть?.. Пойти на воровское дѣло, попросить у кумы хорошаго снадобья? Нѣтъ! Этого она ни въ жизнь не сдѣлаетъ! Надо ждать, выкормить и до самой смерти бояться, что дитя вдругъ свихнется, и навѣки. Отецъ будетъ въ это время сидѣть въ халатѣ, на девятой верстѣ, не хватить, быть-можетъ, средствъ держать его въ лѣчебницѣ. И она попадетъ туда же, не выдержитъ и ея натура...

А пока—она мать...

БЕЗВѢСТНАЯ.

(РАЗСКАЗЪ.)

„Pressez toute chose, un gémissement
en sortira“.

L'abbé Roux. Pensées

I.

Въ двухъ окнахъ, влѣво отъ воротъ, въ подвальномъ этажѣ большого купеческаго дома, на Лиговкѣ, совсѣмъ оледенѣлыхъ, свѣтъ лампадки вотъ-вотъ померкнетъ. На дворѣ градусовъ двадцать морозу. По пустотѣ и тиши замѣтно, что поздній часъ. На углу переулка, наискосокъ мостика, заснулъ извозчикъ и совсѣмъ засунулъ голову въ передокъ саней. У воротъ дома бѣлѣтся тулупъ де-журнаго дворника.

Изъ-за угла вышла кухарка, съ платкомъ на головѣ. Она оглядѣлась вправо и влѣво, что-то такое сообразила и пошла торопливо, кутаясь на ходу въ платокъ и шлепая по бойкому, неровному тротуару стоптанными башмаками.

У воротъ, не доходя до дворника,—онъ сидѣлъ по ту сторону, на скамьѣ,—кухарка подняла голову и начала взглядываться въ стѣну, отыскала глазами небольшую темную вывѣску и тогда только подошла къ дворнику и потянула его за рукавъ.

— Чево надо?

Голосъ дворника показывалъ, что онъ сейчасъ же повернется къ ней спиной и опять задремлетъ.

— Бабка тутъ, что ли?

- Чево?
- Да бабка-галанка?
- Здѣсь.
- Въ которомъ этажѣ?
- Да вонъ окна-то... свѣтъ гдѣ...
- Въ подвальномъ, значить?
- Въ подвальномъ.
- Пропусти въ калитку, милый...
- Не заперта, лѣзь.

Она нагнула голову и пролѣзла между цѣпью и порогомъ. Густая темнота понадвинулась на нее.

— Изъ подворотни ходъ? — оеликнула она дворнику вполшопота.

— Да; нащупай, звонокъ есть, вправо сейчасъ...

Звонокъ издалъ рѣзкій и короткий звукъ. Кухарка стояла у самой двери и ощупывала ее обѣими руками. Обрывки не то клеенки, не то рогожи шуршали подъ ея правой ладонью.

Она не долго ждала. Изнутри ее спросили:

— Кто тамъ?

— За вами, матушка! Больно нужно!

— Сейчасъ, — раздалось въ отвѣтъ изъ глубины комнаты, и дверь стали отпирать не больше какъ черезъ минуту.

Половинка дверей отпихнула кухарку назадъ. Надо бы пойти сейчасъ пару, какъ всегда изъ дворничьихъ и жарко натопленныхъ подвальныхъ квартиръ; но паръ не показывался. Въ квартирѣ акушерки никогда не бывало тепло, особенно въ первой комнаткѣ, гдѣ плиту два дни уже какъ не топили.

Со свѣчкой въ рукѣ стояла передъ кухаркой маленькая, далеко не старая еще на видъ женщина, въ юбкѣ и сѣромъ платкѣ, въ клѣтку, безъ ночного чепчика. Зачесанные, на ночь, бѣлокурые волосы лежали кучкой на маковкѣ, пригнутые шпилькой. Она немного щурилась отъ свѣта. Полное лицо съ желтоватой кожей смотрѣло просто: сѣрые, прищуренные глаза, добрые и крупно вырѣзанные, окинули быстро всю фигуру кухарки. Пухлые губы широко раскрылись улыбкой. Лѣвая, свободная рука придерживала платокъ на груди.

— Входите, голубчикъ, входите... Я мигомъ!—пригласила она кухарку.—Присядьте... Холодно у меня... Вотъ къ этой стѣнѣ... Она еще тепленька..

Все это она выговаривала на ходу въ комнату, гдѣ стала одѣваться, безъ торопливости, какъ собираются на свое дѣло люди, привычныя къ такимъ ночнымъ приходамъ, знающіе, какія вещи имъ надо захватить съ собою, заранее помирившіеся съ тѣмъ, что имъ въ эту ночь уже больше не спать.

Въ одной квадратной комнатѣ, низкой и сыроватой по угламъ, состояло ея помѣщеніе. Кровать ютилась за ширмами, влѣво отъ входа; направо всю стѣну занималъ старенькій, покрытый ситцемъ диванъ; надъ нимъ, по стѣнѣ, много фотографическихъ портретовъ и карточекъ; на окнахъ—цвѣты; подъ ними раскрытый ломберный столъ съ вчерашнимъ шитьемъ; въ лѣвомъ углу, гдѣ догорала лампадка передъ образомъ, шкафчикъ надъ комодомъ красного дерева. Все смотрѣло чистенько, но очень бѣдно. На окнахъ висѣли темно-коричневыя занавѣски на шнурахъ.

Одѣлась акушерка скоро-скоро, что-то достала изъ комода и шкафчика и подошла къ вѣшалкѣ, гдѣ висѣли драповое пальто и шубка на кротовыхъ шкуркахъ, крытая сукномъ. Она надѣла шубку.

— Да васъ какъ звать? — вдругъ, какъ бы вспомнивъ что-то, окликнули ее изъ кухни.

— Фамилія моя, голубчикъ? — спокойно и все еще съ улыбкой спросила акушерка.

— Да. Евсѣева, что ли? Никакъ такъ?

— Этакъ, этакъ... Марья Трофимовна...

— То-то... Готовы, матушка?

— Готова!

— Больно ужъ мается...

— У кого?

— Работница... У дворниковъ... Извозчики гдѣ стоятъ...

— Идемте.

Марья Трофимовна повернула голову, не забыть бы чего, перекрестилась и скорыми, бодрыми шажками—ботинки ея поскрипывали—вышла въ кухню со свѣчей въ рукѣ, поставила ее на опрокинутую кадку, служившую замѣсто стола, положила коробку спичекъ, и прежде чѣмъ тушить, оглянула еще разъ кухарку.

Ей понравилось это рябоватое, круглое лицо, съ прядью черныхъ волосъ, выбившихся на самый носъ, широкій и смѣшной: одна ноздря была уже другой.

— А тебя какъ звать?—спросила она.

— Пелагея.

— Вы вмѣстѣ съ той работницей спите?

— Вмѣстѣ, матушка, вмѣстѣ.

Свѣчу Евѣева задула и выпустила впередъ кухарку. Она аккуратно заперла ключомъ наружную дверь и, выйдя за Пелагеей въ калитку на тротуаръ, успѣла сказать ласково дорнику:

— Мы съ тобой, Игнатъ, опять дежурные...

Дворникъ разслышалъ, сквозь сонъ, ея слова, но ничего не сказалъ въ отвѣтъ.

II.

Въ такіе ночные походы,—рѣдко и они выпадаютъ,—Марья Трофимовна чувствовала себя особенно легко, почти радостно. Здоровье у ней на рѣдкость. „Я—двуужильная какая-то“, — говоритъ она часто, какъ говорятъ про лошадей, способныхъ сдвинуть всякій возъ. Ни по свойствамъ души своей, ни по нуждѣ, не могла она отказываться, оттягивать визиты, напускать на себя самое нездоровье. Въ такихъ-то случаяхъ ея дѣло и вставало передъ ней во всей своей человѣчной простотѣ и пользѣ. Она знала, что разбудить ее вотъ такая кухарка у дворниковъ, гдѣ извозчики почуютъ и держатъ лошадей, или еще того хуже: изъ угловъ кто-нибудь прибѣжить, замаранная дѣвчонка зоветъ къ побирущкѣ, въ грязь, въ чадъ и нестерпимую духоту, гдѣ нѣтъ ни воды, ни чистой тряпки, а она ничего, шутить, сама все найдетъ и знаетъ, что больше полтинника ей не могутъ заплатить. А то и даромъ.

И теперь, январь на исходѣ, а ея доходъ, за мѣсяць практики, не дошелъ и до бѣлой ассигнаціи. Какъ жить?.. А живетъ, никому почти не должна, и если бы...

Марья Трофимовна остановилась, точно на какой зарубкѣ, и не захотѣла думать въ этомъ же направленіи. Деньги, заработокъ, сведеніе концовъ съ концами поднимались всегда, сами собой, откуда-то изъ глубины, и всегда въ однихъ и тѣхъ же цифрахъ, маленькихъ расчетахъ, маленькихъ надеждахъ и соображеніяхъ.

Но они не разстраивали ее настолько, чтобы она была хоть на минуту, куда идетъ, что ей нужно дѣлать, кто ждетъ отъ нея помощи.

Своего званія она, дѣвица лѣтъ тридцати восьми, до сихъ поръ немного не то что стыдится, а стѣсняется

передъ знакомыми изъ образованныхъ дѣвушекъ и молодыхъ людей. Съ народомъ, съ пациентками, со всякими пожилыми простыми людьми, съ ними она всего больше водится, усвоила она себѣ спокойный тонъ, всегда немного съ шуточкой надъ своими обязанностями. Они всѣ считаютъ ее почему-то вдовой и обращаются какъ съ женщиной гораздо старше лѣтами. Такъ и ей удобнѣе. Никто ловчѣе и умѣлѣе ея не найдется въ самой бѣдной и грязной обстановкѣ, въ какой хотите поздній часъ ночи, и врядъ ли другая такъ ладить съ простонародьемъ, такъ изучила нравы, привычки, суевѣрья, примѣты, пороки и замашки темнаго и совсѣмъ бѣднаго, и полубѣднаго петербургскаго люда: мелкихъ чиновничьихъ семей, артельщиковъ, унтеровъ, дворниковъ, прислуги всякаго рода, впавшихъ въ нищету дворянскихъ семей, недавно повѣнчанныхъ паръ изъ учащейся молодежи, изъ огромнаго класса ищущихъ занятій.

Въ околоткѣ ее хорошо знаютъ, даже и съ Васильевского иной разъ обращались, а настоящаго ходу ей нѣтъ, да и не будетъ: въ такую ужъ она попала колею. Надо-бенъ особый случай: принять у какой-нибудь богатѣйшей и родовитой купчихи или чиновной барыни. Но это почти невозможно. Въ купеческихъ семьяхъ средней руки Марья Трофимовна принимала; перепало ей тогда сразу до тридцати, до сорока рублей. Но ей непріятно вспомнить такія вотъ купеческія крестины. Унизительно обходить съ тарелкой или подносомъ крестнаго и крестную съ гостями и глядѣть, какъ тебѣ, подъ салфетку, кладутъ желтыя и зеленыя бумажки, точно арфлянкѣ какой въ трактирѣ, послѣ того, какъ пропѣла: „Спи, ангелъ мой“. Лучше ей у бѣдняковъ, даже совсѣмъ легко и хорошо, и если бъ платили ей хоть маленькое жалованье, она не желала бы никакихъ подачекъ.

Такія мысли начинаютъ непремѣнно рѣять въ головѣ Марьи Трофимовны, когда она идетъ съ провожатой, къ снѣху, и ожидаетъ, что, пожалуй, уже поздно, что только напрасно ее потревожили. Но на это она никогда не сердилась, да и вообще не помнитъ, чтобы она гнѣвно или раздраженно на кого-нибудь дала окрикъ, что бы съ ней ни вышло. Пьяныхъ она, въ первые годы практики, ужасно боялась, но и къ нимъ привыкла, усылала ихъ, если они мѣшали, и не обижалась, когда кто ей отвѣтитъ дерзко или бранно.

— Ты въ одномъ платьѣ?—сказала Марья Трофимовна, оглянувшись, на ходу, въ сторону Целагеи. — Морозъ какой!

— Тутъ близехонько! Ничего!

Отъ Целагеи всегда пышило, точно отъ печки. Она могла, въ какой угодно морозъ, пробѣжать по улицѣ въ одномъ сарафанѣ и въ опоркахъ на босу ногу.

Холодъ все крѣпчалъ. Фонари по той сторонѣ Лиговки—керосиновые, а не газовые, мигали грязнымъ свѣтомъ, а газовые, по переулку, гдѣ шли скорымъ шагомъ обѣ женщины, совсѣмъ обмерзли и только по самой срединѣ каждаго стекла небольшое пятно пропускало свѣтъ, скованный со всѣхъ сторонъ заблѣвшимъ льдомъ.

Что ей нужно было, Марья Трофимовна разспросила у Целагеи на ходу. Большой трудности не предвидѣла она; женщина здоровал, солдатка и уже не „перворождающая“. Боялась она серьезныхъ случаевъ, гдѣ законъ велить обращаться къ доктору.

Во-первыхъ, гдѣ его взять? Къ такой вотъ работницѣ-солдаткѣ доктора не дозовешься, ни частнаго, ни съ воли. А если прїѣдетъ, такъ поздно, когда настоящая минута пропущена. И тутъ Марья Трофимовна совершенно теряется, покраснѣетъ, не то говорить, запинается въ отвѣтахъ, точно она сама ничего не смыслить, хуже чѣмъ на первомъ экзаменѣ изъ анатоміи. До сихъ поръ—она практикуетъ уже около восьми лѣтъ—не можетъ она держать себя при докторсахъ посуровѣе и посмѣлѣе.

Развѣ уже докторъ-то изъ очень тихонькихъ, или самъ настолько неопытенъ, что выпрашиваетъ для собственнаго руководства.

— Сюды, сюды, — потянула Целагею за рукавъ Марью Трофимовну.

Онѣ вошли въ полуоткрытыя ворота деревяннаго одноэтажнаго дома съ мезониномъ. Сейчасъ же ее обдалъ запахъ, какой бываетъ на дворахъ, гдѣ живутъ извозчики. Въ темнотѣ, въ глубинѣ двора, ходили около саней два ночныхъ извозчика,—они только что зашабашили; шель уже пятый часъ утра, но еще стояла густая мгла. Изъ конюшни, вправо, ползъ паръ отъ дыханья лошадей и навоза. Одинъ изъ извозчиковъ зажегъ фонарь, и красноватое пламя сальной свѣчи всплыло среди темноты продолговатымъ языкомъ.

— Куды шлею-то забросилъ?—раздался хмурый голосъ и заставилъ Марью Трофимовну повернуть голову.

— Бойко, матушка, тутъ, бойко, — удержала ее кухарка. — Сюды вотъ пожалуйста. Только головкой не стукнитесь. Низенькая дверь-то.

Она, дѣйствительно, почувствовала подъ подошвами своихъ ботишковъ обледенѣлую лужу, вѣроятно, помоевъ. Если бъ Пелагея не предупредила ее, она навѣрное бы оступилась, на ходу она была довольно легка, но тѣломъ полновата и ходила съ перевальцемъ.

На морозѣ испаренья и запахи жилья, въ подвальномъ флигелѣ, не ошеломляли такъ, какъ въ оттепель. Кухарка отворила съ усиленіемъ примерзшую дверь, обитую рогожей, и даже Марья Трофимовна, несмотря на свою покладливость, отшатнулась.

— Молодцы наши спать тутъ. А куфня-то налѣво, сейчасъ вотъ взять надо за дощатую переборку.

Въ избѣ спало человѣкъ десять извозчиковъ, въ повалку, на скамьяхъ и на полу. За чьи-то ноги задѣла Евсеѣва и кто-то, спросонья, выбранилъ ее.

Слѣва, сквозь щель полуиритворенной двери, виднѣлся свѣтъ...

— Здѣсь?—шопотомъ спросила она.

— Тутъ, тутъ...

Изъ-за перегородки раздавались стоны, заглушаемые, должно-быть, тѣмъ, что работница держала что-нибудь въ зубахъ, чтобы не кричать во весь голосъ.

— Мается,—проговорила Пелагея.

Что-то еще прошентала ей на ухо Евсеѣва и получила въ отвѣтъ:

— Поищу... Только наврядъ есть ли...

Послѣ чего пропустила ее за перегородку, а сама стала ошупью искать чего-то въ печуркѣ. Она совсѣмъ успокоилась, какъ только привела акушерку, и даже сейчасъ же вкусно зѣвнула. Ей такъ захотѣлось вдругъ спать, что она сѣла тутъ же на низкую скамейку, подъ полатами,—съ нихъ тоже слышался храпъ извозчиковъ,—и забыла, чего отъ нея ждетъ Марья Трофимовна.

— Пелагеюшка, что же?—окликнула ее та, шопотомъ, въ дверку.

— Ась?—спросила она уже спросонья.

— Или запомитовала?

— Запомитовала, и взаправду.

Стоны стали слабнуть. Приходит Марья Трофимовны приободриль работницу.

Изъ мужиковъ никто совсѣмъ не просыпался; только одинъ пробурчалъ во снѣ:

— Чево вамъ, черти?..

III.

Домой Евсеѣва вернулась, когда уже совсѣмъ разсвѣло, и безъ всякаго вознагражденія. Она и къ этому привыкла. Родился мальчикъ, съ огромной головой. Мальчиковъ она всегда ждала. Это ей напомнило другой случай, не такъ давно.

Приходитъ молодой человѣкъ, совсѣмъ еще юный. Она думала, что къ какой-нибудь родственницѣ приглашаетъ, а онъ говоритъ: „къ женѣ“. Нѣмцы, молодые, ему двадцать четвертый годъ, ей двадцатый. Онъ служитъ въ магазинѣ приказникомъ. Помнитъ она ихъ квартиру необыкновенной чистоты. Кухня—хоть сейчасъ на выставку. Даже подъ метелками подбиты клеенки. Ванна поставлена возлѣ плиты, и отъ крана съ холодной водой кибка идетъ къ ваннѣ; однимъ словомъ, видно, что все своими средствами смастерили, и такъ ужъ аккуратно, такъ аккуратно. На полкахъ бумажки вырѣзаны фестонами; приди въ бархатномъ платьѣ въ такую кухню—не запачкаешься. Спальня подъ-стать кухнѣ. И оба, мужъ и жена, рады-радешеньки, что у нихъ будетъ ребенокъ. Родился, вотъ какъ у этой работницы, прекрупный мальчуганъ. Отецъ былъ въ магазинѣ, приѣхалъ, видитъ, что у него сынъ, весь вспыхнулъ, какъ дѣвица, и расплывалъ ее въ объѣмы. Какой восторгъ! У всѣхъ ихъ братьевъ и сестеръ—дѣвчонки, а у нихъ однихъ только мальчикъ. Сейчасъ телеграммы полетѣли къ бабушкѣ съ дѣдушкой, и дня два приходили къ нимъ поздравительныя депеши.

Сколько, сколько всплываетъ въ головѣ ея смѣшныхъ и жалкихъ случаевъ. Давно ли она носила цѣлую недѣлю хлѣба, кусокъ пирога къ одной женщинѣ, въ пустую прачечную, куда дворникъ пустилъ ее изъ милости. Сама не доѣдала. И ей—ничего! Нѣтъ въ ней ни озлобленія, ни усталости. Въ народѣ, среди самой ужасной грязи, пьянства и безпушества, она находила человѣчность къ тѣмъ, кто мучится, и всегда почти радость въ отцахъ, особенно, когда явится на свѣтъ мальчикъ, а часто и отцу-то съ матерью ѣсть нечего.

Какъ живая стоитъ передъ нею одна дѣвчонка на по-сѣгушкахъ — кажется, Дуней ее звали. Прибѣжала, вся ушла въ большой платокъ, только глазки, какъ мыши-ные, бѣгаютъ, и говорить порывисто:

— Бабушка, пожалуйста, бабушка, милая, пожалуйста.

Было это осенью, мѣсяца три тому назадъ. Повела ее Дуняша — вотъ какъ и сегодня же Пелагеюшка — по набережной, пришли на большой дворъ, кругомъ домъ — лицикомъ, поднялись по грязной лѣстницѣ въ четвертый этажъ, вошли въ длинный-длинный коридоръ. По стѣнѣ висятъ рядками юбки, платья мастерицъ. И подъ одной такой рядкой кровать. На голыхъ доскахъ лежитъ молоденькая мастерица. Швейныя машины стучать. Помнить, какъ вмѣсто рубашки для ребенка принесли старое по-лотенце, да лоскутковъ — обрѣзковъ отъ платьевъ, какъ потомъ, уже на разсвѣтъ, отправили слѣбую совсѣмъ ста-руху въ воспитательный.

Или еще у еврея, въ кассѣ ссудъ. Надъ самой кро-ватью висятъ ряды залежалыхъ сапогъ. Приходили все потомъ разряженные еврейки — поздравлять; и теперь въ ушахъ ея стоитъ точно гулъ отъ ихъ гортанной бол-товни; а за перегородкой шумъ у закладчика-хозяина, брань, хлопанье дверями.

И сколько еще, сколько такихъ эпизодовъ! Марья Тро-фимовна любитъ останавливаться мыслью на смѣшныхъ сценахъ, больше все такихъ, что трудно рассказать въ гостиной, хоть въ нихъ и нѣтъ ничего особенно непри-личнаго, а все-таки нельзя. Она любитъ вспоминать ихъ, не потому, чтобы она хотѣла посмѣяться надъ своими пациентками, да и вообще надъ бѣднымъ людомъ. Такой ужъ у ней складъ головы и характера. Съ нимъ ей легче жить.

Вотъ и сегодня, когда она на разсвѣтъ прилегла, не раздѣваясь, на кровать, чтобы доспать „свою порцію“ — она такъ говорила — ея природная наклонность къ шуткѣ и юмору не позволила ей долго и тревожно думать о томъ, что будетъ завтра или сегодня же, только передъ обѣдомъ.

А будетъ то, что придетъ къ ней Маруся, ея приемышъ, придетъ обѣдать — воскресенье — и попроситъ на булавки, а дать печего. Непремѣнно попроситъ и сдѣлаетъ это съ особой миной, точно ей это слѣдуетъ по закону, и прибавитъ каждый разъ:

— Пожалуй, хоть не давайте, ваша воля.

И эти слова, каждый разъ, рѣжутъ Марью Трофимовну по сердцу. Если у ней приготовленъ рубль, Маруся такъ скажетъ: „мерси!“—что лучше бы уже она отвѣтила грубостью.

Когда почью она проснулась отъ звонка — Пелагея сильно дернула — и сообразила сейчасъ, что пришли за ней по дѣлу, вторая ея мысль была: заработаю, Марусѣ будетъ на булавки желтенькая.

Но желтенькой не было. Или она и была, да единственная, съ мелочью. Если отдать ее, надо будетъ жить въ долгъ—неизвѣстно, сколько дней. И безъ того у ней въ лавочкѣ книжка, и въ кухмистерской она платитъ два раза въ мѣсяцъ.

Щемить у ней на сердцѣ, когда она раздумается объ этой дѣвочкѣ.

Взяла ее самымъ обыкновеннымъ манеромъ. Такъ же вотъ пришли за ней къ вдовѣ-чиновницѣ, осталась съ двумя дѣтьми и третьяго ждала. Нищета полнѣйшая. Умерла въ родахъ. Мальчику шелъ седьмой годъ; дѣвочка на два года старше. Случилось это въ самомъ началѣ практики Марьи Трофимовны. Тогда и заработокъ былъ побольше какъ-то, да и на свои силы увѣреннѣе смотрѣла. Дѣти хорошенькія, особливо дѣвочка. Хоть на улицу за подаянѣмъ иди, какъ только свезли мать на кладбище. Всегда она любила дѣтей; дѣвичья доля—перевалило ей уже за тридцать—стала тяготить ее, хотѣлось привязанности, цѣли, для кого-нибудь жить, о комъ-нибудь безпрестанно думать, на кого-нибудь дышать.

Мальчика взяли въ пріютъ—она же похлопотала,—а дѣвочку приняла замѣсто дочери. Сначала при ней жила; только пошли нелады и огорченія, да и средствъ не хватало учить ее, какъ бы слѣдовало. Думала она сначала—повести ее попроще, выучить ремеслу, въ портнихи или шляпницы отдать, въ мастерскую или пріютъ, гдѣ учатъ этому, да жалко стало. Слишкомъ хорошо она знала, что такое ученица у хозяйки, если даже и такая, которая въ пріютѣ училась. Да и дѣвочка была видная такая изъ себя, голосъ у ней рано оказался и способность большая: гдѣ услышитъ — шарманка или музыка мимо пройдетъ — сейчасъ повторяетъ. Въ школу сначала дешевенькую отдала; училась Маруся не очень чтобы хорошо; но, глав-

ное, пошли огорченія для Марьи Трофимовны изъ-за ея характера.

Грубить или дуется, чванлива, лгать рано начала, франтовата и требовательна: подай то, да купи это, и слезы сейчасъ, что вотъ у другихъ и ленточка, и ботинки, и кушачокъ, а у ней нѣтъ.

Отдала потомъ въ гимназію. Очень тяжело было платить за нее и одѣвать, а училась она не настолько хорошо, чтобы просить объ освобожденіи отъ платы. Голосъ выручилъ. Заинтересовался одинъ преподаватель. Выхлопоталъ ей бесплатные уроки въ одну музыкальную школу. Тамъ ее, на первыхъ порахъ, захвалили. Возмечтала она сразу: „я артистка буду, въ оперу меня возьмутъ, десять тысячъ жалованья“; она тогда и ноты-то еле знала, а ужъ четырнадцать лѣтъ ей минуло. Такое счастье ей выпало, что черезъ годъ поступила на даровое помѣщеніе со столомъ въ семейство одно—тоже приняли въ ней участіе изъ-за голоса. Такъ прошло еще два года: но ученье и музыкальное не спорилось.

Объ оперѣ она только мечтала.

IV.

Часу въ третьемъ пришла Маруся. Марья Трофимовна все передумывала, до ея прихода, на разные лады: сколько она ей дастъ на булавки, и рѣшила, что полтинникъ скотлотить, а больше никакъ невозможно. Она уже приготовилась къ минамъ и тону своей питомицы.

Маруся входила всегда прямо въ комнату въ мѣховомъ бархатномъ пальто—Марья Трофимовна до сихъ поръ не знаетъ, откуда оно—и шляпкѣ, прикрытой бѣлымъ шелковымъ платкомъ, и долго такъ оставалась, подъ предлогомъ, что въ квартирѣ „хоть таракановъ морозъ“.

Ко всему этому Евсеѣва готовилась каждый разъ. Два обѣда приносила ей, по воскресеньямъ, на домъ мальчикъ изъ кухмистерской. Она купить чего-нибудь еще, два пирожка у Филиппова или къ чаю вотрушку съ вареньемъ.

Но Маруся ѣстъ нехотя, все какъ-то швыряетъ, чашенъко скажетъ даже:

— Ахъ, какая это гадость! Какъ это вы ѣдите, мамаша!

Дать на нее окрикъ, показать ей, какъ она неделикатна—не хватаетъ у Марьи Трофимовны духу. Эта дѣвочка производить на нее особенное обаяніе. Смотрить на

нес и все время любитъся; отъ голоса ея пріятно вздрагиваетъ и сама себя все обвиняетъ въ томъ, что не умѣла Марусю привязать къ себѣ сильнѣе, размягчить ее, сдѣлать другой.

На недѣль сама забѣжить къ ней раза два-три. Идетъ туда и знаетъ напередъ, что или не застанетъ дома, или придетъ невпопадъ, и Маруся ей это непременно замѣтитъ.

А все тянетъ. Иной разъ такъ сильно, что вечеромъ, уже поздно, начнетъ Марья Трофимовна торопливо одѣваться и бѣжить на Екатерининскій каналъ.

Маруся позвонила на этотъ разъ еще громче обыкновеннаго. Марья Трофимовна уже знала ея звонокъ и всегда устремлялась отворить. Сегодня у ней ёкнуло сердце. Должно-быть, что-нибудь особенное. Ужъ не отказали ли ей? Выгнали, быть-можетъ? Ничего нѣтъ мудренаго. Что-нибудь сгубила или еще того хуже... поймали!

Все это промелькнуло мигомъ въ головѣ Евсѣевой, когда она переходила отъ стола — гдѣ уже дожидался обѣдъ въ судкахъ—къ входной двери.

Окруженная морознымъ паромъ, Маруся перескочила порогъ и поцѣловала Евсѣеву звонко и даже прильнула къ ней немного.

Марья Трофимовна такъ и разгорѣлась отъ этого поцѣлуя: онъ былъ совсѣмъ не такой, какъ всегда, когда Маруся подставляла только щеку и говорила точно подъ носъ:

— Здравствуйте, мамаша.

И „мамашей“—то не всегда называла ее.

Она потащила Марью Трофимовну въ комнату и на ходу нѣсколько разъ повторила:

— Что я вамъ скажу! Что я вамъ скажу!

Всѣ волненія и страхи Евсѣевой улеглись отъ одного веселаго и высокаго звука этихъ словъ. Нѣтъ, Маруся не будетъ сегодня морщиться отъ бѣды и все возьметъ съ благодарностью, хотя бы и полтинникъ.

— Что, что такое?—радостно спрашивала Евсѣева, подерживая на ходу платокъ, который сваливался у ней съ лѣваго плеча.

— Ахъ, устала. Чуть не бѣгомъ бѣжала сюда. Пустите, мамаша.

Маруся почти упала на диванъ — на немъ она послѣ

обѣда непременно развалится—вытянула ноги и вся подалась назадъ, съ громкимъ, рѣзкимъ смѣхомъ.

Глаза Марьи Трофимовны любовно оглядывали и ея видный станъ, охваченный шубкой „по талѣ“, очень узкой и стянутой черной атласной лентой, и ея плечи, и лею, несмотря на морозъ, открытую, и большіе темно-сѣрые, смѣлые, и, въ эту минуту, возбужденные глаза, рѣсницы, отъ которыхъ глаза казались почти синими, цвѣтъ щекъ, нащипанныхъ морозомъ, удивительно бѣлые зубы и даже срѣзанный, непріятный подбородокъ. Подъ вуалеткой красноватаго тюля темно-русые волосы, завитые въ мелкія колечки, падали низко къ бровямъ, загнутымъ правильной дугой. Маруся уже подводила ихъ закопченной на свѣчѣ шпилькой. Губы толстоватыя и очень красныя—ихъ она еще не умѣла красить—были у ней круто выворочены, такъ что десны обнажались, и вверху, и внизу, очень глубоко.

Шляпка—мужской формы, съ кистью красныхъ вишенъ напередѣ, сползла съ нея отъ сильнаго движенія. Ботинки на высокихъ, изогнутыхъ каблукахъ, безъ галошъ, изъ глянцовитой тонкой кожи, съ узкими носками, были въ свѣгу. Она ихъ даже не отрясла.

Первая замѣтила это Марья Трофимовна.

— Ноги-то простудишь. Все безъ калошъ!

— Вотъ еще важности!—закричала Маруся и приподнялась довольно грузно—для своего возраста она уже отяжелѣла.—Кто же это нынче бахилы носить?

— Снимай, снимай, изомнешь.

— Да у васъ, поди, опять стужа!

— Нѣтъ, и печку, и плиту топила.

— Ахъ, мамаша...—заговорила Маруся выше тономъ, и сейчасъ же подошла къ зеркалу, въ простѣнокъ, надъ столомъ, гдѣ дожидался обѣдъ.

— Маруся,—остановила ее Елсеѣва,—сидемъ обѣдать, а то все простынетъ.

— Сидемте, за мной задержки не будетъ.

Она сняла шляпку съ вуалеткой, а Марья Трофимовна помогла ей стащить съ себя шубку.

Тонъ у Маруси былъ совсѣмъ не дѣвочки по семнадцатому году. Она привыкла говорить, особенно съ пріемной матерью, кидая слова; такъ вотъ, какъ переговариваются между собою товарки, ученицы изъ одного угла класса въ другой, пріятельницы, оставшіяся наединѣ, или

на прогулкѣ. Марья Трофимовна давно замѣчала, что у ея пріемыша складывается такая манера говорить; иногда останавливала ее, но получала всегда пренебрежительныя отговорки, и давно уже замолчала.

— Вы и вообразить себѣ не можете, — начала еще возбужденнѣе Маруся, садясь за столъ, — какая штука устраивается!

Она положила оба локтя на столъ и начала ѣсть лѣнивыя щи, не отнимая праваго локтя отъ стола.

— Хорошая?—почти съ захватываніемъ голоса спросила Марья Трофимовна.

— Да, не плохая, если все устроится.

— Что же, Марусенька?

Вотъ сейчасъ объявить Маруся, что домохозяинъ, гдѣ она жила въ семействѣ, вдовецъ, еще не очень старый, потомственный почетный гражданинъ, плѣнившись ея лицомъ, прислалъ просить ея руки. А почему же нѣтъ? И не такіе примѣры бываютъ.

Скоро-скоро хлебала Маруся щи, почмокивала при этомъ, и глаза ее задорно и хвастливо взглядывали на Марью Трофимовну.

— Не томи, голубка!—выговорила она.

— Вотъ сейчасъ, не сразу. Ухъ! Даже проголодалась!

И Маруся поспѣшно утерлась салфеткой.

V.

Марья Трофимовна положила руку на столъ, держала въ ней ножикъ и съ тревожной улыбкой вглядывалась въ Марусю.

Сквозь замерзлое стекло низкаго окна протянулся лучъ и упалъ на лицо дѣвушки.

Что-то было въ этомъ лицѣ, да и въ томъ, какъ Маруся сидѣла, перекинувшись вбокъ, какъ она ѣла и нагибалась надъ тарелкой, въ ея возгласахъ и вскидываніи глазами, — было и навсегда останется—тревожное, ускользящее и даже зловѣщее для сердца Марьи Трофимовны.

И она была молода, выросла безъ строгаго надзора, знала нужду, считалась хорошенькой, хотѣлось и ей жить, а вотъ этого чего-то, нынѣшняго, въ ней не было.

И это „что-то“ звучитъ во всемъ... И въ радостной вѣсти, что Маруся нарочно затягиваетъ. Если и удача какая-нибудь, врядъ ли такая, чтобы обрадовала ее...

— Во... мамочка,—Марья Трофимовна слегка покраснѣла отъ ласковаго слова,—вы все сомнѣвались въ моемъ голосѣ, хвастуньей меня звали.

— Когда же? Хвастуньей собственно не называла.

— Да ужъ позвольте-съ: всегда холодной водой на меня брызните... Анъ вотъ и шлепсъ вамъ, шлепсъ!

Маруся расхохоталась. Ея десны, розовыя и твердыя, обнажились и придали лицу выраженіе вызывающее, дерзкое. Его особенно не любила Марья Трофимовна, но никогда не замѣчала этого Марусѣ: „Такъ у ней отъ рожденія,—думала она каждый разъ,—не ея вина“.

— Ну, хорошо,—кратко выговорила она.—Ты покушай порядкомъ, я подожду.

Съ улыбкой своихъ умныхъ глазъ она оглядѣла еще разъ Марусю и стала спокойнѣе ѣсть.

— Вы, мамочка,—начала опять Маруся такъ же возбужденно,—я знаю ужъ... сейчасъ начнете нериничать... закричите...

— Когда же я на тебя кричу?

Маруся звонко положила ножъ съ вилокъ на тарелку, сдѣлала жестъ правой рукой и встала.

— Мнѣ нѣтъ никакого расчета коптѣть въ гимназін.

— Какъ?

Такъ и ждала Марья Трофимовна... Вотъ оно—радостное-то извѣстіе!..

Но она промолчала: только полужакрыла глаза и перестала ѣсть.

— Разумѣется, не къ чему мнѣ теперь коптѣть... (Маруся начала расхаживать по комнатѣ; салфеткой она помахивала)... — Когда мнѣ цѣлый ангажементъ предлагаютъ сразу.

— Ангажементъ?.. — повторила Марья Трофимовна и быстро повернулась въ ту сторону, гдѣ Маруся расхаживала.

— Да-съ, настоящій... И къ посту чтобъ въ трупнѣ быть...

— Маруся... это такъ что-нибудь... пустые розказни... Голосъ у тебѣ есть, я не спору; да училась ты еще мало... И курса не кончила...

— Ну, вотъ, ну, вотъ! — закричала дѣвушка.—Я такъ и знала! И что это за каторжная жизнь!

Салфетка полетѣла на диванъ. Сама Маруся бросилась туда же и уткнула голову въ уголокъ подушки.

— Да ты толкомъ Расскажи, не дури!

Сейчасъ же Марья Трофимовна стало ее ужасно жаль; но она чувствовала, что если она сегодня, вотъ сейчасъ, уступить, Маруся погибла, кто-то ее схватитъ и уведетъ.

Такъ быстро и такъ сильно было это чувство, что сердце у ней въ груди точно остановилось.

— Ну, вотъ,—повторила Маруся. Она не повертывала головы и собралась, кажется, разревѣться.

Ея слезы всегда дѣйствовали особенно на Марью Трофимовну. Сколько разъ, когда она передумывала о своей питомицѣ, стыдила она самой себя, смѣялась надъ собой—и все-таки знала напередъ, что Маруся слезами можетъ сдѣлать изъ нея что хочетъ.

— Полно, полно,—заговорила она съ замѣтно перепуганнымъ лицомъ.

Она встала и, присѣвъ на диванъ, дотронулась рукой до колѣна Маруси.

Та движеніемъ ноги хотѣла оттолкнуть ее.

— Полно,—уже строже, набравшись духу, выговорила Марья Трофимовна.—Пора бы и вѣрить въ то, что тебѣ жизнь забѣдать не желаю... да и не умѣю.

Вскликиванія смолкли. Маруся откинула голову отъ подушки, выпрямилась, поглядѣла боковымъ взглядомъ на Марью Трофимовну, и сейчасъ же лицо ея приняло увѣренный, вызывающій видъ.

— Ученье у меня идетъ плохо,—начала она говорить, точно взрослая сестра малолѣтней. — Голова не такъ устроена... Къ музыкѣ вотъ, къ пѣнью (она говорила пѣнью, а не пѣнію)—другое дѣло. Мнѣ копѣть надо еще года три, коли не попросятъ выйти... Да и не вынесу я такого срама—дылда такая, чуть не подѣ двадцать лѣтъ, а въ классѣ оставить еще на годъ, изъ какой-нибудь физики скаустишься...

„Это вѣрно,—думала Марья Трофимовна, схватывая слова Маруси,—не кончить она какъ слѣдуетъ, я давно себя говорю“.

— Вѣдь не въ оперу же тебя зовутъ?—вдругъ спросила она Марусю.

— Въ оперу!.. Куда сейчасъ захотѣли!

— Да ты, Маруся, сама все мечтала... Ничего не хотѣла, какъ въ оперу...

— Мало ли что!.. Глупа была! Да и опера, настоящая... не уйдетъ. Для нея деньги нужны, для ученія.

За границу надо, въ Миланъ... А этакъ и деньгу можно зашибить!..

— Голодна будешь,—перебила ее Марья Трофимовна,—сядь... что ль... этакъ-то все поладнѣе будетъ.

— Не хочу я ѣсть!

— Хоть сладкаго; пирожное есть...

— Ужъ воображаю!

Марья Трофимовна не обидѣлась; да она и привыкла къ такимъ выходкамъ.

Однако, Маруся присѣла опять къ столу, положила себѣ на тарелку кусокъ торта и начала ѣсть, небрежно, съ гримаской. Слезы исчезли изъ глазъ, но щеки оставались съ яркимъ румянцемъ гнѣвнаго волненія.

VI.

Въ разговорѣ вышелъ перерывъ. Маруся не начинала опять о томъ же. Марья Трофимовна продолжала бояться чего-то.

Но Маруся не выдержала.

— Вы думаете, мамаша, что я зря?... Такъ вотъ вамъ въ двухъ словахъ... Одинъ артистъ, здѣсь онъ на время, московскій, слышалъ мой голосъ, сейчасъ далъ депешу туда, въ Москву, антрепренеру, и если я согласна, хоть сейчасъ... на хорошее жалованье...

„Антрепренеръ... Москва... одинъ артистъ... хорошее жалованье...“

Эти слова завертѣлись въ головѣ Марьи Трофимовны.

— Въ оперу?—выговорила она.

— Экъ вы... сейчасъ! Мало ли я о чемъ мечтала. Къ этому, что ли, опять возвращаться!..

— Кто же этотъ артистъ?

— Вѣдь вы не знаете... если я и фамилію скажу... Бобровъ... Всѣ отъ него тамъ въ восторгѣ. Какой баритонъ, въ родѣ какъ теноръ... Въ „Синей бородѣ“ и здѣсь пѣлъ... вѣнокъ ему поднесли.

— Стало-быть, это... въ опереткѣ?

Марья Трофимовна не на что было ходить въ театръ—развѣ въ раекъ, а оттуда она ничего не видѣла, да и задышалась отъ жары. Но театръ она ужасно любила съ дѣтства. Она читала всегда съ удовольствіемъ все, что стоитъ подъ рубрикой „Театръ и музыка“, знала названіе пьесъ, сюжеты ихъ, даже и оперетокъ.

Вотъ она и вспомнила сейчасъ, что „Синяя борода“—

оперетка, и, кажется, она читала на-дняхъ объ этомъ артистѣ Бобровѣ.

Ее схватило за сердце еще сильнѣе. Все для нея стало мигомъ ясно.

Этотъ пріѣзжій опереточный пѣвецъ хочетъ сбить Марусю, подманиваетъ ее, увезетъ съ собою въ Москву, погубитъ ее.

— Маруся!—вырвалось у ней почти со слезами,—Бога ради не дѣлай ты этого...

— Да чего? Чего не дѣлать-то?.. Не дали и досказать.

— Я знаю, я вижу—отсюда...

— Ха-ха! Вижу!.. Какъ же это?

— Доучись! Умоляю тебя!

— Наладили... Коли вы такъ, я слова больше не скажу.

Дѣвушка вскочила и начала одѣваться.

— Куда ты?

Голосъ продолжалъ дрожать у Марьи Трофимовны.

— Есть мнѣ интересъ быть здѣсь. Вы матерью считаетесь, все говорите: „люблю, люблю“; а тутъ счастье мнѣ открывается... Мнѣ, какъ вамъ угодно—Маруся стояла на срединѣ комнаты и застегивала пальто,—а я въ гимназій этой копѣтъ больше не намѣрена. Ничего мнѣ тамъ не добиться. Что я, въ садовницы, что ли, фребелевскія или въ педагогички попаду?.. Много-много что въ бонны!.. Такъ благодарю покорно.

Она присѣла съ озорствомъ и повернула къ двери.

Марья Трофимовна подбѣжала къ ней, обняла, стала удерживать.

— Ну, полно, скажи толкомъ, Маруся, я тебѣ добра...

— Слышала тысячу разъ! Прощайте. Мнѣ нужно.

— Куда же?

— Нужно... Къ знакомымъ... Теперь ужъ пятый часъ, смеркается.

— Да какъ же это, Маруся, — растерянно говорила Марья Трофимовна,—вѣдь ты опять—на цѣлую недѣлю?

— Можетъ, и больше...

— Ну, я зайду...

— Нѣтъ-съ... Ко мнѣ я не могу принимать, у меня и комнаты порядочной нѣтъ. Ужъ отъ однихъ этихъ аспи-довъ-благодѣтелей отдѣлаться, такъ и то благодать.

— Отдѣлаться... Какъ?

— Да такъ же, очень просто! Каждый кусокъ считаютъ, такъ въ ротъ тебѣ и смотрять... Прощайте, что жъ вы меня насильно, что ли, хотите держать?..

Руки опустились у Марьи Трофимовны. Въ звукахъ голоса Маруси было что-то совсѣмъ новое. Такъ прежде она не говорила. Тутъ—мужчина, любовное влеченіе; быть-можетъ, теперь уже и поздно!.. Пытливо и тревожно посмотрѣла она въ лицо Маруси: кровь отхлынула отъ щекъ, лицо злое и задорное... Никакой связи съ нею въ сердцѣ этой несчастной дѣвочки.

— Богъ съ тобой,—прошентала она, и ей стало обидно за свое разстройство.

Она подавила слезы, повернулась и, не удерживая болѣе свою воспитанницу, отошла къ кровати.

— Прощайте! — звонко, почти съ радостью крикнула дѣвушка и захлопнула за собою наружную дверь.

Сумерки сгущались. Наступила тишина. Марья Трофимовна присѣла на постель и оглянулась. Никогда она еще не знала такой горечи. И тотчасъ же ее подняло съ постели. Она торопливо начала одѣваться, не прибрала ничего на столѣ... Ей влекло на улицу: она готова была бѣжать вдогонку... Необходимо выслѣдить дѣвочку... Честность, на секунду, возмутилась въ ней...

„Шпіонить за ней? Не шпіонить, а спасти“.

Маруся побѣжала на свиданіе, непременно, такъ должно быть!..

„Надо спасти!“

Въ двѣ-три минуты она собралась и была уже подъ воротами. Замокъ щелкнулъ. Она задумалась и не сразу вышла на улицу.

„А зачѣмъ?—спросила она себя.—Только еще больше терзаній. Пускай идетъ на гибель“.

Но это только промелькнуло. Страхъ за Марусю, упреки себѣ — „допустила, не доглядѣла“ — грызли ее и подталкивали. На послѣдніи деньги взяла бы она извозчика; но, быть-можетъ, и такъ догонитъ.

Вышла она на улицу. Надо взять направо... Марья Трофимовна обогнула угловой домъ, и глаза ея быстро прошли вдоль всего тротуара.

VII.

Пошелъ уже седьмой часъ, когда Марья Трофимовна попала опять на Невскій, на перекрестокъ между Михай-

ловской и Гостинимъ дворомъ. Свѣтъ электрическихъ фонарей заставилъ ее на минуту зажмурить глаза. Она давно не попадала на Невскій и всего разъ, издали, переходя отъ Литейной на Владимірскую, видѣла голубое мерцаніе фонарей, съ дымчатымъ заревомъ, по ту сторону Анничкова моста.

Она не догнала Маруси. Но домой она не вернулась. „А можетъ-быть, гдѣ-нибудь попадется“, — думала она, и внутренняя тревога все росла въ пей. Быстрыми шагами, глядя по сторонамъ, исходила она нѣсколько улицъ и переулковъ. Хотѣла-было броситься туда, гдѣ жила Маруся, да посовѣстилась... Сказать, что зашла такъ, просто?.. Она ужъ чѣмъ-нибудь да выдастъ свою тревогу. Да и не туда убѣжала Маруся. Непремѣнно на свиданіе съ нимъ, съ этимъ опереточнымъ пѣвцомъ. Для Марьи Трофимовны это было несомнѣнно.

И вотъ, когда она, измучившись отъ ходьбы, хотѣла уже тащиться къ себѣ, ей точно въ голову что ударило вмѣстѣ съ мыслью: „на Михайловской улицѣ, около магазина гутанерчевыхъ издѣлій“.

Почему около этого магазина? Она вспомнила, что онъ называется „Макинтошъ“. Да, „Макинтошъ“. Это слово повело за собой и другую подробность. Кто-то, не такъ давно, рассказывалъ ей, кажется, какая-то пациентка (она могла даже сказать: какая) признавалась ей въ своемъ „грѣхѣ“. И „душенька“ вызвалъ ее въ первый разъ къ этому самому „Макинтошу“. Тутъ часто назначаютъ свиданія.

Все это крутилось въ головѣ Марьи Трофимовны. Придерживала она одной рукой салопчикъ и съ оглядкой переходила Невскій. Ноги, въ резиновыхъ высокихъ калошахъ, погружались въ снѣжную кашу улицы цвѣта сухого толокна. Вверхъ и внизъ не смолкала ѣзда—почти что одни извозчики. Часъ шелъ обѣденный для господъ, а въ театры еще было рано. По тротуару солнечной стороны, въ бѣловато-сизомъ свѣтѣ электрическихъ фонарей, двигалось много гуляющихъ, и разговоры гудѣли. Она начала вглядываться: все больше молодые мужчины, съ бородками, въ родѣ приказчиковъ, не мало и подростковъ, въ солдатскихъ шинеляхъ, въ барашковыхъ шапкахъ, съ приподнятыми цвѣтными тульями. Между ними мелькають, особой походкой, женскія фигуры. На нихъ—нальто съ узкими талиями; высокія шляпки такъ и торчатъ вверхъ,

на иныхъ задорно, на другихъ смѣшно. Марья Трофимовна хорошо знала, что это за женщины. Но не всѣ были такія. Проходили и молодыя дѣвушки, по двѣ, по три, съ кавалерами, видо́мъ скорѣе на барышень похожи, чѣмъ на швей. Онѣ громко разговаривали, смѣялись.

Она повернула въ Михайловскую улицу. Направо будетъ магазинъ резиновыхъ издѣлій. Она была уже увѣрена, что любовныя свиданія назначаютъ всего чаще въ Михайловской: или около Европейской гостиницы, или напротивъ, около магазина „Макинтошъ“. Вотъ и магазинъ. Ей даже стало какъ бы немного совѣстно: точно она сама идетъ на свиданіе.

Народу проходило меньше. Около высокаго подъѣзда въ магазинъ она столкнулась съ брюнетомъ въ скунсовой шубкѣ на отлетѣ и бобровой шапкѣ набекрень. Онъ былъ рослый и лицомъ похожъ на армянина.

„Опъ, опъ!“—прошептала она, и ей захотѣлось остановить его, взять за руку, умолить „Христомъ-Богомъ“ не губить ея дѣвочки. Она и остановилась—было. Прохожіи тоже замялся на ходу: ему было неудобно пройти по тротуару, суженному въ этомъ мѣстѣ.

Марья Трофимовна взглянула на него, чувствуя, что блѣднѣетъ, и сошла съ тротуара, сама дала ему дорогу.

Брюнетъ слегка запахнулъ, поглядѣлъ на нее точно съ вопросомъ—и пошелъ развалистымъ и учащеннымъ шагомъ къ Невскому.

„Нѣтъ, не опъ!“—успокоила она себя.

И сейчасъ же сообразила, что тотъ, актеръ опереточный, врядъ ли носить большую бороду. Актеръ долженъ быть бритый, а у этого борода покрываетъ чуть не полгруды. Посмотрѣла она черезъ улицу долгимъ взглядомъ; прошла имъ по тротуару Европейской гостиницы, стоя все еще около подъѣзда магазина резиновыхъ издѣлій. Ей видно было и внутри воротъ отеля. Газовые канделябры ярче освѣщали проходящихъ. Промельнуло нѣсколько женщинъ, и въ одиночку, и по-двое. И мужчины шли, съ той стороны, отъ угла Большой Итальянской. Но никто что-то не останавливался, не заговаривалъ; ни одной пары не видно было, похожей на любовное свиданіе.

Тутъ только усталость вдругъ точно подкосила Марью Трофимовну, и вся ея бѣготня показалась ей глупой и жалкой. Она чуть не заплакала на улицѣ.

Вѣжать къ благодѣтелямъ Маруси—безполезно. Дѣвочка

не вернется раньше ночи. Она и прежде уходила от нея, тотчас послѣ обѣда, къ подругамъ; ей часто дарили билеты въ театр или брали съ собой въ ложу.

Совсѣмъ разбитая, двигалась Марья Трофимовна внизъ по Невскому, ни въ кого уже не взглядываясь, шла съ поникшей головой. Не малодушна она, а теперь ей самой хотѣлось, чтобы кто-нибудь сказалъ ей ободряющее слово; на кого-нибудь опереться бы вотъ въ эту именно минуту, поглядѣть, какъ люди живутъ въ довольствѣ, увѣренные въ себѣ, безъ заботы о завтрашнемъ грошѣ и безъ такихъ жалкихъ волненій.

Поблизости, въ переулкѣ, — квартира ея давнишней пріятельницы Переверзевой, такой же, какъ она, акушерки... Такой же!..

И вся разница въ судьбѣ и жизни этой Переверзевой представилась ей. Учились только вмѣстѣ, а потомъ какое же сравненіе!.. Та и на курсы ужъ поступила молодой вдовой; у ней денежки остались отъ мужа или свое приданое — Марья Трофимовна хорошенько не знаетъ. Практику она себѣ добыла сразу; явилась и любовь, взаимная, на рѣдкость. Правда, „другъ“ — не законный мужъ, да она сама не хотѣла. Отъ Марьи Трофимовны у ней секретовъ не было, хотя онѣ и рѣдко видались.

— Старше я его на нѣсколько лѣтъ, — весело говорила она ей, когда Марья Трофимовна, бывало, зайдетъ къ ней, — не удержишь мужчину вѣнцомъ; довольно мнѣ и перваго... тоже чадушко быть. Не хочу я любимаго человека въ кабалѣ держать.

Живутъ они, какъ мужъ съ женой, но на разныхъ квартирахъ, въ одномъ домѣ. Онъ служитъ въ банкѣ, хорошее мѣсто занимаетъ. И оба — такіе веселые, все смѣются, да подшъваютъ, здоровые: она хоть старше его, а кажется ровесницей. Такъ это между ними было ровно: съ поддержкой, со скромностью, при постороннихъ другъ другу „вы“ говорятъ; никакихъ вольностей, никто и не подумаетъ, кому не извѣстно. Какъ мать она его полюбила, и вотъ уже больше десяти лѣтъ съ нимъ нянчится. Онъ студентомъ былъ, бѣдный, хилый, не очень бойкій на ученье. Переверзева ему сейчасъ и мѣсто нашла, и съ пужными людьми свела; глядь, черезъ два-три года онъ уже на трехъ тысячахъ жалованья. Всѣмъ онъ ей обязанъ: не одной карьерой своей — и жизнью. Часто болѣзнями съ нимъ случались, и въ студентахъ, и послѣ. Она его вы-

ходила, на кумысь возила, за границу; а теперь онъ круглый сталъ, точно огурецъ гладкій. И все-то удавалось этой Переверзевой! Практику получила въ хорошихъ семьяхъ, не гнушалась, впрочемъ, и средней руки паціентками, завела у себя и комнаты для роженицъ, а потомъ залу для женской пассивной гимнастики. Не дальше, какъ въ прошломъ году, о Рождествѣ, предлагала она, сама первая, Марья Трофимовнѣ поступить къ ней въ помощницы.

Почему не пошла? Да какъ-то ей не по душѣ эти „пріюты“ для роженицъ. Не то, чтобы она въ чемъ подозрѣвала Переверзеву; только въ такой практикѣ нельзя безъ тайнъ да разныхъ увертокъ... Надо каждую принимать, кто явится да хорошія деньги заплатить... А мало ли кто тутъ бываетъ, шито-крыто? Вотъ въ помощницы по гимнастикѣ не пошла тогда—это великую глупость сдѣлала... А все отчего? Не хотѣлось разставаться со своей квартиркой. Переверзевой нужно было у ней жить,—чтобы всегда наготовѣ. А какъ же Маруся-то? Она придетъ въ воскресенье, или въ другой день прибѣжить, переночуетъ иногда все-таки какъ въ домѣ, къ ней, къ „мамѣ“!.. У Переверзевой она бы стала стѣсняться за свою дѣвочку. Маруся, пожалуй, отрѣзала бы:

— Что это: вы въ услуженіе поступили? Къ вамъ и ходить-то нельзя: въ чужихъ людяхъ живете, угла своего нѣтъ!

Такъ и отказалась, и сколько разъ горько жалѣла. Наверно, она и отъ практики своей многое бы ей уступила: ей самой и дома много работы. При ней можно быть какъ у Христа за пазухой. Развѣ если бы пришлось совсѣмъ ужъ плохо жить! Переверзева не горда, къ ней не совѣстно самой обратиться... Только теперь вотъ, сейчасъ, она ни о чемъ не будетъ просить для себя... Только бы та ей совѣтъ добрый подала, только бы около нея, около ея энергіи и житейской смѣлости взять себя самое въ руки, не грѣшить малодушіемъ, не губить дѣвочки изъ-за своей же постыдной слабости и трусости.

Подходила Марья Трофимовна къ тому переулку, гдѣ жила Переверзева, и ей такъ ярко представлялось ея лицо: круглое, свѣжее, точно подъ лакомъ, темные волосы, тоже съ лоскомъ, мелкія черты, свѣтлокаріе глаза, вся ея плотная, широкая въ кости, рослая фигура, ея обычное, неизмѣнное выраженіе лица, говорящее вамъ:

„Ну, что поинить, падо дѣйствовать, посмотрите-ка на мени!“

И ея домашній нарядный капоть, съ тонкимъ бѣльемъ, даже ея духи припомнились ей...

VIII.

Переверзева занимала большую квартиру, въ первомъ этажѣ, ходъ прямо съ отдѣльнаго подъѣзда.

Марья Трофимовна позвонила, и видѣ двери, аккуратно обитой зеленымъ сукномъ, доска съ фамиліей, особый звонокъ для ночного времени, ящикъ для писемъ и газетъ,— все это такъ шло къ ея пріятельницѣ, такъ ото всего этого пахло дѣльной и бойкой жизнью, хозяйскимъ глазомъ, домовитостью, довольствомъ.

Ей отперла сама Переверзева.

Въ передней стоялъ полусвѣтъ, и Марья Трофимовна не могла сразу разглядѣть ея лицо.

— Вы, Евсеѣва? — окликнулъ ее голосъ Переверзевой.

Онъ ей показался не такъ звонокъ, какъ бывало прежде.

— Я, я,—кратко отвѣтила она и тихо прошла въ дверь.

Онѣ поцѣловались.

— Сколько не были!.. Забыли меня, грѣшно... Раздѣвайтесь, пойдемте ко мнѣ...

Переверзева помогла ей снять салопчикъ и повела ее мимо коридора въ свою половину, изъ двухъ комнатъ: первая—спальня съ большими шкапами, вторая, пониже, широкая комната, полная всякой мебели, картинокъ, вазочекъ, вышиваній, цвѣтовъ, полочекъ и ковриковъ. Въ ней стоялъ запахъ благовоннаго куренья. Лампа обливала свѣтомъ столъ, гдѣ уже приготовленъ былъ чайный приборъ.

— Вотъ кстати и чайку папьетесь. За дѣломъ пожаловали, или такъ, поглядѣть, совѣсть зазрила, узнать: жива ли, молъ, Авдотья Николаевна?

Переверзева говорила скоро, попрежнему, тѣмъ же ласковымъ тономъ, но Марья Трофимовна успѣла уже оглядѣть ее...

— Да что это вы?—спросила она нерѣшительно.— Никакъ больны были... Какъ похудѣли... Узнать нельзя...

— Всяко было! — отвѣтила Переверзева и кивнула головой на особый ладъ. — Садитесь... Сейчасъ Марюша и самоварчикъ принесетъ. Вы какъ?

— Да... что я,—начала остановками Марья Трофимовна.—Браните меня... Дѣйствительно, около года глазъ не казала... И вдругъ вотъ захотѣлось... Когда...

Она не договорила. Еще одно слово, и она разревется; а этого она не любила, стыдилась слезъ и знала, что это ей „нейдетъ“—даже говорила про себя: „не къ рождѣ“.

Удержалась она, поглядѣла на Переверзеву, и ей сердце ёкнуло, не за себя одну, не за свою только тревогу, а и за то, что она прочла на этомъ лицѣ.

Не то одно, что Авдотья Николаевна вся какъ-то по-сохла и кожей потемнѣла; а глаза стали другіе. Ротъ улыбается, и въ то же время глаза сухіе и вдавленные.

„Не та Переверзева, не та“,—подумала Марья Трофимовна, и даже ея домашній распахной капотъ, шитый шелкомъ, смотрѣлъ иначе.

— Про меня что,—заговорила она,—вы про себя скажите... Навѣрно были больны?

Спросила она съ большимъ участіемъ. Переверзева поглядѣла на нее и потрепала по плечу.

— Спасибо. Вы такая же добрая душа... Всяко было, Евсеѣва... Сначала тифецъ, потомъ внутри нарывъ образовался... умирала три мѣсяца... отлежалась, на кумысъ была, въ Крымъ возили... Вотъ видите, ничего. Дьявольское у меня здоровье... Только не та ужъ я... Вы, я думаю, не узнали?... Совсѣмъ старуха.

— Гдѣ же...

— Да я объ одномъ и прошу Господа Бога: на старушечье положеніе перейти.

Въ голосѣ Переверзевой зазвучали ноты, какихъ Марья Трофимовна никогда не слыхала у нея.

— Что же такъ?—чуть слышно спросила она.

— Вы не знаете, голубчикъ, я вѣдь теперь одна, какъ перстъ,—протянула Переверзева.

Горничная вошла съ самоваромъ. Переверзева начала мыть чашки.

Съ минуту онѣ обѣ молчали.

— Какъ перстъ... Вы что на меня смотрите?.. Такъ спокойнѣе...

Бѣлые ея пальцы поворачивали чашку въ водѣ и обтирали ее быстро и нервно.

— Неужели Леонидъ... такъ вѣдь, кажется? --- заговорила Евсеѣва почти шопотомъ...

Ей вдругъ страшно стало выговорить слово „скончался“.

Потомъ она взглянула на цвѣтной капоть Авдотьи Николаевны и подумала: „Она бы въ черномъ ходила“.

— Женился! — вскричала со смѣхомъ Переверзева и стала еще быстрѣе мыть и перетирать чашки.

— Какъ же? — вырвалось у Марьи Трофимовны. У ней и въ горлѣ пересохло. — Вѣдь онъ вами и живъ сталъ...

Она не могла удержаться отъ усмѣшки и неучтиваго тона этихъ своихъ словъ.

— Мало ли что, милая!..

И тутъ Авдотья Николаевна оставила мытье чашекъ и рассказала ей все: какъ отъ нея скрывали свое ухаживанье, а потомъ къ ней же обратились, чтобы устроить сватовство; она же должна была себя за „тетку“ выдавать; какъ потомъ предлагали ей что-то въ родѣ „отступного“, а послѣ вѣнца — она и посаженной матерью у него была — ее черезъ недѣлю же уложилъ тифъ, а тамъ нарывъ, лѣчение, развѣзды... И теперь — одиночество полное, безповоротное, послѣ пятнадцати лѣтъ житья „душа въ душу“.

Марья Трофимовна слушала подавленная. Даже ни одного слова не нашлось у нея ободряющаго...

— И вѣдь любить ее! — вскрикнула вдругъ Переверзева.

Рассказъ свой она вела съ улыбкой, даже шуточно, только изрѣдка пожиметъ плечами или сдѣлаетъ движеніе кистью руки; а тутъ вдругъ голосъ задрожалъ, дернуло углы рта, глаза покраснѣли сразу...

— Любить! Души не чаешь!.. А она хуже моей Марюши... Ни лица, ни образованья... ни приданаго большаго... Ребеночекъ родился. Вотъ что!.. Дѣтолюбіе, видите ли!..

И она засмѣялась.

— Ужъ эту онъ не бросить, — закончила она. — Вотъ какое дѣло!.. Жить нужно, Евсева, руки на себя наложить я не подумала: чего-то у меня нѣтъ для самоубійства, а смерть этакихъ, какъ я, не беретъ!.. Не хотите ли вареньица? Какими тутъ утѣшеніями разведешь такое горе?

— Вамъ только захотѣть, — заговорила Марья Трофимовна, — можете замужъ выйти... Найдется человѣкъ, оцѣнить...

— Спасибо, голубчикъ, спасибо! Отставного провіантмейстера съ подагрой, что ли?.. И дѣло-то мое мнѣ на половину опостылѣло... Къ веснѣ я квартиру сдать, ком-

нать держать не буду для роженицъ. Гимнастику удержу... больше для себя...

Она помолчала и заговорила со смѣхомъ:

— А то меня задушить, параличъ хватить. Что за радость калѣкой оставаться? Сразу не пришибетъ такую, какъ я... Вотъ!..

Свое горе куда-то ушло у Марьи Трофимовны. Такъ съ пей всегда бывало. Передъ ней билась живая душа, рапенаая на смерть... Ужъ Переверзевой не найти такой второй привязанности. Только ея желѣзная натура будетъ, по привычкѣ, выполнить обычный свой обиходъ. А на сердцѣ смерть.

Какъ-то у ней ротъ не раскрывался, чтобы начать жаловаться на свою Марусю, тревожиться, просить совѣта.

— Какъ же это?..—повторяла она, любовно оглядывая Переверзеву, и рука ея дотронулась до круглаго плеча акушерки.

— Ужъ если тоска очень заберетъ, возьму на воспитаніе дѣвчонку какую ни на есть, вотъ такъ, какъ вы сдѣлали... У меня заработки есть... Быть-можетъ, хоть тутъ не выйдетъ такого... водевиля...

Хочетъ взять приемыша. Но вѣдь дѣвочка-то можетъ оказаться хуже Маруси!.. Надо сейчасъ рассказать Авдотѣ Николаевнѣ, съ чѣмъ она сама шла сюда, какія радости видить она отъ своей приемной дочери, излиться, попросить совѣта, самое предостеречь...

Но Марья Трофимовна молчала. Она только разстроить Переверзеву! Жаловаться на Марусю, показывать свою тревогу—это значить пугать ее, воздерживать! А у ней, вѣдь, только, поди, и осталось, что эта надежда: взять на воспитаніе дѣвчонку, вызвать въ себѣ материнство, начать опять нянчиться, какъ она нянчилась съ своимъ „Дѣлей“...

„Нѣтъ, я ничего не скажу... послѣ... послѣ“...

Такъ ничего и не сказала. Когда Переверзева сама перевела разговоръ на ея дѣла, на практику, на Марусю, она отдѣлалась шуточками... Ей стало стыдно заикнуться даже о томъ: какъ она бьется среди этихъ тревогъ за свою дѣвчонку, какъ плохо идетъ практика, какъ впереди ничего, кромѣ богадѣльни... Да и туда попадешь ли?..

— Пропадете опять? — сказала ей на прощанье Переверзева.

— Ваши гости!.. — шутливо отвѣтила Марья Трофи-

мовна и пошла отъ нея такъ, какъ будто она заходила напиться чайку съ вареньемъ и погрѣться у самовара.

IX.

Цѣлую недѣлю провела Евсеѣва въ тревогѣ. Маруся ускользала отъ нея. Придешь въ послѣобѣденное время—ей скажутъ: барышня ушли. Она сидитъ-сидитъ до десяти часовъ—Маруся не возвращается.

Въ одно изъ такихъ посѣщеній вошла въ комнатку, гдѣ она дожидалась, сама барыня. Она первая стала спрашивать ее про Марусю и замѣтила, что „такъ молодой дѣвухкѣ вести себя нельзя“, намекнула на то, что „если такъ пойдетъ дальше“, то они ее дольше держать у себя не будутъ. Марья Трофимовна не выдержала—расплакалась. Барыня стала ей выговаривать: какъ она такъ слаба, что не имѣетъ никакого „нравственнаго вліянія“ на свою пріемную дочь. Видно было, что этимъ „благодѣтелямъ“ Маруся сильно надоѣла, и они ее, все равно, попросятъ удалиться.

— Скажите мнѣ, — убитымъ голосомъ спросила Марья Трофимовна, — развѣ вы думаете, что она погибла?

— Это вамъ надо знать, а не мнѣ, — безгласно отвѣтила ей барыня и вышла.

Осталась Марья Трофимовна одна въ комнаткѣ Маруси, сѣла на ея кровать и такъ просидѣла больше двухъ часовъ: свѣча вся почти догорѣла...

Куда дѣвались ея шуточка, ея бодрость... Чувствуетъ она, что дѣвочка ея уже „погибла“ или погибнетъ, какъ только останется на волѣ, уѣдетъ отсюда въ Москву. И она безсильна. Что она можетъ сдѣлать? Еле-еле сколачиваетъ она платить за ученіе въ гимназію. Если такъ плохо пойдетъ практика въ августѣ, — нечего и думать заплатить за полугодіе. Здѣсь Марусей тоже тяготятся... Взять къ себѣ... Она сбѣжитъ, непременно сбѣжитъ. Просто, возьметъ да и очутится въ какомъ-нибудь кафе-шантанѣ, или хористкой. Чѣмъ больше она думаетъ, тѣмъ бесполезнѣе кажется ей всякій запретъ, всякая борьба.

Одного страшится ея сердце: потерять совсѣмъ Марусю... Что же сдѣлать... Такая натура у дѣвочки: кровь играетъ, любовь возьметъ свое не нынче — завтра... Она уже чувствуетъ, что готова все простить, только бы не совсѣмъ потерять ее, не остаться „какъ перстъ“, какъ Перевезева!..

Марья Трофимовна и не замѣчаетъ, что било уже двѣнадцать. Сейчасъ догоритъ свѣчка и запылаетъ бумажка...

— Вы тутъ?

Маруся окликнула ее и, въ палъто, подошла къ ней на кровать, обняла и поцѣловала.

— Извини... поздно...—начала какъ бы оправдываться Марья Трофимовна.—Очень ужъ я соскучилась.

И слезы показались у ней на рѣсницахъ. Совсѣмъ не то хотѣла она сказать. Надо было подавить свою слабость, выказать характеръ... Гдѣ!..

— Вы видѣли ту... снафиду? — шопотомъ спросила ее Маруся и кивнула головой въ сторону двери.

— Она вошла... Маруся... она тебя...

— Знаю! — почти крикнула Маруся, легла поперекъ кровати и вскинула ногами...—Отлично, что вы пришли... Мочи моей нѣтъ!.. Они воображали изъ меня изъ родѣ бонны сдѣлать... съ дохлой ихъ дѣвчонкой хороводиться... Я только не хотѣла, мамочка, васъ разстраивать; а вотъ уже больше недѣли эти некаріоты меня всячески пыряютъ... Мочи моей нѣтъ!.. Завтра меня здѣсь духу не будетъ...

Маруся вскочила и каблукъ ея застучали по полу.

— Потише, ради Христа,—удержала ее Марья Трофимовна за рукавъ.

— Не выгонять, небось, теперь, почью!..

— А ты какъ знаешь?..

Сейчасъ же припомнила она Марусѣ, какъ, года два назадъ, какіе-то господа выгнали, ночью, на дачѣ, гувернантку, а она взяла да и утопилась тутъ же въ Невѣ.

— Я не утоплюсь! — вскричала Маруся, и тутъ только сняла шляпу.—Ну, мамочка, васъ Самъ Богъ прислать... Воля ваша—я не могу такъ жить... Вотъ свѣча сейчасъ догоритъ, а тѣ аспиды больше одной на три вечера не дають... Растабарывать намъ долго нельзя... Вы обо мнѣ соскучились... Вы у меня добрая...

Послѣдній слѣдъ строгости растаялъ въ душѣ Марьи Трофимовны.

— Какъ же ты... Господи?..—чуть слышно прошептала она.—Маруся... чѣмъ же мы съ тобой?..

Она не договорила. Стыдно ей стало сознаться въ своей крайней бѣдности; Маруси она не прокормить, развѣ въ долги надо войти неоплатные.

— Прощайте, мамочка!.. Впотьмахъ нельзя же такъ... Я спать хочу; а завтра все, все узнаете. Я къ вамъ переѣду всего на три-четыре дня... Вы не бойтесь. Деньги у насъ есть...

Она наклонилась къ уху Марьи Трофимовны и повторила:

— Есть!

— Какъ, отъ кого?—съ ужасомъ выговорила Евсеѣва.

— Задатокъ.

— Задатокъ?

— Да полно вамъ!.. Точно я украла... Я теперь — артистка. Вотъ всю недѣлю я хлопотала... Тоже вѣдь не сразу; а теперь... задатокъ.

Рукой она ударила по правому карману пальто. Она еще не снимала его.

„Кончено, кончено все... — про себя шептала Марья Трофимовна. — Эти деньги... эти деньги...”

Она не сомнѣвалась, что „деньги эти—цѣна гибели ея дѣвочки“. Кто же дастъ такъ?.. Негодовать, выходить изъ себя уже поздно, да она и слишкомъ была разбита...

Свѣча, въ самомъ дѣлѣ, догорѣла. Надо идти...

Она встала, беззвучно поцѣловала Марусю и даже ничего не сказала на прощанье. Машинально пробралась она мимо кухни, гдѣ кто-то уже храпѣлъ, и тогда только вспомнила, что у ней въ карманѣ коробка длинныхъ восковыхъ спичекъ... Маруся отворила ей дверь на заднюю лѣстницу; она спустилась со спичкой въ рукѣ и на улицѣ только потупила ее. Все это сдѣлалось какъ во снѣ. Одно она чувствовала и помнила: Маруся будетъ у ней завтра ночевать, Маруся съ ней ласкова; у ней есть дочь; она не одна какъ персть...

И „задатокъ“ вылетѣлъ у ней изъ головы. Только что она пришла къ себѣ, какъ за ней приближали къ роженщѣ. Она не успѣла даже ничего захватить съ собою—такъ ее торопила маленькая дѣвочка, которая дрогла подъ дырявымъ платкомъ... За эту ночную помощь Марья Трофимовна получила три двугривенныхъ и нѣсколько пятаковъ.

X.

И все потомъ вышло такъ, какъ хотѣла Маруся. Съ тѣхъ поръ протянулось три, больше — четыре долгихъ

мѣсяца, а Марья Трофимовна все спрашиваетъ себя, и ночью, засыная, и утромъ, только что встанетъ:

„Какъ я ее отпустила?“

Такъ и отпустила, и провожала на желѣзную дорогу, крестила, благословляла, писала ей каждую недѣлю, ждала ей писемъ съ замираніемъ сердца. Эта дѣвочка сдѣлалась ей еще дороже, какъ только паровозъ умчалъ ее въ Москву. Тогда только поняла Марья Трофимовна—чего она лишилась, какъ ея жизнь потускнѣла...

Маруся, когда уѣзжала, говорила ей: •

— Ну, мамочка, вамъ теперь все легче будетъ. Вѣдь я вамъ хоть и не больно сколько, а все-таки стоила... У меня мое жалованье будетъ. Можетъ, когда попаду на настоящее амплуа, такъ и васъ выпишу, и не нужно вамъ будетъ гадостями вашими заниматься.

Она всегда называла ея дѣло „гадостями“.

И слова Маруси были ей пріятны. Она, сквозь слезы, улыбалась ей и даже раза два отвѣтила на ея смѣхъ, на дурачества и ужимки. Обѣ онѣ насмѣялись надъ какой-то барыней въ допотопномъ салопѣ.

Задатокъ, что такъ ужаснулъ Марью Трофимовну въ комнаткѣ у Маруси, уже не пугалъ. Она вѣрила всему, что ей говорила Маруся. Тотъ пѣвецъ, что такъ страшенъ былъ, что представлялся соблазнителемъ, выходилъ, по разсказу ея, добрымъ малымъ. Онъ ей выхлопоталъ ангажементъ на маленькія рольки, прямо на жалованье, но самъ уѣхалъ сейчасъ же въ Москву, доигрывать зимній сезонъ...

— Маруся! Маруся!—только повторяла Марья Трофимовна и не могла ее начать допрашивать, какъ на исповѣди.

Но ей не вѣрилось, что ея дѣвочка уже „погибла“. Вѣдь не даромъ у ней житейскій опытъ. Нѣтъ, у Маруси лицо и усмѣшка дѣвушки, еще не знавшей грѣха... Ну, можетъ-быть, дошло до подѣлуевъ... Марья Трофимовна вспомнила свою первую любовь, въ Москвѣ, двадцать лѣтъ назадъ... Вѣдь тоже могло кончиться грѣхомъ, однако не кончилось — и она дѣвушка, хоть всѣ ее и считаютъ вдовой.

Да, всему она вѣрила, слушая Марусю. Та, въ день отъѣзда, обняла ее крѣпко-крѣпко, всплакнула и вдругъ, точно спохватилась, говорить:

— Вы, вѣдь, мамочка, безъ копейки сидите... Возьмите у меня хоть красненькую.

Она взяла. И ей не было стыдно, а, напротивъ, пріятно, гордость какую-то она почувствовала: вотъ и моя Маруся зарабатываетъ деньги и со мной дѣлится.

Послѣ, черезъ мѣсяцъ, все это она обсудила и ей казалось ея поведеніе такимъ глупымъ, пошлымъ, преступнымъ, ужаснымъ!.. А всего больше глупымъ. Лежитъ она въ кровати и все перебираетъ: какъ она глупа была, безжалостно смѣется надъ собою... Вѣдь знала же она, что за Марусей съ дѣтства водилось: прилыгать, похвалиться, а то такъ и цѣлая исторія сочинять. Съ годами оно не проходило. Одно было, кажется, вѣрно, что ангажементъ она получила; да и то, навѣрное, не на маленькія роли, а хористкой; и не на шестьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, а много на тридцать. И какъ только Маруся попала въ Москву, ничего отъ нея нельзя было узнать толкомъ. Сначала написала довольно большое письмо о томъ, какъ ее слушалъ антрепренеръ, о которомъ она выражалась, что онъ „магъ и волшебникъ“, — и остался ея голосомъ очень доволенъ, адреса квартиры не дала, а просила писать прямо въ театръ. Потомъ шесть недѣль прошло — ни одной строчки.

Настрадалась Марья Трофимовна, тосковала выше всякой мѣры, похудѣла, стала тяготиться практикой, сидѣла по цѣлымъ днямъ въ плохо протопленной комнатѣ и гадала; а надъ гаданьемъ она всегда смѣялась. Думала она обратиться къ антрепренеру, или къ этому цѣвцу, тенору или баритону; имя его она помнила изъ рассказовъ Маруси. Однако, ни того, ни другого не сдѣлала. Робость на нее напала, небывалое малодушіе. И съ каждымъ днемъ все нестерпимѣе хотѣлось видѣть свою дѣвочку, приласкать ее, услышать ея смѣхъ, полюбоваться на ея стройный станъ. Если бы Маруся бросила ей хоть одно слово: „пріѣзжайте, мамочка“ — она бы все распродала, поселилась бы у ней хоть въ кухнѣ, готовить бы ей стала, бѣлье стирать...

Она признавалась сама себѣ въ этой страсти къ своему пріемышу, не хотѣла лгать передъ самой собой, сознавала, что это постыдно, что ея дѣло — святое дѣло: въ ея услугахъ нуждаются бѣдняки, приниженные и обойденныя жизнью, какъ и она сама. Все это представлялось ей честной головѣ, и сердце ея откликалось на такія мысли, и

краска вдругъ выступить на щекахъ, а все-таки она не могла жить безъ Маруси.

Послѣ шестинедѣльнаго молчанія Маруся прислала почтовую карту: была нездорова, а теперь, постомъ, много работы на репетиціяхъ къ весеннему сезону—больше ничего.

Сто разъ перечитывала Марья Трофимовна эту карту, всю въ штемпеляхъ, написанную бѣлесоватыми чернилами. Была больна? Чѣмъ? Ея воображеніе приводило ей все самое худшее... Ужъ не въ „такомъ“ ли она положеніи? Развѣ она признается теперь, на волѣ, опереточная хористка... Хоть жива! И слово „жива“ все собой прикрывало и искупляло. Только бы увидать ее... Но когда?

Этотъ вопросъ началъ глотать сердце Марьи Трофимовны. Она не могла оставаться такъ, по шести недѣлямъ, въ неизвѣстности... Это—выше ея силъ.

Отчего бы ей и не переѣхать въ Москву? Вѣдь Москва—ея родной городъ. У ней найдутся тамъ подруги, даже и родственники должны быть... Она училась въ Петербургѣ—хорошо училась; на новомъ мѣстѣ, гдѣ-нибудь въ купеческомъ „училищѣ“, не трудно найти практику, особенно такой неприхотливой, какъ она.

Эта мысль уже не покидала ее съ тѣхъ поръ. Но она не посмѣла написать Марусѣ, даже намекнуть ей. Только напугаешь. Зачѣмъ? А вотъ, къ веснѣ, продать свою рухлядь и прямо пріѣхать, какъ будто поглядѣть на нее. Потомъ и остаться.

Еще мѣсяцъ промель безъ писемъ отъ Маруси. Постъ уже позади; Оомина недѣли. У Марьи Трофимовны набралось такъ много визитовъ, что она и не взвидѣла, какъ пролетѣла Святая. Письмо Маруси, уже не на картѣ, а на двухъ листкахъ—всю ее всколыхнуло. Рѣзкія жалобы на все: и на театральные порядки, и, главное, на мужчинъ. Такъ писать можетъ только страстная дѣвочка, обманутая или уже наполовину брошенная.

Этотъ пѣвецъ, разумѣется, бросилъ ее, можетъ, и надругался, и сталъ преслѣдовать. Мало ли ихъ тамъ, въ хорѣ, смазливыхъ? Но такая, какъ Маруся, не снесетъ. Она отравится, да и его зарѣжетъ сначала. Двѣ ночи напролетъ не спала Марья Трофимовна. Все ярче представлялись ей картины: точно она сама совсѣмъ брошенная, опозоренная дѣвушка. И не смѣшно ей на себя. Лихорадка кака-то особенная бьетъ ее. Письма-то не могла

въ отвѣтъ написать — въ первый день; а потомъ, какъ сѣла, такъ на двѣнадцати страницахъ все умоляла Марусю признаться, что такое вышло, слезы капали на бумагу, руки еле ходили отъ волненія, и все-таки она не могла кончить сразу этого письма: такъ у ней выливалась душа потокомъ возгласовъ, пѣжныхъ словъ и даже заклинаній.

Еще недѣля—нѣтъ отвѣта. Марья Трофимовна депешу — и на депешу никакого отклика. Телеграфировать антрепренеру или режиссеру? Но про кого? Вѣдь Маруся не написала ей даже подъ какой фамиліей она играетъ; сказала только вскользь, что у ней будетъ „чудесная фамилія“.

Въ четыре дня распродала Марья Трофимовна все до послѣдней кадушки—купили старьевщики со Щукина, и какъ она ихъ не усовѣщивала, больше девяноста трехъ рублей не получила. А отъ Маруси—ничего.

Пахло весной, когда она прощалась глазами съ Петербургомъ изъ окна вагона дешеваго пассажирскаго поѣзда. Городъ уже отошелъ въ дымчатую даль, а она все еще искала его затуманеннымъ взглядомъ. Никуда не ѣздила она больше десяти лѣтъ, даже и лѣтомъ: разъ была въ гостяхъ въ Царскомъ, да въ Петергофѣ раза два. Теперь только, въ вагонѣ, что-то подступило ей къ сердцу: жалко этого города, до слезъ жаль и всѣхъ, съ кѣмъ дѣло сблизило ее: всѣхъ дешевыхъ и даровыхъ пациентокъ, мелюзги, голыдьбы въ разныхъ углахъ и концахъ Петербурга. Связь эту она еще больше чувствовала тутъ, сидя на деревянной скамейкѣ, среди сѣренькаго набора пассажировъ третьяго класса. Но вѣдь завтра она увидитъ, разыщетъ свою Марусю.

А вдругъ ея и слѣдъ простылъ? Марья Трофимовна холодѣла, растерянно озиралась, готова была схватить за руку свою сосѣдку-старуху, повязанную по-бабьи, и начать ее спрашивать: какъ она думаетъ, вѣдь Маруся не можетъ же такъ стинуть?..

Эти приступы цѣмящей тоски схватывали нѣсколько разъ, въ родѣ перемежающейся лихорадки, и, только убаюканная сильной качкой стараго вагона, свалилась она головой на подушку и заснула въ неудобной позѣ...

И пробужденіе ея было такое же тревожное. До Москвы еще далеко. Поѣздъ идетъ цѣлыя сутки. Съ разсвѣта до прихода прошло еще чуть не цѣлый день. У

ней и книжки не было съ собой. Свои, медицинскія, она уложила въ сундучокъ, куда вошло почти все ея добро. Деньги, около шестидесяти рублей (пришлось раздать по мелкимъ долгамъ больше десяти рублей), зашиты въ замшевомъ мѣшочкѣ на груди. И мѣшочекъ этотъ, ночью, беспокоилъ ее. Она то и дѣло просыпалась, схватывала себя за грудь, нащупывала, тутъ ли онъ, какъ бы не срѣзали. Она читала въ газетахъ, какъ нынче „шалаютъ“ въ вагонахъ, и всего больше въ вагонахъ третьяго класса. Окуриваютъ чѣмъ-то, а то и просто срѣзуютъ во время перваго, крѣпкаго сна.

Откуда у ней эта нервность явилась? Себя не узнаетъ. Давно ли она ничего-то не боялась; жила одна, въ подвальной квартирѣ. Какъ легко было забраться къ ней и самое зарѣзать. Даже дворникъ нерѣдко говаривалъ ей:

— Смѣлая вы, сударыня.

А она ему всегда въ отвѣтъ:

— Обманутся, Игнатушка, господа мазурики. У меня всего имущества: крестъ да пуговица, какъ у служивыхъ.

Съ полудня въ вагонѣ началось движеніе, укладка, охорашиванье, завертыванье; стали подъѣзжать къ Москвѣ.

— Скоро и Химки!—сказалъ кто-то вслухъ.

Это слово „Химки“ пропизало Марью Трофимовну. Она даже покраснѣла.

Химки!.. Давно ли ѣздила туда... на Петровъ день. Не въ самыя Химки, а подальше, гдѣ еще такіе красивые пригорки, лопчины, имѣнье есть съ паркомъ? Соколово, кажется, прозывается? На ней было голубое платье цвѣточками, крестная подарила... Ее подъ руку повелъ, въ гору, къ усадьбѣ...

Неужели все это кануло? И этого человѣка уже въ живыхъ нѣтъ. Ей не вѣрилось, что съ того времени прошло больше пятнадцати лѣтъ. И всѣ двадцать... Что за нужда... Химки! Вотъ они существуютъ, и зелень кругомъ, сейчасъ и Москва! Прорѣзалъ поѣздъ Сокольники... Опять сколько тутъ пережито...

Марья Трофимовна обернулась, встряхнула свое пальто, надѣла шляпку, пожалѣла, что не вышла на станціи умыться—за это больше пятачка не возьмутъ—и ее сразу, вдругъ, освѣтила увѣренность, что Маруся тутъ, здорова, смѣется, а то письмо—такъ, минутное раздраженіе; что

займутъ онѣ въ чистенькой квартирѣ, гдѣ-нибудь на Самотекѣ, или повыше тамъ, около Екатерининскаго института. Съ садикомъ можно найти двѣ комнатки. И въ театрѣ ей не далеко бѣгать. Вѣдь театрѣ въ саду, оттуда рукой подать.

Разомъ вернулось къ Марьѣ Трофимовнѣ знаніе Москвы; точно она вчера еще ходила по всѣмъ этимъ мѣстамъ. Самотека, а тамъ и Цвѣтной, гдѣ въ дѣтствѣ она бѣгала, и балаганы гдѣ стояли, и пахло такъ резедой и гвоздикой. Тамъ и переулки, ея кровные переулки, и Срѣтенка, и Сухаревка—все такъ и заройлось въ ея головѣ.

XI.

„Куда, однако, пристать? — подумала Марья Трофимовна, подѣзжая къ станціи: никого вѣдь у нея не осталось въ Москвѣ, къ кому можно прямо вѣзхаты. И въ перепискѣ она ни съ кѣмъ не состояла.—Надо—въ номера!“

Но сердце у нея опять вздрогнуло, когда поѣздъ вошелъ подъ желѣзныя стропила дебаркадера. Затерялась было она въ толпѣ; кто-то почти сбиль ея съ ногъ; артельщики забѣгали въ длинномъ хвостѣ пассажировъ съ котомками, узлами, рогожами, кулками, подушками. Мало кто попользовался ихъ услугами. Навѣрно половина пассажировъ была все простой народъ и даже цѣлая вереница мужиковъ, рабочихъ съ инструментами въ котомкахъ.

Безъ артельщика Марья Трофимовна растерялась бы совсѣмъ. Ея петербургская дѣльность и бывалость исчезли отъ душевнаго волненія. Даже руки вздрагивали, когда она отдавала артельщику одинъ изъ своихъ узловъ.

— Багажъ имѣется?—бойко спросилъ онъ ея.

Ей даже досадно стало, что тамъ еще сундучокъ есть въ багажѣ. Сейчасъ бы вотъ положить все, что было при ней въ вагонѣ, и летѣть... А теперь надо вѣзжаться въ гостиницу... Очень ей этого не хотѣлось...

Она посоветовалась съ артельщикомъ. Выдался толковый малый.

— Вамъ этого не надо, сударыня. Багажъ вы оставьте,—сундучокъ, что ли... тамъ, въ багажномъ; у васъ квитанція есть; это все у меня. Вотъ и номеръ мой—двадцать девятый.

— Сохранно будетъ?—спросила его, кротно улыбаясь, Марья Трофимовна.

— Помилуйте... Вѣдь мы достояньемъ отвѣчаемъ.

Она улыбнулась снова. Слово „достояніе“ успокоило ее своимъ звукомъ.

У крыльца галѣли легковые извозчики, совали ей жестянки. Артельщикъ помогъ ей и тутъ, приторговавъ ей за два двугривенныхъ на Самотеку. Ей, послѣ петербургской ѣзды, и это показалось очень дорого.

Два узла она все-таки же взяла съ собой „на всякій случай“; оставила у артельщика только подушки да мѣшокъ съ разнымъ „дрянцомъ“, какъ она сама называла.

Пролетка, съ откиднымъ верхомъ, тряская и высокая, по-московски, подбрасывала ее и трещала по разлѣзшейся мостовой. День стоялъ все такой же свѣтлый и теплый, какъ и утромъ былъ; даже потеплѣе стало. Весна давала о себѣ знать не такъ, какъ въ Петербургѣ, въ ту же пору. И деревья, здѣсь и тамъ, зеленѣли прямо надъ заборами.

Мѣста около московской машины мало измѣнились—туда, вверхъ, къ Краснымъ воротамъ и правѣе, куда извозчикъ повезъ Марью Трофимовну, по направленію къ Самотекѣ. Кажется ей, что вотъ этотъ длинный, извилистый переулочекъ совсѣмъ тотъ же. Та же грязноватая и изрытая мостовая, бани, портерныя, калашни съ паромъ изъ подвальныхъ оконъ, мастеровые попадаются съ испитыми лицами, въ халатахъ, въ стоптанныхъ опоркахъ на босую ногу; такъ же продаются на лоткахъ „кокурки“ на постномъ маслѣ, и по всему переулку пахнетъ постнымъ днемъ. Только людиѣе стало, больше треску, гораздо больше всякихъ вывѣсокъ пивныхъ и трактирныхъ заведеній.

Послѣ Петербурга, все погрязнѣе, шумно, нараспашку; на улицѣ живутъ, какъ у себя въ комнатахъ. Между двумя перекрестками Марья Трофимовна насчитала до двадцати мужчинъ и женщинъ безъ шапокъ и съ непокрытыми головами... Вольнѣе, хоть и съ гряздой, и пестрѣе; такъ изъ каждой харчевушки или мучного лабаза и ползетъ особый какой-то, свой, московскій духъ...

Ей стало опять радостно на душѣ. Далеко ли до Самотеки? Вотъ уже и Цвѣтной бульваръ. Она взглянула влѣво: все новые дома; красныя двѣ глыбы,—одна совсѣмъ круглая.

— Это панорама,—пояснилъ ей извозчикъ,—а то—Саломонскаго циркъ: по зимамъ конное ристаніе бываетъ.

Марья Трофимовна во второй разъ широко улыбнулась слову. Артельщикъ пустилъ слово „достоянье“, а этотъ вотъ паренекъ „ристаніе“ гдѣ-то подцѣпилъ.

— Это что же такое, голубчикъ?—почти вскрикнула она, когда пролетка проѣхала дальше и поровнялась съ мѣстомъ, гдѣ еще недавно стоялъ Самотецкій прудъ.

— Самотека!—отвѣтилъ весело извозчикъ.

— Какъ Самотека? Это садъ какой-то... Совсѣмъ другое мѣсто...

Извозчикъ обернулъ къ ней щекастое лицо и показалъ всѣ свои бѣлые зубы.

— Знать не признали, сударыня? Или не здѣшняя вы?

— Да когда же это все передѣлалось?

— Первый годъ такъ въ настоящемъ видѣ... А заваляли прудъ давненько ужъ!..

Узнать нельзя! Марья Трофимовна и жалко стало прежняго, заглохшаго, развороченнаго оврага, и радостно за новую прогулку... И ея старушка-Москва охорашивается...

Дальше идутъ тоже все новыя аллеи, цѣлый молодой паркъ. Она разспросила обо всемъ извозчика. Шутка! Такое гулянье: тянется вплоть почти до института. Они уже ѣхали по лѣвой сторонѣ Самотеки, гдѣ тоже идетъ бульваръ. Вотъ сейчасъ и подъемъ будетъ въ гору, на Божedomку. Тутъ какъ будто все по-старому осталось. Она и садъ этотъ отлично помнитъ. Ее брали дѣвочкой-подросткомъ два раза. Зато какая радость была! Тогда гремѣлъ тутъ Морель, и оркестръ Сакса, и на пруду брильянтовые фейерверки жгли; цѣлыя морскія сраженія давались. И цыганъ она тутъ въ первый разъ въ жизни слышала на эстрадѣ... Не слыхала она до того и французскихъ шансонетокъ, и ей смутно помнится, какъ на эстрадѣ какая-то брюнетка передергивала юбками. Но она сама стояла въ толпѣ и не могла всего видѣть.

Повернула пролетка въ переулокъ и начала подниматься на крутой подъемъ, шагомъ.

Волненіе свое Марья Трофимовна сдерживала тѣмъ, что сжимала крѣпко правой рукой одинъ изъ узловъ.

— Вамъ къ самому саду?—спросилъ ее извозчикъ, къ лѣстницѣ?

— Да, да... — порывисто выговаривала она.—Я, голубчикъ, не знаю... давно не была въ Москвѣ. А гдѣ входъ?..

— Есть вѣдь, никакъ, и задній ходъ для актерокъ.
Это онъ сказалъ такъ, наобумъ; но слово „актерокъ“ и кольнуло ее, и заставило еще сильнѣе забиться сердце.

Подѣхали съ лѣстницѣ. Наверху, на площадкѣ—раскрашенный входъ и двѣ кассы. Все у нея въ глазахъ запестрѣло. Она соскочила на мостовую въ одинъ мигъ и засуетилась; хотѣла-было брать съ собою и узлы.

— Да вы поспрошайте, барыня, мы подождемъ,—основательно замѣтилъ ей извозчикъ.

Одна касса была заперта; въ другой виднѣлась голова молодого брюнета. Марья Трофимовна недовѣрчиво подошла къ нему и заговорила:

— Позвольте узнать...

— Вамъ ложу?—остановилъ онъ ее.

Выговаривалъ онъ съ нерусскимъ акцентомъ.

— Нѣтъ... я справку... артистка тутъ...

Онъ ее не сразу понялъ и не сразу спросилъ:

— Какъ фамилія?

Надо было назвать ей настоящую фамилію: Балаханцева, а театальной она не знала.

— Балаханцева,—выговорила она самымъ мягкимъ голосомъ.

— Какъ?—переспросилъ кассиръ и поморщился.

Она повторила.

— Такой нѣтъ.

— Въ хорѣ...—попробовала она пояснить.

— И въ хорѣ... Я не знаю...

И онъ отвернулся и сталъ считать на счетахъ.

Какъ могла она не узнать актерской фамиліи Маруси? Вѣдь это безуміе какое-то!.. И вотъ, теперь нѣтъ возможности допытаться!..

Она такъ разстроилась, что ей не пришла даже мысль объ адресномъ столѣ, гдѣ Маруся должна была значиться на основаніи своего паспорта.

Постояла она съ минуту, бросила еще разъ жалобный взглядъ вглубь кассы, заикнулась было:

— Позвольте!

И смолкла... А тутъ еще извозчикъ... Какъ бы не уѣхалъ: она не догадалась и номера посмотреть. Нѣтъ, извозчикъ стоитъ.

Какъ быть?

Вся глупость ея поѣздки, этого бѣгства изъ Петербурга встала передъ ней. Но страхъ за Марусю превозмогъ.

Ей вдругъ показалось, что это—конецъ: Маруси больше ужъ нѣтъ въ Москвѣ... Или она наложила на себя руки, или сгинула, уѣхала куда-нибудь, съ гори, съ трупой, на югъ, на какую-нибудь ярмарку.

Мысли чередовались быстро-быстро, а Марья Трофимовна все стояла въ двухъ шагахъ отъ кассы, но уже ближе къ лѣстницѣ.

— Да вамъ кого, сударыня? — спросилъ ее кто-то хриплымъ голосомъ, и на нее повѣяло дыханіе съ запахомъ спиртного.

Передъ ней что-то въ родѣ швейцара или сторожа; съ усами, одѣтаго еще не парадно... Она его совсѣмъ и не примѣтила.

Обрадованно бросилась она къ нему и сейчасъ же сунула ему въ руку два пятиалтынныхъ. Это очень подѣйствовало. Марья Трофимовна рассказала ему, въ чемъ дѣло,—подробнѣе, чѣмъ кассиру.

— Да я всѣхъ знаю барышень... Черноватая изъ себя?.. Большого роста... Изъ Питера?..

— Да, да!.. Балаханцева ея настоящая фамилія.

— Этакій нѣтъ...

— Я знаю, голубчикъ, она по-другому называется... Красивая... Въ посту она поступила...

— Это точно, — согласился усачъ. — Жила она, еще о Святой, на Срѣтенкѣ, въ номерахъ, тутъ — наискосокъ „Саратова“... Изволите знать?

— Помню, помню,—готова была она прилгать, только чтобы онъ добрался до Маруси...

Но все-таки фамиліи онъ не припомнилъ, даже и какъ она въ афишахъ называется. Только обнадежилъ и, по плечу ее хлопнувъ, сказалъ, чтобы сегодня — пораньше, передъ началомъ—пріѣхала. Онъ ее проведетъ къ дамъ театра.

— Делекторъ ругается, и чтобы, значить, постороннихъ не было, да я уже уважу вамъ.

И онъ подмигнувъ ей правымъ глазомъ и получивъ отъ нея еще пятиалтынный.

XII.

А до вечера? Она посовѣтовалась съ извозчикомъ. Какъ же вещи? И не имѣть пристанища... Вдругъ Маруси, въ самомъ дѣлѣ, не окажется въ трупѣ? Вѣдь

надо же будетъ ѣхать ночевать. Багажъ поздно не выдаютъ. Да и теперь, съ узлами, куда же она дѣнется?

Извозчикъ, хотя и молодой парень, а резонно ей сказалъ:

— За багажомъ надо вернуться, барыня. Мало ли что случится можетъ.

Она повторяла про себя догадки сторожа о „той, петербургской“. Вѣдь онъ вспомнилъ же сейчасъ, что та жила еще на Пасхѣ (давно ли, значить?) наискосокъ отъ трактира „Саратовъ“. Этотъ трактиръ Марья Трофимовна знаетъ. Про него говаривали въ ихъ переулкѣ. И тогда онъ былъ тутъ же, кажется, у Срѣтенскихъ воротъ...

— Гдѣ „Саратовъ“? — спросила она, когда пролетка уже поднималась къ Краснымъ воротамъ.

— Трактиръ?..

— Да, да, милый...

Она боялась, какъ бы и этотъ парень чего не запомнилъ.

— У Срѣтенскихъ воротъ. Первое заведеніе насчетъ лихачей.

И онъ сталъ ей рассказывать, перевернувшись опять въ полъ-оборота на козлахъ, что у „Саратова“ стоятъ самые дорогіе извозчики съ тысячными рысакими.

— Заприжекъ до двадцати иной разъ бываетъ, — пояснилъ онъ. — Мѣсто такое... Въ заведеніи...

Но онъ не окончилъ. Должно-быть, сообразилъ, что дамѣ рассказывать про „все такое“ — не пристало.

Не скоро дотащились они до вокзала. Марья Трофимовна не торговалась съ парнемъ за обратный конецъ; онъ было ее прижалъ; но артельщикъ съ номеромъ двадцать девятымъ усовѣстилъ его, добылъ ея сундучокъ и сторговался на Срѣтенку, съ багажомъ.

Она сама захотѣла на Срѣтенку. Тамъ, быть-можетъ, она встрѣтитъ Марусю, въ этихъ самыхъ номерахъ, около „Саратова“. Да и все ея дѣтство прошло тутъ. Въ двухъ шагахъ и переулокъ, гдѣ ее выкормили. Можетъ, и домишко цѣлъ...

— Ты знаешь номера наискосокъ отъ „Саратова“?

— Это къ Рождественскому бульвару? На углу? Какъ не знать!.. Да вы нешто туда?

— Туда, — отвѣтила Марья Трофимовна рѣшительно.

Парень въ третій разъ обернулся къ ней всѣмъ лицомъ и приподнялъ сзади шляпу, какъ бы собираясь почесать затылокъ.

— Вамъ, сударыня, въ тѣхъ номерахъ будетъ... тово...

— А что?—почти съ испугомъ спросила она.

— Тамъ хорошій проѣзжающій не останавливается, а больше съ дѣвицами, изъ того самаго „Саратова“, значить...

Онъ не договорилъ и повернулъ голову.

„Съ дѣвицами... изъ „Саратова“... И Маруся въ такихъ номерахъ!“

Вся она опять похолодѣла, какъ въ вагонѣ, когда ей представлялись всякіе ужасы насчетъ ея питомицы. А почему же это невозможно? Кто же поручится, что она давно не попала въ какой-нибудь вертепъ?.. Опоили, орамили, изъ трупы выгнали, пить-ѣсть надо — и вотъ она въ такихъ номерахъ... Купчикъ или офицеръ—ея возлюбленный—возить ее по садамъ... и спаиваетъ... Маруся изъ такихъ... У нея всегда была охота кутнуть, выпить чего-нибудь покрѣпче, наливки... О шампанскомъ она говорила, захлебывалась...

— Такъ куда же ѣхать прикажете, сударыня? — прервалъ вопросъ извозчика думы Марьи Трофимовны.

Она растерялась, не знала, какъ и быть...

— Ты ступай все-таки на Срѣтенку.

— Мы васъ доставимъ въ хорошее мѣсто. Подальше, дома черезъ три, есть настоящія комнаты... Будете довольны...

Она только кивнула головой. Привезли ее въ меблированные комнаты, съ крытымъ подъѣздомъ, въ родѣ гостиницы.

— А вотъ и „Саратовъ“, — показавъ ей парень, когда они завертывали на Срѣтенку.

Коридорный, видошъ угрюмый, но обходительный, сейчасъ устроилъ ее въ узенькой комнатѣ второго этажа; цѣну сказалъ, когда ея вещи были уже внесены — рубль въ сутки, а помѣсячно—двадцать пять рублей. Для нея — дорого. Но она осталась. Вотъ сегодня найдетъ Марусю, и если къ ней не переѣдетъ, все равно найдетъ себѣ квартирку много въ семь рублей.

Такъ ей вдругъ стало одиноко, жутко, дико въ этой узкой комнатѣ, съ пылью и спертымъ запахомъ дешеваго номера. Сѣла она у окна и съ полчаса не могла даже приняться за свой сундучокъ, достать изъ мѣшка мыло, умыться, отдать почистить свое пальто. Окно выходило бокомъ на улицу. И, прежде всего, издали глядѣли на

нее зеленыя двери съ подъездомъ трактира „Саратовъ“. Нѣсколько дрожекъ выстроились вдоль тротуара, педь дорогами попонами.

Разговоръ съ извозчикомъ не выходилъ у нея изъ головы. Онъ точно отбилъ у нея и руки, и ноги, не хотѣлось ей двинуться... Она смотрѣла и смотрѣла, и прислушивалась къ трескотнѣ ѣзды, смягченной двойными рамами, еще не выставленными, съ цѣлымъ слоемъ пыли на стеклахъ.

„Что же это я?“ — чуть не вслухъ выговорила она и вскочила со стула.

Черезъ двадцать минутъ она, умытая и въ вычищенномъ пальтецѣ—оно ей служило уже третій годъ,—сошла на тротуаръ бодрыми короткими шажками и повернула къ Рождественскому бульвару.

Да, на углу, ходъ съ бульвара, дѣйствительно номера „для проѣзжающихъ“, и извозчики стоятъ такіе же, кажется, какъ и около „Саратова“. На крыльцо вышелъ коридорный и крикнулъ:

— Силантій!.. Подавай!.. Барышни готовы...

„Какія барышни?“—повторила про себя Марья Трофимовна, и тотчасъ же отвѣтила себѣ—*какія!* Краска ударила ей въ голову. Стало ей стыдно, точно будто этотъ коридорный крикнулъ, что вотъ сейчасъ выйдетъ Маруся и поѣдетъ на лихачѣ. Страшно ей сдѣлалось войти на крыльцо и спросить: не проживаетъ ли тутъ госпожа Балаханцева?

Она перешла улицу и, немножко подальше, стала наискосокъ бульвара; онъ тутъ только и начинается.

Она должна была дожидаться появленія этихъ „барышень“. Лихачъ сѣлъ на козлы, бросилъ папироску, что-то крикнулъ другому извозчику попроще и передернулъ вожжами. Пролетка у него узкая и очень низкая, безъ верха.

— Подавай!—крикнулъ опять коридорный.

Съ крыльца скоро-скоро, почти бѣгомъ, спустились двѣ „барышни“. Марья Трофимовна такъ и впилась въ нихъ глазами. Съ ея бывалостью она мигомъ распознала въ нихъ пѣмокъ—и у нея отлегло отъ сердца. Но она все-таки не двинулась съ мѣста, пока обѣ нѣмки, разряженные, въ высокихъ шляпкахъ съ красными перьями, не разсѣлись, громко разговаривая ломанымъ языкомъ и съ лихачомъ, и съ коридорнымъ. Все разглядѣла: и ихъ лица, и тальи, и туалеты, и все повторяла мысленно:

„Вотъ какія тутъ живутъ“.

Идти спрашивать Марусю у нея окончательно не хватило смѣлости; да и гадко стало, оскорбительно за свою „дѣвочку“. Она пристыдила себя и перешла опять улицу, къ бульвару.

По сосѣдству, у Успенья-въ-Печатникахъ, ударили къ вечернѣ. Въ дѣтствѣ она бѣгала въ эту церковь, и еще къ Троицѣ „Листы“. Любила всего больше „утреню“, — какъ говорятъ московскіе. И богомольна она была, пока жила въ Москвѣ. Въ Петербургѣ все это какъ-то отпало. Здѣсь, вонъ, сколько церквей, куда ни взгляни!..

По бульвару проходило довольно народу, — больше простого. Прогуливались только пьянки съ дѣтьми да женщины въ платкахъ особаго какого-то вида. Марья Трофимовна догадалась, какого онѣ сорта, и ей опять стало горько: напомнило про тѣ угловые номера и ея страхи и подозрѣнія насчетъ Маруси... Сверху Рождественскаго бульвара открывался передъ нею видъ: она начала всматриваться въ него, оглядывать съ разныхъ сторонъ, стала отгонять отъ себя мысли. Да и Москва забирала ее. Такая пестрая и красивая уходила панорама бульвара все вверхъ, къ Тверскимъ воротамъ... Деревья шли двойной полосой пѣжной зелени... Пятиглавыя церкви, цвѣтныя стѣны домовъ; вдали красная колокольня Петровскаго монастыря и блѣдно-розоватая башня Страстнаго... Узнала она и Екатерининскую больницу, и длинное бѣлое двухъэтажное зданіе Эрмитажа...

Родной городъ расшевелилъ въ ней что-то, радовалъ, помогалъ ей легче переносить свою тревогу. Вотъ вѣдь она одна — ни души у нея здѣсь нѣтъ, кромѣ Маруси, — да и та, можетъ, улетѣла, — а она не боится. Ей Москва сразу стала дорожке Петербурга. Впервые испытала она сладость прошлаго, какое бы оно ни было... Какъ въ немъ все блестяло красками, трогало и привлекало! Скука, обида, нужда, слезы, погибшая любовь, молодость, — всѣ утраты точно не оставили никакихъ горькихъ слѣдовъ въ душѣ, только цѣлую вереницу образовъ... Они всплывали каждую минуту и все сильнѣе скрашивали вотъ эту самую мѣстность: Рождественскій бульваръ (попросту „Трубу“), Грачевку, все съ тѣмъ же трактиромъ „Крымъ“ и съ рядомъ крутыхъ переулковъ. Дѣвочкой Марья Трофимовна застыдится, бывало, когда какой-нибудь гимназистикъ спроситъ ее:

— А вы гдѣ живете?

И она должна отвѣтить:

— Въ Тупикѣ, около Нижняго Колосова.

Она уже понимала, что это нехорошій переулочъ; да и весь-то околотокъ... Одна Грачевка чего стоить!..

А теперь ей вдругъ дороги стали и Труба, и Грачевка, и всѣ переулки. Тутъ вѣдь, въ одномъ изъ этихъ переулковъ-тупиковъ (тотъ поприличіе), должны сохраниться и остатки семьи, гдѣ она воспиталась. Домикъ, навѣрно, стоитъ еще. Куда она ни взглянетъ, все еще держатся эти деревянные домики, розовые, бурные, зеленые.

Ускореннымъ шагомъ спустилась она внизъ.

XIII.

Должно-быть, какой-нибудь храмовой праздникъ случился: что-то ужъ много пьяненькихъ начало попадаться, когда она вошла на Грачевку. Одинъ даже попугалъ ее: она отъ такихъ отвыкла въ Петербургѣ, хоть и попадала въ самыя пьяныя мѣста, около Сѣнной. На немъ, кромѣ халата въ лохмотьяхъ, кажется, ничего и не было. Посоловѣлое, съ подтеками лицо, голова вся въ вихрахъ, голая, мохнатая грудь... Съ одной стороны тротуара на другую его такъ и качаетъ... Онъ ничего уже и не видитъ передъ собою...

— Нагрузился, бѣдняшій! — вырвалось у Марьи Трофимовны, когда они поровнялись.

Юморъ брать верхъ надъ испугомъ. Она подалась — уступила ему дорогу. Растерзанный халатникъ поднялъ правую руку надъ ея головой и кривнулъ:

— Тревога всѣмъ частямъ!.. Налривай!..

— Что орешь?.. Ошалѣлъ!.. — дала на него окрикъ бабалавочница.

Она стояла на порогѣ закусочной и ѣла сѣмечки.

Водкой, помоями, лукомъ и постнымъ масломъ несло изъ каждой подворотни и изъ захватанныхъ дверей подпивныхъ и кабаковъ. Изъ второго этажа красного, неотштукатуреннаго дома доносилось гудѣнье машины.

Но все-таки и Грачевка стала наряднѣе и почище прежняго. Марья Трофимовна бодрѣе смотрѣла вправо и влево. Изъ каменные дома, есть даже и въ четыре этажа, а прежде и двухъэтажный-то каменный былъ на рѣдкость. Яркія вывѣски меблированныхъ комнатъ, парикмахерскихъ. Особенно даже много развелось куаферовъ,

съ перечисленіемъ на вывѣскахъ, какіе у нихъ имѣются „бандо“ и „шиньоны“... Отчего бы ихъ здѣсь такъ расплодилось?

„А переулки? — поправила себя Марья Трофимовна. — Не мало требуется въ этихъ мѣстахъ нарядныхъ причесокъ... И вывѣска акушерки. Э, да вотъ и еще... — Она улыбнулась тому, что на одной изъ нихъ это званіе было написано на четырехъ языкахъ: даже „midwife“. — И кому это на Грачевкѣ понадобится по-англійски отыскивать нашу сестру?“ — спросила она про себя, и вплоть до перекрестка Нижняго и Верхняго Колосова переулковъ шла веселая. Москва ее молодила и даже память о томъ домикѣ, гдѣ все уже, поди, перемерло, какъ-то не щемила ей сердца.

Переулочекъ кончается тупикомъ. Черезъ „рѣшетку“ домъ — совсѣмъ не тотъ... даже и ошибиться было бы не трудно, принять одинъ переулокъ за другой. Тамъ, въ самой глубинѣ, гдѣ огороды начинаются и идутъ въ гору, къ Сухаревой, на много десятинъ, — тамъ и стоялъ буревійскій домикъ въ пять оконъ съ подвальными комнатками во дворъ. Со двора торчала голубятня надъ сарайчикомъ.

Въ переулкѣ-тупикѣ не видать прохожихъ. Она оглянула его быстро-быстро во всѣхъ направленіяхъ... Исчезъ домикъ!.. Снесли? Крыша не та... Но вонъ тамъ, вправо, на самомъ днѣ тупика... это онъ!.. Только крыша другая. Теперь онъ изжелта-сѣрый, и крыша какъ будто не та: пониже, не такъ торчитъ, какъ прежде.

Тихо пошла Марья Трофимовна посрединѣ мостовой. Противъ воротъ — они были заперты — она остановилась и прочла на доскѣ:

— „Купца третьей гильдіи Сигова“.

Въ чужихъ уже рукахъ, значить, — никого не осталось. А все-таки надо узнать. Она отворила калитку. Въ окнахъ домика шторы были спущены, и все показывало, что хозяйка спитъ. Лай раздался на дворѣ и звуки цѣпи. Это ее не испугало. Она переступила высокій порогъ калитки и пошла по доскамъ къ крылечку.

Цѣпная собака — изъ овчарокъ — запрыгала на цѣпи, но лаять скоро перестала. Конура напомнила ей любимицу ея „Зюку“, дворнягу; только та бѣгала на волѣ и ни на кого никогда не лаяла...

Никто не показывался ни на заднемъ крыльцѣ, изъ

кухни, ни на переднемъ. Дворъ обстроили заново. Два сарайчика влѣво, гдѣ входъ въ садъ. Рѣшетчатый заборъ окрашенъ въ яркую зеленую краску, и видно, что садъ держать въ порядкѣ: липы и одна береза—ее сажали при ней—теперь выше сарайчиковъ сажени на двѣ...

— Кого вамъ?

Изъ подвальной комнаты -- ея компанки! -- выглянуло женское лицо, желтое, морщинистое, волосы съ просѣдью...

Неужели это Анна Савельевна?.. „Сестрица“ ея воспитателей, которую она звала „тетенькой“ и боялась какъ холеры? Ее-то всего меньше рассчитывала она найти тутъ. Тогда она была молодая вдова, педурна собою, только злючка и гордала, жила отдѣльно; у нея водились деньги и все къ ней, черезъ свахъ, обращались офицеры и чиновники изъ палаты...

Да полно, она ли?

Надо было откликнуться. Марья Трофимовна скорыми шажками подошла къ окну.

— Извините... Мнѣ хотѣлось справиться: кто изъ Меморскихъ живетъ здѣсь... А вы не Анна Савельевна?

— Я, я... а вы-то кто, позвольте узнать?

Вопросъ звучалъ недовѣрчиво.

— Я—Евсѣева... Машенька... помните, быть-можетъ?

— Машенька? Меморскихъ пріемышъ? Пелагеи Агаѣоновны внучатная племянница?

— Да-съ,—почти сконфуженно отвѣтила Марья Трофимовна.

— Вамъ чего же?— все такъ же недовѣрчиво и точно съ усмѣшкой спросили ее.

— Да я... изъ Петербурга... хотѣла побывать на родныхъ мѣстахъ... узнать, нѣтъ ли кого въ живыхъ... Вы не позволите ли къ вамъ на минутку?

— Ко мнѣ — нельзя-съ, — отозвалась „тетенька“, и ея блѣдныя губы даже повело. — Если вы желаете такъ поговорить... узнать... подождите. Я выйду на дворъ.

„Бойся меня: ужъ не думаетъ ли, что ограблю?“ — спросила себя Евсѣева, и не обидѣлась.

Она терпѣливо стала ждать. „Тетенька“ не тотчасъ вышла. Когда она показалась въ дверяхъ задняго крыльца, Марья Трофимовна ее еще менѣе узнавала: и ростъ не тотъ, согнулась и на-бокъ держится. Голову она покрыла сѣрымъ платкомъ и щеку подвязала, и вся куталась въ старую мантилью изъ порыжѣлой мохнатой матеріи: лѣтъ

двадцать пять—тридцать, она была модной и называлась „урсъ“.

Подходила къ ней Анна Савельевна сбоку, странной походкой. Только одинъ глазъ смотрѣлъ возбужденно и недовѣрчиво, а другой былъ наполовину прикрытъ бѣлымъ платкомъ, которымъ она подвизала щеку.

— Свѣжесть, свѣжесть, — заговорила она, — вотъ какъ только вечеромъ... тепла ужъ и нѣтъ.

И вся съежилась.

— Какой еще погоды! — замѣтила Евсеѣва.

— Солнце-то не грѣетъ... Или ужъ у меня сырость... въ подвалѣ живу... въ подвалѣ-съ... Такъ вы Машенька? Не узнала бы васъ, не взыщите, много годовъ... Не молоденькія мы съ вами... Я васъ къ себѣ не пустила... У меня сыро... да и посадить некуда... Собачья конура!..

И глазъ ея зло оглинулся на домъ.

— Да и здѣсь хорошо... Нельзя ли въ садъ пройти?

— Въ садъ? Поди запертъ... Запираютъ. Точно я воровать буду двѣтки!.. Купчишки! — шопотомъ выговорила она, — вотъ нажрались и дрыхнуть. Всѣхъ до одного человѣка перерѣзать могутъ—объ этомъ и заботки нѣтъ. Я только одна и смотрю, чтобы кто не забрался. Собака тоже ожирѣла, не лааетъ, да они и отъ лая не продерутъ зѣнокъ-то своихъ...

Замкѣ, однако, не было въ калиткѣ. Онѣ вошли въ садикъ. Пахло цвѣтомъ яблони и черемухи. Марья Трофимовна закрыла глаза и сладко вобрала въ себя этотъ духъ... Ея спутница тяготила ее; но надо было поговорить съ ней, если она сама это затѣяла, выслушать отъ нея исторію домика въ Туникѣ...

Анна Савельевна говорила охотно, но съ желчными прищелкиваньями языкомъ. Меморскіе, воспитавшіе Марью Трофимовну, давно умерли, еще до ея переѣзда въ Петербургъ. Изъ ихъ дѣтей дочь умерла въ Сибири, за учителемъ, больше десяти лѣтъ назадъ, а два сына сгинули. Домишко проданъ былъ съ торговъ. Анна Савельевна и про себя рассказала: ее провели на какихъ-то денежныхъ дѣлахъ, и она еле спасла кое-какія крохи; думала купить домикъ Меморскихъ, да „кучишко“ перебилъ, и она его долго-долго „срамила“, пока опъ ее пустилъ въ жилища, подшевле, какъ родственницу бывшихъ домовладѣльцевъ...

Подъ конецъ своего разсказа она посмѣяла, но не про-

слезилась ни разу, и только косвенно замѣтила, что она— „человѣкъ больной“, еле живетъ на свои „гроши“ и нельзя „на нее обижаться“. Евсева слушала и понимала, что та боится, какъ бы она не стала проситься къ ней погостить. На этотъ счетъ она ее сейчасъ же успокоила, сдѣлала надъ собой усилие, взяла свой обычный петербургскій тонъ, сказала, что пріѣхала по своимъ надобностямъ, а въ Петербургѣ практикуетъ уже десять лѣтъ. Это успокоило „тетеньку“, и она начала жаловаться на свои болѣзни и просить совѣтовъ у даровой акушерки.

— Всѣ, всѣ, милая, или перемерли, или сгнули... Вотъ тотъ юнкерокъ, что, помните, кажется, и за вами ухаживалъ...

Марья Трофимовна слегка покраснѣла.

— Какъ, башъ, его фамилья была?.. Еще на Устрѣтенкѣ у него мать жила, туда, къ Сухаревой...

— Амосовъ, — сказала Евсева, а краска все еще не сходила съ ея щекъ.

— Ну вотъ, ну вотъ... Онъ въ офицеры вышелъ и сначала какъ загремѣлъ... и въ полковыхъ адъютантахъ никакъ былъ—каску съ хвостомъ носилъ... Вѣдь онъ въ карабинерномъ, что ли...

— Въ гренадерской дивизіи, — подсказала Марья Трофимовна, чувствуя, какъ волненіе все еще не оставляетъ ее.

— Въ гренадерскомъ, оно и есть—ваша правда. Мать умерла... старушка-то, говорятъ, подъ-конецъ, попивала, знаете; въ параличѣ ноги давно отнялись. Онъ домика спустилъ, и, должно-быть, ужъ въ крови, отъ матери... закутилъ и совсѣмъ сгинулъ. Изъ полка выгнали за дебоширство... И неизвѣстно гдѣ... Кто-то говорилъ... на Хитровомъ рынкѣ... въ „золотой ротѣ“...

Анна Савельевна говорила это уже безъ желчной гримасы, а съ сокрушеніемъ: что, вотъ, все перемерло и прахомъ пошло, и ея очередь близко; только она этого не сказала прямо: смерти она боялась пуще всего. Марья Трофимовна поняла и это.

И вдругъ ей захотѣлось побыть одной въ садикѣ. Память о дѣвическихъ годахъ охватила ее сильнѣе послѣ того, что рассказала тетенька.

— Вамъ не свѣжо ли? — сказала она и поднялась со скамейки, гдѣ онѣ сидѣли подъ зеленымъ переплетомъ бесѣдки, еще не покрытымъ листьями ползучаго растенія.

— Сырость здѣсь, сырость...— согласилась вдова и начала кутаться.

— Извините...

Онѣ вышли изъ садика.

— Извините, что обезпокоила васъ, — договорила Евсѣева и протянула ей руку.

— Надолго въ Москву?—спросила Анна Савельевна съ прежнимъ недовѣріемъ.

— Не могу еще опредѣлить.

Глаза вдовы говорили: „Только ко мнѣ, матушка, не повадся шататься; я и не пущу!“

Она проводила Марью Трофимовну до передняго крыльца.

— Позвольте мнѣ на минутку еще въ садикъ... сорвать, на память, вѣтку яблони. Небольшой будетъ изъяснъ хозяевамъ.

Она выговаривала это въ смущеніи.

— Мнѣ, пожалуй... только ужъ я уйду, а то эти лабазники еще придерутся, — скажутъ: я вожу чужихъ деревья ломать.

Анна Савельевна спустилась внизъ, не подавая еще разъ руки Евсѣевой и не обернувшись отъ двери.

Почти украдкой вошла опять Евсѣева въ садикъ. Отъ калитки вела тѣсная аллея, вся обставленная густыми кустами сирени. Площадка съ круглымъ столомъ и диваномъ смотрѣла еще голо. И въ клумбы цвѣтовъ еще не сажали. Но тутъ она и не оставалась; она пошла въ край, къ забору, гдѣ тянулись огороды. Тамъ нѣсколько фруктовыхъ деревьевъ стояли всѣ въ цвѣту. Одно — груша — раскинулось свѣтло-розовымъ шатромъ.

Подъ это дерево нагнулась Марья Трофимовна и, войдя, сѣла на скамью, а головой прислонилась къ стволу.

Шатеръ цвѣтовъ нѣжилъ ее и обволакивалъ тонкимъ благоуханіемъ. Это дерево было ей особенно памятно. Вотъ такъ же цвѣли яблони и грушевыя деревья. Стояла чудная весна, еще краше и благодатнѣе. Но подъ шатромъ цвѣтовъ укрывалась она тогда не одна. Подъ нимъ былъ взятъ и отданъ первый поцѣлуй...

Марья Трофимовна закрыла глаза и долго вдыхала въ себя тонкій запахъ. И сами собою, еще безъ всякихъ горькихъ думъ и выводовъ, подступили слезы. Онѣ потекли по щекамъ тихо, а глаза все еще она держала закрытыми. Эти слезы прошли у нея скоро, и сердце какъ

будто остановилось, ничего не ощущало, и голова оставалась слегка затуманенной. Но вот она раскрыла глаза и оглянулась, повернула ихъ въ ту сторону, гдѣ поверхъ глухого забора были видны огороды, зады домовъ и грифельнаго цвѣта столбъ Сухаревой башни съ острой зеленой шапкой.

Разомъ нахлынули мысли. Никогда, въ Петербургѣ, въ самыя трудныя минуты, ничего такого не приходило ей въ голову.

Вся ея жизнь—а ей пошелъ уже тридцать девятый—встала и представилась ей одной сплошной „глупостью“, и глупостью жестокой, съ издѣвательствомъ надъ всѣми ея самыми законными побужденіями. Хотя одно ея чувство—дало ли оно ей не то что одну великую радость, а что-нибудь, похожее на отраду? Здѣсь вотъ, въ этомъ Туникѣ, у ея воспитателей, дѣвочкой, на какую жизнь ее обрекали? Зачѣмъ не дали ей сгнуться замарашкой, въ кори или крупѣ, гдѣ-нибудь въ трущобѣ, куда она попала, оставшись круглой сиротой? Держали, все-таки, барышней „приказнаго званія“, и правила у нея рано сложились, любящая она вышла, а не злая, не порочная... А могла бы...

Мальчики только и дѣла дѣлали, что дразнили ее, били, ябедничали матери, ругали ее словомъ „пріемышъ“. Вотъ тутъ, подъ этимъ самымъ грушевымъ деревомъ, забилось ея дѣвичье сердце. И тѣ же мальчики—уже тогда большіе были баббесы—подглядѣли, начали свое озорство, рассказывали разныя отвратительныя гадости про того, кто ее поцѣловалъ въ первый разъ; проходу ей не давали... Благоудѣлница-тетка чуть не выгнала, потому что не сумѣла притянуть будущаго офицера и женить на себѣ. Какую-нибудь недѣлю только любила она... во всю-то свою жизнь. И откуда взялась у нея охота учиться? Пятнадцать почти лѣтъ перебивалась она потомъ,—и хотя бы ждала чего впереди, а то вѣдь знала, что не выйти ей изъ своей честной нищеты, не вкусить ей того, что другимъ дается даромъ. Чего! Взяла себѣ дочь, начала играть въ материнскія чувства. Старая дѣва... и туда же ударилась въ любовь къ пріемышу-дѣвчонкѣ!.. Безуміе, насмѣшка надъ самой собой!

Слово „Провидѣніе“ мелькнуло въ головѣ Марьи Трофимовны. „Какое? Гдѣ? Въ чемъ?..“

И ужъ не за себя только было ей горько и обидно, а

за всѣхъ. Она, акушерка, помогала роженію столько ребячь... Зачѣмъ?.. Разводила только нищихъ, преступниковъ, проституттокъ, идіотовъ. А съ какой вѣрой въ свое дѣло, съ какой внутренней гордостью шла она, каждый разъ, на зовъ. Вѣдь отлично она знала, что ребенка отправятъ въ воспитательный,—и это еще хорошо, а то карабкаться ему въ грязи, вони, смрадѣ, грубости, пьянствѣ, въ безпрестанныхъ болѣзняхъ. Гдѣ у нея былъ здравый смыслъ? И этимъ ремесломъ надо питаться! Отъ его крохъ воспитала она свою дѣвочку. Вся она ушла въ нее, постыдно любить эту Марусю—и не можетъ отвлечь ее ни отъ какого зла и позора. А осталась бы она честной—развѣ не все равно? Вышла бы замужъ за студента—нынѣ это легче всего—дѣти, болѣзни и та же нищета, да еще нестерпимѣе отъ ученія, отъ умственного голода. Всего хочется отвѣдать, и яснѣ видишь, какъ кулакъ да рубль вездѣ въ почетѣ, какъ правда затоптана удачей, а на душевную доблесть плюетъ всякій, кто урветъ себѣ кусокъ пирога. Да и сытые-то не меньше голодныхъ маются... Еще хуже!.. Вотъ она прилетѣла въ Москву, страдаетъ, волнуется, холодѣетъ и замираетъ... И все это изъ-за чего?.. Изъ-за одной блажи, изъ одного мечтанья: представила себѣ, что безъ Маруси жить не можетъ, а вѣдь и съ Марусей, и безъ Маруси, и ей самой, и всѣмъ, всѣмъ одинаково гадко, всѣхъ жизнь подсадить и накроетъ! Злую издѣвку надъ всѣми посылаетъ судьба; да и нѣтъ никакой судьбы, а есть что-то, что приказываетъ жить, карабкаться, ждать, плакать, смѣяться, прыгать точно куклы на проволокахъ, „Петрушка Укусовъ“—огромная, безграницная кукольная комедія...

Руки Марьи Трофимовны опустились въ зеленѣющій дернъ, головой она поникла на грудь и такъ оставалась съ четверть часа... Глаза ни на что не глядѣли и были полусомкнуты. Добрый и веселый ротъ раскрылся, да такъ и не мѣнялъ выраженія внутренней боли.

Она поднялась, вся отряхнулась, поправила на головѣ шляпку и выскочила на дорожку изъ-подъ низкихъ вѣтвей грушеваго дерева.

„Что это я?“—чуть не вслухъ вскрикнула она испуганно.

Рука ея потянулась къ вѣткѣ съ нѣсколькими цвѣтами. Она сломала ее, поднесла къ лицу, понюхала и долгимъ окружающимъ взглядомъ оглядѣла еще разъ садикъ. Скоро-

скоро пошла она... Она уходила отъ этихъ неожиданныхъ и страшныхъ мыслей, никогда не забиравшихся къ ней въ душу... Не за тѣмъ вернулась она въ садикъ.

— Мамзель, что вы это озорничаете? — остановилъ ее голосъ сзвди.

Она обернулась. У сарайчика стоялъ, должно-быть, хозяинъ: въ розовой рубахѣ на выпускъ и короткомъ арха-лухѣ; круглая его голова курчавилась сѣдыми кудрями; животь сильно подался впередъ.

Точно въ дѣтствѣ, когда ловили съ малиной или яблоками, испугалась Марья Трофимовна и даже выронила изъ рукъ вѣтку.

— Въ чужомъ саду—это не порядокъ,—уже помягче сказалъ купецъ Сиговъ и, чтобы ее разглядѣть, прикрылъ глаза ладонью.—Да вы не туточная?

— Простите,—промолвила Евсеѣва и подняла вѣтку: она ей была въ эту минуту особенно дорога.

Приободрившись, она подошла къ хозяину поближе и сказала однимъ духомъ:

— Я здѣсь воспиталась... У Меморскихъ... Навѣстить прѣѣхала... Прошла въ садикъ... За вѣтку вы ужъ не взыщите...

— Не суть важно; только попали съ улицы какъ же?..

Онъ оглянулся сердито на овчарку, и та начала лаять и прыгать на цѣпи.

Въ форточкѣ подвального жилья показалось лицо „тетенки“. Она и вида не подала, что знаетъ Евсеѣву.

Только на Цвѣтномъ бульварѣ очнулась Марья Трофимовна и почти упала на скамейку: такъ у нея ослабѣли ноги... Она отгоняла отъ себя то, что налетѣло на нее въ садикѣ купца Сигова.

Затѣмъ ли она прѣѣхала въ Москву?

— Батюшки!—вслухъ испугалась она. — Вѣдь никакъ уже седьмой часъ?..

Усачъ у кассы говорилъ ей, что надо пораньше, до прѣѣзда публики. Онъ именно назначилъ: „часу въ седьмомъ, когда вся команда собирается“.

Еще разъ оправила себя Марья Трофимовна и пошла внизъ, къ Самотекѣ. Она и забыла чего-нибудь перекусить. Съ утра такъ ѣздила и ходила она—цѣлыхъ шесть часовъ—и голодъ не далъ знать ей о себѣ. И теперь если бъ ее кто-нибудь спросилъ:

— Ъли вы сегодня?

Она затруднилась бы отвѣтить.

Засвѣжѣло, но солнце еще не собиралося садиться. Пыли стало меньше. По Цвѣтному гуляло много народу; но она ни на что уже не оглядывалась и спѣшила къ Самотекѣ. Не хотѣла и не могла она перебирать вопроса: „найдется Маруся, или нѣтъ?“ Ей довольно было и того, что ожиданіе, тревога, возбужденность страха такъ еще наполняютъ ее. О себѣ, о своей долѣ, она не могла уже думать...

Пѣшкомъ конецъ показался ей долгимъ. Но вотъ сейчасъ и переулочекъ. Она миновала бани, гдѣ стоятъ извозчики. Поднимется—и она тамъ!..

XIV.

Усачъ узналъ ее тотчасъ же и подвелъ къ актерскому входу въ театръ. Въ саду еще не было публики. Только официанты накрывали скатертями столы у круга и въ сторонѣ, гдѣ бѣлѣлся большой алебастровый бюстъ среди еще наполовину оголенныхъ дѣревьевъ.

Жутко опять сдѣлалось Марѣ Трофимовнѣ. Садъ, буфетъ, эстрада, столы, столбы на отдѣльномъ плацу, сѣрая глыба высокаго деревяннаго театра, дышали для нея чѣмъ-то совершенно чужимъ, почти зловѣщимъ. Отъ нихъ она не ждала ничего добраго.

На скамейкѣ, у самаго актерскаго входа, сидѣла женщина, по платью и лицу въ родѣ горничной.

— Вотъ имъ нужна тутъ одна барышня,—поручилъ ее усачъ. И пояснилъ:—Портниха это театральная. Она вамъ все расскажетъ, сударыня. Прощенья просимъ. Миѣ пора и къ должности.

Онъ уже надѣлъ голубую ливрею и треугольную шляпу. Пришлось дать ему еще на водку. Въ такомъ мѣстѣ безъ двугривеннаго ничего не добьешься.

Двугривеннымъ начала она и знакомство съ портнихой.

— Вамъ кого, сударыня?—спросила ее та лѣниво и небрежно, даже и послѣ того, какъ получила на чай.

— Балаханцеву... Адреса ея не знаю... а сегодня нарочно пріѣхала изъ Питера,—не удержалась Марья Трофимовна.

— Балаханцева? Такой нѣтъ у насъ. Я всѣхъ на память знаю.

Этакого именно отвѣта и должна была ждать она, а

все-таки онъ ее еще разъ огорчилъ. Она вѣдь знала сама, что Маруся по театру иначе прозывается.

Своей тревогой она не хотѣла дѣлиться съ этой прожженной портнихой; но еще разъ не удержалась и начала описывать наружность Маруси.

— Славская это, по всѣмъ примѣтамъ.

— Славская? Такъ и на афишѣ?

— Мы вѣдь, сударыня, не знаемъ, какъ онѣ въ паспортѣ прописаны. А эта Славская родственница вамъ приходится?

Марья Трофимовна отвѣтила глухо.

— Славская, навѣрно. Только вы не на такой спектакль попали. Сегодня ее въ пажахъ точно будто нѣтъ.

— Въ пажахъ? — переспросила Евсева. — Это что же такое?

— Не знаете? Изъ хористокъ, которыя поскладнѣе... Ихъ такъ и зовутъ: пажами... Въ трико, значить, онѣ, каждый вечеръ, по-мужски...

— Ну да, ну да,—уже глотая слезы, промолвила Евсева какъ бы мысленно.

— На афишку вы поглядите... вонъ тамъ... у столба... Да навѣрно ея нѣтъ... Что-то мнѣ сдается, не значитъ ли она въ отпуску?

— Больна?—вырвалось у Евсейвой.

— Что-то я, какъ будто, и вчера ея не видала, а ей слѣдовало участвовать... „Бокаччіо“ давали. Всѣмъ пажамъ надо быть въ сборѣ...

— Можетъ, знаете, гдѣ живетъ госпожа Славская?

У нея даже дыханіе перехватило.

— Справлюсь... Погодите... никакъ въ Телешевскихъ номерахъ, или вотъ тутъ...

— На Срѣтенкѣ?—подказала Евсева.

— И то, должно-быть, тамъ. „Грандъ-Отель“, что ли, называется.

Портниха наморщила одну бровь и прибавила:

— Нѣтъ, тамъ Пересыпина живетъ... Содержитъ ее мучникъ отъ Сухаревки...

Это сообщеніе о „содержателѣ“ иначе направило разговоръ... Марья Трофимовна сама не хотѣла дѣлать разсросовъ; но портниха тутъ только и оживилась...

И въ пять минутъ все узнала Евсева. Славскую—не было уже никакого сомнѣнія, что это Маруся—смавилъ первый актеръ; а теперь онъ ее бросилъ... Съ тѣмъ она

теперь „путається“—доподлинно неизвѣстно еще за кулисами, но, навѣрно,—съ кѣмъ-нибудь.

— И хорошо еще, коли изъ гостей кого подцѣпила, а то если изъ нашихъ,—еще ее обереть, и въ больницѣ на-лежится; такъ-то, сударыня.

Портниха почему-то прищелкнула языкомъ при этихъ словахъ и подперла обѣими руками свою тощую грудь, прикрытую голубой полинялой пелеринкой.

Ни жива, ни мертва, сидѣла Марья Трофимовна. Что же еще? О чемъ узнавать? Что исправлять и спасать?..

Такъ горько стало, что чуть-чуть она истерически не расхохоталась.

А все-таки надо было ждать. Рабочіе проходили мимо нея, хористы—мужчины, а потомъ и дѣвицы, нѣкоторые очень нарядныя. Изъ-за кулисъ уже слышался гулъ, смѣхъ, рулады, перебранка. Въ саду прибывала публика, заходили пары, заигралъ оркестръ... На плацу гимнасты и рабочіе приготовляли свои сѣтки, веревки, трапеціи... Потянуло по нѣсколько влажному воздуху запахомъ кот-летъ и еще чѣмъ-то съѣстнымъ.

Портниха ушла. Марья Трофимовна сидѣла, и глаза ея ничего уже не видѣли послѣ удара обухомъ по го-ловѣ. Она выдержала, не вскрикнула, даже, кажется, улыбалась, когда та ей кинула слово „путається“, говоря о любовныхъ похожденіяхъ Маруси.

Ея дѣтище!.. Сколько лѣтъ дрожала надъ ней!.. Гос-поди!.. Сколько лѣтъ?.. Да, полно, былъ ли надъ ней над-зоръ? Развѣ она знала, какъ ея дѣвочка вела себя въ послѣднюю зиму? Да и раньше? Откуда у нея вдругъ бархатное зимнее пальто появилось?.. И разныя вещицы?.. А она еще увѣрила себя, что Маруся — нетронутая дѣ-вушка... Кто ее увѣрилъ? По лицу узнала, что ли? Такъ, вотъ, сейчасъ мимо нея больше дюжины промелькнуло дѣвушекъ. Двѣ-три такъ и пышаты свѣжестью, лица дѣт-скія. А разспроси еще у портнихи—такъ у каждой най-дется возлюбленный или старый содержатель.

Чего ждать, чего ждать?!

Глаза ея все сильнѣе застилали слезы... Мимо про-шелъ шумно, давая на кого-то окрикъ, коренастый муж-чина въ странномъ костюмѣ: большіе сапоги, парусинная блуза съ греческими рукавами, надѣтая прямо на тѣло; шея голая, какъ у женщины; грудь вся въ цѣпляхъ, мо-

нетахъ и брелокахъ. На головѣ—матросскій картузь. За нимъ пробѣжало двое служащихъ при театрѣ...

— Каналья! Сволочь!—раздавалось изъ-за ограды для гимнастовъ.

Она этого ничего не видала и не слыхала. Но взгляды ея упали на что-то яркое, изжелта-зеленое. То была высокая шляпка, въ полъ-аршина, надѣтая впередъ и вбокъ, вся въ лентахъ, перьяхъ и цвѣтахъ. Такого же почти травяного цвѣта пальто, съ самой узкой таліей, все въ бляхахъ и подковахъ и съ выпяченной турнюркой сзади...

„Вотъ и барышни со Срѣтенки появились“,—вдругъ промелькнуло у нея въ головѣ, но она еще не разглядѣла ни лица, ни походки.

— Начали?—вдругъ раздалось почти надъ ея головой.

— Маруся! — глухо вскрикнула она и хотѣла встать, но ноги у нея подкосило.

— Мамаша!

Маруся обернулась, развела руки, махнула зонтикомъ въ воздухъ, не покраснѣла, не обрадовалась замѣтно, а только подошла къ ней, сѣла сейчасъ же на скамейку, нагнула голову и потомъ разсмѣялась:

— Вотъ выкинули штуку!

Онѣ поцѣловались. Марья Трофимовна вся дрожала и ничего не могла выговорить. Руки ея хотѣли обнять Марусю за талію и безпомощно опустились...

— Здѣсь... жива...—пролепетала она, удерживая слезы, блѣднѣя и всхлиывая.

Стыдно ей стало и за Марусю, и за себя... Кругомъ народъ... Хорошо, что музыка заглушала всѣ остальные звуки.

— Это какъ?—спросила Маруся и вскочила со скамьи.

— Провѣдать тебя...

— Надолго?..

— Какъ поживется...

Выговоривъ, упрековъ Марья Трофимовна не могла дѣлать. Да у нея все это и вылетѣло. Она улыбалась; она рада бы была, если бъ какое-нибудь дурачество Маруси поощрило ее, вызвало бы въ ней самой шутиливый тонъ.

Но глаза жадно оглядывали Марусю... На кого она стала похожа? Двѣ капли—на тѣхъ барышень, что сѣли на пролетку лихача у Рождественскаго бульвара. Что за прическа!.. Боже ты мой! Весь лобъ покрытъ взбитыми

волосами, вплоть до бровей. Ото всей пахнет пудрой и крѣпкими духами... Юбка у платья короткая, вся нога выступаетъ въ ботинкѣ изъ желтой кожи. Въ томъ, какъ Маруся откинулась назадъ, въ подергиваньи плечъ, въ движеньяхъ головы, въ самомъ звукѣ голоса—уже горловомъ и хриповатомъ—Марья Трофимовна читала безповоротный приговоръ:

„Погибла, погибла!“

Взглянула она опять въ лицо своего дѣтища: глаза подведены, и губы въ красной помадѣ, и пудра на щекахъ, и брови закручены дугой. Никакого смущенія—ни проблеска... И радости нѣтъ... Даже не улыбнулась. Только взглядъ бѣгаетъ. Онъ сталъ злѣе, фальшивѣе...

— Что жъ вы не написали... а вдругъ такъ? — спросила Маруся и тутъ же оглянулась въ сторону, и даже наморщила лобъ.

— Отъ тебя ничего не было, Маруся... Вотъ я и собралась.

— Испугались. Ха-ха-ха! Чтò мнѣ дѣлается...

Отъ этого смѣха у Марьи Трофимовны внутри заныло.

— Ну, слава Богу... — выговорила она, все еще улыбаясь, а губы у нея подергивало; она боялась, что не выдержитъ.

— Да что мы здѣсь... Идемъ въ уборную... Я нынче не занята. На той недѣлѣ какъ лошади работала. Нашъ-то чадушко—антрепренеръ,—пояснила она,—какъ бѣшеный волкъ рыскалъ по сценѣ-то, до седьмого пота всѣхъ понималъ... Просто каторжная жизнь!

Она это говорила довольно громко, поднимаясь по лѣсенкѣ за кулисы. Марья Трофимовна слушала и уже боялась, какъ бы кто не донесъ на Марусю ея начальству.

На сценѣ шло представленіе. Онѣ прошли мимо кулисъ, гдѣ Марью Трофимовну—она никогда не попадала за кулисы—обдало и свѣтомъ, и особымъ запахомъ... Фигуранты сидѣли въ костюмахъ; каска пожарнаго свѣтилась въ глубинѣ; декорации тѣснились у прохода.

— Сюда вотъ,—отворила ей Маруся дверку.—Теперь никого здѣсь нѣтъ.

Это была не общая уборная хористокъ, а одна изъ тѣхъ, что назначаются для солистовъ, на амплуа.

— Ну, поцѣлуемся! Здравствуйте, мамаша! Очень рада! Только напрасно беспокоились... Тоже вѣдь стòитъ ѣзда-

то; или въ лотерею выиграли?.. Фу, ты, жарща ана-
ѳемская!

Маруся скинула съ себя шляпку и пальто, бросила и то, и другое на кресло, погасила одинъ изъ газовыхъ рожковъ у трюмо, а потомъ сѣла противъ Марьи Трофимовны въ ярко-пунцовомъ атласномъ лифѣ на клѣтчатою юбкѣ. Ноги она разставила и закинула голову назадъ, а платкомъ обмахивалась.

Слезы остановились у Марьи Трофимовны тамъ гдѣ-то, въ груди. Она машинально засмѣялась. Ей легче стало вести разговоръ въ шутиломъ тонѣ...

— Такъ ты нынче вольный казакъ?—спросила она.

— Да, мнѣ все едино. Я до перваго числа дослуживаю.

— Куда же ты?..

— Охъ, мамочка... — заговорила Маруся и положила одну ногу на другую. — Ничего вы не понимаете житейскаго. Вотъ меня воспитали... а все вы какъ маленькая... Я въ полгода того посмотрѣлась и сама восчувствовала, точно я въ семи котлахъ купалась... Ученая! Ха-ха-ха!..

— Не смѣйся такъ, ради Бога... Что съ тобой?.. Скажи мнѣ...

Головою Марья Трофимовна прильнула къ груди Маруси. Дольше она не могла выдерживать веселый тонъ.

— Письмо мое помните? — рѣзко и вызывающе крикнула Маруся.

— Оно-то меня и переполошило.

— Думали—бѣдъ надѣлаю?..

— Все думала... все было...

— А слѣдовало тогда этой черномазой образинѣ купороснымъ масломъ плеснуть, чтобы гулялъ тогда по Европѣ съ пуделемъ и просилъ на пропитаніе, какъ калики перехожіе... Моментъ пропустила, а теперь уже глухо. Да и думать я о немъ забыла... Что онъ — первый сюжетъ, что нашъ плотникъ, Махоркинъ... Ха-ха-ха!

Только бы она не смѣялась! Этотъ смѣхъ обдавалъ Марью Трофимовну ужасомъ.

— Манюшка! — успѣла она выговорить и глухо, глухо разрыдалась.

— А вы не надрывайтесь надо мной: я вѣдь еще не въ гробу... Житейская школа называется... Мало ли о чемъ мечтала... Дебютъ въ „Периколѣ“, а теперь вотъ

въ „пажахъ“ стоимъ... Только послѣ перваго числа они отъ меня вотъ чего дождутся!

Она показала кукишъ и вскочила.

— Нечего канючить, мамаша! Ну и прекрасно, что пріѣхали. Я вамъ, благо, и писать собиралась... Исторія короткая. Глупа была; поумнѣла. Со всѣми этими подлецами,—и она злобно поглядѣла сквозь дверь,—я не хочу дня оставаться дольше перваго... Ничего я не должна... Не нужно намъ подачекъ! Мы сами кого хотѣли, того и полюбили...

Она опять развалилась на стулѣ и хлопнула себя по тому мѣсту, гдѣ карманъ.

— Чортъ!.. Забыла... Память у меня куриная стала. У васъ папироски есть?

— Когда же я курила, Манюша?

— Пора бы... Ха-ха... Въ малолѣтствѣ находитесь. И наши-то всѣ на сценѣ... Этакое свинство!

Никакихъ вопросовъ уже не дѣлала мысленно Марья Трофимовна. Она видѣла теперь, что случилось изъ ея Маруси въ какихъ-нибудь четыре мѣсяца. Женщина, узнавшая мужчину, сидѣла передъ ней. Было бы смѣшно даже заговорить съ ней въ тонѣ увѣщанія. И что-то особенное зашевелилось въ душѣ пріемной матери... Вѣдь эта „погибшая“ дѣвушка все-таки живетъ въ своей волѣ, испытала страсть; бросили ее, озлобили, но она и теперь съ кѣмъ-то утѣшается... Жалко все это, позорно для хорошо воспитанной дѣвицы; но развѣ ея-то собственная непорочность на что-нибудь нужна была? Она-то развѣ не жалка тоже по-своему?

— Хотите въ залу?—спросила Маруся и начала надѣвать шляпку.—Я могу контрмарку попросить...

— Зачѣмъ же?

— Экая важность!.. Вотъ и полюбуйтесь на перваго-то сюжета... На моего благодѣтеля... Онъ нынче своимъ надтреснутымъ горломъ рулады выводитъ...

— А ты?.. Со мной?—чуть слышно выговорила Евсѣева.

— Я приду... послѣ... Мнѣ нужно повидаться со знакомыми... Вечеръ еще великъ. Отошелъ актъ!

Она начала торопливо напяливать пальто и, одѣвшись, повела за собой Марью Трофимовну.

XV.

Вечеръ былъ дѣйствительно великъ для ея пріемной матери. Марья Трофимовна высидѣла цѣлый актъ оперетки. Маруся прибѣжала къ ней на минутку, въ мѣста за креслами, и шепнула ей: кого играетъ ея „благодѣтель“ и какъ его фамилія.

Когда онъ вышелъ и запѣлъ, драпируясь въ мантию, и сталъ помахивать правой рукой, а на публику глядѣлъ съ самоувѣренной усмѣшкой, она прильнула къ нему глазами... Да онъ изъ какихъ-нибудь инородцевъ... И произносить-то плохо, поетъ глухимъ голосомъ, немного по-цыгански, игры никакой нѣтъ, а публика его „принимаетъ“.

Чѣмъ дольше она на него глядѣла, тѣмъ сильнѣе набиралась мужества: въ антрактѣ пойти за кулисы, такъ, прямо въ уборную, и сказать ему, какъ онъ гнусно поступилъ съ Марусей. Не можетъ быть, чтобы у него ничего уже не было въ душѣ!.. Хотя крошечку совѣсти да осталось же. Бросилъ онъ ея дѣвочку... Пускай хоть не доводитъ ее до отчаянья, не толкаетъ ее въ пропасть. Онъ много значить въ труппѣ; можетъ поддержать...

Мысли начали путаться у Марьи Трофимовны къ концу акта, но рѣшимость пойти, говорить съ этимъ брюнетомъ въ шляпѣ съ перьями не пропадала.

Актъ отошелъ. Маруся не показывалась. Это только приободрило Марью Трофимовну. Она незамѣтно проскользнула за кулисы и дѣловымъ тономъ спросила у рабочаго:

— Гдѣ уборная господина Боброва?

Тотъ ее провелъ. Она стукнула въ дверь.

— Войдите!—крикнули изнутри.

Онъ былъ одинъ, стоялъ передъ зеркаломъ и пудрилъ себѣ лицо.

Фигура и туалетъ Евсеѣвой, должно-быть, удивили его. Довольно вѣжливо спросилъ онъ:

— Вамъ угодно?

Не дала она себѣ ни малѣйшей передышки и высказала все — откуда только слова брались. Слезъ не было; ни возгласовъ, ни жалобъ, ни угрозъ. Говорила она тихо, точно сама въ чемъ исповѣдывалась, но такъ говорила, что актеръ ни разу ея не прервалъ.

— Вы не должны ей передавать, что я къ вамъ обратился... Сдѣлайте хоть что-нибудь для дѣвушки, которую вы выбросили на такую дорогу...

Тутъ она сѣла на табуретъ и сразу смокла...

Первый сюжетъ говорить былъ не мастеръ. Онъ сначала все улыбался и поводилъ плечами, курилъ и помаывалъ головой, но когда она смокла, онъ точно выпалилъ:

— Съ нею ничего не выйдетъ!

И онъ сталъ доказывать Марьѣ Трофимовнѣ, что у него было искреннее желаніе поставить Марусю на ноги, но она работать не хотѣла, а сразу мечтала быть на видныхъ роляхъ.

Вопросъ о томъ, что онъ ее покинулъ, увлекъ и бросилъ—онъ, разумѣется, обошелъ. Сказалъ только:

— Всякій порядочный человѣкъ знаетъ, что ему надо дѣлать.

Эта фраза заставила Марью Трофимовну сказать ему, безъ слезъ, медленно и сильно:

— Такъ, стало, можно дѣвушку... погубить, а потомъ—и ничего... ни передъ Богомъ, ни передъ людьми?

Губы первого сюжета покривила усмѣшка. Онъ выговорилъ вполголоса, но очень внятно:

— А вы, мадамъ, думаете, что ваша пріемная дочь была... въ Петербургѣ... Вы меня понимаете? Такъ это совсѣмъ напрасно. Я въ отвѣтъ не буду. Не то чтобы это похоже было съ вашей стороны... какъ бы сказать... на шантажъ. Я этого не говорю!—поспѣшилъ онъ прибавить и даже сдѣлалъ жестъ рукой, точно будто хотѣлъ осадить ее сверху внизъ.

Она закрыла глаза и чувствовала, что ея приходъ сюда—только новое униженіе за Марусю, и совершенно напрасное.

— Васъ я понимаю не съ такой стороны,—продолжалъ актеръ.—Вы жалѣете... любите ее. Повѣрьте: не стоить эта дѣвочка... И васъ она проведетъ и выведетъ. Скандалистка. И здѣсь ее держать не будутъ. Съ первого числа—и фью! Разъ три я изъ-за нея попадалъ въ такія исторіи. Дралась съ товарками. Помилуй Боже! Я сколько лѣтъ служу, а такой скандалистки еще не видалъ. Да кто же съ ней будетъ жить?—спросилъ онъ убѣжденно, и не предполагая, что слово „жить“ ударить Евсѣеву какъ ножомъ.

Она продолжала молчать.

— Вы пріѣхали сюда спасать ее?.. Позвольте вамъ самимъ... совѣтъ дать... Теперь ваша воспитанница свяжись съ однимъ... ваетомъ.

— Съ кѣмъ?—спросила она, не сразу понявъ.

— Шантажистъ уже форменный. Безъ мѣста шатается. Съ этимъ она—мое почтеніе—куда попадетъ. За рѣшетку, навѣрно. Это ужъ я вамъ говорю... какъ честный человѣкъ. Такъ нешто... дѣвушка... съ понятіемъ и которая соблюдаетъ себя... свяжется съ такой сволочью?

Онъ даже сплюнулъ и затянулся папирсомъ.

У дверей раздался звонокъ и крикъ:

— На сцену!..

— Вы меня извините, мадамъ, — сказалъ онъ и отошелъ къ зеркалу. — Мнѣ еще надо вотъ... поправить. Досталась вамъ дочка... нечего сказать... Мое почтеніе.

Безъ словъ вышла она изъ уборной перваго сюжета и не знала, какъ ей поскорѣе попасть на воздухъ. Если бы Маруся поймала ее, навѣрно вышла бы сцена. Да и въ самомъ дѣлѣ, чего она добилась?..

Приниженію сѣла она на ту же скамейку, гдѣ ожидала Марусю до спектакля.

Давно уже стемнѣло. Изъ нѣсколькихъ лампъ лился электрическій свѣтъ, и за его предѣломъ темнота выступала рѣзче. Съ эстрады слышалось хоровое пѣніе съ бубномъ. Густая толпа стояла спинами къ театру. Вдоль круга двигались пары и заходили въ сторону, къ темнѣющей площадкѣ гимнастовъ. Пары дѣлались все чаще. За столами, гдѣ свѣчи мелькали желтыми языками въ шандалахъ со стеклами, фли и пили; шумный разговоръ прорѣзывалъ то и дѣло женскій смѣхъ.

На все это глядѣла Марья Трофимовна, и ей казалось, что сюда она попала за тѣмъ, чтобы узнать, наконецъ:— какъ жизнь идетъ для тѣхъ, кто не знаетъ ея разныхъ сентиментальныхъ глупостей. Что-то совѣмъ новое, торжествующее, безпощадное, тупое въ своемъ безстыдствѣ обступало ее. И то, что пѣлось въ театрѣ, и здѣсь въ саду — блуждающія пары и повсюдный смотръ и выборъ женщинъ, — и такъ это просто, безъ всякаго покрова и стѣсненія. Гдѣ же тутъ совѣсть ея, съ чувствами... старой дѣвы, наивной и смѣшной, беспильной и жалкой?..

Да, Маруся ея давно уже была предназначена для такой именно жизни, вотъ для такого сада, для перехода отъ одного мужчины къ другому. Какъ же она не догадалась объ этомъ? А еще захотѣла спасать, направлять!..

Вонъ идетъ пара... завертываетъ налѣво, за купу деревьевъ, по узкой дорожкѣ. Свѣтъ только проводилъ ихъ

въ тѣнь и не пошелъ дальше. Она смотритъ на эту пару какъ будто съ намѣреніемъ, съ любопытствомъ. Мужчина—сухой, длинный, въ высокой шляпѣ и короткомъ пиджакѣ, почти курткѣ, и панталоны на немъ свѣтлыя. Его Марья Трофимовна видѣла. Онъ остановился. Женщина повернулась къ нему лицомъ и что-то говоритъ, горячо, машетъ зонтикомъ... Онъ все пытается къ свѣту.

Да это Маруся! А длинноногій ея кавалеръ, навѣрно, тотъ, съ которымъ она теперь „путається“.

Мысленно Евсеѣва выговорила это слово.

Вотъ они вышли и въ яркій свѣтъ. Ея зеленое пальто стало желтымъ. Лицо—и на такомъ разстояніи—бѣлое, а ротъ точно провалился: отъ яркой краски совсѣмъ черный.

Онъ уже не держитъ ее подъ руку; ему, видимо, хочется уйти. Она продолжаетъ говорить такъ же горячо, не пускаетъ его или дѣлаетъ упреки. Длинноногій все-таки идетъ къ одному изъ столовъ. И она за нимъ. За этимъ столомъ видна шляпка и двое мужчинъ.

Присѣли оба. Она сейчасъ же встала. Ее угощаютъ. Она наклонилась: вѣроятно, выпила стаканъ, но оставаться не хочетъ, еще что-то говоритъ на ухо ему и съ рѣзкимъ жестомъ отходить отъ стола, идетъ къ театру.

„Завтра уѣду!“ — вскрикнула про себя Марья Трофимовна и вся выпрямилась на скамейкѣ.

Куда уѣдетъ? Въ Петербургъ? Но вѣдь она всѣ свои пожитки продала. Квартиру сдала. На что же она станетъ обзаводиться? У нея ужъ не будетъ и половины денегъ, когда она вернется. Да и какъ же это можно этакимъ манеромъ? Сейчасъ—малодушіе, жалкое безсиліе, бѣгство. Это гадко, бездушно... Развѣ такъ любить! Теперь-то и нужно дѣйствовать. Нельзя ее бросить. Она ухватится за несчастную дѣвочку, ляжетъ поперекъ дороги къ той пропасти, куда ее толкаетъ вотъ вся эта жизнь.

Маруся пошла къ театру сначала порывисто... Остановилась. Ее тянетъ туда, къ столу, гдѣ онъ... Секунды три-четыре была въ нерѣшительности, повернула опять къ театру...

Значитъ, есть же въ ней достоинство, хочетъ выдержать характеръ.

„Неужели онъ... шантажистъ?“

Марья Трофимовна прибавила:

„Изъ стихтъ... изъ влетовъ?“

Да кто бы онъ ни былъ — надо ей узнать его. Она ничего не испугается, — хоть злодѣй, хоть бѣглый! Тѣмъ паче!..

Маруся идетъ скорѣе, голову опустила; видно, что кусаетъ губы; правая рука бьетъ зонтикомъ по бедру, — сердится. Что жъ, это хорошо! Теперь-то и надо ковать желѣзо!..

Идетъ она за кулисы и никого уже не замѣчаетъ; электрическій свѣтъ слѣпить каждому глаза.

— Маруся! — остановила ее на ходу Марья Трофимовна такимъ же почти звукомъ, какъ и въ первый разъ.

— Что это, какъ вы меня испугали! — отеликнулась Маруся.

Она дѣйствительно вся вздрогнула отъ оклика.

— Присядь, — спокойно выговорила Марья Трофимовна. — Нагулялась.

— А вы что же не въ театрѣ? Что это, мамаша!.. Вы и здѣсь за мной надзоръ устроить хотите? Такъ вы это напрасно...

— Полно...

— Да ужъ нечего! Зачѣмъ вы тутъ на скамейкѣ сѣли?

Ея раздраженный, почти грубый тонъ уже не дѣйствовалъ на Евсѣеву. Что-то дальше будетъ.

— Если вы пріѣхали со мной повидаться, такъ, пожалуйста, не извольте слѣдить за мной! И безъ васъ тошно!..

Послѣднее слово вырвалось уже отъ сердца, но съ горечью обиды и... кажется, ревности.

— Присядь, — такъ же невозмутимо выговорила Марья Трофимовна.

— Есть ли что гаже на свѣтѣ мужчинъ! — вскрикнула Маруся и сѣла на скамейку. — Одинъ безстыжѣе другого!

„Вотъ это хорошо!“ — подумала Евсѣева.

— Вы сейчасъ видѣли, что я тутъ съ однимъ человѣкомъ ходила. Я не скрываюсь... Чего мнѣ?.. Талантъ у него... комикъ. Вы не думайте, что это такъ чумичка какая-нибудь, или на велосипедѣ по кругу ѣздить... Простакъ!

— Простой души? — спросила Марья Трофимовна, забывъ, что это — театральнй терминъ.

— Ахъ, что вы!.. Простакъ — молодой комикъ значить. И голосокъ милый. А ужъ насчетъ мимики — ни у одного у насъ нѣтъ и капельки его игры.

„Онъ, онъ!.. Шантажисты!“ — рѣшила Марья Трофимовна.

— И вотъ извольте... Какая-то... — Маруся употребила ругательное слово, но выговорила его глухо. — Ободранная кошка... бѣлила сыплются, точно штукатурка. Только извольте чувствовать — примадонной себя величаетъ!.. Ангажементъ въ Саратовѣ... Въ какомъ-то вокзалѣ будетъ пѣть.

Она задыхалась. Ее вдругъ всю подернуло. Оттуда, отъ стола, послышался смѣхъ.

— Ишь ржутъ! — вырвалось у нея... — Ну, хорошо же!

Въ этомъ возгласѣ и въ жестѣ еще проявилась дѣвочка.

— Не ходи, — тихо подсказала Евсѣева.

— Я пойду туда! — гнѣвная и вся красная — пудра давно опала съ ея щеки — крикнула она. — Я пойду? Да Алешка у меня ноги лижи, — я и тогда...

Голосъ ея все поднимался... Глаза такъ и выдались... Марья Трофимовна стало за нее страшно. Она взяла Марусю за руку и шепнула ей:

— Уйдемъ отсюда... Ко мнѣ... Брось ихъ!

— Къ вамъ?.. Пойдемъ! Мамаша, я къ вамъ — ночевать?.. Можно?

— Еще бы!

Марья Трофимовна чуть не захлебнулась отъ радости. Къ ней!.. Лягутъ въ одну постель... или она себя на полу постелеть, а Марусю на кровать, какъ бывало въ Петербургѣ. Тутъ только она вспомнила и про то, что съ утра не ѣла. Вотъ онѣ поѣдятъ вмѣстѣ. Поди, и Маруся голодна.

— Мы поужинаемъ, — также шопотомъ сказала она ей на ухо. — Хочешь?

— Кутнемъ! — со смѣхомъ подхватила Маруся.

— Только не здѣсь, — сказала торопливо Марья Трофимовна.

— Провались онѣ совсѣмъ, съ своей проклятой лавочкой!..

Маруся встала, окинула гнѣвнымъ взглядомъ весь садъ, и театръ, и кругъ со столами.

Поднялась и Марья Трофимовна. Ей казалось, въ ту минуту, что въ дѣтенышѣ ея произошелъ нравственный переворотъ, что-то такое въ родѣ наитія свыше, — ударъ, который человѣческую душу очищаетъ въ одно мгновеніе.

Она взяла опять Марусю за руку и держала ее крѣпко-крѣпко.

— Идемъ, Манечка, идемъ!.. — сказала она, вся радостная.

А Марусю все еще тянуло туда, къ столу, гдѣ долгоногій ея „простакъ“ чокался съ примадонной и двумя бородатыми господами въ мафферланахъ.

— Придешь,—точно про себя говорила Маруся,—придешь, знай, какъ щенокъ ползать будешь. Пожалуйста, голубчикъ, разлетись... и за извозчика заплатитъ нечѣмъ будетъ. А тебѣ—шлепъ по носу... Поцѣлуй пробой да и ступай домой!

Все это слушала Марья Трофимовна, но плохо разумѣла смыслъ выходки. Она не соображала уже: значить, это возлюбленный Маруси? Значить, онъ къ ней прѣзжаетъ по ночамъ, въ ея номеръ?

Ни на чемъ этомъ уже не могла остановиться голова ея. Одно она знала, одно ее проникало:

„Вотъ сейчасъ возьму Марусю, посажу на пролетку и мигомъ очутимся мы у меня на Срѣтенкѣ, и я ее не выпущу, я спасу ее!“

— Идемъ, идемъ,—повторяла она и даже потянула Марусю за собой.

— Куда вы... мамаша, да погодите... Я должна въ уборную. Забыла тамъ вчера ботинки и новый корсетъ. Еще четыре денька,—и ноги моей не будетъ въ этой чертовой переноскѣ!

Какъ бы она не скрылась изъ-за кулисъ, другимъ ходомъ! Пять минутъ жданья показались Марьѣ Трофимовнѣ тяжелыми. Она уже собралась было кинуться за кулисы, но Маруся вышла съ узелкомъ въ рукахъ.

— Не хочу я мимо этихъ животныхъ проходить,—выговорила она злобно.—Возьмете сюда, вправо. Кругомъ обойдемъ.

Она бросила послѣдній гнѣвный взглядъ въ сторону стола, гдѣ выше другихъ торчала цилиндрическая шляпа ея друга.

Не помнила себя Марья Трофимовна отъ почти безумной радости, когда проходила съ Марусей по дорожкамъ, гдѣ имъ попадались одиноко бродившія женщины. Вотъ и кругъ передъ выходомъ. Неужели въ самомъ дѣлѣ она увозитъ свою Марусю къ себѣ подъ крылышко изъ этого вертепа?

— Прощайте!—крикнула Маруся какому-то служащему у контроля.—На будущей недѣлѣ избавлю васъ отъ своего лицеизрѣнія.

— Что такъ?—спросилъ ее молодой мужской голосъ.

Этотъ разговоръ дошелъ до ушей Марьи Трофимовны точно издалека.

— Воиъ изъ Москвы!.. Ангажементъ!..

— Что вы!..

— Чего вы удивляетесь? Неужели, думаете, на сорока-то рублѣхъ пріятно каждый день горю драть? Прощенья просимъ...

Грубость словъ и выраженій уже не дѣйствовали на Марью Трофимовну. Она опять схватила руку Маруси. На подѣздѣ подвернулся все тотъ же усачъ. Онъ хотѣлъ крикнуть извозчика.

— Самы найдемъ,—отрѣзала Маруся.—Ты, пьянчуга, только ханать на водки гораздъ.

Онъ спустился по переулку. Извозчики приставали къ нимъ. Маруся только все повторяла рѣзко и криливо:

— Срѣтенка, четвертакъ!

Нашелся, наконецъ, охотникъ.

Въ пролеткѣ Марья Трофимовна почти истерически обняла Марусю.

XVI.

Чистые-Пруды уже въ густой зелени. Прошла недѣля теплой, почти жаркой погоды, съ той ночи, когда пролетка весело катила съ Божедомки въ номера на Срѣтенку.

Въ сумерки двигалась Евсеѣва по правой аллеѣ вдоль пруда, еще не покрытаго зеленой плѣсенью... Гуляющихъ побыло; дѣтей увели; но молодежь—гимназисты, подростки-дѣвушки, воспитанники въ военныхъ шинеляхъ—попадались по-трое, по-четверо.

Куда шла она? Марья Трофимовна сама не знала. Впервые у нея было чувство, когда васъ выгнать на улицу.

Да, у нея нѣтъ квартиры, нѣтъ пожитковъ, а денегъ всего полтинникъ, вотъ—въ карманѣ пальто. Хорошо еще, что отпустили въ пальто: могли и его задержать.

Опять, все равно, что въ Петербургѣ, когда Маруся скрутила свой отѣздъ въ Москву,—совершенно такъ же все случилось быстро, незамѣтно, безъ всякаго участія

воли... Ей только было жаль, она только любила свою дѣвочку; она только довѣряла.

И что же вышло?.. Приласкалась къ ней Маруся, у нея въ номерахъ. Пробыла съ ней два дня; вмѣстѣ гуляли, ѣздили въ Сокольники, дѣлали планы, какъ онѣ заживутъ въ Москвѣ зимой. Маруся получила ангажементъ—такъ она увѣряла—въ Рыбинскѣ, играть въ водевиляхъ и въ одноактныхъ опереткахъ. Призналась она еще разъ, что „приняла участіе“ въ талантливомъ „простаки“, томъ самомъ, что гулялъ съ ней въ саду, въ высокой шляпѣ. Она побурлила недолго. Ревность ея улеглась, какъ только она съѣздила къ себѣ. Они помирились.

Надо было признать фактъ: у Маруси была связь и, вѣроятно, не первая. Марья Трофимовна уже не заикалась ни о чемъ, только все твердила:

— Манечка, хорошій ли онъ человѣкъ?

А Маруся повторяла:

— Когда захочу, тогда и выйду за него. Онъ въ ногахъ валяется—я не хочу!.. Надъ нами не каплетъ.

Что же: въ актерскомъ быту—не такъ, какъ на міру: надо признать нравы, какъ они есть. И Марья Трофимовна, точно дѣвочка, выслушивала отъ опытной молодой женщины, что разсчитывать все на партію—когда въ актрисы пошла—да „соблюдать себя“—чистая „утопія“. Это слово „утопія“ Маруся произносила особенно презрительно. Когда-нибудь попадетъ она въ „звѣзды“, прогремитъ сначала въ провинціи, а потомъ здѣсь или въ петербургской „Аркадіи“... Тогда и партію сдѣлаешь... Примѣры бывали—и не одинъ...

Въ два дня жизни по душѣ съ Марусей Марья Трофимовна такъ себя не помнила отъ радости, что ей ея дѣвочка казалась и доброй, и откровенной, и желающей учиться, добиваться своей цѣли. Она почти негодовала на перваго сюжета: онъ оклеветать ее нарочно, чтобы только свалить съ себя вину. Съ трудомъ удерживалась она не пересказать Марусѣ разговора съ нимъ... Но о немъ сама Маруся ничего не упоминала: точно будто она съ нимъ никогда и знакома не была. Это тоже очень трогало Марью Трофимовну.

„Благородно! — повторяла она про себя. — Зла не помнить“.

На третій день Маруся прибѣжала—лица на ней нѣтъ.

Истерика. Страшно напугала. Дѣло... Подозрѣніе падаетъ на ея возлюбленнаго... Надо сейчасъ хоть сорокъ рублей. Иначе все погибло...

Ни одной секунды не возражала она—дала эти деньги; осталась сама съ нѣсколькими рублями. Исчезла Маруся на цѣлыя сутки... Потомъ опять прибѣжала. Подошло первое число—надо ѣхать въ Рыбинскъ, а „задатокъ“, выданный ей, ея „простака“ давно прожилъ. Выѣхать не съ чѣмъ, и заказывать платье нельзя: не „голою же“ играть, какъ она говорила въ отчаяніи, со слезами, поднимая кулаки, точно всѣ виноваты въ ея „незадачѣ“.

Послѣдніе рубли отдала Марья Трофимовна. Какъ же не отдать?.. Гдѣ же возьметъ Маруся? А лучше, какъ тамъ, въ Рыбинскѣ, пропустить срокъ, и ступай пѣшкомъ, или... торгуй собою... Разъ Маруся и кривнула:

— Разумѣется, въ камеліи пойдешь!..

Все уладилось. Можно ѣхать. Маруся, накануне отъѣзда, была нѣжна, клала все ей голову на плечо, ласкалась, какъ никогда.

— Мамаша,—сказала она вдругъ,—что же вамъ оставаться здѣсь? Поѣдьте съ нами, а пока переѣзжайте ко мнѣ... и вещи наши перевезите.

Она такъ и сдѣлала: переѣхала къ Марусѣ и мечтала ѣхать съ ней на Волгу. Чего ей надо? Ну, она будетъ у нихъ экономкой, и бѣлье выстираетъ; можетъ, практика какая выпадетъ: городъ богатый, купеческій... Да и что она останется одна въ Москвѣ? На что будетъ жить? Съ чѣмъ вернется въ Питеръ?

Ее и трогало, и веселило это предложеніе Маруси... Значитъ, сердце есть, хочетъ хоть чѣмъ-нибудь отплатить за все, что въ нее вложено... Да и не пужно ничего, кромѣ любви и ласки...

Переѣхала. У Маруси были двѣ комнатки. Въ одной она и размѣстилась. На другой день Маруся—„простака“ своего она ей не показывала—говорить ей:

— Свой багажъ я уже отправила съ товарнымъ поѣздомъ.

Просыпается Марья Трофимовна на третій день. Что-то тихо рядомъ.

Маруся уѣхала тайкомъ; оставила записку:

„Мамаша, простите. Онъ не согласился взять васъ—говорить, намъ надо будетъ переѣзжать все лѣто. Это стѣснить. До свиданія зимой“.

И только.

Марья Трофимовна вступило въ голову. Она была больше сутокъ въ оцѣпенѣніи. Но этимъ не кончилось. Хозяинъ, когда она захотѣла съѣхать и взять гдѣ-нибудь уголь,—у нея не было и рубля въ карманѣ,—задержалъ ее вещи. Онъ объявилъ ей, что потому только и отпустилъ госпожу Славскую,—она ему была должна за мѣсяцъ,—что та представила ему свою „мамашу“, какъ поручительницу, которая и займетъ ее помѣщеніе, и заплатитъ за нее.

Все это было сдѣлано за ее спиной; она, какъ малолѣтняя, ни о чемъ не догадывалась... Черезъ нѣсколько часовъ она очутилась на улицѣ... Идти жаловаться? Куда? Оставаться въ квартирѣ? Еще больше должать? ѣхать въ Рыбинскъ? На что? Да и кто же знаетъ: туда ли поѣхала Маруся? А можетъ, въ Нижній, въ Саратовъ, въ Одессу?

Когда первое ошеломленіе прошло, Марьей Трофимовной овладѣла горечь, злость настоящая, такая, что у нея на языкѣ явилось ощущеніе желчи. Она вся потемнѣла... Нельзя хуже обойтись, какъ обошлась съ ней жизнь... Вотъ она нищая, на улицѣ, обманута своимъ дѣтищемъ, въ своихъ собственныхъ глазахъ; одурочена, ограблена до послѣдней почти копейки, до послѣдней нитки, кромѣ того, что у нея на плечахъ.

Она такъ и сказала хозяину:

— Извольте, берите мой багажъ, удерживайте. Мнѣ платить нечѣмъ...

И ушла. Ее сначала хотѣли задержать; но хозяинъ одумался. Ему выгоднѣе было удовольствоваться ее пожитками. А начнешь дѣло—еще, пожалуй, все ей присудятъ. Она могла кипуться въ участокъ. Всякая охота, всякая энергія рухнула. Только одна неизмѣримая горечь затопляла ее душу.

Голодная, не замѣчая своего голода, двигалась она по бульварамъ—улица точно пугала ее—снизу вверхъ. Въ сумеркахъ попала она на Чистые-Пруды.

Опредѣленнаго вопроса: гдѣ она будетъ почевать? что же теперь дѣлать ей, одной, во всей Москвѣ?—она не задала себѣ. Ей было буквально „все равно“. Оборвалась кака-то нить. Любовь эта, куда она все положила, слишкомъ ее оскорбила, подсиѣла, обездолила. И то, что ей, впервые, пришло тамъ, въ Туникѣ, въ садикѣ, подъ гру-

шевымъ деревомъ, теперь встало передъ ней, какъ настоящая правда жизни.

„Да, все такъ, безъ цѣли, безъ добра и награды вертится на свѣтѣ... Ни правды, ни любви не нужно, и чѣмъ нелѣпѣе, глупѣе, безобразнѣе падаютъ карты въ этомъ ужасномъ гранпасянскѣ, тѣмъ это вѣрнѣе дѣйствительности“...

Вотъ что выходило изъ отрывочныхъ мыслей, которыя, отъ времени до времени, встряхивали ея тяжесть, окаменѣлость всего ея существа.

Холодно ей стало, на особый ладъ, бездушно холодно. Люди по бульварамъ, дѣти, въ особенности барыни, студенты, военные, рабочіе съ котомками—плотники и каменщики, — всѣ ей сонскѣмъ сторонніе... Люди же... не стоятъ ни слезы, ни вздоха, ни куска хлѣба... Помогай, не помогай—все будетъ вертѣться то же колесо... Все такъ же зря...

Прежде, бывало, каждому нищему она хоть копеечку да подастъ. Знала она отлично, сколько между ними пьяницъ, обманщиковъ, воровъ, закоренѣлыхъ бродягъ, а все-таки подавала, не могла не подать...

Сегодня, нужды нѣтъ, что у нея осталось два двугривенныхъ и мѣдью сколько-то — будь у нея и нѣсколько красненькихъ—она ничего бы никому не подала. По дорогѣ сколько нищихъ останавливали ее; она и не знала, что ихъ столько въ Москвѣ... Всѣ они ей были чужды, даже противны; она сторонилась, завидя подозрительную фигуру...

Ну, и она нищая. А не протянетъ руки. Умереть на улицѣ, а не протянетъ: такъ ей, по крайней мѣрѣ, тогда казалось. Зачѣмъ она станетъ поддерживать жизнь нищаго, даже если онъ и не обманщикъ?.. Чѣмъ больше ихъ умереть, тѣмъ лучше... Право!..

Ноги начали подкашиваться: она сѣла на скамью, въ самомъ загибѣ пруда, туда, къ Покровкѣ...

Голодъ только тутъ далъ ей себя почувствовать. Откуда-то сзади, точно нарочно, запахло калачами и теплымъ чернымъ хлѣбомъ. Что же, она купить себѣ сайку, яйцо, всего на пятакъ. О полегѣ она почему-то усиленно избѣгала думать.

— Позвольте васъ побеспокоить, сударыня... Благородный человѣкъ... Не откажите...

Она еще не поднимала головы, но уже знала, что это

за звукъ. Глухой офицерскій голосъ... Вишь, зачѣмъ пошелъ!.. Извѣстно: поручикъ просить на бѣдность. Еще удивительно, какъ о ранахъ изъ-подъ Севастополя не приплелъ...

— Сударыня... Вѣрьте слову... униженье...

Злю ее взяло. Она подняла голову и собралась крикнуть ему:

„Проходите!.. Очень мнѣ нужно!..“

Слова замерли.

Офицеръ стоялъ около скамейки, вбокъ, но очень близко. Отставной военный скрутокъ, фуражка съ краснымъ околышемъ, сапоги еще цѣлые, подпирается палкой.

Голосъ, длинный овалъ лица, родимыя пятна около носа, ростъ... Неужели—Амосовъ, Петруша, что былъ юнкеромъ въ гренадерской дивизіи, ея первая любовь, тотъ, что взялъ и первый поцѣлуй, въ садикѣ, подъ грушевымъ деревомъ? Она все это вспомнила, не торопясь, всматривалась въ него, говоря себѣ мысленно:

„Похожъ, только не онъ. Да вѣдь и тотъ—такой же! У меня попросилъ бы милостыни. И этотъ попросить и пропеть. Онъ уже клюкнулъ“.

Слеза не прошибла ее; руки не задрожали; но что-то опять новое,—особенная, другая горечь прилила къ той, теперь уже старой. Надъ могилой, около покойника, такъ, должно-быть, чувствуешь. Плакать? Все уже выплакано. Пьяница и тотъ, побирушка, можетъ, и жуликъ... Что жъ мудренаго?

Офицеръ ждалъ съ недоумѣніемъ.

— Смѣю спросить? — окликнулъ онъ и, кажется, смутился.

— Вы вѣдь не Амосовъ, Петръ Данилычъ, со Срѣтенки?

— Никакъ нѣтъ.

Офицеръ, какъ будто, застыдился и, пожавшись, сказалъ:

— Позволите присѣсть?

— Садитесь,—выговорила она съ улыбкой.

— Не осудите—не осудимы будете... Однихъ вознесетъ, другихъ...

— Я и не осуждаю, — перебила она его и поглядѣла на него вбокъ.

— Вы въ достаткѣ... Не откажите...

— Вы у меня просите? — выговорила Марья Трофимовна. — Забавно. А, можетъ, я не богаче васъ... вы почему знаете?

— Простите! Извольте шутить...

Онъ былъ совершенно пришибленъ своимъ нищенствомъ.

Она это поняла, но ей не стало, отъ его сходства съ Петрушей, жалче свою „первую любовь“. И совѣстно ей не было за него.

„Оба мы бродяги“, — подумала она, и захотѣлось ей узнать, есть ли у него квартира.

Тогда она показала бы этому побирушкѣ, что она еще болѣе нищая, чѣмъ онъ, если есть.

— Послушайте, — начала она веселѣе, почти задорно, — у васъ вѣдь навѣрно квартира хоть какая-нибудь имѣется?..

Онъ оглянулся, сдѣлалъ какое-то неуловимое движеніе своей длинной шеей и быстро выговорилъ:

— Никакъ нѣтъ!.. Вамъ я лгать не стану... Прошу понять...

И въ этотъ отвѣтъ онъ вложилъ все достоинство свое: по звуку она повѣрила; она была, въ ту минуту, уже не довѣрчивая, поглупѣвшая мать Маруси, а опытная, бывалая акушерка.

Ей опять захотѣлось выпросить у него, гдѣ же онъ ночуетъ, коли нѣтъ постоянного угла.

— Такъ вы, — продолжала она все еще полшутливо, — какъ птица небесная... гдѣ придется, тамъ и прикурнете?.. Что жъ, теперь тепло... Можно и на вольномъ воздухѣ, всю ночь...

— Не скажите, — возразилъ онъ уже въ болѣе дѣловомъ тонѣ, — на бульварахъ не дають спать всю ночь хожалые; въ паркѣ развѣ... А ночь засвѣжѣетъ. До іюля мѣсяца еще очень свѣжо, иной разъ и въ родѣ морозца.

— Гдѣ же вы ночуете? — уже настойчивѣе спросила она его.

Онъ сдѣлалъ свой неуловимый жестъ шеей.

— Извѣстно гдѣ... На Хитровомъ...

— На Хитровомъ рынкѣ? — вспомнила она.

— Совершенно вѣрно-съ... Есть тамъ и даровое помѣщеніе...

— Ночлежный домъ?

— Да-съ, на иждивеніи двухъ первой гильдіи купцовъ. Въ просторѣчій Ляпинка называется.

Два слова: „иждивеніе“ и „просторѣчіе“ напомнили ей слово извозчика: „ристаніе“.

Она чуть не разсмѣялась.

— Даромъ?..

— Даромъ-съ... И даже сбить... поутру... А почлежниковъ не мало благороднаго званія.. впавшихъ въ несчастіе... вотъ какъ и я... Когда фортуна отвернетъ свое колесо, подпрыгнуть невозможно...

Офицеръ вздохнулъ и всталъ въ просительную позу...

— Теперь еще легко попасть и попозднѣ ежели придти, а зимой, сверхъ комплекта, иной разъ больше согнн прижимають... А опоздалъ, — какъ хочешь, коли нѣтъ питачка.

— А питачокъ за что платять?—спросила быстро Марья Трофимовна.

— За койку... Тамъ вездѣ кругомъ съемщицы... Не изволите знать?.. Извините... для васъ это все низкіе предметы... А вѣрите... если благородный человѣкъ...

Онъ впадалъ опять въ тонъ просящаго офицера.

Тутъ у нея въ груди что-то заиграло, забилося, точно мотылекъ... Горечь стала менѣ острой; но обида всей жизни выступила передъ ней еще безпощаднѣй въ лицѣ этого пьяненькаго побирунки, похожаго на ея первую любовь, на ея жениха, за котораго она приняла дѣвужкой столько срама и слезъ... Въ одинъ день, какое... Провидѣніе добивало ее, учило уму-разуму, казало въ самой близинѣ, въ двухъ шагахъ отъ нея, нищенство, и того хуже... И она можетъ сдѣлаться пьянчужкой... Почему знать?.. Вѣдь говорила же недавно „тетенька“, что ея офицеръ пошелъ въ мать: та испивала, и онъ началъ, когда лѣта пришли...

Сразу всякое чувство стыда, порядочности, достоинства показалось ей такимъ жалкимъ вздоромъ...

„Все равно, все равно...—повторяла она мысленно.—И всѣ равны... во всѣхъ грѣзъ и порокъ, всѣ могутъ быть эжецами, и душегубами, и пьяницами, и ворами, и сумасшедшими...“

А офицеръ все стоялъ въ просительной позѣ.

— ...И сегодня печѣмъ будетъ заплатить за уголь... Хозяйка не пуститъ даромъ... Придется въ Ляпинку... Честный человѣкъ...

„У меня просить!—перевела она себѣ его бормотанье.— А вѣдь я, и вправду, богаче его...“

Марья Трофимовна пащупала въ карманѣ мелочь, и ей точно захотѣлось поразить офицера своей щедростью—раздѣлить съ нимъ что у нея тамъ лежало. Она вынула

то, что захватила двумя пальцами. Это были два двугривенныхъ.

Молча подала она ихъ, встала и почти побѣжала отъ него, не слушая того, какъ онъ ее благодарилъ.

XVII.

Ходила она еще часа два. Фонари давно уже горѣли. Ъзда стала рѣже... Сколько переулковъ, площадокъ, перекрестковъ миновала она. Только около десяти часовъ, когда была она неподалеку отъ земліного вала, всталъ передъ ней вопросъ:

— А гдѣ же ночевать?

И совершенно спокойно, съ тихой усмѣшкой, которую она сама почувствовала на губахъ, Марья Трофимовна отвѣтила: „въ этой... въ Ляиникѣ“. Ей сначала не пришло на умъ то, что было уже поздно; не испугалась она и того, что можетъ тамъ столкнуться съ своимъ знакомымъ, съ пьянчужкой-офицеромъ. Она знала отлично, что онъ лгалъ безстыдно, какъ закоренѣлый пьяница, что ей два двугривенныхъ, послѣдніе, пошли сейчасъ же въ кабакъ или портерную, а ночевать онъ пошелъ въ эту самую Ляинку.

На какомъ-то проѣздѣ, гдѣ прошипѣлъ грузный вагонъ желѣзно-конной дороги, она спросила у городского твердымъ голосомъ:

— Какъ дойти до Хитрова рынка?

Тотъ объяснилъ ей вѣжливо и съ большими подробностями... Ошибиться было трудно. Тамъ помѣщалось при входѣ зданіе части.

— Спуститесь проулкомъ,—пояснилъ городской,—мимо ночлежнаго дома.

— Мимо Ляиники?—подсказала она.

— Такъ точно...

Черезъ двадцать минутъ она дошла до этого самаго переулка. Вонъ и казанча части видѣется. Зданіе тянется въ родѣ тюрьмы или больницы; къ подъѣзду загородки идутъ... Это самое и есть.

По переулку пустъ. Ни единой души около подъѣзда, ни на другомъ, узкомъ и крутомъ тротуарѣ, спускающемся вдоль низкаго каменнаго забора.

„Опоздала“,—подумала Евсеѣва тупо, безъ всякой даже досады.

Она не знала, какъ и гдѣ звонить; да и не отошруть

ей одной. Ни минуты она не стала волноваться. Заперто, такъ заперто. Не все ли равно? Ноги, правда, ноютъ, почти отказываются. Ну, пойдетъ на бульваръ,—ихъ вѣдь много по Москвѣ,—сядетъ на скамейку, заснетъ, навѣрно заснетъ; разбудить „хозяинъ“ (такъ вѣдь называлъ офицеръ),—она на другой бульваръ; оттуда тоже прогонять. Она прямо скажетъ, чтобы ее взяли, свезли въ участокъ, куда хотятъ... Есть такой „комитетъ“, — она знаетъ. Пускай ее запишутъ въ нищіе... Не станетъ она работать, какъ прежде... Зачѣмъ? Для кого?

И ей представилось нахально смѣющееся лицо Маруси, съ красными губами и обнаженными деснами... То-то она со своимъ „простакомъ“, гдѣ-нибудь на пароходѣ или въ бесѣдѣ, на Волгѣ, въ ресторанѣ, потѣшаются надъ старой душой, которую обвели и заставили лѣзть въ петлю за нихъ!.. А офицеръ, пьяный, издѣвается тоже надъ ней и съ прибаутками рассказываетъ сосѣду по ночлежному дому, какая ему встрѣча была сегодня.

— Скупа, бестія! — навѣрно, выругался онъ, — только сорокъ копеекъ отвалила!

Эти образы все ожесточаютъ ее и дѣлаютъ безчувственнѣе къ своему положенію. Она двигается машинально. Сошла внизъ по переулку... Площадь. Слева, гдѣ часть съ каланчой, на засоренной мостовой нѣтъ ничего; правѣе — всякая всячина, оставшаяся отъ денного торгова. Съ трехъ сторонъ, стѣной, въ родѣ ящика, идутъ двухъ-этажные дома, всѣ въ окнахъ. Освѣщеніе вездѣ, кромѣ одного темнаго мѣста. Она разглядѣла ворота и глубину двора, а на дворѣ тоже каменный домъ, весь освѣщенный.

Совсѣмъ не такъ, какъ она думала пайти этотъ „рынокъ“: она ждала чего-то гораздо зловѣщѣе, тѣснѣе, грязнѣе, страшнѣе... Трактиръ, кабакъ, съѣстная лавка, еще трактиръ... Окна растворены; виденъ народъ, рубахи мужчинъ, красные платки бабъ и дѣвочек... гамъ, чаевитіе, водка, пиво, простоволосыя женщины. Она сейчасъ догадалась, — какія: какъ потому смѣются, перекрикиваются съ одного стола на другой... Играетъ органъ...

Обогнула она по тротуарамъ всю почти площадь; нашло на нее неизвѣданное еще озорство; вотъ тутъ же, на рыпкѣ, прилечь у какой-нибудь кучи... Да кажется, копошатся человѣческія фигуры... Она бродяга, нищан. Почему же ей не растянуться прямо на мостовой? Она уже не находила мысль ни безумной, ни унижительной... Какъ

только станетъ потише, она выберетъ мѣстечко... Да она еще богачка; вѣдь на ней пальто. Оно не очень поношено. Тутъ же завтра дадутъ рублей пять.

Марья Трофимовна стала гладить его правой и лѣвой рукой. Сукно еще крѣпкое. Лѣвая рука прошла по карману.

Да никакъ тамъ что-то есть?.. Неужели деньги?.. Она нащупала. Деньги. Осталось у нея два пятака и двѣ копейки—„семишникъ“, какъ называется народъ.

Она имъ не особенно обрадовалась; но все-таки сообразила: переночую въ ночлежномъ домѣ. Эта ночевка представлялась ей хуже, чѣмъ на воздухѣ, тутъ, на клочкѣ стоптанной, грязной соломы или подъ навѣсомъ палатки... Она помнила хорошо, въ какихъ она бывала въ Петербургѣ углахъ, въ какихъ подвалахъ, гдѣ тоже пускаютъ ночевать...

— Что жъ?.. Ей лучше теперь нечего и желать. Она повернула назадъ, къ той сторонѣ площади, гдѣ самый шумный трактиръ и ворота съ темнымъ дворомъ. Почему-то она сообразила, что на дворѣ-то и должны быть ночлежные квартиры.

Она не ошиблась. У воротъ кто-то ей указалъ:

— Идите въ любую дверь,—хоть въ тотъ домъ, хоть сюда, во флигеляхъ. Вездѣ примутъ.

— Плата пять копеекъ?—спросила она безъ всякаго смущенія въ голосъ.

— Обнаковенно.

На дворѣ не такъ темно, какъ казалось ей издали. „Должно-быть,—сообразила она,—посрединѣ-то домъ барскій, даже былъ съ флигелями, а теперь—трущобы. Такъ тому и слѣдуетъ. Такова жизнь“...—добавила она, усмѣхаясь въ полутемнотѣ и вглядываясь въ дорожку, которая вела прямо къ главной двери.

Вошла она въ сѣни. Ее удивило то, что такъ свѣтло. Лѣстница и коридоры,—все это освѣщено ярче, чѣмъ въ иномъ хорошемъ домѣ, керосиномъ. Спускаться не нужно, а, напротивъ, подниматься. И внизу должны быть квартиры, да ее потянуло наверхъ. Ни удушливаго запаха, ни особенной нечистоты. Во многихъ домахъ въ Петербургѣ, да и въ томъ, гдѣ она выжила столько годовъ, задняя лѣстница и весной вдвое грязнѣй и вонючѣе.

Вѣрно она попала въ дворянское отдѣленіе. Запросятъ больше пятака... У нея двѣнадцать копеекъ. Можетъ, и

всѣ двѣнадцать заплатить: а завтра... Что завтра?.. Сказано: нищамъ и бродягамъ.

Въ коридорѣ нѣсколько дверей. Она дернула за первую налѣво и попала въ высокое помѣщеніе, гдѣ было такъ же свѣтло, какъ и на лѣстницѣ, жарко, полно народа,—мужчинъ и женщинъ, довольно шумно, и стоялъ уже особый запахъ.

Направо отъ входа, въ отгороженной каморкѣ, съ высокою кроватью и множествомъ подушекъ, съ кіотомъ и двумя зажженными лампадками, жила съемщица, не старая еще баба, въ ситцевомъ капотѣ, повязанная платкомъ. Она встрѣтила Марью Трофимовну привѣтливо, только лицо у нея было красное, въ пятнахъ, и нечистый ротъ, который она все складывала въ комочекъ.

— Вамъ съ постелькой?—спросила она низкимъ голосомъ.

— А цѣна?

— Гривенничекъ, матушка... Пожалуйте... Вонъ тамъ, въ углу, и занавѣсочка есть.

Вслѣдъ за хозяйкой она прошла чрезъ все помѣщеніе. По всѣмъ стѣнамъ нѣры шли въ два этажа. Лампа висѣла посрединѣ потолка, надъ столомъ. Вокругъ него, на скамьяхъ, сидѣло человѣкъ шесть, семь; двое, въ рубашкахъ, смахивали на рабочихъ; остальные—въ рваномъ городскомъ платьѣ; двое—совсѣмъ еще мальчишки. Они играли въ какую-то азартную игру. На столѣ штофъ уже подходилъ къ концу и валялись обѣдки чего-то съѣстного.

Играющіе покосились на вошедшую „барыню“, но играть не перестали и громко спорили, кидали бранныя слова; поднимались и взрывы смѣха.

По нѣрамъ, и вверху, и внизу, должно, не всѣ еще спали... Цѣны мужики разувались... Бродяги и нищіе лежали въ платьѣ; по ихъ было не много. Больше рабочіе, крестьяне. И запахъ стоялъ мужицкій, знакомый Марьѣ Трофимовнѣ по петербургскимъ угламъ. Бабы спали тоже въ платьяхъ... Спали и парами, за занавѣсками, и просто такъ. Парами лежали и въ нижнихъ нѣрахъ, прямо на полу, безъ всякой подстилки.

Съемщица разсчитывала, что барыня спроситъ чего-нибудь, чайку или бутылку пива, и устраивала ее съ отѣнкомъ почтительнаго обхожденія. Она ей отдала уголокъ за запавѣской и принесла подушку. Черезъ окно

стояла и настоящая постель съ двумя большими ситцевыми подушками и стеганымъ розовымъ одѣяломъ.

— Это помѣсячно нанимаетъ,—поиспала хозяйка,—старичокъ приказнаго званія... Все у него свое... Придетъ попозднѣе... Безпокойства отъ него не будетъ...

Не только не дѣлалось Марьѣ Трофимовнѣ жутко, или совѣстно, или боязно, но она досадовала на себя: зачѣмъ пришла почевать въ такое помѣщеніе, гдѣ не одни бродяги и побирušки, а и старики со своими постелями. Не того она ждала. Ей точно надо было пройти въ этотъ же вечеръ, въ эту же ночь, черезъ всѣ виды униженія, обмана, издѣвательства, „великой глупости“, которую называютъ человѣческой жизнью.

— Ничего не требуется? — съ удареніемъ спросила съемщица.

Она поблагодарила ее и задернула занавѣску. Раздѣваясь она не сразу стала. Что-то удерживало: старое, дѣвичье, опрятное и стыдливое... Но она и это нашла нелѣпнымъ и раздѣлась; пальто и платье положила подъ подушку, ботинокъ не сняла. Она не боялась, что ее ограбятъ ночью, украдутъ и пальто, и платье. Паспорта у нея не было,—хозяинъ меблированныхъ комнатъ оставилъ у себя. Приди полиція,—она въ полной формѣ бродяга, не имѣющая вида... Одно уже къ одному!..

За столомъ продолжали играть. Потребовали было еще полшштофъ. Къ играющимъ подсѣла женщина въ красномъ сарафанѣ, изъ такихъ, что Марья Трофимовна видѣла въ окна трактира... Она запѣла какіе-то куплеты,—не пѣсню, а куплеты со срамными словами... Кажется, съемщица пристыдила ее... Направо отъ угла Марья Трофимовна раздавался уже храпъ... Подъ нею тоже возлились... Пыльный мужской голосъ и бабій, визгливый, хныкающий... Дерутся!..

— Пошла, шкура! — крикнулъ мужчина, и изъ-подъ пары на полъ выскочила и растянулась на полу нищенка, простоволосая, все въ боличкахъ, босая, ужасная!..

Но Марья Трофимовна глядѣла на нее, не ежилась, не содрогалась. Вѣдь это теперь ея товарищи... Почему же она знаетъ, что „жизнь“ не доведетъ и ее до того же самаго?

— Варваръ!..—хныкала нищенка.—Мало тебѣ, Проду, двухъ сорокоушекъ... Прорва бездонная!..

Нанскосокъ лежалъ молодой малый, мастеровой. Его

лицо, худое и насмѣшливое, было видно изъ угла Марьи Трофимовны.

— Что котъ-то?.. Не свой братъ, тетенька!..—крикнулъ онъ нищенкѣ.

И обернулся къ сосѣду, рабочему-мужику, съ разговоромъ. Слова его долетали до нея очень явственно сквозь шумъ играющихъ за столомъ. Женщина въ красномъ сарафанѣ начала опять напѣвать.

Черезъ десять минутъ Марья Трофимовна уже знала, чтѣ такое „коты“ на языкѣ Хитрова рынка. Нищенка, что лежала подъ нею, содержала своего „душеньку“. Онъ цѣлый день лежалъ на койкѣ или сидѣлъ въ трактирѣ, а она на него работала. „И такихъ *котовъ*, должно-быть, сотни въ ночлежныхъ домахъ, здѣсь, на Хитровомъ?“—спрашивала она себя, и это открытіе какъ нельзя больше подходило подѣ то, что ей дала жизнь. „Любовь!.. А въ самомъ-то концѣ этого вѣчнаго обмана—„котъ“ съ Хитрова рынка, живущій насчетъ нищенки... И нищенка его обожаетъ... Онъ же ее топчетъ ногами, зная, что она приползетъ и добудетъ денегъ, и принесетъ ему сорокоушку! И такъ будетъ всегда, тысячи лѣтъ!..“

Она чуть-чуть не раскохоталась.

Вдругъ все притихло въ ночлежномъ помѣщеніи. Кто-то изъ двери шепнулъ какихъ-то два слова хозяйкѣ. Она выбѣжала изъ своей каморки и бросилась къ столу... Сейчасъ же исчезли карты и водка. Женщина въ красномъ куда-то точно провалилась подѣ нѣру. Изъ игравшихъ остались, однако, трое вокругъ стола въ непринужденныхъ, навичныхъ позахъ; остальные полѣзли на свои мѣста.

— Неужели облава?—шепнулъ кто-то около Евсеѣвой.

Нищенка уже безъ спроса полѣзла къ своему коту.

Всѣ замолкли разомъ. Съемщица остановилась въ дверяхъ своей каморки и ничего не говорила. Въ коридорѣ слышались шаги.

„Полиція!“—почти радостно подумала Евсеѣва.

XVIII.

Ей были видны изъ-за занавѣски вся середина комнатъ и входная дверь, приходившаяся въ дальнемъ углу комнаты. Она даже привстала, взяла пальто изъ-подѣ подушки и приодѣлась имъ.

А вдругъ какъ въ самомъ дѣлѣ станутъ осматривать

паспорты? Она раздѣта... Такъ, при всѣхъ, при городо-
вомъ и приставѣ... И заставить идти ночевать въ часть...

Но она не схватилась за платье; только надѣла въ ру-
кава пальто и прилегла въ полусидячей позѣ...

Большой оторопи не произошло среди ночлежниковъ.
Безпаспортныхъ было мало; она, когда входила, видѣла,
что больше все мужики, настоящіе, деревенскіе...

Но испугались всѣ одного появленія полиціи. Молча-
ніе, хотъ и длилось не больше минуты, показалось и ей
томительнымъ.

Дверь толкнули изъ коридора съ усиленіемъ. И она, когда
входила, не сразу ее отворила.

Всѣ у стола поднялись. И многіе привстали на кой-
кахъ. Но одна баба, деревенская, въ темномъ сарафанѣ,
пробиравшаяся спать подъ верхнюю нару, прямо противъ
входа, такъ испугалась, что осталась на полу, на кор-
точкахъ. Платокъ сбился у нея съ головы. Вся она сжа-
лась въ комокъ и даже голову уткнула въ колѣни. Глядя
на нее, Марья Трофимовна чуть опять громко не расхо-
хоталась.

Она ждала свѣтлыхъ пуговицъ и фуражки съ кокардой.

Но первымъ вошелъ штатскій, среднихъ лѣтъ мужчина,
въ длинномъ пальто, въ ринсе-пез, съ темной бородкой и
въ мягкой поярковой шляпѣ. За нимъ, почти рядомъ,
другой, уже пожилой, съ большой сѣдой бородой, тол-
стый, въ очкахъ, подпирался сучковатой палкой.

„Сыщики“,—мелькнуло у нея въ головѣ, какъ навѣрно
и у всѣхъ ночлежниковъ, бывалыхъ, не-деревенскихъ.

За двумя штатскими влетѣлъ и заюлилъ передъ ними,
какъ бы показывая имъ путь, шустрый, вертлявый око-
лоточный, по всѣмъ признакамъ, изъ еврейчиковъ, съ
усиками на красивенькомъ лицѣ и тоже въ очкахъ. Онъ
уже что-то такое имъ заговорилъ, въ видѣ поясненія.

Переступилъ за порогъ и приставъ, въ шинели и фу-
ражкѣ. Изъ-подъ шинели виденъ былъ скрутокъ, а не
мундиръ. Приставъ выступалъ медленно, не смотрѣлъ
хмуро, а скорѣе улыбался, и его сѣдые, широкіе, казац-
кіе усы совсѣмъ не придавали ему строгости. Широкая,
нѣсколько уже тучная фигура горбилась. Такія лица
Марья Трофимовна видала у старыхъ малороссовъ. За
нимъ, съ портфелемъ, вошелъ худой, франтоватый „по-
ручникъ“ (такъ въ ея дѣтствѣ звали въ Москвѣ кварта-
льныхъ) съ длинными бакенбардами.

Первое, что увидалъ приставъ, была, разумѣется, баба на полу. Она наполовину успѣла уже залѣзть въ свою мурью.

— Эй, тетка! — окликнулъ ее приставъ. — Ты въ почевку туда?

Онъ говорилъ съ какимъ-то не-великорусскимъ акцентомъ.

— Въ почевку, кормилецъ, — отвѣтила она и такъ забавно поглядѣла на него, что свита пристава разсмѣялась.

— Матушка, — обратился приставъ къ съемщицѣ, довольно мягко, въ правоучительномъ тонѣ, — подъ нары пускать ночевать не дозволяется, по правиламъ...

— Слушаю, ваше высокоблагородіе, — выговорила хозяйка и отретировалась къ своей каморкѣ.

„Вотъ сейчасъ начнутъ“, — подумала Евсеѣва.

Но ни приставъ, ни его помощники, ни околоточный ничего такого не начинали, что похоже бы было на обыскъ или на осмотръ паспортовъ. Даже дверь осталась полутворенной, и въ коридоръ не видно было ни одной темной фигуры городского.

— На сколько мѣсть? — тихо спросилъ одинъ изъ штатскихъ, помоложе, обратившись больше въ сторону еврейчика.

— На сколько? — переспросилъ приставъ.

Хозяйка подалась впередъ.

— На сорокъ, — отвѣтилъ за нее околоточный.

Другой штатскій, съдой, отошелъ и оглядывалъ нары.

„Нѣтъ, это не сыщики, — рѣшила Евсеѣва: — врядъ ли будутъ допрашивать“.

Ей это было непріятно. Она желала чего-нибудь сильнаго, рѣшительнаго, почевки въ части или и того хуже...

„Кто же они?“ — спросила она себя про штатскихъ.

И ей почти тотчасъ же пришелъ отвѣтъ:

„Это — газетчики, репортеры“.

Она постоянно читала въ Петербургѣ дешевыя газеты, знала, что пынче, по доброй волѣ, сотрудники обходятъ разныя трущобы, и одни, и съ полиціей.

Когда она это сообразила, вся компанія собралась уже въ обратный путь. Прошло врядъ ли больше трехъ-четырехъ минутъ.

— Смотри же, матушка, — подтвердилъ хозяйкѣ приставъ, — внизь не пускать!.. Штрафъ взыщу!..

Околоточный что-то такое ему доложилъ, сбоку, шопотомъ.

— Угодно во флигель? — спросилъ штатскихъ приставъ. — Тамъ будетъ погрязнѣ; а здѣсь... изволите видѣть... еще сносно...

Съдой господинъ оглядѣлъ еще все помѣщеніе, вскинулъ глазами и на потолокъ, пожевалъ губами и замѣтилъ:

— Сравнительно... очень сносно... Такіе ли бываютъ углы!

Евсѣева, со своей койки, молча съ нимъ согласилась.

Тонъ съдого окончательно убѣдилъ ее въ томъ, что это сторонніе посѣтители, изучающіе московскую жизнь.

Когда она объ этомъ подумала, она надъ ними подсмѣялась.

„Изучаютъ тоже!.. А сами точно не могутъ угодить, вотъ такъ же, какъ и я, не хуже другихъ благородныхъ, на койку... а то и въ богадѣльню?“

Приставъ со свитой былъ уже у выхода.

— Такъ во флигель прикажете, ваше высокоблагородіе? — торопливо освѣдомился околоточный и забѣжалъ впередъ.

— Какъ господамъ угодно, — все такъ же невозмутимо добродушно сказалъ приставъ.

Съдой пожевалъ губами: должно-быть, ему уже достаточно было хожденія; но черноватый быстро отвѣтилъ:

— Пойдемте, господа.

И всѣ ушли. Съемщица проводила ихъ въ коридоръ и, тотчасъ же вернувшись, шикнула на тѣхъ, что остались у стола и думали, кажется, продолжать кутежъ.

— Господа, а господа! Довольно похороводили... Еще честь-честью сошло-то. Благодареніе Владычицъ!.. Пора и на боковую...

— Тетенка, одну еще партійку! — запросилъ подгулявшій халатникъ, съ обстриженной головой, малый лѣтъ семнадцати, не больше.

— А у тебя, Гришутка, паспортъ-то гдѣ? — спросила его хозяйка. — Въ какой конторѣ его писали?

— У Яузскаго моста, какъ пойдешь по набережной, первая лѣстница съ фонаремъ, — сострилъ тотъ.

— То-то же. Страха на васъ нѣтъ, оглашенные!.. Огонь потушу...

— Права не имѣешь, тетка! — басомъ откликнулся кто-то изъ-подъ нѣры.

Всѣ разсмѣялись, кто не спалъ.

Однако, увѣщаніе съемщицы подѣйствовало; игроки допили полуштофъ и разбрелись въ разные углы.

Больше никто не явился со двора. Черезъ нѣсколько секундъ всѣ уже спали... Хозяйка заперла дверь на задвижку, долго молилась передъ кіотомъ, раздѣлась и потушила одну лампаду, а дверь въ свою каморку тоже заперла на крючокъ.

Кто посапывалъ, кто бредилъ, кто храпѣлъ; иные лежали какъ мертвыя тѣла: навзничъ и съ открытыми глазами.

Сонъ быстро сталъ овладѣвать и Евсѣевой... Она прикрылась пальто и положила правую руку подъ подушку, какъ дѣлала всегда въ Петербургѣ.

Засыпала она съ болѣе тихимъ чувствомъ. Ею овладѣло полнѣйшее равнодушіе, нежеланіе ни думать о томъ, что будетъ завтра, ни перебирать свою судьбу, ни заниматься тѣмъ, что около нея дѣлается и гдѣ она. Эта душевная дремота была сильнѣе физической истомы, наступившей быстро отъ жары и духоты ночлежнаго помѣщенія. Никакого образа не вышло передъ ней. Только одно сознаніе,—но такое ясное: „мнѣ все равно“.

XIX.

Ее разбудилъ шумъ. Раскрыла она глаза — свѣтъ, такой же, какъ и давича, когда она пришла на ночлегъ. Но не сразу она отдала себѣ отчетъ, гдѣ она.

Вправо отъ нея, вѣроятно, тоже въ углу, суетятся, раздаются глухіе стоны, женскіе стоны...

„Роженица!“—выскочило слово у нея въ головѣ. Сонъ отлетѣлъ. Все такъ стало просто и хорошо, попрежнему... Точно ее разбудили, у нея, на Лиговкѣ, ночью, часу въ третьемъ,—шелъ какъ разъ третій часъ и теперь,—и она въ пять минутъ соберется и бѣжитъ, въ снѣгъ, въ пургу, въ сильный морозъ, въ слякоть,—всегда безъ отказа.

Стоны все сильнѣе. Другой женскій голосъ что-то гуторитъ. Кто-то слѣзаетъ съ койки. Дверь въ каморку хозяйки скрипнула: видно, и та поднялась. Много народу проснулось и зѣваетъ...

Мигомъ надѣла на себя пальто Евсѣева, ловко соскочила на полъ, безъ ботинокъ—она ихъ сняла на ночь—и подбѣжала къ роженицѣ.

Она не ошиблась. Если не нищенка, то бездомная, уже

совсѣмъ почти старуха, въ затасканномъ капотишкѣ, вся черная, кажется, чахоточная... Сильно мучится...

— Экое дѣло!—бормочетъ надъ ней тоже ночлежница, помоложе, крестьянка, здоровая, но совершенно неумѣлая, можетъ-быть, не замужняя.

— Куда вы, сударыня? — остановила Евсѣеву съѣмщица. — Извините... Вотъ какая оказія... И не стыдно: такой вотъ сюрпризъ... Съ кѣмъ ее отправлять въ покой?.. Вамъ почивать помѣшали...

— Ничего, — отвѣтила Евсѣева, скоро, весело, дѣловымъ тономъ и заворачивала уже рукава.

— Да вы, сударыня...

— Я—бабушка; это моихъ рукъ дѣло...

Она не договорила и устремилась къ женщинѣ. Вести ее—если бы и было на чемъ и на что—нечего и думать. Долголѣтняя практика подсказала ей, что черезъ полчаса, много черезъ часъ, все будетъ кончено.

И она начала дѣйствовать. Все сегодняшнее вылетѣло изъ нея. Не сходила ли она временно съ ума? Чтѣ такое она думала, говорила про себя, какъ могла впасть въ такую отчаянность? Вотъ ея дѣло... Вотъ она судьба, вотъ назначеніе, все то же... И здѣсь, и въ ночлежной квартирѣ не ушла она отъ своей звѣзды...

И такая внезапная и могучая радость охватила ее, что она не испытывала ни малѣйшей робости, какъ всегда бывало въ своей практикѣ... Вернулись къ ней шутка, смѣхъ, простое, выносливое, пріятельское отношеніе къ народу, къ своей практикѣ.

— Господа кавалеры, — обратилась она полупомотомъ къ двумъ ночлежникамъ, — вы уступили бы немножко мѣстечка... дамѣ... Случай такой... Безъ него и насъ бы на свѣтѣ не было.

Оба „кавалера“ поняли ея шутку и сошли внизъ, легли подъ нѣру... Нѣсколько женщинъ еще проснулись и стали спускаться.

— Вы, тетеньки, не утруждайтесь понапрасну. Миѣ одной достаточно, да такой, чтобы не боялась...

По комнатѣ прошелъ уже одобрителный гулъ: вотъ барыня—бабушка оказалась, сама, безъ зова. Только самые „отчаянные“ ругались, что не даютъ имъ спать. Съѣмщица морщилась, но постоялки ея всѣ были добрые... Кто-то принесъ полотенце и еще какихъ-то тряпочекъ...

— Хозяюшка, теплой водицы бы... Самоварчикъ развести,—попросила Марья Трофимовна.

— Гдѣ же теперь, сударыня?.. И безъ того такая... пачкотня... для васъ...

— Въ лавкѣ въ чайной взять, — сказать кто-то, — на рынкѣ. Навѣрняка еще не заперли...

Ей еще кто-то пояснилъ, что на Хитровкѣ такіа лавки есть, для горячей воды.

Но у роженицы не было ни полушки. Она ничего не могла и выговорить. Марья Трофимовна боялась — переживетъ ли?

И вдругъ она вспомнила, что вѣдь у нея должна остаться въ карманѣ пальто семитка... У нея было три мѣдных монеты, а не двѣ, тѣ, что она отдала хозяйкѣ.

Сердце ёкнуло у нея, когда рука шарилась въ карманѣ... Вдругъ какъ нѣтъ?

Тутъ!

— Вотъ, хозяйюшка, семитка! — захлебываясь отъ радостнаго чувства, вскричала она.

— Дайте, матушка, я сбѣгаю, — предложила себя баба.

— Смотри, совѣмъ не пронади! — подозрительно замѣтила съемщица.

— Чтой-то ты! Грѣхъ такой возьму я на душу?..

Баба на-скоро одѣлась. Другая ее заступила. Съемщица убралась къ себѣ. Но стоны дѣлались все продолжительнѣе... Еще много народу проснулось. Ворчанье, однако, стихало, когда просыпавшіеся видѣли, что произошло.

Марья Трофимовна вся отдалась своему дѣлу. Только бы благополучно! Только бы остались жить и мать, и ребенокъ! Большой будетъ... И навѣрно мальчикъ...

Ея собственная судьба и обидная доля представились ей какъ и быть слѣдовало. Чего же ей больше? Сколькимъ нужна ея помощь! А пропитаться — пропитается... Какой вздоръ! Здѣсь ли, въ Питерѣ, хоть въ деревнѣ... Да зачѣмъ?.. На одномъ такомъ Хитровомъ рынкѣ и напоить, и накормить, и пригрѣютъ.

Да, она цѣлый день, да и все время въ Москвѣ, и тогда, въ Тушикѣ, подъ грушевымъ деревомъ, была внѣ себя... На нее „находило“...

Ушла Маруся, убѣжала, обманула, сбилась съ пути... Вернется, навѣрно, вернется — больная, можетъ, зараженная. Кто ее пригрѣетъ? Найдется и для бѣглянки уголь, пока есть у нея, у Марьи Трофимовны, голова и руки!

Развѣ она разслабла? Вотъ какъ у нея все спорится. Хоть въ клиникѣ—лучше никто не приметъ.

Припесли воды. Она сбѣгала къ хозяйкѣ и добилась масла.

Та даже удивилась.

— Что же это вамъ, матушка? Вѣдь она потаскушка... Охота!.. Все равно, родить...

Эти слова возмутили ее; но она себя сдержала—нельзя ссориться. Хозяйка—нужный человѣкъ для той, для роженицы.

Начинало чуть-чуть свѣтать, когда все благополучно кончилось.

Мальчикъ, да такой крупный—отъ этакой-то дохлой матери! Нашлось въ чемъ и повить его. Но куда дѣвать?

Мать его такъ ослабѣла, что Марья Трофимовна начала пугаться, стала упрашивать хозяйку—не гнать ея завтра, хоть сутки-другія, общала ей заплатить и за постой, за ѣду.

И ни разу не спросила она себя: да чѣмъ же я заплачу? Ей казалось это такъ просто. Она *непретѣнно* добудетъ все, что нужно. И въ больницѣ мѣсто, коли на то пошло!.. Вѣдь найдется хоть одинъ добрый человѣкъ, ординаторъ. Да и не на улицѣ же умирать этой несчастной... По закону слѣдуетъ.

Но мальчикъ ее особенно беспокоилъ и трогалъ. Въ воспитательный снесутъ. Въ первый разъ ей стало такъ жалко ребенка. Сколькихъ она и сама возила, и всегда жалѣла; а теперь, вотъ, до слезъ жалъ.

— Есть у нея паспортъ?—спросила она съемщицу.

— Есть, да давно просроченъ. Она—я вамъ докладывала—потаскушка...

— Мужъ есть?

— Какой мужъ!.. Съ ней и на Хитровомъ-то никто жить не станетъ... Такъ пригуляла...

Съемщица все больше возмущала ее, но она еще сильнѣе сдерживала себя.

— Куда же она ребенка?

— Извѣстно куда... подкинетъ... а то и до грѣха не долго...

И такая скверная усмѣшка прошла по синеватому, скупому рту съемщицы, что у Марьи Трофимовны сдѣлалось что-то въ родѣ дрожи. Этого младенца, ея повитого и принятаго, ея, нѣкоторымъ родомъ, дѣтище, забросать

на дровяной дворъ или въ помойную яму!.. И несчаст-
ненькую побирушку поймають, судить будутъ, сошлютъ,
а если и оправдають, такъ не спасутъ ребенка... Всѣ-то
одинъ въ немъ какой!.. И крикнулъ какъ славно!..

Она подумала, и, когда мать обернулась къ ней ли-
цомъ, спросила ее:

— Ты, голубчикъ, въ воспитательный дитя-то свезти
хочешь?

Та поглядѣла на нее посоловѣлыми глазами и просто-
нала:

— Куды ище... Не знаю я...

— Да куда же инъ? — окликнула ее съемщица черезъ
всю комнату.

— Я возьму! — вырвалось у Марьи Трофимовны звонко,
радостно.

Всѣ такъ же притихли, какъ и предъ приходомъ по-
лиціи, а это былъ часъ сборовъ.

— Да, да! — говорила Евсѣева, качая ребенка и дѣлая
ему губами смѣшливую мину. — Выкормимъ тебя, бутузъ,
кормилку возьмемъ!

И ее наполнила увѣренность, что все будетъ такъ, какъ
она говоритъ; и вывернется она, напишетъ сейчасъ Пе-
реверзевой.

Какъ она о ней не подумала! Та ее возьметъ къ себѣ
въ помощницы и пришлетъ сюда бѣлую ассигнацію, за-
беретъ она этого „бутуза“, подыщетъ кормилку и станетъ
съ нимъ нянчиться еще сильнѣе, чѣмъ нянчилась съ
Марусей... И Маруся прибѣжитъ... У нея тоже можетъ
быть ребеночекъ, какъ и у этой побирушки... Она и его
приметь, и повивать будетъ, и выведетъ въ люди!..

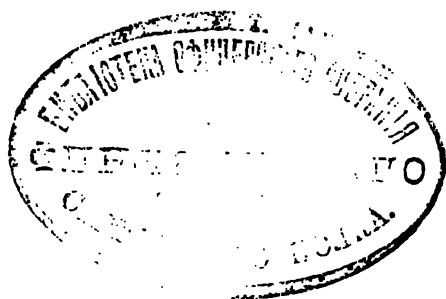
Чего же ей? И такъ пойдетъ до самой смерти, до по-
слѣдняго издыханія...

Утро заглянуло въ окно ночлежной и обволокло свѣт-
лой целеной и бабушку-повитуху, и ея пріемнаго сына.

Оглавление II тома.

	стр.
Безъ мужей. Повѣсть	3
Псарня. Очеркъ	122
Умереть—уснуть... Разсказъ	164
Пристронлся. Повѣсть	199
Безвѣстная. Разсказъ	270

Изданія А. Ф. МАРКСА, СПБ., Малая Морская, 22.

НОВОЕ, 2-ое ИЗДАНИЕ, въ 12-ти ТОМАХЪ,

ПОЛНАГО СОБРАНІЯ СОЧИНЕНІЙ

Н. С. ЛЪСКОВА.

Съ критико-біографическимъ очеркомъ Р. И. Сементковскаго и съ приложеніемъ пяти портретовъ Н. С. Лѣскова и снимка съ его рабочаго кабинета, гравиров. на стали у Ф. А. Брокгауза въ Лейпцигѣ.

Второе изданіе состоитъ изъ двѣнадцати объемистыхъ томовъ, заключающихъ въ себѣ: т. I LVI+516 страницъ, т. II 519 стр., т. III 561 стр., т. IV 513 стр., т. V 609 стр., т. VI 513 стр., т. VII 575 стр., т. VIII 575 стр., т. IX 405 стр., т. X 507 стр., т. XI 469 стр., т. XII 468 стр.—всего LVI+8646 страницъ. Въ эти 12 томовъ вошли всѣ сочиненія Н. О. Лѣскова, помѣщенные какъ въ первыхъ десяти томахъ перваго изданія, такъ и въ двухъ дополнительныхъ XI и XII томахъ, и такимъ образомъ оно явилось первымъ по полнотѣ собраніемъ соч. Н. С. Лѣскова. Изданіе отпечатано очень изящно, на хорошей бумагѣ, красивыми, четкими шрифтами.

Цѣна полному собранію соч. Н. С. Лѣскова въ 12 томахъ 15 р., съ перес. 12 р., а въ переплетѣхъ 20 р., съ пересылкою 23 руб.

Цѣна каждому тому отдѣльно, безъ переплета, 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СТИХОТВОРЕНІЙ

Я. П. ПОЛОНСКАГО.

Новое изданіе въ пяти томахъ,

вновь пересмотрѣнное и очень значительно дополненное, съ приложеніемъ двухъ портретовъ Я. П. Полонскаго (въ юношескомъ возрастѣ и въ послѣднемъ снимкѣ), гравированныхъ на стали Ф. А. Брокгаузомъ въ Лейпцигѣ.

Собраніе стихотвореній Я. П. Полонскаго, вошедшее въ составъ полнаго собранія его сочиненій изданія 1885—86 гг., совершенно распродано и, составляя біографическую рѣдкость, продавалось въ послѣдніе годы по 20 руб. и дороже.

Новое изданіе отпечатано на превосходной бумагѣ красивыми, четкими шрифтами.

Цѣна всѣмъ 5-ти томамъ 6 руб., съ перес. 7 руб. 50 коп.; въ 5-ти роскошныхъ коленкоровыхъ переплетѣхъ 8 руб. 50 коп., съ перес. 10 руб. 50 коп.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА.

Шестое изданіе, вновь пересмотрѣнное и дополненное авторомъ, въ трехъ томахъ, съ автографомъ и портретомъ А. Н. Майкова, гравированными на стали Ф. А. Брокгаузомъ.

Шестое изданіе представляетъ собою самое полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова. Въ это шестое изданіе вошли всѣ произведенія автора, — какъ въ стихахъ, такъ и въ прозѣ, — прежняго 5 изданія 1885 г.; напечатаны всѣ позднѣйшія произведенія автора, печатавшаяся съ 1888 г. до 1893 г. включительно, и, кромѣ того, стихотворенія, еще нигдѣ не напечатанныя.

Шестое изданіе состоитъ изъ 3 большихъ томовъ, 1672 стр., и отпечатано на лучшей бумагѣ красивыми, четкими шрифтами.

Ученнымъ Комитетомъ Министертства Народнаго Пресвѣщенія 6-е изданіе „Полнаго собранія сочиненій“ А. Н. Майкова рекомендовано для фундаментальныхъ и университетскихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдѣли, при выпускахъ, въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ заведеній, окончивающимъ въ оныхъ курсъ.

Цѣна за всѣ три тома 3 руб., съ пересылкою 3 р. 60 к. Въ трехъ роскошныхъ коленкоровыхъ переплетѣхъ 4 р. 50 к., съ пересылкою 5 р. 60 к.

Требованія адресовать: въ контору изданій А. Ф. Маркса, СПБ. Мал. Морская, № 22.